МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Адыгейский государственный университет»

На правах рукописи

ИЛЬИНА Лариса Евгеньевна

ДИАХРОНИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА ПОСТФОЛЬКЛОРНОГО ТЕКСТА

5.9.8 – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Научный консультант:
доктор филологических наук
Павловская Ольга Евгеньевна

Майкоп – 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ..... 4

Глава I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ ДИАХРОНИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ ПОСТФОЛЬКЛОРНОГО ТЕКСТА 22

1.1. Диахрония языка и диахрония речи..... 22

1.2. Смысл слова как единица диахронической семантики..... 31

1.3. Рассеивание смысла – объект изучения лингвистики..... 43

1.4. Рассеивание смысла в тексте 51

Выводы по первой главе..... 64

ГЛАВА II. СЕМАНТИКО-ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОСТФОЛЬКЛОРНОГО ТЕКСТА..... 67

2.1. Ценностное лингвокультурное содержание постфольклорного текста 67

2.2. Классификация постфольклорных текстов на основе 86

2.3. Семантические коды постфольклорных текстов..... 111

2.4. Особенности функционирования постфольклорного текста 122

Выводы по второй главе..... 137

ГЛАВА III. ОСОБЕННОСТИ РАССЕИВАНИЯ СМЫСЛА ПОСТФОЛЬКЛОРНОГО ТЕКСТА..... 140

3.1. Пропозициональная обусловленность рассеивания смысла 140

3.2. Оппозиция как способ изучения рассеивания смысла..... 148

3.3. Энтропия постфольклорного текста 152

3.4. Хронотопный перевод как преодоление рассеивания смысла..... 157

Выводы по третьей главе 172

ГЛАВА IV. СПОСОБЫ И МЕХАНИЗМЫ ИЗУЧЕНИЯ РАССЕИВАНИЯ СМЫСЛА ПОСТФОЛЬКЛОРНОГО ТЕКСТА 174

4.1. Методика лингвистического анализа постфольклорных текстов..... 174

4.2. Этимологический анализ..... 188

4.3. Корпусный и контекстный анализы..... 197

4.4. Психолингвистический эксперимент..... 203

4.5. Лингвокультурное анкетирование 226

4.6. Описание диахронического анализа слов и выражений постфольклорных текстов 235

Выводы по четвертой главе 240

ГЛАВА V. ДИНАМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ХРОНОТОПНОГО ПЕРЕВОДА ПОСТФОЛЬКЛОРНОГО ТЕКСТА 243

5.1. Функционирование динамической модели хронотопного перевода в условных границах одного языка 243

5.2. Сценарии хронотопного перевода в условных границах одного языка (русского) 259

5.3. Функционирование динамической модели хронотопного перевода в условных границах языковых пар 300

5.4. Сценарии хронотопного перевода в условных границах языковых пар 309

Выводы по пятой главе 343

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 346

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК 355

ПРИЛОЖЕНИЕ 403

ВВЕДЕНИЕ

Лингвистические исследования начала XXI века направлены на решение сущностных проблем современности. Изучение диахронической семантики постфольклорного текста отвечает требованиям научного антропоцентрического подхода.

Данное диссертационное исследование посвящено разработке концепции интерпретативно-сопоставительного представления диахронической семантики постфольклорного текста. Детальное изучение и осмысление параметров проектируемой концепции соответствует теоретико-методологическим направлениям научного поиска по структуризации и систематизации оригинальных результатов лингвистических исследований, углублению научного поиска лингвистики и смежных с ней наук, сохранению высокого уровня теоретических и методологических исследований в области теории языка, прикладного языкознания, теории и практики перевода.

Концепция интерпретативно-сопоставительного представления диахронической семантики постфольклорного текста заключается в следующем: развернутое толкование процессов рассеивания смысла (определение типов семантических процессов) постфольклорного текста осуществляется с помощью алгоритма интерпретативно-сопоставительного представления рассеивания смысла в результате семантических, стилистических, культурных потерь и хронотопного перевода как способа их преодоления. Диахроническая семантика постфольклорного текста есть изменение смыслов отдельных слов и выражений постфольклорного текста и текста в целом с течением времени под влиянием различных факторов с неизбежными семантическими, стилистическими и культурными потерями. Постфольклорный текст определен как семантическая система речевых, ментальных образов, изобразительных и тактильных конструкций, поведенческих практик, связанных с явлениями, событиями, сообществами и территориями, созданная на основе определенной системе знаков,

воплощающая смыслы индивидуального восприятия мира и поддающаяся множественным интерпретациям. Смысл слова рассматривается как единица диахронической семантики, динамическое и изменяющееся явление, которое развивается под влиянием временных, пространственных, языковых, культурных и возрастных факторов, изменение (рассеивание (Ж. Деррида)) смысла отражает сложную сеть потенциальных смыслов, расходящихся и перекрещивающихся таким образом, что формулирование и закрепление окончательного определения является невыполнимым. Преодоление неизбежных семантических, стилистических и культурных потерь возможно с помощью хронотопного перевода – каждого нового прочтения и осмысления текста на языке нового времени и/или пространства, в условных границах любого естественного языка или любых языковых пар.

Степень разработанности изучаемой проблемы. Языковые процессы в синхронии и диахронии изучены Н.И. Данилиной (2012), диахронический анализ применен в работе А.В. Сидельцева (2018) и др.; диахронический аспект языковых явлений изучали С.В. Кезина (2010), Е.В. Краснощеков (2020) и др.; современное; коммуникативное пространство современных паремий в модели «текст – смысл – значение» представлено в диссертации Л.А. Джелаловой (2022); лингворкультурный феномен текстов городской среды представлен в работе И.В.Шалиной (2010), текстовое пространство современной песни исследовала Ю.А. Эмер (2011); проблемы ценностей в языковой картине мира изучали В.П. Синячкин (2011), О.В. Томберг (2019), А.В. Таскаева (2022), М.В. Беляков (2022) и др.; отдельные вопросы функционирования лексики и лексических систем представлены в работах А.Н. Трегубова (2012), С.В. Балакина (2018), Л.Н. Верховых (2022), В.К. Приходько (2022) и др.; взаимосвязанное изучение языка и культуры осуществлено О.В. Николаевой (2011), Е.Е. Юрковым (2012), Н.А. Сергиенко (2023) и др.; аспекты системного формирования разговорной среды интернет-коммуникации изучала Л.П. Сон (2023); проблемы перевода с позиций лингвистики рассматривала Е.В. Чистова (2023) и др.

Несмотря на значительный корпус разноплановых исследований, в настоящее время в современной науке остаются неизученными вопросы, имеющие принципиальное значение для исследования диахронической семантики постфольклорного текста, а именно изменения в смыслах речевых единиц, заложенных в отдельных элементах текста и в тексте в целом. Необходимо исследовать то, как семантические значения эволюционируют и претерпевают изменения под влиянием временных, пространственных, культурных, субъязыковых и возрастных факторов. По нашему мнению, это обстоятельство объясняется многообразием, постоянным обновлением и неконтролируемым производством постфольклорных текстов, сложностью их классификации, отсутствием ценностного отношения к постфольклорным текстам носителей языка, необходимостью перевода (пояснения) текста с учетом временных, пространственных, культурных, субъязыковых и возрастных различий.

С учетом обозначенных нерешенных вопросов проектирование интегративной концепции интерпретативно-сопоставительного представления процессов рассеивания смысла постфольклорного текста как следствия семантических, стилистических и культурных потерь и хронотопного перевода как способа преодоления указанных потерь представляется своевременным и оптимальным решением для осмысления диахронической семантики постфольклорного текста.

Актуальность настоящего исследования обусловлена, прежде всего, спецификой материала исследования – мультимодальными лингвистическими и экстралингвистическими особенностями постфольклорных текстов. Интерпретативно-сопоставительное представление процессов рассеивания смысла, заключенного в постфольклорном тексте, объективирует информацию о механизмах деконструкции традиционных смыслов, выражаемых с помощью языковых средств, проявлении новых способов кодирования и декодирования текстов и будет способствовать формированию ценностного отношения к

постфольклору как закономерному этапу эволюции текста эпохи постмодерна.

Мультимодальные особенности постфольклорных текстов позволяют привлечь исследования, посвященные концепции деконструкции (разрушения) смысла – процесса выявления противоречий между смыслом, содержащимся в тексте и тем, что текст выражает, подчиняясь нормам языка-посредника [Деррида, 2007, 2012; Derrida, 1967; Barthes, 1964; Барт, 1989; Serres, 2001; Витгенштейн, 1994; Ильин, 1996; Саничева, 2017; Geeraerts, 2010; Потебня, 1990, 1993; Розанова, 2004; Болдырев, 2001, 2002; Дейк, Кинч, 1988; Макаров, 1991], пространственно-временным характеристикам текста [Ухтомский, 2002; Бахтин, 1975], полисемии прочтения текста и трудностям перевода [Лосев, 1983; Арутюнова, 1988; Церлюкевич, 2009; Андриенко, 2017; Дудик, 2011; Аверкина, 2012; Баганова, 2012; Латышев, 1981; Рецкер, 2010; Гарбовский, 2007; Яковлева, 2008].

Не оспаривая значимости многочисленных и разносторонних исследований постфольклора, характеризующих его философские, исторические, социально-коммуникативные и антропологические особенности [Пропп, 1976; Толстой, 1995; Gennep, 1912; Дандес, 2003; Brunvand, 2002; Морен, 2013; Неклюдов, 2005; Maranda, 1967; Мелетинский, Неклюдов, Новик, 1994; Архипова, 2004; Щуров, 2007; Адоньева, 2018; Левинтон, 1998; Зуева, Кирдан, 2002; Winkel, 2017; Campion-Vincent, Renard, 2002; Renard, 2013; Белова, 2006; Шмелев, 1977; Мелетинский, Неклюдов, Новик, 1994; Лойтер, 2001; Путилов, 1994; Ильин, 1996; Почепцов, 2001; Roberts, 2009; Brunvand, 2002; Дубин, 2022; Лурье, 2000; Зеленин, 1934; Hoppal, 1980; Махов, 2021; Adamzik, 2004; Граматчикова, Хоруженко, 2017], описание диахронической семантики постфольклорного текста мы относим к числу менее изученных вопросов, комплексная разработка которых должна способствовать упрочению диалога между поколениями и культурными сообществами, а также внедрению в современную антропоцентрически ориентированную лингвистику новых моделей изучения процессов

рассеивания смысла как следствия семантических, стилистических и культурных потерь. Кроме того, в современной лингвистике **актуальной** остается проблема применения понятия рассеивания смысла в гуманитарных науках и описания семантических, стилистических, культурных потерь – процессов, в ходе которых первоначальный смысл текста утрачивается или искажается из-за различий в интерпретации; временных, пространственных, культурных, субъязыковых и возрастных различий; различий исходного и конечного тестов, обусловленных несоответствиями языковых систем.

Объектом исследования выступает постфольклорный текст как семантическая система речевых, ментальных образов, изобразительных и тактильных конструкций, поведенческих практик, поддающихся множественным интерпретациям

Предметом исследования является диахроническая семантика постфольклорного текста как актуализация феномена изменения смыслов под влиянием временных, пространственных, культурных, субъязыковых и возрастных факторов.

Материалом исследования явились постфольклорные тексты, собранные автором в процессе поисковой работы, преподавательской деятельности, публичных лекций, частных бесед с респондентами (2014-2024 гг.); материалы частных архивов, а также тексты, широко представленные в лингвистических, лексикографических, краеведческих, лингвострановедческих, научных и научно-популярных печатных источниках и размещенные в свободном доступе в сети Интернет (более 30000 текстовых примеров). Частные беседы проводились среди жителей, студентов и преподавателей высших учебных заведений, учащихся средних профессиональных и общеобразовательных заведений Оренбурга и Оренбургского района. К процессу сбора и первичной обработки текстов привлекались бакалавры и магистранты Оренбургской духовной семинарии (2016-2024) и Оренбургского государственного университета (2014-2022). За эти годы студентами направлений подготовки 45.03.02 Лингвистика и

45.04.02 Лингвистика Оренбургского государственного университета под руководством Ильиной Л.Е. было защищено более 10 выпускных квалификационных работ по исследуемой проблеме, апробация результатов которых проходила на международных и всероссийских научно-практических и научно-методических конференциях. Собранные тексты были классифицированы на основе учета предполагаемого времени их создания: период повсеместного распространения аналоговых данных (до 1970-1990 гг.), период всеобщей компьютеризации (до 2000-2010 гг.), и период всеобщей интернетизации (2010 и по настоящее время).

Постфольклорный текст есть семантическая система речевых, ментальных образов, изобразительных и тактильных конструкций, поведенческих практик, связанных с явлениями, событиями, сообществами и территориями, созданная на основе определенной системы знаков, воплощающая смыслы индивидуального восприятия мира и поддающаяся множественным интерпретациям. Целенаправленное исследование диахронической семантики постфольклорного текста требует комплексного обобщения лингвистических и экстралингвистических характеристик рассеивания смысла и построения интегративной концепции интерпретативно-сопоставительного представления процессов изменения смысла постфольклорного текста, произошедшего в результате семантических, стилистических и культурных потерь и хронотопного перевода как возможного способа преодоления указанных потерь.

Вслед за С.Ю. Неклюдовым, мы выделяем критерии, позволяющие отличить постфольклорный текст от других видов текста: постфольклорный текст создан в период с конца XIX века по настоящее время; постфольклорный текст не является произведением официально санкционированной (элитарной) культуры; постфольклорный текст производится профессионалами «для сбыта», и создается самими носителями постфольклора «для потребления»; постфольклорный текст не призван удовлетворять фундаментальные идеологические потребности населения

(фундаментальные идеологические потребности населения в большей степени удовлетворяют средствами массовой информации, в меньшей степени – кино и другими зрелищами, еще в меньшей – популярной литературой); постфольклорный текст соответствуют социальным, профессиональным, клановым, возрастным расслоением общества; постфольклорные тексты не существуют в виде чистого репертуара текстов или обрядовых действ; тексты разнородны по своему составу и происхождению; имеют различные формы; синкретичны (постфольклор состоит из разнородных элементов, но является целостным явлением); постфольклор (в целом) полицентричен [Неклюдов, URL: https://www.ruthenia.ru/folklore/postfolk.htm.].

В соответствии с разработанной методикой диахронического анализа на основе этимологического, контекстного и корпусного анализов осуществлено определение статуса лексико-семантических вариантов слов и выражений, выявленных в массиве постфольклорных текстов (около 2000 случаев изучаемого явления, отобранных из 1200 текстов), с помощью психолингвистического эксперимента было установлено, как смыслы постфольклорных текстов воспринимаются в текущий момент; анкетирование позволило собрать значимые данные об употреблении слов в разных социальных группах и о степени их закрепления в языке.

Результатом разработки новой интегративной концепции интерпретативно-сопоставительного представления процессов рассеивания смысла постфольклорного текста явилась динамическая модель хронотопного перевода, отражающая преодоление семантических, стилистических, культурных потерь.

Верифицирующая апробация процессов рассеивания смысла постфольклорного текста была осуществлена на основе анализа семантических, стилистических, культурных потерь, выявленных в ходе хронотопного перевода в условных границах одного языка (русского): 1329 случаев изучаемого явления в 1222 текстах; в условных границах

определенных языковых пар – 580 случаев в 513 текстах, из них соответственно: в языковой паре французский – русский – 240 примеров в 218 текстах, в языковой паре русский – французский – 208 случаев в 189 текстах, в языковой паре испанский – русский – 62 случая в 52 текстах; в языковой паре русский – испанский – 50 случаев в 38 текстах и в языковой паре английский – русский – 20 случаев в 16 текстах. В диссертации теоретические положения проиллюстрированы примерами более 200 текстов, из которых извлечены и проанализированы более 250 случаев изучаемого явления. Для проведения верифицирующей апробации процессов рассеивания смысла отбирались исходные тексты объемом от 7-14 слов до 100-180 слов.

Гипотеза исследования. Для преодоления рассеивания смысла слов и выражений постфольклорных текстов при каждом новом прочтении выполняется хронотопный перевод, необходимый даже в рамках одного языка; в условных границах языковых пар сначала выполняется хронотопный перевод исходного текста на языке оригинала, затем – хронотопный перевод на переводящем языке и только потом формулируется окончательный перевод – конечный (целевой) текст на языке перевода. Различные пласты лексики проявляют разную степень рассеивания смысла, минимальным рассеиванием смысла обладают термины; литературная и нейтральная лексика – средней степенью; художественная и поэтическая – высокой. Инвективная (ненормативная) лексика, как и термины, характеризуется однозначностью, стабильностью, системностью и поэтому обладает минимальным рассеиванием смысла. При каждом новом обращении к постфольклорным текстам, содержащим инвективную лексику в рамках одного языка, выполнение хронотопного перевода не требуется.

Цель исследования заключается в разработке концепции интерпретативно-сопоставительного представления диахронической семантики постфольклорного текста.

В соответствии с поставленной целью **задачами исследования** являются:

1. Обосновать теоретические и методологические предпосылки исследования диахронической семантики постфольклорного текста.

2. Конкретизировать понятия диахроническая семантика, смысл, постфольклорный текст.

3. Описать рассеивание смысла как лингвистическое явление и обосновать понятие хронотопного перевода, установить параметры, доступные для их анализа.

4. Определить ценностное лингвокультурное содержание постфольклорного текста как явления социальной действительности, отражающего его нормативную (оценочную) сторону; формировать массив постфольклорных текстов.

5. Системно описать семантические коды и особенности функционирования постфольклорных текстов.

6. Классифицировать постфольклорные тексты, с учетом авторства, образа рассказчика, способов обращения с текстами, формы постфольклорных текстов, использования в их создании и распространении современной цифровой техники, каналов и носителей информации, средств коммуникации.

7. Проанализировать специфику рассеивания смысла и семантики текста ввиду множественности смыслов, порождаемых в процессе функционирования текста.

8. Создать и апробировать методику диахронического анализа постфольклорного текста, включающую изучение статуса лексико-семантических вариантов слова на основе этимологического, корпусного и контекстного анализов слов и выражений, выявленных в массиве постфольклорных текстов, проведение психолингвистического эксперимента.

9. Разработать динамическую модель хронотопного перевода в условных границах одного языка, языковых пар и методики изучения сценариев хронотопного перевода как способа преодоления семантических, стилистических, культурных потерь для одного языка и любых языковых пар.

Теоретико-методологическую базу исследования составляют положения, сформулированные в русле *философии языка* [Бахтин, 1996; Барт, 1989; Витгенштейн, 1994; Гумбольдт, 1984; Лотман, 2002; Фреге, 1997; Фуко, 2004; Эко, 2006, 2019], *теории ценностей* [Ницше, 2007; Кирьякова, 2018; Зенин, Жиров, 2009; Шапинская, 2015; Попова, Бокова, 2012; Погосян, 2019], *лингвоаксиологии* [Мосиенко, 2011, 2014; Ильин, 2005], *теории текста* [Lakoff, Johnson, 2003; Гальперин, 2007; Арнольд, 2019; Пропп, 1976; Барт, 1989; Лотман, 1998; Золян, 2014б], *теории интерпретации* [Бахтин 1996; Пирс, 2009; Моррис, 1982], *диахронии и синхронии* [Соссюр, 2004; Bréal, 1897; Виноградов, 1995; Rosch, 1975; Кубрякова, 1968,; Плунгян, 1998; Блумфилд, 1968; Бодуэн де Куртенэ, 1963; Крушевский, 1998], *диахронической семантики* [Ogden, Richards, 2001; Wundt, 1913; Калимуллина, 2009; Золян, 2014б; Апресян, 2009; Гак, 1972, 1998; Демьянков, 1994, 1999; Падучева, 2018; Ярошенко, 2023], *семантики и прагматики* [Bréal, 1897; Апресян, 2009; Бенвенист, 1974; Виноградов, 1995; Степанов, 1997; Якобсон, 1985; Лурье, 2000; Камчатов, 1998; Арутюнова, 1988,; Матвеева, 2003; Алефиренко, 2018; Вежбицкая, 2011; Падучева, 2018; Пирс, 2009; Моррис, 1982], *исследований энтропии текста* [Эко, 2019; Narashimha, 1994; Левый, 1975; Лотман, 1998; Губайл, 2019; Шелестюк, Щетинкина, 2023; Павловская, 2023; Рогожникова, 2010; Гусаренко, 2021; Олешков, 2005, 2007], *концепции деконструкции и рассеивания смысла* [Деррида, 2007, 2012; Barthes, 1964; Барт, 1989; Serres, 2001; Витгенштейн, 1994; Потебня, 1993; Розанова, 2004; Болдырев, 2002; Дейк, Кинч, 1988], *семиотики* [Степанов, 1997, Барт, 1989; Лотман, 2002], *области словесности, тексты которой не подходят под формальное определение фольклора*

[Пропп, 1976; Толстой, 1995; Gennep, 1912; Мелетинский, Неклюдов, Новик, 1994; Архипова, 2004; Петренко, 2017; Успенский, 2018], *полисемии прочтения текста и теории перевода* [Derrida, 1967; Лосев, 1983; Комиссаров, 2002; Бархударов, 1975; Швейцер, 1988; Федоров, 1983; Церлюкевич, 2009; Павловская, 2021; Андриенко, 2017], *теории речевых актов* [Апресян, 2009; Серль, 1987; Остин, 1987], *теории повседневности* [Лефевр, 2015; Бурдье, 2001; Ионин, 1998; Кнабе, 1989; Лелеко, 2002], *различных аспектах изучения языка в патологии* [Жельвис, 2001; Стернин, 2011; Hymes, 1972; Китаев-Смык, 2021], *психолингвистики* [Rosch, 1975; Потебня, 1990, 1993; Выготский, 2021], *когнитивной лингвистики* [Кибрик, 2003; Lakoff, Johnson, 2003; Дейк, 2015], *социолингвистики* [Виноградов, 1995; Балли, 1965, Мечковская, 2007; Швейцер, 2012; Ларин, 1977] и т. п.

Теоретико-методологические основания диссертации сформулированы с учетом диалектических противоречий между: широким диапазоном лингвистических, лингво- и социокультурологических исследований языковых явлений и сравнительно более узким диапазоном исследований, посвященных развитию языка в патологии; культурной ценностью постфольклорных текстов, широтой их распространения и отсутствием ценностного отношения к ним носителей языка; многочисленностью инвективной лексики, содержащейся в постфольклорных текстах и современной речи, и неосведомленностью носителей языка о заложенных в ней смыслах.

Для снятия указанных противоречий и обоснования исследуемых явлений, конкретизации ряда понятий и установления параметров, доступных для их анализа, применялись общенаучные **теоретические** и **эмпирические методы**; для сбора постфольклорных текстов и первичной систематизации материалов исследования были использованы методы опроса, полевого исследования, метод этносемиометрии; описательные методы (наблюдение, включенное наблюдение, сопоставление, обобщение и классификация); для изучения концепции рассеивания смысла и

множественности прочтений использовались методы критического анализа и интерпретации как ведущие методы лингвистической прагматики, был применен метод диахронического анализа, включающий методы этимологического, корпусного и контекстного анализов; для верификации функционирования постфольклорных текстов и рассеивания их смыслов были проведены психолингвистический эксперимент и анкетирование, для обоснования динамической модели хронотопного перевода применялся метод лингвистического моделирования; для представления результатов апробации процессов рассеивания смысла были использованы методы и приемы математической лингвистики и компьютерной графики, обеспечивающие верификацию результатов проводимых изысканий.

Для интерпретативно-сопоставительного представления процесса рассеивания смысла мы применили метод пропозиций, метод деконструкции и измерение энтропии как меры неопределенности системы.

Положения, выносимые на защиту:

1. Предложенная концепция интерпретативно-сопоставительного представления диахронической семантики постфольклорного текста позволяет установить тип семантических процессов рассеивания смысла постфольклорного текста и характер семантических, стилистических, культурных потерь в ходе хронотопного перевода как способа их преодоления.

2. Рассеивание смысла как лингвистическое явление отражает сложную сеть потенциальных смыслов, расходящихся и перекрещивающихся таким образом, что формулирование и закрепление окончательного определения является невыполнимым.

3. Хронотопный перевод представляет собой процесс осмысления текста на языке нового времени и/или пространства в условных границах любого естественного языка или любых языковых пар.

4. Постфольклорный текст – семантическая система речевых, ментальных образов, изобразительных и тактильных конструкций,

поведенческих практик, связанных явлениями, событиями, сообществами и территориями, созданная на основе определенной системы знаков, воплощающая смыслы индивидуального восприятия мира и поддающаяся множественным интерпретациям.

5. Ценность постфольклорных текстов определяется их семантикой, которая опирается на понимание языка постфольклора как сложного образования, существующего в устной, письменной (традиционной) и сетевой формах, построенного на базе живого разговорного языка, тяготеющего к упрощенным моделям синтаксиса и бытовой (разговорной, сниженной) лексике и сленгу. Существование семантических кодов постфольклорных текстов позволяет отнести постфольклорные тексты к произведениям культуры, обладающим ценностью.

6. Интерпретативно-сопоставительное изучение процесса рассеивания смысла с помощью методов пропозиции, деконструкции, энтропии подтвердило сложность и непрезентабельность его количественного выражения и показало необходимость разработки интегративной концепции представления не только процессов рассеивания смысла постфольклорного текста, произошедших в результате семантических, стилистических, культурных потерь, но и способа их преодоления.

7. В соответствии с универсальными семантическими законами интерпретативно-сопоставительное представление семантического процесса рассеивания смысла постфольклорного текста осуществляется на основе расширения (генерализация) или сужения значения (специализация); смещения (метафорический или метонимический перенос) или сдвига значения; улучшения или ухудшения смысла и возможных контекстных случаев.

8. Хронотопный перевод постфольклорного текста в условных границах одного языка или любых языковых пар осуществляется с неизбежным рассеиванием смысла в результате семантических (утрата смысла слов и смысла текста в целом, особенностей понимания игры слов),

стилистических (изменение выбора лексики, изменение интонации и ритма, непонимание тропов и фигур речи) и культурных потерь (утрата различий в культурных коннотациях, утрата остроты восприятия образов и явлений; несформированность или утрата ценностного отношения к событиям и явлениям).

Теоретическая значимость исследования. Разработанная концепция интерпретативно-сопоставительного представления семантических процессов рассеивания смысла постфольклорного текста с учетом семантических, стилистических и культурных потерь усиливает современную антропоцентрическую научную парадигму, объединяя достижения языковедческих наук: лингвистики, психолингвистики, теории и практики перевода, социо-, антропо- и прагмалингвистики, математической лингвистики для изучения вопросов взаимодействия языка и культуры, языка и общества; усиливает теоретические исследования в таких направлениях как диахрония и синхрония, речь и речевая деятельность, диахрония языка и диахрония речи, теория текста, энтропия языка и энтропия речи; позволяет совершенствовать лингвистические методы исследования.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

– впервые разработана концепция интерпретативно-сопоставительного представления диахронической семантики постфольклорного текста как система представления изменения смыслов, заложенных в отдельных элементах постфольклорного текста и в тексте в целом; развернутое толкование процессов рассеивания смысла постфольклорного текста осуществлено с помощью разработанного алгоритма интерпретативно-сопоставительного представления рассеивания смысла в результате семантических, стилистических, культурных потерь и хронотопного перевода как способа их преодоления.

– дано авторское определение постфольклорного текста как семантической системы речевых, ментальных образов, изобразительных и тактильных конструкций, поведенческих практик, связанных с

определенными явлениями, событиями, сообществами и территориями, созданной на основе определенной системы знаков, воплощающей смыслы индивидуального восприятия мира и поддающейся множественным интерпретациям; при этом установление существования семантических кодов постфольклорных текстов позволяет отнести их к произведениям культуры, обладающим ценностью;

– выявлены факторы, определяющие ценность постфольклорных текстов как явления социальной действительности и их способность отражать нормативную сторону явлений общественного сознания;

– описано понятие смысла как единицы диахронической семантики, развивающейся под влиянием временных, пространственных, языковых, культурных и возрастных факторов, а также изучено явление энтропии (рассеивания смысла) в точных и гуманитарных науках и, в частности, в лингвистике;

– впервые обосновано определение хронотопного перевода как каждого нового обращения к любому тексту, при котором за каждым новым обращением к тексту следует его новое прочтение – перевод на язык нового времени и/или пространства;

– разработана динамическая модель хронотопного перевода в условных границах одного языка и любых языковых пар и установлен алгоритм осуществления хронотопного перевода;

– впервые представлена классификация постфольклорных текстов с учетом авторства, образа рассказчика, способов обращения с текстами, форм постфольклорных текстов, использования современной цифровой техники, средств коммуникации, каналов и носителей информации;

– выявлены особенности диахронической семантики инвективной лексики в постфольклорных текстах с акцентом на развитии языка в патологии.

Практическая значимость исследования заключается в том, что разработанная концепция интерпретативно-сопоставительного

представления диахронической семантики постфольклорного текста может применяться в рамках вузовских курсов общего языкознания, теории лингвистических учений, сравнительно-сопоставительной лингвистки, межкультурной коммуникации, теории и практики перевода, русского языка и культуры речи, при проектировании курсов и учебных программ по изучению взаимодействия языка и общества, языка и культуры. Представленные выводы и результаты послужат повышению интереса к исследованию постфольклорных текстов как знаковых систем, воплощающих смыслы индивидуального восприятия мира и поддающихся множественным интерпретациям с одной стороны, и деструктивному влиянию инвективной лексики, с другой стороны, обсценный стиль которой является лишь поверхностным выражением более серьезных обстоятельств. Вывод о недопустимости использования инвективной лексики будет способствовать развитию культуры дискуссии в обществе в целом, утверждению принципов доминирования логики, фактов и уважительного отношения к различным точкам зрения.

Практическая польза внедрения авторской концепции видится в возможности использования разработанной методики диахронического анализа для комплексного исследования любых массивов текстов, верификации ситуаций и случаев употребления многозначных слов и выражений с помощью этимологического, корпусного и контекстного анализов.

Внедрение авторской динамической модели хронотопного перевода постфольклорного текста, отражающей преодоление семантических, стилистических, культурных потерь, в практику обучения переводу позволит значительно повысить качество подготовки переводчиков и обеспечить более точное и культурно адекватное воспроизведение оригинальных текстов постфольклора на целевом языке.

Степень достоверности исследования и апробация результатов.

Основное содержание работы отражено в **46** публикациях, в том числе в **16** публикациях в рецензируемых научных изданиях, включенных в перечень ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, **1** статья в издании European Proceedings of Social and Behavioural Sciences (WoS, 2020),

Среди публикаций **3** монографии: «Паремии о культуре общения в русском и французском языках», Москва, 2020; «Особенности городских легенд, характеризующие их содержание, бытование и динамику изменений», Оренбург, 2022; «Ценностное лингвокультурное содержание и особенности бытования постфольклорных текстов (на примере семейных преданий)», Москва, 2024.

Основные положения диссертации, ее результаты и материалы были изложены в докладах и сообщениях на международных и всероссийских научных и научно-практических конференциях: «Наука и образование: фундаментальные основы, технологии, инновации» Оренбург» (Оренбург 2010), «Аксиология университетского образования» (Оренбург 2011), «И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика» (Казань 2015), «Языковая норма и речевая практика в Оренбургском регионе» (Оренбург 2016), «Российская наука в современном мире» (Москва 2017), «Наука и инновации в XXI веке: актуальные вопросы, открытия и достижения» (Пенза 2018), «Филологические чтения» (Оренбург, 2019, 2022), «Актуальные проблемы романской филологии» (Минск 2022); республиканских конференций: «Актуальные проблемы речевой культуры будущего специалиста» (Донецк 2020), всероссийских конференций: «Православие и культура славян в Южно-Уральском регионе, посвященной 1150-летию славянской письменности» (Оренбург 2013), «Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры: (Оренбург, 2017), «Образование: вчера, сегодня, завтра» (Оренбург, 2018), «Семья в современном мире: памяти В.Б. Голофаста» (Санкт-Петербург, 2019), «Мир

Евразии: от древности к современности» (Уфа, 2020), «Таинство слова и образа» (Сергиев Посад, 2023), всероссийских конференций с международным участием: «Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры» (Оренбург 2019, 2022), «Стернинские чтения: Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка» (Воронеж, 2024), «Православие в России и за рубежом: богословие, история, культура, межрелигиозный диалог» (Оренбург, 2025).

Структура диссертационного исследования традиционна: работа в соответствии целью и задачами исследования включает введение, пять глав, заключение, библиографический список и приложение. Библиографический список содержит 494 источника.

Глава I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ ДИАХРОНИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ ПОСТФОЛЬКЛОРНОГО ТЕКСТА

1.1. Диахрония языка и диахрония речи

Характерной чертой научных исследований на современном этапе является интеграция научных дисциплин в области человекознания и развитие междисциплинарных связей [Лурия, 1975: 49]. Лингвистика, вступившая на путь интеграции, не может обходиться без философии с ее обоснованием роли языка и речи в познании мира, без психологии с ее экспериментами, без нейропсихологии с ее имитацией интеллекта. Отсюда закономерно появление таких новых интегративных областей знания, как философия языка, лингвопсихология и нейролингвистика.

В современной науке прочно утвердился междисциплинарный подход, итогом которого стало появление целого ряда речеведческих дисциплин, учитывающих достижения лингвистики и сопряженных с ней областей науки. То, что считалось нелингвистической проблемой на одном этапе, становилось таковой на следующем. Этот процесс в целом направлен в сторону снятия априорно постулированных ограничений на занятия такими языковыми феноменами, которые считались ранее формальными, недостаточно наблюдаемыми. Каждый раз снятие очередных ограничений давало новый толчок лингвистической теории, конкретным лингвистическим исследованиям.

Современное понимание функциональных границ лингвистического знания сформулировано в виде постулата: «Все, что имеет отношение к существованию и функционированию языка, входит в компетенцию лингвистики» [Кибрик, 1983: 28]. Язык, по сути своей, ментальная сущность, неразрывно связан с категориями пространства и времени.

В современной лингвистике прочно утвердилась идея о том, что синхрония и диахрония представляют собой временные характеристики языка [Казазаева, 2013: 14].

Синхрония (греч. σύν – совместно и χρόνος – время) и диахрония (греч. δια – через, сквозь) в лингвистике представляют два основных подхода к изучению языка: описание текущего состояния языка в определенный момент времени и изучение исторического развития языка и изменений, которые происходили в нем со временем. Изучение одного из названных подходов неизбежно затрагивает и второй подход. Эффективность языковедческих исследований в целом и описание отдельных языков в значительной степени связаны с исследованиями синхронии и диахронии.

До конца XIX века в лингвистике доминировал интерес к диахроническому анализу, особенно к родству индоевропейских языков. Однако исследования Ф. де Соссюра, отмечавшего, что синхрония статична, а диахрония бессистемна, сместили внимание лингвистов на синхронное изучение языка, т. е. рассмотрение языка как статической системы в определенный момент времени [Философия: энциклопедический словарь, 2004]. Основной тезис Ф. де Соссюра состоял в том, что «в каждый данный момент речевая деятельность предполагает и установившуюся систему, и эволюцию; в любую минуту язык есть и живая деятельность, и продукт прошлого». Тезис о системности языкового знака подчеркивал важность анализа отношений между знаками в текущей системе языка [Соссюр, 2004: 47]. Синхрония представляет собой «ось одновременности, касающуюся отношений между сосуществующими вещами, откуда исключено всякое вмешательство времени», а диахрония – «ось последовательности, на которой никогда нельзя увидеть больше одной вещи зараз и на которой располагаются все явления оси со всеми их изменениями» [Реформатский, 1996: 25].

Структурализм в некоторых вариантах переосмыслил идеи Ф. де Соссюра и отверг использование диахронических данных в

синхроническом анализе. Позднее это абсолютизированное разделение было пересмотрено, и некоторые течения, такие как теория грамматикализации [Майсак, 2007] и модели морфонологии [Трубецкой, 1967], позволили сочетать синхронию и диахронию для более глубокого понимания языка.

Современные исследователи отдают предпочтение диахроническому фактору, а именно вариативности, подчиняющейся регулярным тенденциям, механизмам языковых изменений, диахроническому фактору, которые являются причинно обусловленными движущими и силами объясняют многие явления, происходящие на синхронном уровне [Дронова, 2009; Горнунг, 1960; Заметалина, 2002]. В когнитивистике, начиная с теории прототипов и категориальной семантики, сделан вывод о возможностях семантического развития слова, заложенных в его исходной структуре, и высказано предположение, что система производных значений есть следствие импликаций исходного значения [Rosch, 1975]. Как подчеркивал В.А. Плунгян, диахронический аспект в когнитивной лингвистике приобретает особое значение, более важное, чем синхронический аспект. Диахрония возвращается к принципам лингвистического учения XIX века, утверждая, что для понимания языковых явлений необходим анализ их происхождения, который становится одним из ключевых методов диахронических исследований [Плунгян, 1998].

И.Г. Добродомов, рассматривая проблему разграничения синхронии и диахронии, заложенную в традиционном подходе к лингвистике, склонен противопоставлять синхронный и диахронный анализ по принципам Ф. де Соссюра: «…укрепившаяся в нашем языкознании традиция противопоставления по-соссюровски синхронии и диахронии носит ущербный характер: два этих подхода вместо взаимного дополнения оказались оторванными друг от друга, что обусловлено не столько принципиальными соображениями, сколько недостаточной осведомленностью синхронистов в истории языка и сосредоточенностью историков языка на динамике исторических процессов в далеком прошлом с

редким доведением их до современности, а также невниманием к системному осмыслению современного состояния исторически изменившихся элементов языка и их взаимных отношений» [Добродомов, 2002].

Изменения современной научной парадигмы, смещение научных интересов делают приоритетными задачи объяснения причин появления имеющихся языковых фактов, а не просто их каталогизации [Зализняк, 2001: 15-17].

Исследования языка как текста поддерживаются использованием языковых корпусов, больших коллекций текстов, которые обрабатываются согласно определенным правилам и используются для анализа различных языковых явлений. Национальные корпусы языков представляют собой значимые инструменты для изучения языка как текста. Эти инструменты позволяют лингвистам исследовать узус и вариативность языка на основе реальных текстов [Плунгян, 2018; Ярошенко, 2023].

Синхронию и диахронию можно рассматривать как разные системы измерения. В одной из этих систем мы устанавливаем отношения между соответствующими элементами и, анализируя текст как непосредственную данность, определяем распределение элементов и их функциональную нагрузку по соотносительности вычлененных единиц. В другой системе измерения, сравнивая одну непосредственную данность с другой, мы устанавливаем отношения преемственности или отношения замещения и начинаем судить о языковых элементах в терминах взаимозависимости во временном следовании [Любезнова, Выходцева, 2021: 120].

Оппозиции синхрония-диахрония и язык-речь также плодотворны в философии и социологии, где их развивали Р. Барт [Barthes, 1964], Ж.-П. Сартр [Сартр, 2000] и др.

В лингвистике диахронию определяют как (1) историческое развитие языковой системы как феномена, (2) как предмет исследований языка в процессе его развития на временной оси, (3) как область методологии общей

лингвистики, противопоставляемой методу синхронии (Е.С. Кубрякова) [Лингвистический энциклопедический…, 1990: 136].

Согласно более общей точке зрения, диахрония – это интердисциплинарное, темпорологическое и специальное понятие. Объективно диахрония представляет собой устойчивый инвариантный каркас любой динамики. В теоретико-познавательном плане описание диахронии должно основываться всегда на логических процедурах. Диахрония – рассмотрение развития языковых явлений и языковой системы в целом как предмета лингвистического изучения в исторической перспективе [Разумовский, URL: http://www.chronos.msu.ru/old/TERMS/razumovsky_diakhronia.htm].

Вопрос о том, что является первичным – язык или речь, не имеет однозначного ответа в лингвистике. Возможна точка зрения, что первичной является речь, так как знание языка и знание о языке приобретаются путем наблюдения за речью и через активное общение с другими людьми, тогда как изначальное существование языка как абстрактной системы представляется весьма проблематичным. Язык существует независимо от его носителей, в то время как речь является конкретным проявлением или выражением языка в устной, письменной (далее – и в других) формах. Диахрония языка и диахрония речи являются важными аспектами лингвистических исследований, которые помогают понять процессы и механизмы изменения языка и речи во времени и в пространстве.

Язык – предмет изучения синхронической (статической), а речь – диахронической (эволюционной) лингвистики. Язык как предмет внутренней лингвистики рассматривается «в самом себе и для себя»; связь истории языка с историей народа, изучение литературного языка и диалектов, географического размещения языков и т. п. относятся к внешней лингвистике [Соссюр, 2020].

Знаковая концепция языка сопоставляется с другими средствами передачи информации в природе и обществе. Изучение знаковых систем

позволяет увидеть самые существенные черты в содержании и строении естественных языков, а также пути развития коммуникативных технологий человечества [Мечковская, 2007].

Диахрония языка фокусируется на изменениях, которые происходят в языке со временем, эволюции слов, грамматических конструкций, произношения и других языковых аспектов. Исследования диахронии языка выявляют причины и механизмы этих изменений, а также влияние исторических, социальных и культурных факторов на языковую трансформацию. Для понимания языковых процессов исследования в области диахронии языка рассматривают длительные временные периоды, иногда вплоть до тысячелетий. Один из методов диахронического исследования – реконструкция языков, которая пытается восстановить более ранние формы языка [Виноградов, 1995; Беляевская, 2000].

Диахрония речи исследует изменения в произнесении, интонации, выборе слов, формировании словаря и других аспектах речи отдельных носителей языка. Изменения в речи происходят под влиянием географического распространения языков, политических процессов, индивидуальных факторов и других переменных. Исследователи диахронии речи используют различные методы наблюдения за изменениями в речи с течением времени, такие как включенное наблюдение, интервью, анализ аудиозаписей, рукописей, артефактов.

Диахрония речи более сосредоточена на изменениях в способах, которые люди, в отличие от абстрактных языковых систем, реально используют в общении. В отличие от диахронии языка, диахрония речи может рассматривать более короткие временные периоды, например, изменения в речи за несколько десятилетий или даже лет. В настоящее время исследование диахронии речи включает анализ влияния социальных факторов, таких как возраст, пол и этническая принадлежность, на изменения в речи; изучение корпусов записей речи для наблюдения за использованием и изменением со временем конкретных слов, фраз и других структур.

Традиционно *речь* понимают как *процесс говорения*, именуя *речевой деятельностью* как собственно этот процесс, так и его результат («речевые произведения, фиксируемые памятью или письмом») [Остин, 1987; Серль, 1987; Арутюнова, 1988; Караулов, 2010]. По мнению В.К. Церлюкевича, речевая деятельность аналогична другим видам человеческой деятельности. Для осуществления речевой деятельности используется *язык (инструмент)*, в результате деятельности получается *речь (продукт)*, но сама деятельность и ее продукт суть разные вещи [Церлюкевич, 2009: 50-52].

Основа диахронического анализа – изучение того, как и почему в языках на всех уровнях, включая фонетику, фонологию, морфологию, синтаксис, семантику и лексику, со временем происходят изменения.

Метод диахронического анализа или структурно-диахронный метод является историческим подходом к изучению языка, основанным на рассмотрении исторического процесса как последовательности временных изменений исторической реальности [Жеребило, 2007].

Одним из пионеров в области семантики, изучения значения слов и изменений, которые происходят в значении слов со временем, считается М. Бреаль. Он уделял большое внимание тому, как значения слов меняются в контексте исторического развития языка, исследуя их происхождение, а также факторы, которые способствовали их изменениям. М. Бреаль подчеркивал важность исторического контекста и культурных факторов в развитии языковых значений и использовал диахронический анализ для исследования этих процессов. Его работы оказали значительное влияние на развитие семантики и общего понимания языковых изменений в лингвистике [Bréal, 1897].

И.А. Бодуэн де Куртенэ определил диахронию как процесс эволюции языка, поскольку изучение языка опирается на принцип объективности по отношению к генетическому развитию языка, которое разворачивается во времени. Принцип объективности опирается на следующие доводы:

– язык формируется постепенно в течение многих веков, каждый период вносит что-то новое в развитие языка;

– строй, состав и механизм развития языка в определенное время представляют результаты всего предшествовавшего процесса и условие продолжения развития;

– измерять строй языка в известное время категориями предшествующего или последующего времени нецелесообразно; следует изучить состояние языка в отдельные периоды и только после этого показать, как из строя и состава языка предшествующего времени мог развиться состав последующего [Бодуэн де Куртенэ, 1963: 67-68].

Исследователи рубежа XIX–XX веков либо отрицали существование законов языка, либо сводили их к законам языковых изменений. Н.В. Крушевский сформулировал основной закон развития языка как «закон соответствия мира слов миру мыслей», созвучный идеям активной грамматики Л.В. Щербы и современным подходам к описанию языка «от значения к форме». Н.В. Крушевский уделял большое внимание анализу звукового и морфологического состава языка и наряду с историческими законами выделял «статические законы», определяемые закономерностями человеческой психики [Крушевский, 1998: 104].

Для современного сравнительно-исторического языкознания приоритетной остается внутренняя реконструкция на основе установления относительной хронологии исследуемых языковых фактов. «Внутренняя реконструкция нацелена на вскрытие внутренних связей и отношений между элементами данной языковой системы в ее статике и динамике. Внутренняя реконструкция базируется на принципах историзма и системности как проявлении общенаучного принципа всеобщей связи, а тем самым и принципа причинности. Возрастание интереса к проблемам внутренней реконструкции в современной компаративистике объясняется осознанием того положения, что внутренние связи элементов функционирующей системы важнее внешних» [Виноградов, Гаджиева, Журавлев, 1987: 5].

В настоящее время история языка оказывается более значимой для объяснения функционирования современных языков как на морфологическом и лексическом уровнях, так и на уровне семантики и культуры в целом. Диахрония позволяет поместить язык на культурно-цивилизационный путь его происхождения [Guillaume, 2010].

Синхрония и диахрония в равной мере характеризуются системностью, реконструкция мыслится лишь как восстановление определенной системы (фонологической, фономорфологической, морфологической), в которой отдельные языковые явления выступают как звенья целостной структуры или системы [Макаев, 1960: 145]. Одной из главных задач диахронической лингвистики является вскрытие и показ взаимозависимости и соотносительности всех элементов языковой системы на любом этапе развития языка, включая их праязыковое состояние [Михайлова, 1997: 7-15].

Мы разделяем точку зрения В.В. Виноградова относительно выделения семантического центра слова [Виноградов, 1995: 16-20]. Семантический центр слова составляется из общих для всех значений лексемы семантических признаков и представляет внутреннюю форму исходного значения слова, являясь основой для формирования других значений [Алефиренко, 2018: 126].

Понятие семантического центра существует только в синхронном аспекте, т. е. его можно определить, только рассматривая всю семантическую структуру слова в конкретный момент времени. Анализ различных типов семантических центров и их динамики позволяет сделать вывод об изменении основного значения слова и влиянии этого изменения на перестройку его семантической структуры, изменения основных значений слов влияют на набор и соотношение константных и вариативных характеристик, но они не являются радикальными [Варина, 1976; Дронова, 2013].

Целью диахронического анализа в семантике является весь спектр изменений слова, а также вневременные связи его значений; здесь речь идет

об идентификации мотивации значимой единицы в одноэтапном акте назначения [An Introduction to Language…, 2001]. Установление зависимостей происхождения одного слова от другого также принадлежит предметной области диахронического подхода [Приходько, 2022].

Ввиду поставленных задач становится очевидным, что диахронический подход является не просто инструментом исследования прошлого, но и возможностью правильного понимания настоящего [Носов, 2016].

В соответствии с целью исследования с позиций диахронического подхода мы будем анализировать и сопоставлять постфольклорные тексты разных временных периодов с целью определения тенденций и закономерностей их развития; изучать смыслы, заложенные в текстах на определенном временном отрезке, предполагая, что на этом отрезке смыслы неоднократно качественно меняются.

1.2. Смысл слова как единица диахронической семантики

Изучение смысла связано с его изменчивостью и подверженностью влиянию социокультурного контекста, с анализом языковых знаков, их значений и возможностей интерпретации.

В философии изучение смысла связано с такими категориями, как *значимость* и *ценность*. Проблема смысла рассматривается через призму вопросов о смысле жизни, истине, реальности. Исследование *смысла слова* как *ценности* затрагивает области лингвистики, философии языка, семиотики, когнитивной науки [Соссюр, 2004; Бенвенист, 1974; Витгенштейн, 1994; Барт, 1989; Потебня, 1990, 1993; Выготский, 2021; Лотман, 2002]. Смысл обретается в контексте жизненной ситуации, потребностей, самосохранения и проективной деятельности. *Смысл* содержит компонент как *знания о предмете*, так и *отношения* к нему [Новиков, 1999, 2007].

В логике изучение смысла связано с анализом структуры и содержания аргументов, заключений и рассуждений, разработкой формальных систем для описания и анализа смысла высказываний.

В социологии для изучения смысла привлекается анализ социокультурных контекстов, социальных норм, ценностей, структур и их влияние на интерпретацию и понимание смысла, на смысловые конструкции.

В лингвистике принцип анализа динамики смысла слова, а также рассмотрение его как изменяющегося явления, в первую очередь, противопоставляются концепции синхронизма [Бодуэн де Куртенэ, 1963; Фортунатов, 2019; Соссюр, 2004]. Вместе с тем диахронический лингвистический анализ позволяет исследовать временные и причинно-следственные связи, а также выявить дополнительные значения слова в процессе анализа истории его возникновения и развития, изучать фреймы знаний и процесс понимания речевых актов [Дейк, 2015: 12-15]. D. Geeraerts добавляет социосемантический анализ, дающий социологическую интерпретацию происходящего, и коммуникативный анализ, дающий прагматическую интерпретацию [Geeraerts, 2010: 20]; И.А. Стернин на основе контрастивного анализа разрабатывает понятие национальной специфики слова [Стернин, 2006: 69-75].

Несмотря на многочисленные исследования, смысл остается по-прежнему нераспознанным и неуловимым [Гусев, Тульчинский, 1985: 43].

По мнению А.М. Камчатова, «ошибочно думать, что категория смысла является очевидной и тем более простой, ошибочно думать, что смысл возникает сам собой – из изучения языковой эмпирии. Мы всегда находим только то, что ищем, и если мы видим в фактах тот или иной смысл, то только потому, что осознанно или, чаще, неосознанно пользуемся той или иной теорией смысла» [Камчатов, 1998: 65].

В основе анализа языка на различных уровнях: лексическом, синтаксическом и текстовом, лежит семантика, играя ключевую роль в понимании связи языка и мышления. Прагматика учитывает важность

контекста и намерений говорящих для понимания и интерпретации языка в реальных коммуникативных ситуациях. Различие между семантикой и прагматикой заключается в условном разграничении языковой системы и ее использования. Однако нельзя отделять элемент от его окружения и выполняемых им функций: система либо функционирует, либо умирает. Прагматика, как и семантика, изучает значение, но семантика воссоздает виртуальное состояние, в то время как прагматика – реализацию смысла, сохраняя системные координаты. Семантическое значение принадлежит языковому знаку внутри системы, прагматическое значение связано с функцией его использования в конкретном контексте.

Согласно В.Г. Гаку [Гак, 1972], Н.Н. Болдыреву [Болдырев, 2001: 386-388], С. Анкомбр, О. Дюкро [Anscombre, Ducrot, 1988], Ж. Мешлеру, А. Ребул [Moeschler, Reboul, 1994], семантика и прагматика взаимосвязаны, и семантический компонент значения должен быть дополнен прагматическим. Прагматическое значение, взаимодействуя с семантикой, интегрируется в систему языка. Описание смысла языковых единиц невозможно без учета и семантики, и прагматики.

В результате взаимодействия семантики и прагматики появляются новые языковые единицы. Любое слово может получать окказиональное значение, при этом ситуативное (контекстуальное) значение может наложиться на значение, фиксированное в системе языка. В процессе коммуникации фиксированное значение может затемняться или трансформироваться, а контекстуальное – выдвигаться на передний план. В результате такого процесса появляются прагма-семантические конверсивы – языковые единицы, в которых контекстуальное значение преобладает из-за намеренного или спонтанного замещения семантики прагматическим (субъективным) использованием [Алферов, Бондаренко, 2014: 144-147].

Синтагматический (линейный) и парадигматический (ассоциативный) планы текстов создают собственные системы *значимостей* и соответствуют двум формам умственной деятельности: первый метонимичен, второй

метафоричен [Якобсон, 1985]. В синтагматической последовательности знаков, связанных по смежности, свобода комбинирования единиц возрастает от минимальной до максимальной; постепенно связность синтактическая, все менее и менее жесткая, уступает место связи семантической [Неклюдов, 2005].

С другими областями знаний, такими как когнитивная лингвистика, философия языка и культурология, исследующими знаковые системы и процессы смыслообразования через призму различных способов выражения возможности, необходимости, вероятности в языке и других знаковых системах, тесно связана модальная семиотика [Золян, 2014а, 2014б]. Основные концепты и категории модальности включают декларативную (констатирующую), императивную (побудительную), экспрессивную, потенциальную и другие виды модальности.

Для нашего исследования необходимо уточнить положения концепции «треугольник отнесенности» Ч.К. Огдена и А.А. Ричардса, согласно которой в преломлении к лингвистике, *слово* как минимальная единица языка, способная выражать самостоятельный, значимый фрагмент информации, создает семиотическую ситуацию, представляющую собой сочетание трех величин: *сферы действительности, сферы наименований* и *сферы смыслов* [Ogden, Richards, 2001: 11]. Данная семиотическая ситуация иллюстрирует связь между сферами и позволяет анализировать отношения между лингвистическими единицами (словами, выражениями, текстами) и миром.

Сфера действительности в каждом конкретном случае будет представлена *референтом* (referent, предмет, означаемое). Референт представляет собой реальную сущность или предмет реального мира.

Сфера наименований будет представлена определенным сочетанием звуков (букв) по правилам определенного языка, т. е. *словом* (symbol, знак, означающее).

Сфера значений будет представлена *смыслом* (денотат, мысль). Смысл, это то, что связывает референт и слово. Смысл определяет отношение между

языком и миром, позволяя нам понимать и обозначать в речи предметы, явления, процессы и их свойства.

«Треугольник отнесенности» иллюстрирует, как мы используем слова для передачи смысла, связывая их с реальным миром [Ogden, Richards, 2001]. В описанном ранее семиотическом треугольнике Г. Фреге *предмет – слово – смысл* названы соответственно: *Bedeutung (предмет, референт) – Form (слово, знак, языковая форма – Sinn (смысл, концепт)* [Фреге, 1997: 103].

Соотношение объема и содержания понятия и этимологических значений слов было названо В. фон Гумбольдтом внутренней формой слова, выражающей устоявшееся в языке и в сознании носителей языка воззрение на предмет или явление [Гумбольдт, 1984; Алпатов, 2005; Изюмская, 2014].

Подобно В. фон Гумбольдту, А.А. Потебня рассматривал слово как *свернутую метафору*, как синтез отдельных звуков, которые создают цельное понятие и образ; он исходил из идеи, что одновременно с пониманием слова проявляется его сущность, а звуковая оболочка слова, его аудиальная составляющая, тесно связана со смыслом. Исходной точкой для его размышлений является этимология – глубинное культурно-ментальное восприятие объекта. Особая ценность идеи А.А. Потебни заключается в понимании, что *внутренняя форма слова* отражает не полную суть мысли, не описывает все характеристики предмета, а выделяет только один из множества потенциальных аспектов [Потебня, 1993].

Смысл слова есть соотношение объема и содержания понятия и этимологического значения, выражающее устоявшееся в языке и сознании носителей языка воззрение на предмет или явление. Смысл слова – возникающая в конкретном речевом акте сущность, причем интенции говорящего формируют смысл слова и направляют интерпретацию смысла слушающим [Гумбольдт, 1984; Потебня, 1990, 1993; Алпатов, 2005; Лаврова, 2009; Изюмская, 2014; Флеонова, 2018; Гончарова, 2021].

Смысл слова в контексте изучения изменений значений слов во времени мы будем рассматривать как единицу диахронической семантики,

как динамическое и изменяющееся явление, которое развивается под влиянием множества факторов. Изменения смысла слова фиксируются в этимологических, семантических, лексикографических и социокультурных исследованиях.

Диахроническая семантика языковых единиц обусловлена несколькими факторами. Во-первых, с течением времени меняется образ мышления человека. Развитие науки, технологий и культурных представлений меняет наше понимание мира. Это отражается в языке и приводит к семантическим изменениям. Новые идеи и концепции требуют новых слов и новых значений для уже существующих слов.

Во-вторых, культура и общество постоянно развиваются, и язык является отражением процесса эволюции. Слова и выражения приобретают новые значения, отражающие новые концепции, технологии, мировоззрение и тенденции в обществе. Язык метафоричен и имеет различные способы передачи эмоций, ассоциаций и образов.

В-третьих, языковые единицы получают новые значения в контексте общения людей, смысл слов и выражений может меняться в зависимости от ситуации, общего понимания и договоренностей в рамках определенного сообщества или группы.

В-четвертых, семантика языковых единиц связана с изменением значений слов в сообществах, удаленных друг от друга территориально. Заимствования, входя в принимающий язык, приобретают новые или отличные значения от тех, которые присущи слову в оригинальном языке [Hermann, 1960].

В-пятых, представители разных поколений имеют разное мировоззрение, опыт и образ жизни, что отражается в их словарном запасе и практике использования языка; между поколениями возникают противоречия в интерпретации и понимании определенных слов и выражений.

Значение слова – это его лексическое содержание, фиксированное в языковой системе. Смысл слова возникает в конкретных речевых актах,

завися от контекста и коммуникативных намерений говорящего. Интенции говорящего играют решающую роль в формировании смысла, поскольку они направляют интерпретацию слов и фраз слушающим [Лаврова, 2009; Флеонова, 2018; Гончарова, 2021].

Для Ю.С. Степанова смысл слова был равен понятийной части его значения [См.: Болдырев, 2001], В.В. Иванов определял смысл имени как его концепт [Иванов, 2007]. Для В.А. Звегинцева смысл есть монолитное целостное, образование, которое не делится на составные части [Звегинцев, 1996]. Н.Ф. Алефиренко считает смыслом актуализированное в речи языковое значение в сочетании со всевозможными видами неязыкового содержания [Алефиренко, 2018], по мысли Т.П. Ломтева смысл является набором признаков, с помощью которых выделяется или определяется любой предмет [Ломтев, 1979], смысл для Д.Н. Шмелева есть внеязыковое, предметное содержание [Шмелев, 1977]. В свою очередь А.В. Бондарко, определяет смысл как целостное образование, в котором выделяются минимальные смысловые элементы с установленными структурными связями и отношениями [Бондарко, 2002].

К. Шолье, на основе изучения семантики текстов и их взаимосвязи с семантикой языка и литературы, приходит к выводу, что отношения всех текстов языка и текстов отдельного периода способно показать, как воспринимаются общий семантический фон языка и отдельные языковые значения. Добавляя или удаляя характерные признаки, К. Шолье показывает, как может изменяться общий фон и как отдельные значения могут эволюционировать [Chollier, 2014: 79]. Изменение смысла подвергается деформации, отражая изменения в духовной жизни общества и отдельных личностей [Попова, 2017: 45].

Рассмотрим прагматические определения, представляющие *смысл слова* как *ценность* с позиции человека как субъекта деятельности. В этом случае *смысл* слова становится *значимостью или характеристикой полезности* обозначаемого словом предмета, процесса, факта или явления

для пользователя. Исследования различных аспектов создания смысла и его интерпретации в языке вносят важный вклад в развитие прагматики [Пирс, 2009, Моррис, 1982].

Г.П. Грайс считал, что смысл в разговоре создается не только за счет дословного значения высказываний, но и через подразумеваемые предположения и социальные ожидания [Grice, 1975: 52].

С.А. Васильев выделяет *предметный смысл* (*смысл – ценность*), который применяется не только к предметному миру, но также реализуется на уровне текста, составляя один из его смысловых уровней. Синтез смысла при создании и понимании текста показывает, что ценность является отличной аналогией для определения смысла. Каждый объект обладает ценностью, опираясь на свои материальные свойства, но лишаясь ценности, теряет свой смысл, не отказываясь от своих материальных характеристик. Еще одним аспектом является *текстовый смысл (смысл – сообщение*), представляющий собой замысел автора. Компонентами смысла выступают человеческий опыт в форме знания о данном предмете, жизненные установки человека и индивидуальный опыт. Характеризуя *текстовый смысл*, необходимо отметить, что смысл целого высказывания всегда превосходит сумму значений, образующих его слов. Представленные в тексте слова сами по себе не воссоздают смысла. Смысл текста возникает благодаря использованию невербальных средств в вербальном тексте [Васильев, 1988: 227], семантическое содержание слова формируется под влиянием его роли в сообщении [Арутюнова, 1976: 326].

Положения В. фон Гумбольдта о том, что «материальная и духовная культура воплощается в языке, и что разные языки не есть различные видения одного и того же предмета, но разные видения мира» [Гумбольдт, 1985: 305]; концепции А.А. Потебни относительно сущности слова, возникающей одновременно с его пониманием, но при этом аудиальная составляющая слова сливается с его смыслом, слово становится свернутой метафорой и выделяет только один аспект из множества потенциальных

[Потебня, 1993]; утверждения Э. Рош о формировании смысла повседневных понятий, составленного из характеристик, свойственных их наиболее типичному члену [Rosch, 1975]; мнения В.А. Масловой о языке как опосредующем звене между окружающим миром и человеком [Маслова, 2007: 237-238] позволяют говорить о смыслах индтвидуального воспричтия мира.

А. Мейе считал, что пока слово сохраняет связь с определенной группой лексических образований, смысл слова поддерживается общим значением всех лексических образований группы и характеризуется некоторой устойчивостью; но, если по какой-то причине группа распадается, различные составляющие ее элементы более не поддерживают друг друга и оказываются открытыми различным влияниям, которые часто приводят к изменению их смысла [Мейе, 2019].

В. Вундт считал, что в основе языка, как проявления психической активности, лежит инстинкт самовыражения: стремление к сообщению своих представлений, чувств, аффектов. Язык представляет собой часть обширной сферы *выразительных движений*, включающих мимику, жесты, звуковые сигналы. В. Вундт указывал, что долгое время изменения значений слов было принято рассматривать с исторической, логической, этической и телеологической точек зрения [Wundt, 1913]. В. Вундт называл единственно оправданным психологический подход к семантическим явлениям. По его мнению, все семантические изменения являются *регулярными*, или *единичными*; в основе изменений значений лежат общие законы ассоциативных связей: по сходству, по смежности (пространственной или временной) и по противоположности [Калимуллина, 2009; Рогожникова, 2010].

В.Г. Гак отмечал, что изменение смысла слов происходит по универсальным семантическим законам, однако их перечень является неполным и случайным по составу, поскольку в один ряд поставлены причины семантических сдвигов и сами формы семантических процессов. По

мнению лингвиста, существуют пять основных семантических процессов: синонимическое развитие значений, смещение, энантиосемия (слово имеет несколько значений с противоположными или контрастными смыслами), расширение или сужение (включая ухудшение или улучшение значения), перенос (метафорический или метонимический), соответствующих формальным отношениям логики [Гак, 1972: 144].

Р. Барт рассматривал язык как основополагающий элемент культуры. В своих работах он утверждал, что язык не только отражает мир, но и формирует его. Культура, по Р. Барту, проявляется через системы знаков, в том числе языковые, которые структурируют наш опыт и понимание. В своих трудах он неоднократно обращался к теме языка как универсального инструмента, позволяющего осмысливать, интерпретировать и называть любые явления. Наделение предметов названиями или их включение в определенную знаковую систему трансформирует их из «немых» вещей в носителей смысла. Предметы начинают существовать в культурном и смысловом пространстве только тогда, когда они каким-либо образом осмыслены и описаны. Речь по Р. Барту является временной и контекстуальной, речь есть индивидуальное выражение повседневной коммуникации, обусловленное социальной ситуацией [Барт, 1996].

Важнейшее понятие – письмо, Р. Барт трактовал не только как процесс написания, но и как культурную практику, которая создает новый слой значений. В эссе «Смерть автора» он утверждает, что письмо освобождает текст от власти автора, позволяя читателю интерпретировать его самостоятельно. Особое внимание Р. Барт уделял взаимодействию языка и смысла. В его семиотическом подходе культура понимается как текст, который можно читать и анализировать через систему знаков. Он отмечал, что в любой коммуникации смысл появляется только тогда, когда существует структура, объединяющая знаки и значения [Барт, 1989, 1996].

Б. Рассел в работе «О денотации» (1905) развивает теорию описаний, обосновывая свое видение того, как предложения могут передавать

информацию о реальности. Исследуя возможности влияния слова на сознание масс, Б. Рассел еще в начале XX века писал о специально создаваемых политическими структурами стратегиях, построенных на введении в оборот новых слов, придании прежним словам новых оттенков и смыслов [Цит. по: Розанова, 2004].

С точки зрения языкознания и философии языка основной единицей смысла является *пропозиция* (лат. propositio – суждение), неотделимая от языковых высказываний, но при этом независимая от конкретных формулировок в речи или тексте. В семантике *пропозиция* – «семантический инвариант, общий для всех членов модальной и коммуникативной парадигм предложений и конструкций (номинализаций), производных от предложения» [Вендлер, 1987].

В лингвистике термин *пропозиция* обычно используется для обозначения высказывания или утверждения, выраженного в рамках предложения. Пропозиция представляет собой единицу смысла или концепции, включает в себя идею, утверждение или информацию, и может быть выражена с помощью слова, фразы или предложения. Пропозиция обычно содержит субъект, выраженный существительным или местоимением, и предикат, выраженный глаголом или глагольной группой, которые вместе формируют смысл высказывания. Пропозиции играют важную роль в анализе семантики, синтаксиса и прагматики языка. Изучение пропозиций показывает, как языковые единицы организованы и как они передают смысл.

Мы будем рассматривать *пропозицию* как некоторую целостную единицу, схожую с предложением и речевым актом:

– подобную *предложению*, но не равную ему; определяемую как то, что может использоваться в различных «языковых играх» [Витгенштейн, 1994] или соединяться с различными коммуникативными установками [Вендлер, 1987];

– подобную *речевому акту*, но включающую контекстные подсказки, слова-модификаторы, особый порядок слов, другие интонационные схемы, перформативные глаголы как актуализаторы речи [Найман, 2015: 55-59].

Пропозиция – это не просто утверждение, высказанное в предложении, а абстрактное содержание, идея, которые выражаются разными способами, но сохраняют свой основной смысл. Объем понятия пропозиции ограничен только частью предложения, высказывания или речевого акта, таким образом, что одна пропозиция или соединение ряда пропозиций образует семантическую основу предложения, его глубинную (или смысловую) структуру [Сусов, 2006]. В языке пропозиции находят выражение в грамматических конструкциях, которые кодируют когнитивные процессы. Пропозиция как когнитивная структура независима от конкретного языка, но ее выражение в языке варьируется. Языковые средства (например, порядок слов, грамматические категории) служат для кодирования пропозициональных структур. При построении пропозициональной модели выделяют базовый предикат, агенс, пациенс, а также инструменты, бенефактивы и сирконстанты. [Болдырев, 2002: 37].

Пропозиция представляет концептуальную модель, которая не зависит от конкретной языковой реализации. Сложные смыслы могут быть представлены как комбинация нескольких пропозиций. Пропозиции часто используются внутри фреймов как описания отдельных элементов или событий, что делает эти концепции взаимосвязанными в когнитивной семантике [Дейк, Кинч, 1988: 186]. Фрейм как когнитивная структура служит основой для организации и интерпретации информации. Фреймы обеспечивают понимание текста или высказывания, заполняя пропуски в информации, задают общий контекст, в который вписываются пропозиции, организуя их смысловые связи, фреймы участвуют в деривационных процессах, где новые значения или структуры создаются на основе существующих [Макаров, 1991: 31].

Исследование *смысла слова* как *ценности* затрагивает области лингвистики, философии языка, семиотики и когнитивной лингвистики. Для нашего исследования важно понимание того, что *смысл* обретается в контексте жизненной ситуации, потребностей, самосохранения и проективной деятельности. *Смысл* содержит компонент как *знания о предмете*, так и *отношения* к нему. Изучение изменения смысла с помощью метода пропозициональных моделей мы рассматриваем одним из способов представления процессов рассеивания смысла. В параграфе 3.1 будет представлена практика исследования рассеивания смысла постфольклорного текста на основе метода пропозиций.

1.3. Рассеивание смысла – объект изучения лингвистики

Философским основанием изменения смысла в лингвистике как метафоры постоянного движения, беспорядка и неопределенности существования можно считать идеи Ф. Ницше о хаосе, вечном возвращении и понимания хаотической природы традиционных ценностей [Ницше, 2007: 215-230]. Интерпретация обретения традиционных ценностей через призму рассеивания энергии (смысла) может быть понята как процесс постепенного увеличения беспорядка и неопределенности в социальных и культурных системах. В этом контексте традиционные ценности и нормы представляют собой упорядоченную структуру, которая с течением времени подвергается изменениям и разложению, символизируя естественное стремление систем к более высокому уровню хаоса и разнообразия, что ведет к изменению или отказу от устоявшихся ценностей и взглядов [Серова, 2015]. Метафора постоянного движения, беспорядка и неопределенности подчеркивает динамичность и неизбежность социального и культурного развития.

Для достижения цели нашего исследования необходимо рассмотреть культурное течение – *постмодернизм (постмодерн)*, которое приходит на смену *модерну* во второй половине XX века как новая философская позиция культуры и массового искусства, характерная для данной эпохи

[Постмодернизм…, 2001: 425]. Постмодернистские произведения сочетают различные стили и жанры, создавая гибридные формы, и включают ссылки на другие тексты, культурные продукты или идеи, формируя сложную сеть отношений [Скоропанова, 2001: 9-20], по-новому осмысливаются привычные понятия в тесной связи времени, пространства и индивида [Оже, 1992: 55]. Постмодернизм сомневается в *метанарративах* – больших рассказах, объясняющих такие сложные явления как прогресс, разум, идеи. Постмодернистские тексты часто используют парадокс, иронию и самосознание, чтобы подвергнуть сомнению свои собственные утверждения или структуры. Ж.-Ф. Лиотар утверждал, что в постмодернистском мире метанарративы больше не имеют убедительности и что вместо этого возникают множественные, локализованные и временные *мини-нарративы*. Постмодернизм означает конец эпохи «больших рассказов», заменяя их множеством разрозненных, часто противоречивых нарративов [Лиотар, 1998].

Одной из фундаментальных установок постмодернистской философии явился *ацентризм,* базирующийся на глубокой критике традиционных взглядов на структурированность и отказывающийся признавать наличие особых (как в топологическом, так и в аксиологическом смыслах) точек и осей пространственной и семантической среды [Постмодернизм…, 2001: 51]. Ацентризм находит отражение в идее Л. Витгенштейна о том, что *смысл слова* определяется его использованием [Витгенштейн, 1994: 93]. Хотя слово может использоваться в новом контексте, его фундаментальное значение сохраняется; ни одно из значений не считается доминирующим. Указанная связь между общим основанием лингвистической значимости и значимостью как аксиологической категорией поднимает вопросы лингвоонтологической проблематики в отражении языком окружающего мира. Постмодернизм – это опыт непрерывного знакового обмена и обмена смыслами, взаимных вызовов и перекодировок, которые объясняют постмодернистскую цитатность и интертекстуальность. Постоянное переосмысление значений размывает

различия между *своим* и *чужим* текстом, и любой знак может стать частью смыслового арсенала любого участника.

Постмодерн разработал особый метод анализа – *деконструкцию*. Этот метод разбивает идеи, понятия, тексты на их составляющие, чтобы показать, что они могут быть интерпретированы по-разному [Россман, 2001: 60-64]. В работах Ю. Хабермаса [Хабермас, 2023: 33-35], Д. Белла [Белл, 1999] и З. Баумана [Бауман, 2008], постмодернизм выступает в качестве политического и идеалогического завершения эпохи *неоконсерватизма*. Ученые полагают, что данному научному течению свойственны эстетический эклектизм, фетишизация предметов потребления и т. п. Другая точка зрения (У. Эко) характеризует постмодернизм как ироничное переосмысление уходящей эпохи (в случае У. Эко – модернизма) [Эко, 2006, 2019; Усовская, 2003]. В понимании В. Вельша [Вельш, 2004], Ж.-Ф. Лиотара [Lyotard, 1983: 330-335] постмодернизм является совокупностью всех явлений XX века, основанных на парадигме восприятия мира в качестве хаоса.

Ж. Деррида и М. Фуко критиковали взгляды ведущих теоретиков структурализма Ф. де Соссюра и К. Леви-Стросса [Соссюр, 2004; Леви-Стросс, 2001] и ставили под сомнение традиционные философские, лингвистические подходы и другие значимые социальные теории, особенно марксизм [Деррида, 2007, 2012; Фуко, 2004].

В контексте философской науки концепция деконструкции предполагает, что для полного и точного понимания любого высказывания необходимо вернуть его в исходный контекст, в котором оно возникло, рассмотреть в соответствии с окружающей средой, где оно было сформировано, и анализировать вместе с другими высказываниями того же контекста, уточняя его дискуссионный смысл и цель. «В процессе этого возвращения к источнику высказывание является собой в мгновение… Ни в форме, ни в содержании конкретного высказывания нельзя уловить внутреннее различие между произнесенной фразой и тем молчанием, из которого она проистекает, угасая в моем голосе или на странице, и той же

самой фразой, удерживаемой во внутреннем пространстве – вашем или моем» [Деррида, 2012: 328]. Ж. Деррида в *деконструкции* исследует значения лингвистических концепций *различия*, метафизические предположения Ф. де Соссюра о субъекте и языке, а также приоритетность речи над письмом и сомнительность письменного текста как источника объективности или культуры. Ж. Деррида подчеркивает, что постоянные определения для означаемого неприемлемы, поскольку скрытые и новые значения всегда изменчивы и неуловимы [Цит. по: Ильин, 1996: 41-48]. В своих доказательствах Ж. Деррида опирался на англо-американскую лингвистическую теорию и «семантический анализ», происходящие от Б. Рассела [Цит. по: Эйнштейн, 1967] и Л. Витгенштейна [Витгенштейн, 1994], а также на лингвистические теории речевых актов, опосредованно связанные с феноменологией Э. Гуссерля и М. Хайдеггера [Цит. по: Ильин, 1996: 16, 208].

Метод деконструкции направлен на выявление логоцентризма в текстах путем анализа бинарных оппозиций, где одна сторона преобладает над другой, устанавливая иерархию. Основная идея заключается в разрушении этой иерархии, демонстрируя отсутствие единого первоначала, однако деконструкция не отвергает его сущность, но скорее выявляет его условность, повторяемость и структурность. Существуют два основных подхода к определению смыслового содержания: первый основан на анализе метафизических текстов Запада, а второй – на выявлении *апорий* текста, представленных неразрешимыми противоречиями [Лябин, 2018]. Апории могут быть актуальными для современных контекстов, и не обязательно связанными с историей философии. Деконструкция также обращает внимание на этимологию, сходство значений и неявные метафоры.

Ж. Деррида ставит под сомнение традиционное понимание письма, утверждая, что оно предшествует речи в структурировании смысла, и вводит концепт археписьма, обозначающий фундаментальную форму записи, которая лежит в основе всех знаковых систем. В отношении текста

Ж. Деррида утверждает, что тексты не имеют фиксированного или единственного смысла; смысл возникает в процессе чтения и бесконечных интерпретаций. Письмо и текст в целом становятся ареной, где разрушение устойчивых смыслов приводит к выявлению скрытых структур.

Грамматология в философии постмодернизма и деконструкции представляет собой попытку изучения письма как автономной системы, не сводимой к речи. Грамматология исследует, как знаки взаимодействуют друг с другом, создавая смыслы через различие и следы (фр. traces). Ж. Деррида показал, что письмо и текстуальность лежат в основе всех форм знания и коммуникации. «Самой структуре речи присуще то, что она может быть (или это так кажется) непосредственно ощущаемой в своем источнике. Кажимость не является здесь случайностью. Она относится к самому производству речи. Кажется, что между тем, что я говорю, и тем, что я слышу в качестве своей речи, не возникает никакого зазора, никакого искажения, пусть и зеркального. Немота и глухота образуют пару, и это вполне обоснованно. Поэтому и внутренняя речь, даже не высказываемая, не может быть случайным событием, производящимся время от времени – она составляет само условие речи. Следовательно, голос может выполнить это круговое возвращение начала к самому себе» [Деррида, 2012: 326].

М. Серр, размышляя о науках, их истории и влиянии, рассматривает письмо и мышление как множество проекций, смещений, транспозиций из научной области в литературную; развивает свои размышления о топологии в «*Hominescence*»[1] (М. Серр), указывая, что, «наша среда обитания становится топологией» благодаря Интернету и мобильным телефонам. Послание смешивает голос и письмо, и последнее ставит себя на службу голосу посредством глубокой антропологической мутации. Неологизм «*Hominescence*» призван описать новую эру человека, эру нового

[1] *Hominescence* – неологизм М. Серра, образованный от латинского *homo (человек)* и французского суффикса *–escence* (лат. *-escentia*), обозначающего процесс передачи (изливания) чего-либо (ср.: люминесценция – факт и процесс излучения света). *Hominescence* – излучение (передача) человеческого, человечности.

человечества, которое посредством технологий создает свой новый организм, новое отношение к природе, претерпевая боль и борясь со смертью [Serres, 2001].

Деконструкция превосходит понятия разрушения, отрицания, критики, отмены и противопоставления. Все предыдущие методы, использованные в традиции, деконструкция считает неуместными. Она рассматривает их как спекулятивные действия, которые удовлетворяют внутренним потребностям традиции, но не способствуют пониманию, а скорее «затемняют» захваченный ею феномен. Все действия классической традиции приводят к насильственному установлению границ, принуждению к обобщению и созданию иллюзии единства. «Начало деконструкции, не являющееся случайным решением или абсолютным началом, возникает не в случайном месте и не в полной оторванности. Начало, первый шаг, разрез осуществляется вдоль линий напряжения и разрыва, которые можно локализовать в деконструируемом дискурсе» [Деррида, 2007: 97]. Деконструкция возникает из недр старой метафизики и ее действий. Она функционирует внутри сложной сети связей, которые одновременно укрепляют и разрушают метафизическое единство.

Для постмодернистского наблюдения за изменением ценностного отношения к явлениям и предметам идея *рассеивания смысла* (фр. dissémination) через *различ**а**ние*[2] множественных допущений прочтения текста становится особо значимой характеристикой текста [Derrida, 1967].

Явление *диффузии – рассеивания смысла* (фр. diffusion – диффузия, рассеяние) одним из первых описал А. ван Геннеп, который исследовал современный ему фольклорный материал с целью приблизиться к фактам массовой культуры в их динамике и изучить явление, названное им *психологическими условиями народных обрядов*. Чтобы объяснить

[2] *Différ**a**nce (через а)* – неологизм Ж. Деррида словоформа, выражающая общий корень всех оппозиционных понятий, которые маркируют язык. *Различание* – попытка придать русскоязычному термину облик, подобно тому, как Ж. Деррида образовал термин во французском языке: différ**e**nce/différ**a**nce – различ**е**ние/различ**а**ние.

трансформацию и перемещение фольклорных сюжетов с течением времени, А. ван Геннеп разработал понятие *последовательности преобразования* фольклорных образов [Gennep, 1912].

Ж. Деррида использует термин *рассеивание смысла (dissémination)* для описания процесса, в котором смыслы в тексте распространяются и множатся таким образом, что однозначное и окончательное понимание становится невозможным. Рассеивание подразумевает, что тексты вбирают в себя множество интерпретаций и потенциальных смыслов. Эти смыслы невозможно полностью усвоить или закрепить. Рассеивание смысла явилось противопоставлением традиционному отношению к тексту как носителю стабильного и однозначного смысла.

Различание (différance через а): это ключевое понятие теории деконструкции Ж. Деррида, сочетающее смыл французских глаголов: переходного *différer – откладывать, оттягивать, отсрочивать,* и непереходного *différer – отличаться, иметь иное мнение* [Деррида, URL: https://syg.ma/@noodletranslate/zhak-dierrida-obsuzhdieniie-doklada-razlichaniie]. Наличие у глагола *différer* двух значений, выраженных разными видовыми глаголами, делает объединение двух смыслов в одном толковании достаточно затруднительным. *Различание (différance)* описывает многослойную природу языковых знаков: они отличаются друг от друга и отсылают читателя к другим словам, контекстам, трактовкам. *Различание* подчеркивает: смысл в языке всегда отсрочен и неуловим, так как каждый знак отсылает к другому знаку, а не к первоначальному, фиксированному смыслу.

Совместно *рассеивание* и *различание* отражают идею о том, что *смысл* не является статичным или самодостаточным, а всегда находится в процессе становления, всегда разделен и распределен по множеству путей и текстов.

Объясняя феномен *различания,* исследователи указывает, что материал для изучения и истолкования мы встречаем постоянно, это все знаки и символы вокруг нас, образующие некую инфраструктуру, множественную

внутри себя самой. Восприятие и смысл знака зависит от того, воспринимает ли человек (интроверт, экстраверт, ученый, писатель и т. д.) события в большей мере сознательно либо бессознательно, эмоционально либо рационально, воспринимает ли сознание множественную инфраструктуру в материале восприятия [Круглый стол…, 2004; Саничева, 2017].

Рассеивание смысла – это процесс, в котором смыслы в тексте распространяются и размножаются, приводя к множеству интерпретаций и делая однозначное понимание текста недостижимым. Этот процесс подчеркивает нестабильность и многомерность смысла, отражая идею о том, что тексты содержат внутри себя бесконечную игру смысловых отношений и ссылок. Пристальное внимание к тексту показывает, что он несет в себе сложную сеть потенциальных смыслов, расходящихся и перекрещивающихся таким образом, что окончательное и единственное толкование становится невозможным. Деконструкция как подход, акцентирующий неопределенность и неустойчивость смысла, исходя из предположения, что каждый текст несет бесконечность возможных трактовок и не заключает в себе абсолютный или завершенный смысл.

Концепция рассеивания смысла, разработанная Ж. Деррида, имеет важное значение не только для философии, но и для лингвистики, включая диахронический анализ. Концепция рассеивания смысла подчеркивает идею о том, что смысл языка не ограничивается его лексическим значением, но зависит от структуры языка, его звуковых особенностей и грамматических правил, интерпретация смысла которых также может изменяться со временем. В параграфе 3.2 будет представлено исследование рассеивания смысла постфольклорного текста на основе метода деконструкции.

1.4. Рассеивание смысла в тексте

Соотношение концепции рассеивания смысла и энтропии в лингвистике можно рассмотреть через призму их общего влияния на понимание языка как системы, подверженной изменениям и обладающей степенью неопределенности, через понимание изменчивости смысла в языке на протяжении времени.

Философские изыскания, связанные с деконструкцией и рассеиванием смысла, имеют непосредственное отношение к *энтропии* (др.-греч. ἐν – в + τροπή – возвращение, преобразование) – мере беспорядка или случайности. Вместе с энтропией рассматривают стремление к порядку – *экстропию* или *негэнтропию* (др.-греч. ἐξ – из; лат. neg- (negativus)). Явление энтропии как рассеивание энергии изначально было описано в термодинамике. В математике понятия энтропии было применено А.Н. Колмогоровым для измерения сложности поведения системы. Высокая энтропия указывает на то, что для описания поведения системы требуется больше информации из-за ее сложности или хаотичности. В системах с низкой энтропией поведение системы более предсказуемо и регулярно [Колмогоров, 1964: 15; Успенский, 2002: 629].

Энтропия в теории информации – степень неопределенности или сложности информации [Shannon, 1948; Верещагин, Щепин, 2012]. *Информационная ценность* передаваемого сообщения зависит от степени неожиданности содержания сообщения [Коротаев, 1995: 120-122]. *Информационная энтропия* – это среднее количество информации, содержащейся в передаваемых символах. Сообщение имеет релевантную и максимальную информативность при условии, что все символы равновероятны информации [Ляшевская, Шаров: 2009].

В более широком смысле энтропия может использоваться для понимания сложности систем, будь то природные, социальные или

информационные системы, их развития, адаптации, разрушения под воздействием внутренних и внешних факторов [Пригожин, Стенгерс, 1986].

Энтропия в философии часто используется в более абстрактном и метафорическом смысле, отличающимся от строгого научного определения энтропии в физике и информатике. Энтропия в философии охватывает различные интерпретации и приложения этого понятия в исследованиях гуманитарной сферы, часто на стыке отдельных наук.

М. Серр обращается к понятию энтропии в контексте культурной и исторической эволюции, исследуя, как увеличение энтропии влияет на социальные структуры, знания и культурные процессы, какие трансформации происходят в результате распространения информации и знаний. В работах М. Серра концепция энтропии связана с его интересом к философии науки и социальной теории. М. Серр рассматривает энтропию не только в физическом, но и в метафорическом смысле, указывая, что понимание энтропии как метафоры изменения и беспорядка помогает разобраться в сложных вопросах современности и истории [Серр, 2022].

Энтропия применима для размышлений о моральных и этических аспектах жизни. Увеличение энтропии ассоциируется с потерей порядка и ценностей, что актуализирует проблему поддержания морального и этического порядка в мире, постоянно стремящемся к хаосу [Жебит, 2018: 80].

В социальных системах энтропия отражает психофизическую энергию людей. Рост энтропии означает ухудшение психофизического состояния социума [Политехнический словарь, 1989]. Опираясь на этимологию (энтропия: др.-греч. ἐν – в + τροπή – возвращение, преобразование) А.М. Хадыкин относит культуру и мораль к социальным системам, подверженным энтропии [Хадыкин, 2010].

В экологической философии концепция энтропии применяется для анализа устойчивости и гармонии природных систем; влияния человеческой деятельности на окружающую среду и экологический баланс [Энтропийная

модель…, 2023]. Н. Луман рассматривал энтропию как ключевой фактор в анализе сложных социальных систем для понимания взаимодействий между человеком и природой [Луман, 2007: 107].

Представленные интерпретации энтропии демонстрируют многогранность явления и важность энтропии для понимания физических, и метафизических аспектов реальности. Энтропия служит мостом между строгими научными концепциями и более широкими философскими размышлениями о мире, времени, их изменениях и смысле бытия [Берже, Помо, Видаль, 1991]. Исследования энтропии подтверждают существование естественной тенденции к увеличению беспорядка и непредсказуемости во всех аспектах бытия, что особенно актуально для социальных, политических и экономических систем, где постепенное увеличение беспорядка приводит к кризисам и реформам [Хайтун, 2005].

В гуманитарных науках энтропия рассматривается как символ беспорядка, нестабильности и хаоса в жизни, культуре или обществе. Особенностью изучения энтропии в лингвистике является дихотомия языка и речи, поскольку энтропия языка и энтропия речи – взаимообусловленные и взаимосвязанные, но не совпадающие явления.

Естественный язык, на котором мы общаемся друг с другом, высоко избыточен, а потому надежен [Губайл, 2019]. Подход к оценке энтропии в лингвистике различается в зависимости от конкретной задачи и контекста. Исследователи обычно разрабатывают собственные методы и метрики в соответствии с целями своего исследования. По мнению А. Пуанкаре, энтропия представляет собой «чудовищно абстрактное» понятие, и для его понимания требуется терпение и внимание к деталям, энтропия обладает множеством аспектов и ее научный потенциал еще далек от полного исчерпания [Цит. по: Чепкасов, Михайлова, 2014: 164-167].

Энтропия языка представляет собой количественную характеристику неопределенности, присущую языковой системе. Этот подход связан с анализом распределения вероятностей языковых единиц (слов, символов,

грамматических структур) в тексте. С математической точки зрения энтропия языка (r) определяется как $r = H(M) / N$, где M – сообщение, $H(M)$ – энтропия сообщения, N – длина сообщения.

Согласно К. Шеннону для английского языка эта величина составляет от 1,3 до 2,3 бита на букву. Если в алфавите языка используется L различных букв, то абсолютная энтропия языка (бит на букву) можно вычислить как: $R=log_2L$. Данная величина намного больше фактической энтропии языка, так как английский язык, как и все естественные языки, обладает избыточностью [Цит. по: Шнайер, 2002: 349-355]. Избыточность отличает язык от искусственных информационных систем, которые стремятся избегать повторения данных. В отличие от информационных систем, язык содержит общие данные, которые могут копироваться и передаваться между пользователями, сходно с передачей генетической информации [Некипелова, 2012: 212].

Понятие информации по К. Шеннону – строгая математическая теория, и ее применение за пределами математических систем очень ненадежно. Пока мы говорим о символах (или буквах алфавита), мы вполне можем рассуждать в терминах случайных событий, но как только мы переходим к словам, ситуация резко изменится. Речь – это процесс, особым образом организованный, и здесь структура сообщения не менее важна, чем символы, которыми она передается [Цит. по: Губайл, 2019].

Современные живые языки представляют собой «распределенные базы данных с параллельным доступом», поскольку они принадлежат множеству людей, которые одновременно используют их [Некипелова, Зарифуллина, 2015: 318]. Энтропия как показатель неупорядоченности является источником изменений в языковой системе и составляет ее творческий потенциал [Некипелова, 2013].

Расчет энтропии в лингвистике связан с рядом сложностей, включая необходимость учета многозначности языковых единиц и разнообразия их контекстуального использования. Также возникают проблемы с объемом и

качеством данных, так как для точного анализа требуется большая выборка текстов, репрезентативная для исследуемого языка. Кроме того, сложность модели возрастает при попытке учесть семантические, прагматические и синтаксические аспекты языка. Из-за технической сложности и необходимости доступа к конкретным наборам лингвистических данных не удается предоставить простую универсальную формулу для расчета лингвистической энтропии.

В коммуникативной лингвистике информативность определяется как «текстово-дискурсивная категория, отображающая взаимодействие информационных пространств всех модулей дискурса и обеспечивающая информационный баланс интерактивности отправителя и получателя информации на основе текста [Селиванова, 2002: 209]. Такое широкое толкование требует конкретизации: под модулями дискурса имеются в виду, отправитель и получатель, взаимодействие их информационных пространств обеспечивается текстом; подобным образом создаются условия для интерактивности коммуникантов; информативность рассматривается как категория, связанная с текстом и дискурсом, которая отражает взаимодействие информационных пространств всех участников дискурса [Гусаренко, 2021; Масленникова, 2008].

Энтропия естественного языка стремится к бесконечности, но, поскольку ей противодействует экстропия, превращения языковой системы в хаос не происходит, и энтропия естественного языка никогда не будет равна нулю [Некипелова, 2013].

Учитывая диалектическую взаимосвязь языка с речевой деятельностью, Р. Келлер приходит к выводу, что основной функцией естественного языка является функция воздействия. Основное место среди лингвистических дисциплин Р. Келлер отводит прагматике, поскольку ей свойственен редукционализм, и эта способность прагматики делает ее движущей силой языковых изменений [Keller, 1990].

Энтропия речи характеризует разнообразие лексических и грамматических элементов в устном высказывании, определяя степень его структурной сложности. Высокая энтропия указывает на большую неопределенность и низкую предсказуемость содержания. Низкая энтропия свидетельствует о повторяемости отдельных элементов и предсказуемости речи в целом, часто свойственной ритуальным или формальным текстам (протоколам).

Группа ученых из Нидерландов провела исследование связи энтропии речи с показателями исполнительского контроля у студентов-билингвов в учебных и внеучебных ситуациях. Исследователи предположили, что энтропия, как непрерывная характеристика, охватывает разнообразие использования языка в различных социальных контекстах, от изолированного применения до полностью интегрированного. Более высокая энтропия учебной ситуации требовала более длительного времени для реагирования на команду. Билингвы, имеющие меньшую языковую практику во внеучебных контекстах, прилагали больше усилий, и им требовалось больше времени для выполнения команд, поступающих как на родном (первом), так и на втором языках. Однако ни учебная, ни внеучебная ситуации не были связаны с временными затратами на переключение между языками. В этом исследовании энтропия была применена в качестве индикатора выработки у билингвов устойчивых моделей реагирования на поступающие команды на двух языках [Language Entropy Relates…, 2022].

С.В. Балакин определяет энтропию как количество информации на один языковой символ, выраженный как устно, так и письменно. С точки зрения деривационных процессов энтропией является сворачивание пропозиции. … В русском языке пропозиция принимает более свернутый вид, по сравнению с европейскими языками, вербализующих во многих случаях концептуальные характеристики за счет лексического фонда. Сворачивание пропозиции повышаетэнтропию при многозначности деривата, что увеличивает его Понижение энтропии уменьшает информативность деривата, что может

привести к повышению псевдоинформации, которая преодолевается в тексте за счет контекста [Балакин, 2018].

В работе А.В. Кузнецовой энтропия является величиной, обратной информации. Энтропийные явления могут приводить к искажению информации, если уровень неопределенности слишком высок, что затрудняет ее интерпретацию [Кузнецова, 2012].

А.М. Аматов рассматривает энтропию как показатель вероятностной структуры текста, связывая ее с закономерностями распределения слов и грамматических форм. В его работе подчеркивается, что энтропия языка отражает баланс между предсказуемостью и неожиданностью, необходимый для эффективной коммуникации. Автор выделяет роль энтропии в переводе и адаптации текста, где она служит ориентиром для сохранения смысловой целостности. Аматов также отмечает, что чрезмерное снижение энтропии может приводить к упрощению текста, в то время как ее рост усиливает когнитивную нагрузку. Разработка подобного алгоритма может быть полезной при создании систем машинного перевода. Язык же, в котором одному плану содержания соответствует более одного плана выражения (энтропия отрицательна) всегда будет избыточно упорядоченным [Аматов, 2008: 79].

Н.М. Махов выделяет духовную энтропию – процесс постепенного ослабления, разрушения, утраты духовных и символических значений, которые изначально присутствовали в культурных ритуалах, обрядах и искусствах [Махов, 2021].

Для изучения такого живого, подвижного явления, как постфольклорные тексты, в которых находят отражение все стороны жизни человека, мы рассмотрели явление энтропии в гуманитарных науках и попытаемся охарактеризовать энтропию постфольклорного текста с использованием качественных методов.

Энтропия текста определяется как мера неопределенности его содержания, связанная с объемом информации, содержащейся в данных. Чем

более неопределенны данные, тем больше информации требуется для их описания. Энтропия тесно связана со стохастичностью, которая описывает вероятностные характеристики данных, тогда как энтропия является мерой неопределенности, содержащейся в них [Шелестюк, Щетинкина, 2023: 154-157]. Высокая энтропия текста указывает на то, что текст сложен для понимания, имеет нечеткую структуру, в нем меньше повторяющихся элементов (слов, фраз, синтаксических структур). Такие тексты представляют собой сложные научные труды, поэтические произведения или тексты, содержащие много неоднозначных слов и метафор. Низкая энтропия текста, напротив, свидетельствует о том, что текст является более предсказуемым, структурированным и легким для понимания. Это характерно для повседневной разговорной речи или текстов с четко определенными правилами и структурой.

Энтропия текста измеряется методом вычисления вероятности появления в тексте различных символов, слов или структур. Изучение энтропии текста дает ценную информацию об особенностях языка, стилях письма, а также о сложности и понятности текстов. Понимание энтропии текста полезно для создания эффективных алгоритмов сжатия данных и для разработки методов автоматической обработки текста, таких как машинный перевод и анализ тональности [Ильина, Павловская: 2023д].

Р. Нарасимха исследовала энтропию в тексте пьесы У. Шекспира «Отелло», уделяя внимание таким элементам, как сленг, идиомы и диалектные единицы. Она выделяла энтропию, связанную с этими языковыми особенностями, и анализировала их влияние на общее восприятие текста. Она выделила энтропию, порождаемую фонологическими и психолингвистическими явлениями: ассонансом, аллитерацией, ритмом, метром, звукоподражанием, и описала психолингвистический и социолингвистический типы энтропии как факторы, затрудняющие понимание текста. Фонологическая, психо- и социолингвистическая энтропии отражают неопределенность и хаос в языковой системе.

Фонологическая энтропия характеризуется вариативностью произношения и изменением фонологических систем в условиях языковых контактов. Психолингвистическая энтропия отражает неопределенность в когнитивных процессах, таких как восприятие многозначных слов или контекстуальная неоднозначность, что увеличивает когнитивную нагрузку и вероятность ошибок. Социолингвистическая энтропия связана с языковой вариативностью, обусловленной социальными факторами (возраст, статус, образование). В многоязычных сообществах нестабильность норм языка ведет к росту энтропии [Narashimha, 1994: 30-32].

У. Эко изучал энтропию в контексте семиотики и теории коммуникации, исследуя взаимодействия между текстами, символами, культурой и интерпретацией. Он рассматривал энтропию как метафору для описания процессов потери смысла и порядка в коммуникации и культуре. У. Эко использовал понятие энтропии для анализа того, как информация и смысл искажаются или утрачиваются при переходе от одного контекста к другому. Он подчеркивал, что любая форма коммуникации подвержена «энтропийному» эффекту – процессу, в ходе которого первоначальный смысл сообщения может быть утрачен или искажен из-за различий в интерпретации, культурных различиях или ограничениях языка.

У. Эко обсуждает энтропию в контексте семиотических систем, указывая, что семиотические системы, подобно термодинамическим, стремятся к состоянию максимальной энтропии, что означает увеличение неопределенности и случайности в значении. Знаки и символы становятся все более многозначными, подвергаются различным толкованиям, что делает точную передачу смысла более сложной. У. Эко также применял понятие энтропии к анализу культурных и социальных явлений, утверждая, что в культуре существует непрерывный процесс борьбы между тенденциями к порядку (экстропии) и тенденциями к хаосу (энтропии). Видение энтропии как метафоры для культурного и коммуникативного распада является ключевой идеей в его философии и теоретических работах [Эко, 2019].

Ю.М. Лотман приближает понятие энтропии к лингвистическому пониманию. В художественном тексте информация выражается вербально и невербально, эксплицитно и имплицитно, это усложняет обнаружение авторской интенции и поэтому кодирование текста автором и восприятие текста читателем не всегда совпадают.

Ю.М. Лотман в исследованиях структуры художественного текста разработал уникальный семиотический подход. Он считал искусство системой, аналогичной языку по своей структуре, и утверждал, что любая система, используемая для коммуникации между людьми, может быть рассмотрена как язык. Искусство, в этом контексте, является языком, а художественный или культурный текст – его проявлением. Анализируя языковые тексты и учитывая их структуру, мы можем аналогичным образом подходить к анализу любого художественного текста. Ю.М. Лотман особенно акцентировал внимание на структурном анализе русского быта XVIII и XIX веков, а также на русской литературе XIX века [Лотман, 1998: 19-20].

Структурный анализ художественного текста базируется на сопротивопоставлении повторяющихся, эквивалентных элементов и соседствующих, но неэквивалентных элементов. Эти отношения помогают раскрыть два ключевых конструктивных принципа художественного текста: ритм, который уравнивает то, что не может быть уравнено в обычном языке, и метафору, соединяющую несоединяемое. Ритм здесь ассоциируется со стихотворной формой, а метафора – с прозой. Исходной точкой структурного анализа художественного произведения является понимание, что он обладает способностью «заключать в себе исключительно высоко сконцентрированную информацию». При восприятии текстовой информации и наличии у читателя альтернативных возможностей, связанных с попыткой распознать авторскую интенцию, информативность текста возрастает и увеличивается количество вариантов его интерпретаций [Лотман, 1998: 280-281], а значит, происходит приращение информации.

Ю.М. Лотман применял термин *энтропия* в рамках своей семиотической теории культуры. В его интерпретации энтропия рассматривается как мера сложности, неопределенности или динамичности культурных текстов и процессов генерации текстами новых значений, интерпретации эволюционирования в культурном пространстве. В контексте культуры высокая энтропия указывает на богатство, разнообразие интерпретаций и возможностей, в то время как низкая энтропия – на стереотипность, предсказуемость и жесткую регламентацию [Лотман, 1998: 39-40].

Таким образом, понятие энтропии у Ю.М. Лотмана выходит за рамки первоначального значения энтропии в естественных науках и применяется для анализа культурных явлений и текстов, подчеркивая их динамичность, изменчивость и многообразие интерпретаций.

Для нашего исследования большое значение имеет понимание роли ассоциативного мышления в процессе порождения речи и структурирования текста. Т.М. Рогожникова рассматривает состояния ассоциативных полей в базовом пространстве психических состояний человека и предлагает алгоритм, позволяющий описывать психологическую динамику через изменение энтропии индивидуального ассоциативного поля. Изменение энтропии объясняется с позиции теории информации, где энтропия служит показателем степени неопределенности или разнообразия ассоциаций. Рост энтропии свидетельствует о расширении ассоциативного поля, снижение – об его упорядочении или сужении. Ассоциативный процесс обеспечивает сохранение системой собственной идентичности, но требует при этом определенных осознанных усилий со стороны индивида [Рогожникова, 2010: 50-54]. В исследованиях динамических образований в когнитивно-семантической сфере дискурса уместным и своевременным представляется обращение к вопросам рассредоточения и распада семантических структур в этих динамических образованиях [Павловская, Сахно, 2022: 570-571], т. е. к вопросам энтропии семантических структур.

Наряду с энтропией в контексте текстовых данных исследуется *стохастичность* (др.-греч. στόχος – цель, предположение), которая относится к случайности и неорганизованности элементов текста, что способствует созданию ощущения чего-то нового и непредсказуемого. Стохастичность можно измерить, определив уровень энтропии. В области лингвистики стохастичность и энтропия соотносятся с интегративностью (целостностью и связностью текста) и его информативностью. Тем не менее, стохастичность и энтропия не всегда точно отражают информативность и интегративность текста из-за таких факторов, как читабельность, понимаемость текста и его восприятие как истинного и разумного [Шелестюк, Щетинкина, 2023: 155-156].

Энтропия текста/дискурса обусловлена институциональностью, так как именно институты задают рамки и правила, регулирующие коммуникацию. В научном дискурсе строгие форматы и стандарты помогают минимизировать энтропию, обеспечивая четкость передачи информации. В политическом дискурсе высокая степень неопределенности, выражающаяся в размытости норм или манипуляции фактами, приводит к увеличению энтропии. Институциональная обусловленность проявляется также через различные культурные традиции [Герман, 2000: 66]. «Художественный язык имеет… более высокую избыточность и высшую энтропию, представляющие собой величины, приблизительно обратно пропорциональные» [Левый, 1975: 280-282].

М.Ю. Олешков исследовал уровень энтропии дидактического текста на основе анализа монологического дискурса (речи учителя на уроке). М.Ю. Олешков считал энтропию как показателем сложности и вариативности языковых систем, подчеркивая ее значение для анализа текстов и коммуникативных процессов. В его работах энтропия используется для оценки информационной плотности текста и выявления структурной организации языкового материала. М.Ю. Олешков акцентирует внимание на методологии расчета и интерпретации энтропии в лингвистических

исследованиях. Доказывая, что уровень системной упорядоченности текста выражается через количественный показатель энтропии, М.Ю. Олешков приходит к выводу, что любое состояние системы можно выразить через определенное значение энтропии, поскольку энтропию можно рассматривать как функцию состояния [Основы функциональной лингвистики…, 2006: 146-160].

В своих исследованиях М.Ю. Олешков сравнивал «идеальный» вариант разворачивания коммуникативной ситуации с материальным итогом – зафиксированным текстом. В реальной коммуникации в точках бифуркации меняется направление развития событий, удаляясь от идеального. Каждое «негативное» отклонение увеличивает энтропию. Данный метод позволяет выявить «степень соответствия» реализуемого дискурса запланированной стратегии говорящего. Энтропию предлагается вычислять по формуле:

$$S = \frac{m + N}{V} + N * \frac{(n_2 - n_1 + p)}{V}$$, где

S – энтропия изучаемого текста или фрагмента;
m – общая сумма коммуникативных дефектов;
V – общая сумма пропозиций;
N – сумма точек бифуркации;
n_1 – сумма «позитивных» точек бифуркации;
n_2 – сумма «негативных» точек бифуркации;
p – сумма коммуникативных дефектов [Там же: 154].

М.Ю. Олешков описывает процесс фиксации речи учителя на уроке (учитель объясняет новую тему), анализирует качество речи, зафиксированной как текст, приводит расчеты по указанной формуле и получает результат: показатель энтропии данной речи (данного текста) составляет 1,35; опираясь на свой опыт, он отмечает, что показатель «учительской» речи может достигать 3,0 (высокая энтропия), интерпретация «текста» протекает менее эффективно [Там же: 146-160].

Энтропия текста является важным фактором, который следует учитывать при реализации переводческих стратегий. Адекватное управление энтропией позволяет переводчику уменьшить неопределенность и повысить

когерентность перевода, что способствует более точной и ясной передаче смысла оригинального текста [Андриенко, 2017: 77].

Изучив ряд исследований, посвященных энтропии, и примеры экспериментальных расчетов с формулами для вычисления энтропии, мы пришли к выводу, что данные методы изучения рассеивания смысла не соответствуют задачам нашего исследования. В связи с этим появляется необходимость обоснования принципиально новой концепции интерпретативно-сопоставительного представления процессов рассеивания смысла постфольклорного текста, которая представлена в параграфе 3.4.

Выводы по первой главе

Первая глава посвящена изучению теоретических и методологических предпосылок исследования диахронической семантики постфольклорного текста в историческом контексте и в разрезе современных научных изысканий; рассматриваются диахрония и синхрония как временные характеристики языка, вводится проблема исследования рассеивания смысла, заложенного в отдельных элементах текста и в тексте в целом.

В качестве составляющих теоретико-методологического базиса изучаемой проблемы представлены различные подходы. Сформулирован вывод о наличии общей для всех подходов точки зрения об эволюции смысла на основе социальных, культурных, исторических и других объективных факторов и узкоспециального описания данных факторов в интересах соответствующих научных теорий.

В качестве наиболее продуктивного определен интерпретивно-сопоставительный подход, учитывающий результаты предыдущих научных изысканий и способствующий выработке новых вариантов решения обозначенных проблем.

Представлен обзор синхронического и диахронического подходов в лингвистике, особенности их применения и интеграции в различных научных дисциплинах. Доказана значимость интеграции синхронического и

диахронического анализов, что способствует пониманию механизмов языковых изменений и позволяет проследить связь между ними. Установлено, что язык формируется и поддерживается коллективным договором, что делает его устойчивым и консервативным; в отличие от языка, речь является индивидуальным проявлением, в котором человек использует лингвистические ресурсы по своему усмотрению.

Раскрыта обусловленность диахронической семантики развитием мышления, культурными изменениями, а также различиями между поколениями и территориальными сообществами. Этимология, социальные и культурные контексты играют ключевую роль в понимании и анализе смыслов. Доказано, что культурные и социальные изменения напрямую отражаются в языке; новые концепции и технологии требуют новых слов, а также переосмысления уже существующих.

Предложено определение смысла как единицы диахронической семантики, как подвижного и изменяющегося явления, которое развивается под влиянием различных факторов. Смысл слова возникает в момент речи и завит от контекста и коммуникативных намерений говорящего. Значение есть его лексическое содержание, многократно зафиксированное в языковой системе.

Изучены идеи философии постмодернизма и их отражение в культурных и социальных процессах, показано исчезновение в постмодернизме устойчивых метанарративов. В качестве метода анализа текстов и идей обосновано применение метода деконструкции Ж. Деррида, который позволяет расширить границы изучения языка и письма, выявить скрытые предпосылки и апории, поскольку различные контексты и среды создают разные смыслы, что делает логоцентризм традиционной западной науки устаревшим. Доказано, что в лингвистике и диахроническом анализе концепция рассеивания смысла показывает изменчивость и нестабильность смысла, а также множественность потенциальных интерпретаций текста.

Определено, что в точных и гуманитарных науках энтропия обозначает тенденцию к хаосу и непредсказуемости, что отражается на процессах понимания языка и смысла в коммуникации. Доказано, что естественные языки, обладая высокой избыточностью, характеризуются устойчивостью к ошибкам и обеспечивают передачу смысла даже в условиях помех. Выявлено, что сложные системы знаков склонны к увеличению неопределенности, особенно когда различные культурные или контекстуальные интерпретации приводят к множеству толкований.

Установлено, что в дискурсивных исследованиях энтропия может отражать степень неопределенности и вариативности в использовании языка, связанных с влиянием прагматических факторов, таких как контекст, социальные нормы и индивидуальные особенности. Выявлено, что энтропия не только отражает уровень беспорядка, но и может быть движущей силой изменений, когда системные отклонения приводят к трансформациям в языке. В этом контексте энтропию в языковых системах можно рассматривать как индикатор их творческого потенциала.

Материал первой главы, будучи примененным к анализу постфольклорных текстов, позволил изучить их семантико-типологическую характеристику (вторая глава), через интерпретативно-сопоставительное представление процесса рассеивания смысла обосновать хронотопный перевод как способ преодоления рассеивания смысла (третья глава), используя диагностирующий потенциал интерпретативно-сопоставительного представления процессов рассеивания смысла, обосновать методику и провести диахронический анализ постфольклорных текстов (четвертая глава), разработать и апробировать динамическую модель хронотопного перевода постфольклорного текста в условных границах одного языка и любых языковых пар (пятая глава).

ГЛАВА II. СЕМАНТИКО-ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОСТФОЛЬКЛОРНОГО ТЕКСТА

Рассмотрев в первой главе теоретические и методологические предпосылки исследования диахронической семантики постфольклорного текста, мы определили *смысл* как неисчерпаемую совокупность (в отличие от значения, которое исчерпаемо) всех психических (сознательных) когнитивных процессов, связанных со словом, содержащую как *знания о предмете*, так и *отношения к нему*. Во второй главе нам необходимо охарактеризовать понятие ценности и нормы в лингвистике, представить ценностное лингвокультурное содержание постфольклорных текстов и их способность отражать нормативную (оценочную) сторону явлений общественного сознания, обосновать жанровые разновидности и составить классификацию постфольклорных текстов как реалий окружающего мира, выявить семантические коды постфольклорных текстов, и описать особенности их функционирования.

2.1. Ценностное лингвокультурное содержание постфольклорного текста

Деятельность и речевая активность человека отражается в текстах. *Текст* в гуманитарной культуре XX века рассматривается как универсальный объект, через который осуществляется сохранение, передача и интерпретация культурных наследия. Он является основой для диалога между разными эпохами и культурами, служа ключевым инструментом познания и осмысления мира. В рамках гуманитарных наук текст понимается не только как письменный документ, но и как любое сообщение, структурированное по определенным правилам, включая произведения искусства, ритуалы и повседневные практики [Гальперин, 2007: 67]. Л.Г. Бабенко рассматривает текст как феномен, включающий лингвистические, антрополингвистические, лингвокультурные и когнитивные аспекты, и предлагает уникальный и

многослойный взгляд на текст, исследуя его основные характеристики, атрибуты и свойства. По его мнению, текст – это произведение, которое является воплощением авторской идеи, индивидуального восприятия мира. Уникальная картина мира материализуется в структуре текста через подобранные языковые элементы (которые в свою очередь интерпретируют реальность), и предназначается для читателя, который декодирует текст с учетом своих социально-культурных знаний и умений [Бабенко, 2004: 45].

Текст – это сложное речевое целое, в котором все единицы (слова, предложения, сложные синтаксические единства) связаны между собой общей мыслью и настроением. Отдельно взятые существенные признаки речевого целого (текстовые категории) образуют коммуникативную систему, в которой одни категории выполняют основную роль, другие обусловлены ими и дополняют общую картину [Тураева, 1986: 13; Солганик, 2001: 86-89; Матвеева, 2003: 362].

В поэтике текст не только передает готовую информацию, но и является активным участником порождения новых смыслов. Ю.М. Лотман рассматривал текст как семиотическое пространство, где взаимодействуют различные коды и структуры, создавая новые значения. По его мнению, текст становится «генератором смыслов» благодаря своей способности вступать в диалог с читателем, контекстом и другими текстами, что позволяет интерпретировать его многозначно и открыто [Золян, 2020].

Размышляя о связи текста и смысла, М.М. Бахтин писал, что «человеческий поступок есть потенциальный текст и может быть понят (как человеческий поступок, а не физическое действие) только в диалогическом контексте своего времени (как реплика, как смысловая позиция, как система мотивов)» [Бахтин, 1986: 302-303].

В работе «От произведения к тексту» Р. Барт использует термин *произведение* для описания представления о тексте как завершенном смысловом целом, в то время как *текст* представляет собой сгусток

различных смыслов, который возникает при актах чтения, текст не имеет фиксированного смысла [Барт, 1989: 419].

В нашем исследовании *текст* – семантическая система элементов (графических, звуковых, вещественных, виртуальных) разных уровней, созданная по определенным правилам в координатах определенной модели (картины) мира, воплощающая смыслы индивидуального восприятия мира и поддающаяся множественным интерпретациям [Павловская, Ильина, 2024].

Все многообразие текстов, существующих в различных областях знания и в различных сферах общества на всех языках, составляет *текстосферу* планеты. В хронологической перспективе формирование текстосферы начинается с устных фольклорных текстов [Ильина, Шигаева, 2022а: 106]. Важно понимать, что этот процесс был постепенным и продолжается до настоящего времени. Одним из важных этапов формирования текстосферы было изобретение письменности, с появлением которой люди стали фиксировать свои мысли, знания и опыт. Благодаря развитию книгопечатания, средств массовой информации, технологий коммуникации и интернета формирование текстосферы ускорилось. Сегодня текстосфера представляет собой множество текстов, созданных на разных языках и в различных областях знания, включая литературу, науку, технику, искусство, политику и многие другие. Традиционно для письменного и устного текстов существенным является вопрос о его идентичности, о так называемой канонической форме, исследуемый особой отраслью филологии – текстологией.

Наиболее несистематизированным и быстрорастущим сегментом в текстосфере и являются тексты *постфольклора*, поскольку они имеют устойчивую жанровую форму и повторяемость сюжетов, предрасположенную к тиражированию; содержат символы, образы и метафоры, которые передают представления о мире и накопленные человечеством знания и опыт.

Постфольклор [Фольклор и постфольклор…, URL: http://www.ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/index.htm; Метелинский, Неклюдов, Новик, 1994] или *позднетрадиционный фольклор* [Зуева, Кирдан, 2002] есть совокупность произведений жанров различной направленности, создававшихся в крестьянской, рабочей, солдатской, студенческой средах со времени распада феодальной деревни и начала развития промышленности. По сравнению с классическим (традиционным) фольклором, порожденным патриархальным мировоззрением, для постфольклора характерен менее высокий художественный уровень.

Уточним, что *традиционным фольклором* мы называем совокупность народного устного творчества, отражающую мировоззрение, ценности и культурные традиции определенного народа или общины. Традиционный фольклор создавался в доиндустриальную эпоху и выполнял функции воспитания, передачи знаний, сохранения коллективной памяти и этгтческой принадлежности.

На основе работ С.Ю. Неклюдова мы выделяем критерии, позволяющие отличить постфольклорный текст от других видов текста:

– постфольклорный текст создан в период с конца XIX века по настоящее время;

– постфольклорный текст не является произведением официально санкционированной (элитарной) культуры;

– постфольклорный текст производится профессионалами «для сбыта» и создается самими носителями поятфольклора «для потребления»;

– постфольклорный текст не призван удовлетворять фундаментальные идеологические потребности населения (фундаментальные идеологические потребности населения в большей степени удовлетворяют средствами массовой информации, в меньшей степени – кино и другими зрелищами, еще в меньшей – популярной литературой);

– постфольклорный текст соответствуют социальным, профессиональным, клановым, возрастным расслоениям общества;

– постфольклорные тексты не существуют в виде чистого репертуара текстов или обрядовых действ; разнородны по своему составу и происхождению; имеют различные формы; синкретичны (постфольклор состоит из разнородных элементов, но является целостным явлением); постфольклор (в целом) полицентричен [Неклюдов. URL: https://www.ruthenia.ru/folklore/postfolk.htm].

В XIX веке *постфольклор* представляет собой творчество, возникшее в эпоху массовой культуры и технологий, которое также передается в неофициальной, часто устной, письменной, изобразительной или сетевой формах. В XXI веке постфольклор формируется в среде, где традиционные механизмы передачи знаний заменены цифровыми и медийными платформами, но сохраняет основную функцию отражения коллективного опыта.

Исследования постфольклора касаются различных аспектов его происхождения, структуры, распространения и роли в современном обществе, прежде всего в крупных городах. Глобальный и глокальный (местный) коды города взаимодействуют и взаимодополняют друг друга, формируя комплексное и многослойное городское пространство, которое отражает как общие тенденции глобализации, так и уникальные черты конкретного места [Дубин, 2022: 17].

М.Л. Лурье определил постфольклорный текст как семиотическую систему конструкций и стереотипов, поведенческих практик, которая функционирует в рамках современных социокультурных условий, и как сложную знаковую структуру, отражающую мировоззрение, ценности и нормы современного общества [Лурье, 2000: 417].

Под определение *текст* попадают материальные или виртуальные продукты или артефакты, отражающие особенности постфольклорного

творчества [Христофорова, 1998: 9-10]. Артефакты демонстрируют демократичность участия в создании культурных продуктов.

В нашем исследовании *постфольклорный текст* – семантическая система речевых, ментальных образов, изобразительных и тактильных конструкций, поведенческих практик, связанных с явлениями, событиями, сообществами и территориями, созданная на основе определенной системы знаков, воплощающая смыслы индивидуального восприятия мира и поддающаяся множественным интерпретациям.

Постфольклорные тексты связаны с жизнью, коллективной памятью, эволюцией ценностей и состоянием общества в целом. Произведения постфольклора являются реакцией на социальные проблемы и невысказанные опасения современного общества, особенно в контексте его взаимодействия с массовой культурой и технологическими изменениями [Ильина, 2023а]. Изучение произведений постфольклора обусловлено масштабом их распространения.

Составленная нами классификация (параграф 2.2) включает такие жанры как *мифы, легенды, предания, рассказы «очевидцев», истории из жизни, слухи, сплетни, сценарии, песни и городские романсы, стихи (пародии и переделки), надписи, рисунки, аудио-, видеозаписи и стрим, поздравления, паремии, мемы и демотиваторы, цитаты, анекдоты, частушки, игры, двусмысленные конструкции, заговоры, запреты, а также сборники и альбомы как артефакты постфольклора.*

В постфольклоре отражаются этнические, эстетические, этические представления, философские воззрения, ценности того или иного народа. Постфольклор через описание ценностной картины мира позволяет оценить мир и себя в мире в дихотомии добра и зла. «Единственно человеческий истинный мир есть мир ценностный, кристаллизуемый на стыке − в зазоре оценивания, расщепления бытия на реальное и желаемое, сущее и должное, являющееся и кажущееся» [Ильин, 2005: 4].

В XX веке текст становится объектом новой отрасли языкознания – *транслингвистики (семиотики)*, в которой труды по языкознанию объединяются с трудами, объективирующими все бесконечное разнообразие фольклорных и литературных текстов, а также «словесных» (письменных и устных) текстов, относящихся к сфере массовой коммуникации [Неклюдов, 2005].

В исследовании текстов эпохи постмодерна мы опираемся на *этнолингвистику* как направление в языкознании, изучающее соотношения и связи языка и духовной культуры, языка и народного менталитета, языка и народного творчества; их взаимосвязи с разными видами корреспонденции, и как комплексную лингвистическую дисциплину, предметом которой является *план содержания* культуры, народной психологии и мифологии независимо от способов и форм формального воплощения (слово, предмет, обряд, изображение) [Толстой, 1995; Зенин, Жиров, 2009; Дандес, 2003].

Необходимо отметить важность функционального аспекта связи текста и внетекстовой реальности, т. е. *прагматики.* Например, в традициях архаики многие речевые формулы (прощания, приветствия) имели выраженное мистическое значение, связывая текст с реальными событиями и действиями. Это добавляет дополнительное *семантическое измерение* устному произведению (тексту), где значение текста происходит не только из его содержания, но и из его функции в конкретной обстановке [Неклюдов, 2005]. Анализ устного текста должен учитывать его полный коммуникативный контекст, включая лингвистические, визуальные, социальные и когнитивные аспекты [Hoppal, 1980: 115-116]. Многообразие постфольклорных текстов и их повсеместное распространение позволяют анализировать в контексте парадигматических отношений номинативных единиц (существительных, прилагательных, местоимений и др.) различия и вариативность форм, которые могут быть использованы для обозначения одного и того же объекта или явления, но в разных контекстах или с различными грамматическими характеристиками [Попова, Бокова, 2012: 72-73; Савенкова, 2016: 118].

Такие постфольклорные тексты, как анекдоты, частушки, загадки для передачи определенного смысла, сарказма или иронии строятся на *иносказании, предъявлении завуалированного образа*, что в языковом выражении проявляется через использование образных выражений, метафор [Юрков, 2012]. Обобщающие иносказания получили название *концептуальной метафоры*. Результатом исследования метафоры с точки зрения когнитивной лингвистики явилась разработка «теории концептуальной метафоры» [Lakoff, Johnson, 2003] и «теории концептуальной интеграции» [Fauconnier, Turner, 2006]. Сторонники когнитивизма выделяют *универсальные* (не зависящие от конкретного языка) и *неуниверсальные* когнитивные конструкции, используемые для описания действительности и при интерпретации текста. Языковые явления, «переменные когниции» [Демьянков, 1994: 19] варьируются от языка к языку (морфемы, синтаксические конструкции, прототипы), «переменные когниции» с помощью *универсальных стратегий* их использования участвуют в продуцировании и интерпретации сообщений на конкретном языке [Опарина, 1988: 71].

Концептуальная метафора выражает понимание одной абстрактной или сложной концепции через термины и концепты другой, более знакомой или конкретной области. Концептуальная метафора используется для структурирования и описания сложных абстрактных явлений в терминах более конкретных и понятных [Телия, 1988: 171-172; Ильина, 2024а: 82-83]. Этот тип метафоры связан с практикой восприятия, понимания и описания людьми мира вокруг себя.

В постфольклорных текстах, образы, передаваемые метафорически, говорят не столько об окружающей действительности, сколько о самом человеке, который воспринимает эту действительность. Именно поэтому метафоры представляют научный и практический интерес для изучения рассеивания смысла постфольклорного текста.

В.В. Красных различает *индивидуальное* и *коллективное* когнитивные пространства, определяя *когнитивное пространство* как структурированную совокупность всех знаний и представлений, и связывает это понятие с индивидуальным и коллективным восприятием [Красных, 1998: 41-45].

Методологической перспективой изучения постфольклора является *ценностный (аксиологический) подход*, который фокусируется на исследовании и анализе ценностей, присущих постфольклорным текстам и практикам. В рамках аксиологического подхода постфольклор рассматривается как важный носитель культурных, этических и эстетических смыслов, где ценности могут проявляться в социальных и моральных нормах, коллективных представлениях о ценностях общества, способах изображения и передачи идеалов. В обществе, в котором обесценивается культурная традиция, и идеологические установки которого дискредитируются, проблема ценностей возникает в особенно острой форме [Ильина, 2021б].

Лингвоаксиологическое исследование текстов постфольклора опирается на ряд философских оснований. Аксиология изучает природу, происхождение и классификацию ценностей, а также их роль в жизни человека и общества. Лингвоаксиология направлена на изучение способов выражения ценностей и отношения к ним в языке и речи, которые понимаются сегодня основополагающими характеристиками существования человека и общества. Лингвоаксиология играет важную роль в анализе языковых изменений, культурных трансформаций и межкультурной коммуникации, поскольку ценности являются ключевыми ориентирами в человеческом взаимодействии [Лингвистика и аксиология…, 2011]. Ценности формируются под влиянием культурных, социальных, личностных, психологических факторов, и играют ключевую роль в самоопределении и ориентации личности в окружающем мире [Кирьякова, 2018: 10-15].

Аксиологический подход в исследованиях постфольклора также ценен тем, что он позволяет рассматривать текст не только как культурный

продукт, но и как носитель социально значимых смыслов. Основой аксиологического мышления является понимание ценностей как фундаментальных ориентиров человеческого существования, которые определяют смысл, значимость и направленность действий, мыслей и поступков. Это мышление опирается на категории добра, истины, красоты, справедливости и других универсальных понятий, а также на их конкретные проявления в культуре и обществе. Ключевым аспектом является способность анализировать и оценивать явления с точки зрения их значимости для личности и общества, что включает как рефлексию над собственными ценностями, так и понимание ценностей других людей и культур [Ильина, 2024].

Ориентацию человека в мире ценностей изучали М. Рокич, А.П. Садохин, М.С. Каган, Н.С. Розов, М.И. Бобнева, В.Г. Алексеева [Цит. по: Кирьякова, 2018: 10-15], Л.В. Мосиенко [Мосиенко, 2011, 2014]. Осмысление ценности как философской категории начинается во второй половине XX века, когда анализ причин экономического кризиса выявил проблемы нравственного и морального выбора и влияние субъективного фактора. В нашем исследовании учитывается актуальность научного осмысления феномена чтения в реалиях XXI века, восприятие текстов как искусства слова, и их самостоятельная критическая интерпретации [Ильина, 2019: 245; Павловская, Ильина, 2024: 419-420].

Сравнительный анализ русской и европейской лингвокультур выявляет сходства и различия в восприятии и выражении многих концептуальных понятий. Исследования роли языка в формировании и передаче культурных ценностей свидетельствуют, что язык является инструментом, который отражает и формирует представления о культуре и ценностях [Мосиенко, 2011, 2014].

В работах В.И. Карасика вводится понятие *культурной доминанты* – основополагающего концепта, преобладание которого отмечается в определенной культуре, и который существенно влияет на мировоззрение,

поведение и языковые практики носителей этой культуры. Культурные доминанты являются центрами, вокруг которых формируется системы языка и культуры, они определяют характерные черты и особенности языка и находят свое выражение в языке через лексические единицы, фразеологизмы, метафоры и другие языковые средства [Карасик, 2002: 166-205].

В социолингвистике факт понимания языка исследуется с точки зрения как говорящего, так и слышащего субъектов, т. е. язык рассматривается более как средство декодирования, чем «средство действия и выражения» [Балли, 1955: 197-212].

В социуме складывается система *прочных приобретенных предрасположенностей* или *габитус* (лат. habitus – внешность). Габитус создается средой окружения и является определяющей жизненной позицией, которая задает ценностный вектор движения человека в социуме в течение всей жизни. Несмотря на то, что габитус не является статичным, он оказывает значительное влияние на поведение человека, поскольку формирует вкусы, предпочтения и стратегии поведения на уровне бессознательного [Бурдье, 2001: 160; Бродель, 1993].

В.А. Панченко, на основе работ В. фон Гумбольдта о самобытной этической культуре внутренней формы слова, доказывал, что «в любом языке существует субъективно-национальный или идеоэтнический аспект языка, в котором отражается окружающий мир таким, каким его видят носители данного языка. Именно идеоэтнический аспект позволяет говорить о языке как о мировидении или языковой картине мира» [Панченко, 2010: 397].

Отметим позицию А.Г. Дугина, который рассматривал ценности как «набор человеческих качеств, моральных норм, типов поведения, общественных и политических форм, устоев и обычаев, единодушно признаваемых большинством общества в качестве безусловно положительных, достойных уважения и признания. Обладание этими ценностями и соответствие им служат основой для социального уважения,

престижа, авторитета. При формировании иерархической системы ценностей общество выражает только собственные нормы...» [Дугин, 2007: 110].

А.А. Ивин предлагает несколько подходов к пониманию ценностей, включая натуралистический психологизм, трансцендентализм, персоналистический онтологизм и культурно-исторический релятивизм. Каждый из этих подходов предлагает свой взгляд на природу и источники ценностей [Философия: энциклопедический словарь, 2004: 70].

Р. Перри определяет ценность как отношение между субъектом и объектом, при котором объект удовлетворяет потребности или желания субъекта. Хотя ценности субъективны, Р. Перри считает, что можно говорить об относительной объективности ценностей, когда среди людей есть широкое согласие о важности тех или иных вещей [Perry, 1954].

Категория ценности является неотъемлемой частью смыслового пространства языка, играя важную роль в процессе коммуникации и взаимодействия между людьми. Ценность выступает способом объективации смыслового пространства языка, делая абстрактные понятия более конкретными. Объективация подразумевает процесс придания смыслам определенности и конкретности через использование языковых средств, включая лексические, синтаксические и прагматические элементы.

Е.Ф. Серебрянникова разрабатывает сложный и многослойный подход к изучению взаимосвязи языка и культуры в выражении и передаче ценностей – этносемиометрию. Данный подход основан на изучении слов, фраз, идиом и выражений, которые несут в себе определенные ценностные смыслы, и сравнении способностей разных языков выражать схожие ценности в различных культурных контекстах. Этносемиометрия использует полевые исследования и этнографические методы для сбора данных о языковых практиках и их ценностных значениях [Лингвистика и аксиология…, 2011].

П. Рикер рассматривал концепцию ценностей через призму герменевтики и подчеркивал, что ценности не являются объективными и

неизменными, но зависят от различных интерпретаций, которые могут возникать в разных культурных, исторических и личных контекстах. Конфликт интерпретаций неизбежен, поскольку разные люди и группы по-разному воспринимают одни и те же ценности, поэтому целесообразно использовать этот конфликт как способ углубления понимания и диалога [Рикер, 1996: 28-33].

Лингвистическое понимание ценности также включает в себя динамику изменения ценностных ориентиров, выражение через язык и речь изменений в ценностных системах общества, интеграцию новых ценностей и вытеснение устаревших [Виноградов, 2007; Попова, Бокова, 2012]. Для С.Н. Виноградова категория ценности представляет собой некое идеальное образование, своеобразную проекцию значительности (значимости) или важности предметов и явлений окружающего мира для человека и общества, которые проявляются в деятельности людей [Виноградов, 2007: 95].

Исследования K.G. Roberts, посвященные процессам коммуникации в фольклоре, свидетельствуют о взаимовлиянии теории коммуникации и фольклора, продолжении диалога между данными научными дисциплинами и перспективности их совместных изысканий [Roberts,2009: 133].

Понятие ценности связано с определением *нормы* и *отклонением* от нее. Оценивание определяется как семантическая категория, выражающая отношение субъекта к объекту, основанное на системе ценностей и норм. Оценивание может быть положительным, отрицательным или нейтральным, для его выражения используются различные языковые средства.

Языковая норма обеспечивает историческую преемственность функционирования языка, но не исключает возможной вариативности языковых явлений и некоторой изменчивости языка, вызванной историческим процессом. Норма, с одной стороны, сохраняет речевые традиции, с другой стороны, отвечает запросам общества в плане удовлетворения меняющихся потребностей речевого общения. Модификации, зафиксированные в словаре, составляют варианты языковой

нормы; наличие нескольких способов выражения одного и того же содержания рассматривается как различие нормативного и стилистического планов содержания, т. е. как вариативность нормы. Возможность использования того или иного варианта определяется только с учетом контекста.

Оценочные высказывания выполняют различные коммуникативные функции. Один и тот же оценочный элемент может иметь разные прагматические эффекты в зависимости от ситуации, отношений между говорящими, культурных норм. Прагматика оценки включает интонационные и невербальные компоненты, которые усиливают или изменяют оценочное значение высказывания. Оценочные высказывания могут использоваться для манипуляции восприятием и поведением адресата. Прагматический аспект оценки является неотъемлемой частью функциональной семантики оценочных высказываний [Вольф, 2002].

Для различных социальных групп характерны специфические ценностные ориентации: самовыражение и стремление к индивидуальности, протест против общепринятых норм и ценностей, сплоченность и чувство принадлежности к группе, новаторство и креативность, получение удовольствий. Ценности социальных групп и субкультур находятся в сложных и динамичных отношениях с общепринятыми социальными нормами и культурными стандартами, могут противостоять им, интегрироваться, влиять на их изменение [Мосиенко, 2011; Рыбакова, Полищук, 2018].

Специфические ценностные ориентации социальных групп формируют определенный набор слов и тем, которые считаются запрещенными или нежелательными в определенном культурном контексте. Запрещенные или нежелательные слова и темы выполняет функцию регулирования поведения, поддержания социальных норм и отражают ценностные ориентации и моральные установки общества. В рамках когнитивной лингвистики запрещенные или нежелательные слова и темы рассматриваются как часть

концептуальной системы языка. Табуированные понятия оказывают влияние на когнитивные процессы, формируя представления о допустимом и недопустимом, и когнитивные механизмы, лежащие в основе формирования и поддержания табу в языке [Погосян, 2019: 195-200].

Единицы речи обладают оценочной функцией, когда они передают отношение говорящего к действиям или процессам, обозначаемым данными единицами. Передаваемое отношение может включать позитивную или негативную оценку, выражение эмоций или субъективного мнения. Таким образом, оценочные характеристики единиц речи влияют на восприятие информации слушателем, добавляя к описанию действий элемент субъективного суждения [Манаенко, 2017].

А. Дандес, анализируя работы по теории фольклора, писал о регрессивном характере отклонения в силу распространенного убеждения, что старейшая, исходная версия фольклорного текста является лучшей, наиболее полной и законченной [Дандес, 2003: 60; Ильина, Шигаева, 2022а].

Тексты постфольклора обладают способностью отражать нормативную (оценочную) сторону явлений общественного сознания посредством формирования и выражения оценок, норм и стандартов поведения, принятых в обществе. Нормативная (оценочная) сторона явлений включает в себя моральные, этические, культурные и социальные нормы, которые определяют, что считается правильным или неправильным, допустимым или недопустимым, хорошим или плохим в конкретной социальной группе или обществе в целом.

Наряду с языковой нормой, нацеленной на соблюдение правил грамматики, лексики и синтаксиса, принятых в определенной языковой общности, необходимо учитывать случаи отклонения от нормы, которые вследствие различных причин проявляются на разных уровнях языка. Отклонения от нормы могут быть непреднамеренными (ошибки как результат незнания языковых правил) и преднамеренными (осознанное и

целенаправленное использование сленга, языков субкультур, инвективной лексики).

Причины отклонений от нормы связаны с когнитивными (нарушения в работе познавательных функций мозга), нейрологическими (нарушения, вызванные поражением нервной системы) или психическими (нарушения психики, влияющие на эмоции, поведение, мышление, восприятие реальности) расстройствами.

С позиций лингвистики патология языка и речи рассматривается как отклонение от стандартных языковых норм, которые проявляются на разных уровнях языковой системы – фонетическом, морфологическом, синтаксическом, лексическом и семантическом. В лексическом составе любого языка преобладают единицы отрицательной оценки, поскольку все хорошее считается нормой [Алефиренко, 2018: 169].

Патологии языка и речи с позиций социолингвистики и лингвокультурологии рассматриваются как явления, отражающие взаимодействие языка с социальными и культурными факторами. Возникновение, развитие и восприятие языковых патологий имеют социальные и культурные особенности. Каждая культура имеет свои нормы и ожидания относительно языка и коммуникации; нарушение этих норм однозначно воспринимается как патология. В разных культурах существуют различные символические значения и табу, связанные с речью и коммуникативным поведением.

Отклонения от нормы в языке и речи отражают состояние общества в целом и являются индикаторами социальных, культурных и политических изменений или проблем.

Одним из проявлений патологии языка и речи в лингвокультурном контексте является наличие *инвективной лексики*. Содержание инвективной лексики в постфольклорных текстах особенно велико ввиду близости постфольклорных текстов по их происхождению и бытованию к маргинальным слоям общества [Яценко, 1999]. В научных исследованиях

данной тематики принято использовать термины *табуированная/сниженная/обсценная лексика*, в публицистике и бытовой сфере применяются выражения *мат, брань, ругательства, выражения* (в смысле *нецензурно выражаться*). А.Ю. Кудрявцев и Г.Д. Куропаткин считают эти термины синонимами, однако этимология данных выражений и лингвокультурная традиция предлагают разделять их [Кудрявцев, Куропаткин, 2001].

«Термин *инвективная лексика* сохраняет первоначальное значение – *нападки* (в смысле вербальной агрессии), *выпад* (как прием речи), подчеркивает нарушение общепринятых норм и желание шокировать окружающих» [Ильина, 2023а]. Данное утверждение основано на изучении этимологии термина: в русском языке прилагательное *инвективный* образуется от латинского *invectio – ввоз, привоз, въезд; нападки*, (далее от *veho – везу*) [Латинско-русский…, 1976: 552, Ильина, 2023а] через причастную форму *invehens – резко выражающийся*. Мы считаем наиболее общим и наиболее точным термин *инвективная лексика* и будем обозначать этим термином слова и выражения, заключающие в своей семантике, экспрессивной окраске и оценочном компоненте «интенцию адресанта унизить, оскорбить адресата речи или третье лицо, обычно сопровождаемые намерением сделать это в как можно более резкой и циничной форме» [Ильина, 2023а]. Н.С. Валгина обращает внимание на повышение научного интереса к инвективной (обсценной) лексике, поскольку «прогрессирует стихийная легализация выражений, всегда считавшихся неприличными и потому запретными» [Валгина, 2003: 117]. Исследования И.А. Стернина направлены на выявление причин распространения сквернословия в современном обществе и функций наиболее агрессивной его части – мата [Стернин, 2011; Штайнер, 2022]. О труднообъяснимом терапевтическом эффекте использования мата писал Л.А. Китаев-Смык [Китаев-Смык, 2021].

В соответствии с формулировкой гипотезы нашего исследования нам необходимо изучить особенности бытования инвективной лексики в

постфольклорных текстах. Различные пласты лексики проявляют разную степень рассеивания смысла, минимальным рассеиванием смысла обладают термины; литературная и нейтральная лексика – средней степенью; художественная и поэтическая – высокой. Инвективная лексика, как и термины, характеризуется однозначностью, стабильностью, системностью и поэтому обладает минимальным рассеиванием смысла.

По мнению В.И. Желвиса инвективная лексика является частью национального языка, которая известна всем носителям определенной лингвокультурной традиции, но официально ее использование запрещается и порицается [Жельвис, 2001: 11].

Каждый акт использования инвективной лексики отличается близостью к речевым актам, равноценным поступкам (перформативам), сниженный стиль которых является проекцией более сложных срытых обстоятельств [Левин, 1986: 66-70]. В славянской языческой традиции инвективная лексика отличалась выраженным культовым предназначением, выполняла ритуальные функции, была под запретом в повседневной жизни [Успенский, 1996: 63-64].

– Был я, мамань, в Париже, залез на Эйфелеву башню... Видно хорошо... Посмотришь налево – твою ж мать... Посмотришь направо – твою ... Обернешься – твою... Да что ж ты плачешь-то, маманя?

– Ой, Вань, да красиво-то как...[3] *(Анекдот конца XIX века)* [Стернин, 2011: 3].

D. Hymes обосновал новый подход к коммуникативной компетентности, которой включает утверждение о внутреннем понимании адресантом ситуационной допустимости и приемлемости различных стилей речи и соотнесенного со стилем речи набора языковых единиц, в том числе негативно окрашенных жаргонизмов и обсценной лексики [Hymes, 1972].

[3] Здесь и далее в примерах сохраняется орфография и пунктуация источников. В примерах, содержащих нивективную лексику, используются сокращения. Отношение автора работы к использованию инвективной лексики является крайне негативным.

– *Пока шла реклама, мы пообщались с нашим уважаемым мэром за эфиром, и я готов передать вам его ответ на этот вопрос: А, собственно…, на каком основании… я должен отчитываться перед этими… уважаемыми гражданами* [КВН…, URL: https://www.1tv.ru/shows/kvn/vypuski].

В СМИ, развлекательных журналах, в различных публикациях в интернете можно найти списки наиболее распространенных инвективных выражений и их приемлемых («приличных») эквивалентов. Данные примеры показывают, что носители языка способны сознательно отбирать лексику с учетом ситуации общения без потери смысла сообщения. Таким образом, использование инвективной лексики является особенностью и антиценностью постфольклорных текстов.

В интернет-сообществах можно встретить правила, призывающие не употреблять инвективную лексику: *В сообществе категорически запрещено оскорблять других пользователей. Запрещено использование нецензурных выражений и ругательств. Замена части букв значками @, #, $ и т. д. при вычислимости исходного слова не избавляет от ответственности. Категорически не рекомендуется использование грубо-просторечной лексики, а также упоминания физиологических отклонений* [Пикабу, URL: https://pikabu.ru].

К сожалению, указанные требования не всегда соблюдаются, и сайтов, где подобные правила не установлены, намного больше.

Язык отражает и конструирует ценностные системы, поэтому философские основания лингвоаксиологического исследования текстов современного фольклора подчеркивают важность анализа языка как средства выражения и формирования ценностей [Ильина, 2019, 2023а]. Ввиду того, что язык является не только средством коммуникации, но и инструментом формирования мировоззрения и социальной реальности, изучение постфольклорных текстов с аксиологической точки зрения позволяет понять, какие ценности отражены и продвигаются в массовой культуре. Для

подтверждения указанных положений в параграфе 2.2. детализировано определение постфольклорного текста и представлена классификация постфольклорных текстов на основе характеристики фольклорных жанров.

2.2. Классификация постфольклорных текстов на основе жанровых особенностей

В предыдущем параграфе мы рассмотрели ценностное лингвокультурное содержание постфольклорного текста, понятие нормы как ценности и патологии языка и речи как отклонения от нормы. Далее сосредоточим наше внимание на изучении жанровых особенностей постфольклорных текстов для обоснования и составления их классификации.

Жанр – общая категория, которая отражает наиболее существенные свойства или связи произведений мира искусства, совокупность их формальных и содержательных особенностей. Понятие жанра применяется не только в литературоведении, но и в филологии, лингвистике, конкретная интерпретация жанра может различаться в зависимости от контекста [Мелетинский, Неклюдов, Новик, 1994; Петренко, 2017]. Под *жанрами* обычно понимают разнообразные формы языковой и литературной деятельности. Жанры могут включать в себя различные текстовые формы, речевые конструкты, стили и другие языковые проявления. Понятие жанра связано с классификацией и описанием определенных форм и типов текстов или языковых выражений.

В лингвистике (в широком смысле) *жанр* – это категория, определяющая форму и структуру произведения, его тематику, стиль и основные характеристики. Каждый жанр имеет свои особенности, которые могут быть использованы для классификации и анализа произведений. Классификация жанров в литературе и литературоведении основывается на таких характеристиках произведений, как форма, структура, стиль и

тематика: эпика (эпос, роман, повесть, сказание, баллада); лирика (лирическое стихотворение, ода, элегия, сонет, баллада, гимн); драма (трагедия, комедия, комедия с элементами драмы, мелодрама, фарс; жанры в прозе (роман, рассказ, новелла, фэнтези, фантастика, детектив, исторический роман, приключенческий роман); детская литература (сказка, поэма для детей, детский рассказ, детский роман).

Наряду с литературными жанрами в зависимости от цели их создания, направленности, аудитории, содержания и формы выделяют *функциональные разновидности литературы,* объединяющие некоторые типы литературных произведений: научную литературу, публицистику, документальную, дидактическую литературу, религиозную (культовую), юридическую и рекламную литературу [Павловская, Ильина, 2024]. Здесь представлены общие категории, в каждой из них существует множество поджанров. Также отметим, что на рубеже XX-XXI веков развитие средств коммуникации и появление новых стилей и направлений в искусстве и литературе способствовали появлению новых форм и жанров.

Согласно учению М.М. Бахтина о жанрах, жанр есть тип высказывания, устойчивый с точки зрения темы, композиции и стиля. Жанры устной разговорной речи были сформированы в условиях непосредственного речевого общения, поэтому они противопоставляются жанрам, которые появились позднее в рамках публицистического, художественного, научного повествования и других более сложных форм общения [Бахтин, 1996: 261-262]. Понятие жанра является связующим элементом между понятиями дискурса и функционального стиля. По мнению В.И. Карасика, жанровый канон является продуктивным для дифференциации данных понятий; жанр есть «стереотип порождения и восприятия речи в специфических повторяющихся обстоятельствах. В этом смысле дискурс представляет собой когнитивное образование, сопоставимое с когнитивными образованиями, репрезентирующими предметы, события, качества и т.д.» [Карасик, 2002: 166-205].

К первичным жанрам относятся жанры фольклора как совокупность устных народных традиций, включая сказки, легенды, мифы, песни, пословицы и обряды, которые передаются из поколения в поколение в неизменном или незначительно измененном виде.

Фольклорный жанр – это тип рассказов, песен, обрядов, мифов, легенд и других элементов фольклора, который характеризуется определенными структурными, стилистическими и тематическими особенностями. Фольклорные жанры классифицируют и организуют разнообразные выразительные формы, которые использовались народом для передачи и сохранения информации о своей культуре.

По объему фольклорные жанры делятся на произведения больших и малых форм. Произведения больших форм в свою очередь подразделяются на произведения трех родов: эпические (былины, исторические песни, сказки, предания, легенды, пословицы, поговорки, сказы), лирические (обрядовые, колыбельные, семейные и любовные песни, причитания, частушки) и драматические (народные драмы). К жанрам малых форм относятся загадки, пословицы и поговорки, шутки, приметы и присказки, детский фольклор [Колыбельные для всей семьи, URL: https://dreamsong.ru/kolybelnye-pesni-dlya-detej-teksty; Капица, Колядич, 2002; Юрков, 2012]. С фольклорными жанрами соотносятся ритуальные, эстетические, развлекательные или образовательные функции фольклора.

Попытки классификации и систематизации фольклорных жанров предпринимались неоднократно еще до начала XX в. Наиболее успешной классификацией фольклорных жанров является «Указатель сказочных сюжетов (Каталог)» Аарне-Томпсона (англ. Aarne-Thompson Classification system). В основу классификации был положен принцип разделения текстов по жанровым разновидностям, а внутри них – по сюжетным типам (а не по персонажам) [Андреев, 1929, URL: https://vk.com/wall-57460169_5965?ysclid=m7lw129pd6751818982]. Система Аарне-Томпсона начинается с основной категории (например, «Сказки о животных») и затем

разделяется на подкатегории, каждая из которых имеет уникальный номер [Maranda, 1967: 80].

Построением иерархической «пирамиды жанров» интересовался Н.И. Толстой, считая, что фольклорные жанры связаны с их мифологической основой, верхний уровень пирамиды составляют сакральные тексты и мифологические представления, далее следуют более поздние формы, такие как эпос, сказки**,** а нижние уровни занимают малые жанры (загадки, поговорки, пословицы) и другие формы устной традиции, отнесенные к малым жанрам на основе анализа жанровой системы в контексте народной культуры. Он предложил своеобразную модель, где жанры располагались по степени их значимости и функции в обществе [Толстой, 1995: 289-291].

В 1976 году В.Я. Пропп разработал иерархическую классификацию: роды – области – виды – жанры – типы – сюжеты – версии – варианты. К *родам* была отнесена эпическая, лирическая и драматическая поэзия; *области* делилась на прозу и поэзию с отнесением к определенному роду, так, эпика делилась на область эпической прозы и эпической стихотворной поэзии. *Виды* составляли ярус между родом и собственно жанром. Сказку В.Я. Пропп отнес к области народной прозы, жанрами сказки были: сказки волшебные, сказки кумулятивные, сказки о животных, о людях. Следующим ярусом был определен *тип* (например, тип сказок – волшебные, бытовые). *Типы* далее делились на *версии* и *варианты* [Пропп, 1976: 35-38]. Эта классификация была положена в основу более поздних исследований, направленных на решение проблем жанровой классификации фольклора [Левинтон, 1998: 60; Щуров, 2007; Адоньева, 2018].

Б.Н. Путилов в своей классификации предложил выделять *области,* чтобы охарактеризовать специфические формы и функции фольклорных текстов и передать не только жанровое разнообразие фольклора, но и его динамическое проявление в различных сферах жизни:

– *обрядовая область* фольклора включает тексты и действия, которые непосредственно связаны с жизненными циклами (рождение,

свадьба, похороны), календарными праздниками, аграрными ритуалами; сюда отнесены *заговоры и заклинания, обрядовые песни (колядки, веснянки), танцевальные и театрализованные элементы,* которые сопровождают ритуалы;

– *внеобрядовая область* охватывает фольклорные тексты, которые существуют вне ритуального контекста и чаще всего служат для развлечения, воспитания или передачи культурного опыта: *былины и сказки, песни, отражающие социальные, исторические или бытовые темы; баллады, основанные на исторических или любовных сюжетах;*

– *область фольклорных речевых ситуаций* объединяет тексты, которые возникают и функционируют в повседневной речевой практике, строятся на импровизации и используются для выражения мнений, оценки или юмора: *пословицы и поговорки (паремии), присказки, каламбуры и частушки, которые используются для развлечения, речевые формулы (приветствия, благословения, проклятия).*

– *внеобрядовая драматическая область* охватывает драматические формы, которые не привязаны к обрядовой практике, но сохраняют элементы театрализации, в них присутствуют сюжетные линии, диалоги и характерные для драматического искусства композиционные приемы: *народные театрализованные представления, ярмарочные комедии, игры*.

– *области, связанные с хозяйственной, трудовой и бытовой сферой* охватывает тексты, которые подчеркивают связь между фольклором и повседневной деятельностью: *трудовые песни (песни жнецов, косарей, бурлаков), заговоры, колыбельные* [Путилов, 1994].

Особо отметим, что Н.Б. Путилов выделял в своей классификации *вспомогательные материалы,* важные для любого исследователя, но которые ранее не фиксировались: *библиографические сведения об исполнителях, дополнительные материалы (самодеятельные литературные сочинения, переделки), полученные от населения, характеристика обстоятельств передачи сведений о фольклоре, характеристика материала, полученного из*

литературных источников, кинофильмов, радио- и телепередач и пр.; *рассказ о бытовании фольклорного жанра; письма информантов; документация экспедиции (полевой дневник, дневник собирателя* и пр.); *иллюстративный материал (фотоснимки, рисунки, чертежи, эскизы и др.); автобиографический рассказ* [Там же].

Ввиду того, что аппарат описания жанров в гуманитарном знании неустойчив, а терминологический и научно-аналитический инструментарий включает разночтения в силу своей связи с «естественным» языком, в настоящее время жанры определяются как *набор дифференциальных признаков*, позволяющих сформулировать *определение групп на «метаязыке»*, и как *способ,* которым устная традиция группирует свои тексты [Словари и энциклопедии…, URL: https://academic.ru].

Постфольклор, продолжая традиции фольклора, включает конструкции, которые выходят за рамки традиционных устных жанров. Он сочетает элементы массовой культуры, произведения современного фольклора и другие материальные объекты, отражая изменяющееся общественное сознание и коллективный опыт.

В параграфе 2.1 мы определили *постфольклорный текст* как семантическую систему речевых, ментальных образов, изобразительных и тактильных конструкций, поведенческих практик, созданных на основе определенной системы знаков, воплощающую смыслы индивидуального восприятия мира и поддающуюся множественным интерпретациям. Постфольклорные тексты связаны с определенными явлениями, событиями, сообществами и территориями, отражая образы, сюжеты и стереотипы [Павловская, Ильина, 2024].

Детализируя определение постфольклорного текста необходимо уточнить, что мы рассматриваем постфольклорные тексты в *традиционном понимании (звукобуквенном предъявлении)* и в виде *артефактов* – объектов, несущих информацию и представляющих собой результаты коллективной

творческой деятельности сообщества, через которые фиксируются и передаются смыслы и образы.

Тексты существуют *в традиционном звукобуквенном предъявлении* в *материальной* и *нематериальной формах*. К материальной форме относятся тексты, зафиксированные на любых материальных носителях, и тексты, созданные и сохраненные в цифровом формате; к нематериальной форме – устные тексты и ментальные образы.

Артефакты также существуют в *нематериальной* (поведенческие практики) и *материальной формах* (тактильные конструкции).

Поведенческие практики определены как устоявшиеся в рамках определенного сообщества или культурной среды способы действий, поведения или реакции, которые отражают коллективные установки, обычаи, стереотипы и ценности. Поведенческие практики включают формы социальной и культурной адаптации, выражающие ценностные ориентации группы, и могут проявляться в определенных ритуалах, игровых действиях, повседневных выражениях, а также в устоявшихся моделях взаимодействия внутри сообщества [Белова, 2006].

Тактильные конструкции воспринимаются через прикосновение и визуальное наблюдение, несут культурные и символические смыслы, характерные для конкретного сообщества. Тактильные конструкции – любые предметы материальнного мира, образцы народных ремесел, современных поделок ручной работы, а также любые объекты, которые задействуются в ритуалах или бытовых практиках, связанных с традициями сообщества, и представляют для него ценность. Эти объекты не только служат материальным выражением культурных идей, но и воплощают физический аспект передачи постфольклорного опыта через осязание, позволяя участникам культурного процесса ощущать свою общность, связь с прошлым, а также соизмерять соответствие коллективными ценностями.

Тексты в традиционном понимании и артефакты являются частью неофициальной культуры, они не связаны с институциональными

структурами или официальными канонами. В отличие от официальных культурных объектов, тексты и артефакты постфольклора имеют характер флуктуирующих и часто пародийных, непривязанных к конкретным структурам и канонам.

Учитывая, что появление и развитие постфольклорных текстов связано с промышленной революцией, изменение и усложнение формы постфольклорных текстов обусловлено научно-техническим прогрессом.

Для обозначения ***формы*** постфольклорных текстов мы принимаем термины:

– устная форма – традиционная, обусловленная физиологическими возможностями человека и уровнем его развития;

– письменная/графическая форма – традиционная, обозначаемая выражениями *написать «от руки», нарисовать мелом, красками, сделать набросок карандашом («от руки»)* (до всеобщей компьютеризации);

– устная (звуковая) форма (периода аналоговых данных (радио, телевидение, телефон));

– визуальная форма (периода аналоговых данных);

– аудиовизуальные формы (периода аналоговых данных);

– письменная/графическая форма (компьютерная графика) – (периода всеобщей компьютеризации), обозначаемая выражением *создать на компьютере, в компьютерной программе;*

– письменная/графическая (периода всеобщей компьютеризации и интернетизации) – *набрать, создать в программе…, форматировать, копировать, сканировать, редактировать, переслать, сохранить, удалить, сжать, архивировать;*

– цифровая форма – *запись, сохранение и передача текста/звука/изобразительного текста (статичного/динамичного) в режиме реального времени на любые расстояния.*

Представленные формы постфольклорных текстов соответствуют хронологической последовательности появления технических средств создания, обработки, сохранения и передачи информации.

С учетом множества форм постфольклорного текста и возможностей создания многомерных текстов периода всеобщей интернетизации, рассмотрим еще одну характеристику постфольклорного текста – его **объем**: постфольклорный текст может состоять из одного слова (одной коммуникативной реплики) или устойчивого словосочетания, одного предложения, нескольких предложений, а также из изобразительного текста (статичного или динамичного), предмета (артефакта, несущего информацию (имеющего смысл)) или любой их комбинации.

Примером текста, состоящего из одного слова, являются общеизвестные культурные концепты: *Плюшкин* (о скупом человеке), *Армагеддон* (о конце света). Примером однословного постфольклорного текста является яркий образ, близкий к концепту, но известный в определенной среде (профессиональной (*Мавроди!* – о человеке, придумавшем схему денежной или любой другой махинации), семейной (домашнее прозвище любого члена семьи или домашнего питомца, например: *Шнурки* (обращение к детям)), в определенной местности (*Соль-Илецк* или *Астрахань* – указания на ценнике арбузов) или в определенное время (*Редиска!* – в период популярности фильма «Джентльмены удачи»), или выражающий определенный эмоциональный посыл: *Козлы!* – выражение крайнего презрения к кому-либо и возмущение по поводу его действий) [Полевой материал... (Рассказы «очевидцев»)].

Пример устойчивого словосочетания: *лебединая песня* – об учительнице начальных классов, которая после наступления пенсионного возраста еще несколько раз набирает учеников первого класса, каждый раз утверждая, что этот набор «точно – последний» [Полевой материал… (Истории из жизни)].

Далее приведены примеры постфольклорных текстов, состоящих из одного и нескольких предложений:

– *А вас, Штирлиц, я попрошу остаться* [Топ крылатых фраз из фильмов, URL: https://sevimi.by/new/top-krylatyh-fraz-iz-filmov/].

– *Когда вы начали работать в этой компании?*

– *Когда мне пригрозили увольнением* [Анекдоты из России, URL: https://www.anekdot.ru/search/].

В этих примерах определенная однозначность восприятия постфольклорных текстов обеспечивается базовым фондом знаний культуры: (*Штирлиц* – как часть фоновых знаний); учетом буквального значения элементов конструкции (игра слов: *начать работать* – в значении *поступить на работу и* в значении *прцсьупить к выполнению должностных обязанностей*).

Пример текста, состоящего из нескольких предложений:

В командировке в Нью-Йорке с шефом зашли в лавочку купить CD болванок. Продавец орет своему помощнику на иврите – «Эй, принеси коробку болванок этим лохам!» Шеф вежливо на иврите спрашивает, нет ли сегодня скидок для лохов? Оказалось, что – есть [Анекдоты из России, URL: https://www.anekdot.ru/search/].

Необходимо сделать уточнение относительно изобразительных текстов [Лотман, 1998: 19-20] цифровой формы. Далее в работе мы будем обращаться именно к ним, поскольку современный уровень компьютеризации и интернетизации позволяет работать с любыми изображениями в цифровом формате. К статичным изобразительным текстам цифровой эпохи мы относим рисунки (картинки), фотографии, коллажи (как выполненные «от руки» и переведенные в цифровой формат, так и созданные в любой компьютерной программе), эмодзи (пиктограммы), заменяющие слова или выражения. На рисунке 1 статичный изобразительный текст сочетает фотографию, текст и подписи объектов фотографии, поясняющие смысл изображаемого.

Рис. 1. Статичный изобразительный текст [Интеллектуальный юмор, URL: https://vk.com/in.humour]

К динамичным изобразительным текстам мы относим все подвижные изображения: фильмы, видео, мультипликацию, короткие анимации (гифки) и их объединения. На рисунке 2 приведен пример динамичного изобразительного текста.

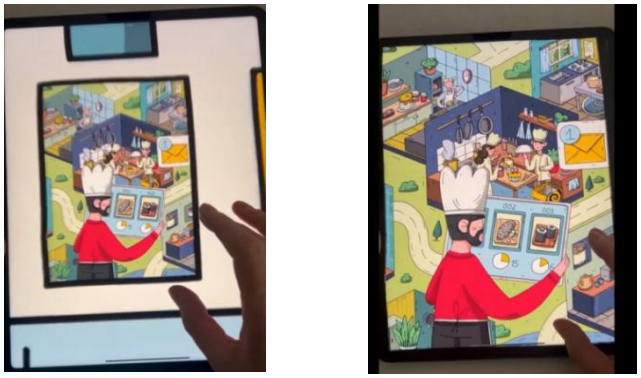


Рис. 2. Бесконечная картинка – пример динамичного изобразительного текста [Интеллектуальный юмор, URL: https://vk.com/in.humour]

Отметим сходство данного текста (бесконечной картинки) с фольклорными докучными сказками, существующими в текстовом варианте (бесконечные песни, присказки):

У синего моря жила-была бабка, захотела бабка в море искупаться, взяла бабка мыло, взяла и мочало… Эта песня хороша, начинай сначала. У синего моря… [Полевой материал… (Рифмовки)].

Ассортимент жанров постфольклора по сравнению с традиционным фольклором изменился радикально. Остались в прошлом такие фольклорные жанры, как пестушки, потешки, подблюдные песни и др., стали широко известными жанры, появившиеся уже в промышленную эпоху (городской романс и анекдот), в настоящее время активно распространяются

произведения новых жанров – неомифологические предания и современные мемуары, включая такие слабо структурированные тексты, как слухи и сплетни. Многие тематические и стилистические совпадения объясняются не прямым генетическим родством, а конвергентным приобретением сходных признаков, или же подобные совпадения обусловлены архетипами и универсалиями общественного сознания [Современный городской фольклор 2003: 13; Современный городской фольклор, 2014; Дандес, 2003: 23; Renard, 2013].

Постфольклор это вид неспециализированной духовно-практической деятельности, часть культуры, имеющая классический период и продолжающая фольклорные традиции [Ядрышникова, 2006: 34-36]. В новом контексте массовой культуры постфольклор как видоизмененная форма фольклора, демонстрирует удивительную гибкость и способность существовать в рамках новых культурных процессов и технологий. В ответ на изменения в обществе постфольклор продолжает развиваться, используя революционные способы взаимодействия между формами традиционной культуры и цифровой эпохи.

Попытка классификации постфольклорных текстов на основе (или по образу) классификации фольклора оправдана, поскольку в постфольклоре происходит переосмысление традиционных мотивов, адаптация и модификация традиционных фольклорных сюжетов и персонажей [Павловская, Ильина, 2024]. Современная литература, музыка и экранная культура постоянно обнаруживают использование старых мотивов в новом контексте. Новое прочтение старых текстов в XXI веке минует стадию отторжения и сразу вызывает интерес и восхищение [Конотоп, 2019].

При создании классификации постфольклорных текстов были выявлены некоторые затруднения ввиду:

– подвижности и разноплановости отдельных жанров, поскольку произведения постфольклора, созданные в современном урбанизированном обществе, включают элементы городской культуры [Шалина, 2010; Эмер,

2011], явления современной уличной культуры, вирусные[4] тренды в интернете;

– существования глобального контекста, сопровождающего языковую коммуникацию [Тураева, 1986: 84];

– постоянного проявления новых видов текстов и жанров, часто за счет неожиданного сочетания старых (перформанс);

– особого смыслового ритма каждого произведения, зависящего от замысла автора и его индивидуального стиля [Солганик, 2001: 232];

– быстрого увеличения количества текстов в результате технологических достижений и развития коммуникационных технологий [Preston, 1974; Шапинская, 2015: 65-66].

Наиболее динамичные средства массовой информации адаптируют жанры к современным технологиям, создавая новые форматы. Например, стриминговые платформы предоставляют онлайновые видеопотоки с возможностью комментирования, что создает интерактивную форму коммуникации и отражает изменения в потребностях и предпочтениях аудитории [Павловская, Шушанян, 2013: 57-60; Мирошник, 2020: 117].

Общие подходы и основания классификации текстов фольклорных жанров учитывают объем текста и принципы стихотворного и прозаического текстопорождения. В.Я. Пропп обосновал выделение структурных элементов текста [Пропп, 1976]. Б.Н. Путилов представил классификации текстов народной культуры через призму их поэтической и прозаической структуры [Путилов, 1994]. Ю.М. Лотман исследовал литературные и фольклорные тексты с точки зрения семиотики [Лотман, 1992, 2002]. I.P. Smirnov рассматривал оппозицию стихи/проза [Smirnov, 1985: 108]. Е.М. Мелетинский**,** С.Ю. Неклюдов, Е.С. Новик изучают эпические и лирические формы фольклора и литературы [Мелетинский, Неклюдов, Новик, 1994]. Внимательное изучение и критический анализ названных работ

[4] Вирусный (англ. viral) – посты, статьи, видео, любые материалы, которые быстро (подобно вирусу) распространяются в интернете.

позволили разработать следующую классификацию постфольклорных текстов:

– *большие жанры постфольклора:*

  ✓ *постфольклорная несказочная проза* (мифы и предания, легенды, рассказы «очевидцев», слухи и толки, сплетни, пародии (переделки, пастиши), сценарии);

  ✓ *постфольклорная несказочная поэзия* (городской романс, песни (циклы песен), стихи/песни-пародии, стихи/песни-переделки, рифмовки (любые), записи (подписи, надписи);

– *малые жанры постфольклора (проза и поэзия)*: поздравления, тосты, «крылатые фразы»: афоризмы, пословицы и антипословицы и другие виды паремий; велеризмы, демотиваторы, мемы, клише, цитаты и псевдоцитаты, фразы из фильмов, телепередач, рекламы; анекдоты (циклы анекдотов), частушки (циклы частушек), игры, двусмысленные конструкции, каламбуры, аллегории, сборники, альбомы, заговоры (привороты/присушки), запреты/приметы.

Классификация ориентирована на традиционную звукобуквенную форму предъявления постфольклорных текстов. *Артефакты* в *нематериальной* (поведенческие практики) и *материальной формах* (тактильные конструкции) могут быть описаны, тогда мы рассматриваем полученное описание как текст в традиционной форме.

Далее приведен расширенный вариант предлагаемой нами классификации, где дается определение каждого жанра и перечень отдельных видов текстов/тематик, присущих этому жанру (таблица 1).

Таблица 1– Классификация жанров постфольклорных текстов

Жанр	**Определение**	**Виды текстов /тематика**
Постфольклорная несказочная проза		
Мифы и легенды	Нарративные комплексы архаических представлений о мире, адаптированные к актуальной культурной и социальной реальности; которые в	Мифы и легенды о мировом правительстве, секретных технологиях, пришельцах, похищении, успешных

	содержательном плане интерпретируют действительность, но по форме продолжают воспроизводить классические образцы. Истории, опирающиеся на современную техническую и общественную реальность.	преступниках и неспособности полиции им противостоять, об аномальных явлениях, опасностях массового механизированного производства. Городские легенды. [Folklore Notes, 1969; Renard, 2013; Ильина, Шигаева, 2022а].
Предания	Тексты, передающие символическое представление народных верований и коллективного опыта, служащее подтверждением общепринятых представлений и ценностей группы, к традициям которой они относятся; короткие и, на первый взгляд, правдоподобные рассказы, хотя они могут не соответствовать действительности.	Короткие и, на первый взгляд, правдоподобные рассказы, не соответствующие действительности. Предания, связанные с историей определенного места, события, человека или определенной группы, семьи.
Рассказы «очевидцев»	Мемораты – тексты, в основе которых лежат рассказы очевидцев о недавних событиях. Фабулаты – тексты, в основу которых положены дополненные элементами вымысла, мемораты «нестрогой достоверности» (чаще всего – рассказы от третьего лица). Бывальшины – тексты, в основе которых лежат рассказы о давних событиях.	Рассказы о каком-либо случае, будто бы имевшем место в действительности, о невероятных происшествиях, о найденных кладах, о встречах с «нечистой силой», повествования о происшествии, случае, имевшем место в действительности, без упора на личное свидетельство рассказчика.
Истории из жизни	Устные или письменные повествования о событиях, произошедших в реальности; рассказчик является их непосредственным участником или свидетелем. Жанр активно используется как в повседневных устных рассказах, так и в социальных сетях. Виртуальная среда способствует распространению таких историй и позволяет многим людям не только рассказывать свои истории, но и адаптировать чужие, придавая им новые смысловые оттенки.	Истории, размещенные на форумах, в социальных сетях, блогах. Разделы и рубрики в СМИ («Говорят дети», «Водительские байки», «Юмор на уроках»), туристические сайты, сайты любиьеьей охоты и рыбалки.
Слухи и толки	Слух – активно распространяемая неподтвержденная информация. Толки – разговоры, пересуды, молва,	Слухи и толки периода пандемии (вакцина опаснее вируса), слухи и толки, провоцирующие

	выражаемое косвенно общественное мнение. Важной чертой слухов и толков является их кратковременное хождение, они привязаны к конкретному контексту, эмоциональному состоянию аудитории или текущим общественным интересам.	ажиотажный спрос на продукты первой необходимости. Сведения о свадьбе/разводе известных людей или общих знакомых; о выигрыше в лотерею, неожиданном дорогом подарке и т. п.
Сплетни	Непроверенные сведения о личной жизни известных людей или общих знакомых, новости и персональные данные, первоначально передаваемые устно. Чаще всего эта информация носит оскорбительный характер для лица, о котором распространяются данные сведения.	Сплетни – человеческий порок, когда, не проверив, люди передают сомнительную, шокирующую информацию, выдавая ее достоверные факты и/или добавляя устойчивую формулу «За что купил/а, за то и продаю».
Пародии (переделки, пастиши)	Пародия – вид комической стилизации, целью которой является высмеивание имитируемого объекта. Пастиш – вторичное художественное произведение, в отличие от пародии, «чествующее» оригинал.	Кинопародии: смешные переводы фильмов, новые озвучки фильмов; эстрадные пародии, перепевы, ремейки, фанфики, стилизации.
Сценарии	Текст с указанием ролей и действий, написанный как основа для проведения различных мероприятий.	Сценарии юбилея, свадьбы, выпускного утренника в детском саду, выпускного вечера в школе и т.п.
Постфольклорная несказочная поэзия		
Городской романс	Жанр поэтического и вокально-инструментального искусства, испытавший влияние цыганского романса, оперетты и клезмера[5]. Городской романс отличают гармонический минор и характерные для него обороты и последовательное повторение мелодической фразы на другой высоте.	Классический, цыганский, бытовой, застольный, салонный романс. Современные стилизации городского романса.
Песня. Циклы песен	Наиболее простая, но широко распространенная форма вокальной музыки, объединяющая поэтический текст с мелодией.	Студенческие, дворовые, школьные, тюремные песни, песни детских (пионерских) лагерей и др. Уличная песня. Рэп-тексты, хип-хоп культура, городские песни, которые отражают темы и характеристики городской жизни [Ханькова 2023; Фольклор

[5] Клезмер из идиш – традиционная народная музыка восточноевропейских евреев

		современного города 2003; Шумада 1984].
Стихи/песни /эстрадные тексты-пародии	Произведения, созданные с целью пародийного переосмысления или иронического комментирования текста оригинала. В пародиях обычно используются элементы оригинальной композиции, но с измененными или искаженными словами, фразами или музыкальными образами для создания комического или сатирического эффекта.	Пародии на советские/ современные песни, песни на иностранных языках самого разнообразного содержания, содержание конечного варианта (целевого текста) определяется их назначением.
Стихи/песни -переделки	Переделки являются вариациями или адаптациями существующих произведений, при этом их текст, мелодия или аранжировка изменены для достижения определенных целей или эффекта. В отличие от пародий, переделки могут сохранять основные музыкальные и текстовые элементы оригинала, но дополненные новым контекстом или содержанием.	Стихи/песни-переделки самого разнообразного содержания, которое определяется их назначением [Plasketes, 2016; Реально зарегистрированный…, URL: http://www.argolis-yacht.ru/Articles/Mayak_ USA.htm].
Стихотворения (любые) Рифмовки (любые)	Разновидность художественного текста, характеризующегося использованием рифмы и метра в стихах. Стихотворное произведение, рассчитанное на громкое и (часто) групповое декларирование.	Рифмовки, речевки, считалки, дразнилки, созданные или извлеченные из памяти как реакция на актуальное событие. Пирожки и порошки. Методические рифмовки для запоминания правил самого разнообразного содержания [Лойтер, 2001].
Записи (надписи, подписи, рисунки)	Любые письменные свидетельства (буквенные и символьные), оставленные на предметах материальной культуры.	Записи (надписи, подписи, рисунки) в альбомах, книгах, на подарках (гравировки), на стенах, партах, заборах, в подъездах, подворотнях и т. п. [Лурье, 2000].

Записи (аудио-, видео-), тексты сообщений в соцсетях, ролик, стрим	Аудио- и видеозаписи, тексты сообщений, сделанные с помощью технических средств. Ролик – короткометражный видеофильм рекламного, информационного, развлекательного содержания. Стрим (англ. stream) – прямая трансляция записи с помощью интернет-сервисов [Мирошник, 2000: 117].	Аудио- и видеозаписи, тексты сообщений. Виды, качество и сложность аудио-, теле-, кино-, видеозаписей изменяется вместе с развитием технических средств.
Малые жанры постфольклора (проза и поэзия)		
Поздравления	Поздравление – устное выступление, письменное сообщение в виде песни или стихотворения, предназначенных для поздравления, выражения пожеланий или создания праздничного настроения по случаю какого-либо события.	Поздравления с праздниками и особыми событиями, с профессиональными достижениями, с особыми жизненными моментами и пр. [Власова, 2009].
Тосты	Тост – короткое праздничное выступление, пожелание, произносимое обычно за трапезой, в честь особого события, предшествующее распитию спиртных или винных напитков.	Тосты по поводу радостных и знаменательных событий, праздников, возможно за трапезой, перед началом серьезной работы или по случаю ее окончания.
«Крылатые фразы»: афоризмы, пословицы (анти-пословицы), устойчивые выражения и другие паремии. Велеризмы	Краткое высказывание, содержащее глубокий смысл, выраженное в лаконичной форме. «Крылатые фразы» часто используются в литературе, философии, публицистике и повседневном общении для выраже-ния сложных идей или мыслей в доступной и запоминающейся (часто – аллегорической) форме.	Краткие высказывания самого разнообразного содержания, которое определяется их назначением. Высказывание состоит из одного или нескольких предложений, передает определенную мысль, идею, вывод из наблюдения или морального урока [Савенкова, 2016: 116-117; Юрков, 2012; Ильина, 2020].
Изобрази-тельные тексты. Мемы (демотива-торы)	Изобразительные тексты (статичные и динамичные). Мемы – это культур-ный феномен, представляющий собой идею, выраженную в виде изображения, текста или видео. Демотиватор – это визуальный или текстовый мем, который представляет собой ироничное или саркастическое преувеличение или	Рисунки, фото, коллажи. Мемы могут включать в себя шутки, стереотипы, фразы или изображения, ставшие популярными в интернет-сообществах. Основной целью демотиваторов является разрушение или извращение идеалов, стандартов или

	обесценивание определенной темы.	мотивирующих посылов.
Клише	Устойчивый словесный комплекс, повторяющееся сочетание слов или трафаретная формула, не содержащие в себе глубокого смысла.	Краткие высказывания, их содержание определяется их назначением. Употребляются автоматически, говорящий не задумывается над их смыслом (Ничего себе!)
Цитаты. Псевдо-цитаты. Фразы из фильмов, телепередач, рекламы	Короткая дословная выдержка из авторского текста, заключающая в себе законченную мысль, часто усеченная и искаженная, причем вследствие усечения меняется или утрачивается первоначальный смысл.	Краткие высказывания самого разнообразного содержания. Запоминаются под влиянием авторитета автора, таланта актера, целенаправленного действия рекламы.
Анекдот. Циклы анекдотов	Короткая история с неожиданным смысловым разрешением в самом конце, построенная на игре слов или ассоциации; для понимания анекдота необходимы дополнительные социальные, литературные, исторические, географические знания.	Тематика анекдотов охватывает все сферы человеческой деятельности. Циклы: политические, армейские, школьные, любовно-бытовые, социальные, персональные, злободневные анекдоты и т. д. [Архипова, 2004; Ханькова, 2023].
Частушки. Циклы частушек	Четверостишие с неожиданным смысловым разрешением в конце, написанное хореем, в котором чаще рифмуются 2-я и 4-я строки, исполняется обычно под аккомпанемент гармони или балалайки на основе короткой одночастной, реже - двухчастной мелодии. Частушке свойственны прямота высказывания, реалистичность, экспрессия.	Тематика: любовно-бытовая, социальная с сатирической окраской; частушка может содержать обращение к определенному лицу или слушателям. Циклы частушек: любовные (Мой миленок / моя милка)…, свадебные, политические (про Горбачева, депутатов, перестройку), школьные и пр. [Ханькова, 2023]. Садистские частушки (стишки).
Игры	Игра как вид деятельности и как текст, представляет собой свободную, спонтанную или структурированную форму общественной или индивидуальной деятельности, которая осуществляется в рамках определенных правил или условий, проводится с целью развлечения, получения	Детские игры-потешки, дворовые игры, подвижные игры, настольные игры, сюжетные игры. Спонтанные игры, возможные только в одном месте и в определенное время [Григорьев, 2008; Ханькова, 2023].

	удовольствии, обучении или тренировки навыков.	
Двусмысленные конструкции, каламбуры, аллегории (игра слов), зашажки и т.п. Псевдоэтимологии	Игра слов в языке – это использование слов или выражений с множеством значений и текст, составляющий суть игры. Псевдоэтимологии – выдуманные или ошибочные объяснения происхождения слов. Иногда для понимания игры слов и псевдоэтимологий необходимы дополнительные социальные, литературные, исторические, географические знания.	Лингвистические игры. Псевдоэтимологии [Ефремов, 2014: 77]. Все виды загадок. Объяснения происхождения слов, основанные на ложных предположениях о смысле и происхождении лексики. Активно используются артистами разговорного жанра, ведущими юмористических программ.
Сборники. Silvae rerum	Сборники так артефакты. Ежедневники и блокноты. Домовые книги, объединяющие записи по ведению хозяйства и памятные записи, фрагменты семейной хроники [Ильина, 2018].	Домовые (хозяйственные) книги [Демографический…, 1985], записные книжки, ежедневники, сборники кулинарных рецептов, выкроек, вырезки из газет, рукописные сборники песен, молитв.
Альбомы	Альбомы как артефакты (изначально – рукописные) – собрания/коллекции предметов и/или сведений, собираемых и сохраняемых «на память» или для практического использования.	Альбомы (дембельские, школьные, детские, свадебные); анкеты (тетради с вопросами), тетради, папки с вырезками, рецептами [Ильина, 2018].
Заговоры (привороты/ присушки)	Тексты и ритуалы, служащие магическим средством для достижения желаемого. Исполнение заговоров сугубо индивидуально. Заговоры отличаются ярким своеобразием семантики, структуры и языка; в жанровом и функциональном отношении ближе всего стоят к заклинаниям и народным молитвам.	Лечебные, защитные, промысловые, любовные, заговоры; заговоры, сулящие помощь в любой ситуации; заговоры, произносимые с целью нанести вред кому-либо или подавить волю.
Запреты/ приметы	Запреты и приметы (тексты и обряды) можно рассматривать как жанр, связанный с представлениями о неписаных правилах или традициях.	Запреты и приметы, связанные с предсказанием будущего, предотвращением неблагоприятных событий или привлечением удачи. В быту запреты – требования соблюдения норм общежития.

В таблицу 1 включены краткие обобщенные определения и уточнения видов и тематики указанных жанров, однако в классификации мы считаем

необходимым учитывать такие параметры как *авторство, образ рассказчика и ситуации порождения/передачи/приема* текста, *влияние коммуникационных технологий и современной цифровой техники на создание, трансформацию, передачу постфольклорных текстов, способ обращения с ними, каналы передачи, зоны распространения, участники информационного обмена.*

Данные параметры являются значимыми характеристиками постфольклорных текстов, однако, для каждого вида текстов показатели будут отличаться, что затрудняет их включение в общую структуру классификации в табличном представлении. Поэтому мы представляем далее их описание.

Авторство текстов постфольклора проследить трудно, так как они появляются спонтанно и проходят через множество изменений. Поскольку постфольклор продолжает традиции фольклора, задача сохранения точной информации об авторе, месте, времени появления того или иного постфольклорного текста не ставилась изначально. Для характеристики авторства возможны следующие критерии: текст существует давно, авторство не установлено и никого не интересует; автор текста известен, но текст давно «ушел в народ» и авторство никого не интересует; текст создается в эпоху компьютеризации, когда данные о человеке, месте и времени появления текста фиксируются автоматически, но задача сохранения авторства не ставится (школьный, корпоративный фольклор); текст создается в эпоху компьютеризации, авторство обозначается условным именем (ником) в соответствии с канонами жанра (пирожки, порошки). Далее представлен пример пирожка, распространяемоге в иенернете с авторским знаком © *Zinaid:*

когда илье звонит начальник
он сразу трубку не берет
а выжидает полминуты
и в это время он бунтарь © *Zinaid* [Жемчужины мысли, URL: https://www.inpearls.ru]

Одной из значимых характеристик постфольклорного текста может стать собирательный ***образ рассказчика*** (создателя, распространителя) и ***ситуации порождения/передачи/приема*** определенного вида текстов. Указанные *образ* и *ситуация* формировались в культуре вместе с самими текстами, они укоренились в сознании наших современников и поддерживаются популярной культурой: *образ (в том числе поза и манеры) человека, рассказывающего анекдоты* и *ситуация,* описываемая выражением *«травить анекдоты»* (жанр постфольклорного текста: *анекдоты*); *образ сплетницы* или *ситуация порождения/передачи/приема сплетни* (жанр: *сплетня)*, *образ уличного певца /ситуация исполнения уличной песни* (вид: *уличная песня*); *образ артиста (профессионального или самодеятельного)/актера,* транслирующего постфольклорные тексты, оформленные в репризу (жанр: *цитаты, клише, анекдоты, пародии, переделки*), *образ женщины (знахарки),* заговаривающей болезнь (жанр: *заговор*), образ *сисадмина, компьютерного гения/злодея/игрока в компьютерные игры* и *ситуация, как протекает их обычная деятельность.*

Следующие критерии связаны с необходимостью описания и учета ***влияния коммуникационных технологий и современной цифровой техники*** *на создание, распространение, трансформацию постфольклорных текстов.* Для этого оговорим условные термины и даты.

Компьютеризацию мы рассматриваем как процесс внедрения и широкого использования компьютеров и информационных технологий в различных областях человеческой деятельности. Термин *процесс компьютеризации* относится к изменениям и трансформациям, вызванным использованием компьютеров в рамках производства, образования, науки, бизнеса, административной работы и других сфер. Условно датой начала всеобщей компьютеризации России мы будем считать 2007 год, когда был запущен пилотный проект федеральной целевой программы «Компьютер – в каждый дом» [О Проекте «Компьютер в каждый дом…», URL: https://docs.cntd.ru/document/902031508]. Официально программа не была

реализована, но факт ее разработки и планов внедрения показал готовность и потребность россиян повсеместно и активного использовать компьютерную технику и цифровые средства коммуникации. Компьютеризация является значимым фактором, стимулирующим последующие изменения постфольклора в рамках модернизации современной культуры. Отметим, что еще ранее (до 2007 года) высказывались опасения о возможных негативных последствиях всеобщей компьютеризации и интернетизации [Ээльмаа, 2004].

Термином *интернетизация* мы обозначили процесс внедрения и распространения интернет-технологий, а также изменения в обществе и культуре под воздействием интернета. Интернетизация оказала существенное воздействие на социокультурные и экономические процессы, создавая новые возможности, вызывая изменения в традиционных структурах и требуя адаптации к новым цифровым реалиям. Всеобщая интернетизация произошла следом за компьютеризацией. По понятным причинам эти процессы будут иметь только поступательное развитие. Компьютеризация и интернетизация, несмотря на все положительные аспекты, оказывают отрицательное воздействие на культуру, способствуя ухудшению качества знаний, снижению навыков критического мышления и критической оценки информации, повышению зависимости от онлайн-взаимодействия и уменьшению количества и снижению качества общения без посредничества гаджетов. Также глобальные интернет-платформы способствуют стандартизации контента и формированию культурной однородности с ориентацией на упрощенные формы и способы подачи информации.

Также одним из параметров классификации постфольклорного текста является ***способ обращения с текстами,*** коррелирующий с показателями авторства и формы. Мы рассматриваем следующие способы обращения с постфольклорным текстом: создание текста, воспроизведение, тиражирование в неизмененном виде, трансформация, тиражирование в измененном виде. Указанные способы обращения с текстом с учетом форм постфольклорных текстов, не требуют пояснения. К трансформациям мы

относим случаи создания пародий, переделок и текстов, содержащих в названии приставки *анти-* и *псевдо-:*

Пословица: *Кто рано встает, тому Бог подает.*

Антипословица: *Кто рано встает, тот всех достает.* [Пикабу, URL: https://pikabu.ru].

Страшилка: В черном-черном лесу… *В черном-черном лесу стоял черный-черный дом. В этом черном-черном дому стоял черный-черный гроб. В этом черном-черном гробу лежал черный-черный скелет. Этот скелет говорит (здесь рассказчик неожиданно для слушателя повышает голос): «Отдай мое сердце!» (Последние слова могут сопровождаться резким хватанием слушающего за руку, или за грудь, изображая стремление «вырвать» сердце)* [Полевой материал… (Предания)].

Антистрашилка: Про рака*. На черной-черной улице, в черном-черном доме, в черной-черной квартире, на черном-черном столе, в черном-черном гробу лежит … (пауза) красный – (повышая голос и ускоряя темп) красный рак... (быстро и громко) А кто слушал, тот дурак!* [Пикабу, URL: https://pikabu.ru].

Псевдоэтимология: *платить и плакать – однокоренные слова, такой вывод сделан на основе совпадения форм плачу́ и пла́чу* [Полевой материал…(Цитаты. Псевдоцитаты. Фразы…)].

Сделаем оговорку, касательно способа обращения с постфольклорными текстами, для понимания которых необходимы дополнительные социальные, литературные, исторические, географические и другие знания. В процессе сбора материала было установлено, что респонденты, услышав (прочитав) подобный текст, не передают его далее, поскольку он им не понятен, и, следовательно, не интересен. Подобные примеры можно найти среди текстов мифов и легенд, анекдотов, частушек, афоризмов, псевдоэтимологий.

Захожу к соседке: У вас Кальдерон есть?

Она достает аптечку: Нет, только анальгин [Мир анекдотов, URL: https://www.anekdotovmir.ru].

Каналами передачи текстов являются все участники информационного обмена – получатели и отправители постфольклорных текстов, в также: телефонная связь, телевидение, радио, газеты и журналы, видеосвязь, сотовая связь, интернет, рукописный самиздат (до периода всеобщей компьютеризации и интернетеризации), почта, компьютер, интернет; изобразительное и пластическое искусство.

Зонами распространения постфольклорных текстов могут являться: весь мир, несколько стран, одна страна, отдельный регион, город/село, центр/периферия страны/города; зона распространения может иметь национальные, региональные, государственные границы, условные границы субкультуры. С зонами распространения связаны ***участники информационного обмена*** – *отправители и получатели информации*: все население города/страны/региона; представители отдельной субкультуры (геймеры, панки), обитатели закрытого пространства (тюрьма, больница, детский летний лагерь), относительно закрытого (школа, университет) или обособленной общности (все профессиональные и любительские сообщества).

Таким образом, на основе изучения классификации текстов фольклора и постфольклора мы представили классификацию жанров постфольклора, построенную с учетом объема текста и принципов текстопорождения (стихотворного и прозаического). Даны определения каждого жанра, отдельных видов и тематик текстов, присущих этому жанру. Отдельно представлены значимые характеристики постфольклорных текстов, которые варьируются для каждого вида текстов, что затрудняет их включение в общую структуру классификации. Осмысление ценностного лингвокультурного содержания и построение классификации постфольклорных текстов способствуют выявлению их семантических кодов и описанию особенностей функционирования.

2.3. Семантические коды постфольклорных текстов

При определении ценностного лингвокультурного содержания постфольклорных текстов мы установили, что язык постфольклора, как сложное образование, существует в устной, письменной (традиционной), изобразительной, сетевой формах, и строится на базе живого разговорного языка, тяготеющего к упрощенным моделям синтаксиса и бытовой (разговорной, сниженной) лексике и сленгу. Ценность постфольклоных текстов подтверждается существованием их устойчивых значений, символов и смысловых структур – семантических кодов.

Лингвистическая семантика изучает языковые знаки и их способность кодировать и декодировать информацию из одной формы в другую, часто более удобную для передачи или обработки. Код – это набор знаков или символов, позволяющий упорядочить соответствия между означаемыми (предметами) и означающими (словами) [Ilyina, Golovina, Sumtsova, 2020].

По времени появления различают три периода существования глобальных культурных кодов: дописьменный (традиционный), письменный (книжный) и экранный [Лотман, 2002; Успенский, 2018]. Мы добавляем четвертый – интерактивный период, связанный с интрернет-коммуникациями. Указанные периоды коррелируют с предложенной в классификации формой постфольклорных текстов (параграф 2.2).

В теории информации *код* определяется как упорядоченный набор правил для преобразования информации, заключенной в знаке (единице информации), в другую форму или другим способом. Язык является самым гениальным кодом, потому что он объединяет в себе способность передавать бесконечное разнообразие смыслов при ограниченном наборе знаков и правил. Язык одновременно является системой для общения, хранения знаний и творческого самовыражения.

В рамках любой культуры регулятором общения, повседневного взаимодействия и восприятия объектов, событий и явлений является

культурный код – совокупность норм коллективного сознания, скрытые или явные механизмы понимания и интерпретации мира [Ильина, 2023а]. Культурный код включает не только языковые и визуальные символы, но и способы восприятия, поведения и взаимоотношений, которые передаются и закрепляются через социальные институты, традиции, обычаи и массовые коммуникации. В разных культурах коды могут получать различные значения, но в целом коды являются соглашениями, позволяющими эффективно и однозначно передавать информацию.

Культурный код – это макросистема характеристик объектов картины мира, объединенных общим категориальным свойством; особая понятийная сетка, используя которую носитель языка категоризирует, структурирует и оценивает окружающий его и свой внутренний миры [Красных, 2002].

Семантика текста есть сумма значений и интерпретаций элементов текста, которая изучает процесс и способы создания смыслового пространства посредством вербальных, реальных и акциональных кодов [Гудков, 2004: 40].

Семантика постфольклорного текста складывается из смысла слов и смысловых конструкций (устойчивых выражений), предложений и текстов, созданных в условиях постмодернистской культуры. Семантика призвана различать, когда слово передает не буквальное, а фигуральное значение, а также интертекстуальные и метафорические связи, отражающие измененное восприятие мира [Ильина, 2023г].

Основные элементы текста и их взаимодействие в рамках семиотики позволяет выявить нарративная грамматика, включающая актантную модель и нарративные программы. Актантная модель позволяет выделить универсальные роли в тексте, абстрагируясь от конкретных деталей. Нарративные программы дают динамическое измерение актантной модели, показывая, как взаимодействуют актанты во времени. [Греймас, 2004].

Каждый культурный тип обладает уникальной системой знаков – основным культурным кодом, который способен порождать вторичные коды

на основе запросов и влияния социальных кодов. Границы кодов нестабильны, многие культурные феномены повторяются у разных народов.

Ю.М. Лотман предложил рассматривать культуру как систему знаков и кодов, в которой все эти элементы взаимодействуют друг с другом, образуя целостное представление о культуре и ее значениях [Лотман, 2002]. Единицы кодов культуры обладают общеязыковым значением, как знаки первичной семиотической системы, и символическим значением, демонстрируя признаки вторичной семиотической системы. Символическое значение сосуществует с общеязыковым значением, проявление символического значения закрепляется в культурных образцах [Ильина, 2023г]. Культура функционирует как сложная семиотическая система, где каждый код играет ключевую роль в организации и восприятии культурного материала:

– *духовный код культуры* включает в себя символы и знаки, отражающие внутренние абстрактные аспекты жизни человека (отношение к религии, ценности и нормы);

– *соматический код культуры* выражается через традиции, связанные с телом человека, жестами, одеждой, а также через восприятие здоровья и болезни;

– *биоморфный код культуры* отражает использование образов природы в культурных практиках и символике;

– *временной код культуры* передает организацию и понимание времени, систему его измерения, отношение ко времени как к ценности;

– *пространственный код культуры* структурирует представление о пространстве, его глубине и протяженности; выделяет и обособляет физическое и символическое пространства;

– *предметный код культуры* связан с материальными объектами, получившими символическое значение, через которые передаются культурные и социальные смыслы [Лотман, 2002, Гудков, 2004: 39-40].

Экспликация культурных кодов происходит как через вербальные проявления (слова, выражения, тексты – вербальный код), так и через

артефакты (предметы) культуры и повседневности и заложенные в них смыслы (невербальный код).

В параграфе 1.2 мы уточнили положения концепции «треугольник отнесенности» Ч.К. Огдена и А.А. Ричардса, согласно которой в преломлении к лингвистике *слово* как минимальная единица языка, создает семиотическую ситуацию сочетания трех величин: *сферы действительности, сферы наименований* и *сферы смыслов* [Ogden, Richards, 2001: 11], которая позволяет анализировать отношения между лингвистическими единицами (словами, выражениями, текстами) и миром.

Слова (знаки сферы наименований) любого естественного языка образуют *семантическое поле прямых значений (смыслов)*, знаки культурных кодов (сферы действительности и сферы смыслов) образуют *семантическое поле переносных значений.* Структура семантического поля переносных значений повторяет структуру поля прямых значений. Знаки сферы действительности и сферы смыслов в одних позициях являются равнозначными, в других позициях они противостоят друг другу, а также могут проявлять признаки моно- и полисемии [Ильина, 2023г].

Сопоставляя определение семантики как области лингвистики, изучающей языковые знаки и их способность кодировать и декодировать информацию, и культурного кода как механизма понимания и интерпретации мира, мы предположили, что существуют *два семантических кода.*

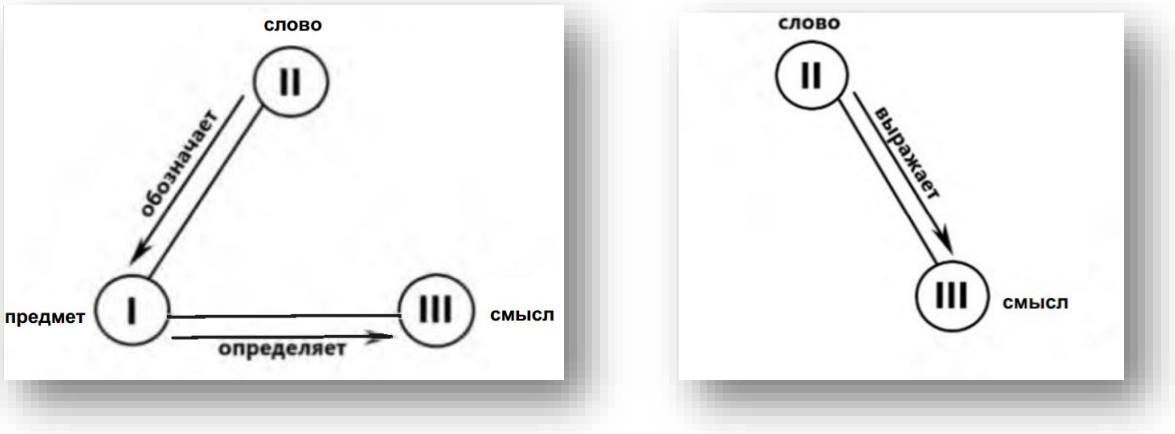
Семантический код прямых значений – набор правил соответствия между означающими в их прямом (первичном) языковом выражении и означаемыми, а также отношение соответствия и совокупность таких отношений.

Семантический код переносных значений – набор правил соответствия между означающими в их символическом (вторичном) языковом выражении и означаемыми, а также отношение соответствия и их совокупность [Там же].

Осмысливая определения семантических кодов прямых и переносных значений отношения между *предметом, словом* и *смыслом* – вершинами

«треугольника отнесенности», мы установили следующую зависимость: отношения между означающими в их прямом языковом выражении и означаемыми строятся по схеме: *слово* связано с *предметом* и *смыслом* (понятием об этом предмете). Тогда в определении необходимо указать: *предмет обозначается словом и определяет смысл*, т. е., в семантическом коде прямых значений задействованы три элемента треугольника соотнесенности. Воспринимая слово в его прямом значении, мы непосредственно соотносим предмет со словом (его именем) и смыслом. В процессе коммуникации слова в прямом значении сразу вызывают представление о том, что они называют, их значение не зависит от контекста [Ильина, 2023г].

Возникновение переносного значения закономерно, поскольку новый (дополнительный) смысл возникает, когда слово начинает употребляться в новом контексте, оставаясь связанным с исходным значением, но при этом, не заменяя его полностью. Новое значение не вытесняет старое, а существует параллельно с ним, обогащая семантическую структуру слова. Связь между означающими и означаемыми в переносном языковом выражении обозначается так: *слово имеет (выражает) смысл* (рис. 3).



а) семантический код прямых значений б) семантический код переносных значений

Рис. 3. Отношения между предметом, словом и смыслом

Например, в постфольклорных текстах было обнаружено выражение *макаронная походка.* На уровне семантического кода прямых значений слово *макароны* обозначает кондитерские изделия; объективно функционируют такие понятия, как *макароны* (уровень слова), *макаронные изделия* (уровень словосочетания), *Он всегда варил мне макароны* (уровень предложения), *Мы сделали с сыном поделку в садик – бусы из макарон. Получилось очень забавно* (уровень текста). В данных примерах означающее *макароны* описывает явление реального мира, используя первичное языковое выражение означаемого.

На уровне семантического кода переносных значений устойчивое словосочетание *макаронная походка* используется, когда говорят о своеобразной (нетвердой) походке; *Макаронная походка – это что-то близкое к лапше на ушах* (уровень предложения); *Что я за это буду иметь? – Бледный вид и макаронную походку* – переписка в чате (уровень текста). В примерах семантического кода переносных значений означаемое *макароны* (как продукт питания) не задействовано.

Нам необходимо провести лингвистический анализ слов, словосочетаний, предложений, взятых из постфольклорных текстов с целью выявления их принадлежности к семантическому коду прямых или переносных значений. Для подтверждения существования данного явления обратимся к примерам из Национального корпуса русского языка (НКРЯ):

...но тут же попробовал ***намылиться*** *лежавшим на умывальнике кусочком мыла и понял, что могу вполне обойтись без пены* [НКРЯ (Роман Романов. Bom caminho, или Пилигримуши на Пути Святого Иакова), URL: https://ruscorpora.ru/].

А еще были «скалы» из какой-то зеленоватой глины, мы ее называли «мыло», и в самом деле можно было отломать пригоршню и ***намылиться****, даже в соленой воде* [НКРЯ (Владимир Жаботинский. Пятеро, 1936), URL: https://ruscorpora.ru/].

Но до Скарта еще далеко, да и вообще неизвестно когда, а маркиз пока отлежится, пока отлелеет отбитые места, пока найдет новое оружие, Фома успеет и ***намылиться****, и смыться* [НКРЯ (Сергей Осипов. Страсти по Фоме. Книга первая. Изгой. 1998), URL: https://ruscorpora.ru/].

В приведенных примерах *намылиться кусочком мыла* – относится к семантическому коду прямых значений (слово – предмет – смысл), *намылиться какой-то зеленоватой глиной; намылиться и смыться* – к семантическому коду переносное (слово – смысл).

Опираясь на классификацию культурных кодов Ю.М. Лотмана, мы установили наличие в постфольклорных текстах *духовного, соматического, биомофного, временного, пространственного и предметного семантических кодов прямых и переносных значений.*

Духовный семантический код включает знаки, выражающие мировоззренческие и культурные основания, присущие конкретному языковому сообществу. В постфольклорных текстах содержатся примеры прямых и переносных языковых выражений, сочетание или противопоставление которых опирается на знаки духовного семантического кода. Для примера рассмотрим частушку:

Кто-то сеет, кто-то пашет,
я валяю дурака:
Я залез на колокольню –
разгоняю облака [Полевой материал… (Частушки)].

В тексте частушки содержатся означающие*: пахать, сеять, колокольня, валять дурака* (фразеологизм, переносное значение) и *разгонять облака* (как синоним глагола *бездельничать*, употребленный в переносном значении). В данном тексте затрагивается уважительное отношение к *труду* как важному элементу духовного семантического кода:

Детская рифмовка содержит означающие *девочка, мама, школа, туфельки,* употребленные в прямом языковом выражении:

Я маленькая девочка, я в школу не хожу.

Купи мне мама туфельки, я замуж выхожу [Полевой материал…(Рифмовки)].

Понятия *материнство, детство, семья, замужество* относятся к духовному семантическому коду.

Далее приведен текст мирилки, который поссорившиеся дети произносят с целью восстановления дружеских отношений. Дети должны сцепить согнутые мизинцы, т. е., это определенный обряд, а сама мирилка является символической (обрядовой) формулой (знаком). Идея *примирения* также относится к духовному семантическому коду.

Мирись, мирись и больше не дерись… [Капица, Колядич, 2002; Ильина, 2023г.; Полевой материал… (Рифмовки)].

Примеры *временного семантического кода* мы находим в выражениях, передающих особенности восприятия времени или отношения к нему. Подобные выражения построены на иносказании, иронии и гиперболизации:

Когда *кошка родит мышку (Никогда)* [Полевой материал…(Цитаты. Псевдоцитаты. Фразы…)].

Не спеши, *коза в лес, все волки твои будут. Молодежь –* ***вечером*** *не укладешь,* ***утром*** *не поднимешь* [Полевой материал… (Предания)].

Вчера *были маленькие, но по пять, а* ***сегодня*** *большие, но по три* [Rutube (Роман Карцев, моголог «Раки»), URL: https://rutube.ru].

В тексте следующего примера использован прием градации – перечисление временных промежутков осуществляется от большего к меньшему, тогда как смысл аргументации – чего лишается солдат, уходя на два года в армию, возрастает от указания материальных объектов – *водки* и *пива*, к духовным, и заканчивается упоминанием наиболее эмоционально значимого объекта – *матери:*

Армия это: два года без водки; двадцать четыре месяца без пива; 730 (731) дней без тепла; 17250 часов без друзей; 1051200 минут без ласки и …830720000 секунд без матери. [Полевой материал… (Рассказы «очевидцев»)].

Этот текст является примером временного и духовного семантического кодов.

Пространственный семантический код передает способы описания многомерного пространства и положение говорящего в нем. Примеры пространственного кода как соответствия между означающими и означаемыми встречаются в городских легендах, где означающие употреблены в прямых значениях:

***В Оренбурге, на улице** Пушкинской, **прямо напротив** областного драмтеатра, растет старый дуб. По легенде, это дерево видел сам Александр Сергеевич Пушкин во время своего визита в Оренбург, когда он собирал материалы для «Капитанской дочки». Дерево росло **рядом с домом**, который снимал Владимир Даль. Однажды вечером Даль принимал у себя Пушкина, и местные дамы узнали об этом. Они захотели увидеть поэта и придумали необычный способ: так как окна гостиной находились высоко, им не было видно, что происходит **в доме**. Тогда самые смелые дамы залезали **на ветви дерева**, которое росло **под окнами**, и через них наблюдали за Пушкиным* [Изнанка Города, URL: https://vk.com/iznankagoroda56].

Наличие в постфольклорных текстах выражений в прямых и переносных значениях подчеркивают связь фольклором:

***Под замком** было подземелье. **Туда** вел подземный ход* [Полевой материал… (Легенды)].

*Дедушка теперь **там, откуда не возвращаются.***

***Ты куда? – на Кудыкину гору,** воровать помидоры…* [Полевой материал… (Предания)].

***Тут** – вход, а выход – **там**!* [Полевой материал… (Клише)].

Соматический семантический код использует названия частей тела человека как символы. Далее, в тексте частушки означающее *нога* сохраняет прямое языковое выражение:

*Эх, топну **ногой***
Да другой притопну
У завистницы моей (вариант: *у соперницы моей*)
Пусть глазенки лопнут! [Полевой материал… (Частушки)].

В постфольклорных текстах многие конструкции, оперирующие знаками соматического кода, приобрели устойчивый характер: *расчесать кудри, намять бока, снести башку, разуть глаза*.

Смотри, ты у меня добегаешься, я тебе ***ноги****-то повыдергиваю, соломинки вставлю и скажу – так и было* [Полевой материал…(Предания)].

Биоморфный семантический код в текстах постфольклора использует наименования представителей мира природы и присущие им качества: *быстроногий как лань, реветь как медведь, топать как слон.* Ряд выражений необоснованно приписывает представителям животного мира несвойственные им характеристики. Слово *олень* стало характеристикой человека, совершившего какую-либо оплошность, *овца, козел* – стали оскорбительными выражениями, слово *коза* – получило несколько игривый оттенок. Кроме того, используются наименования вымышленных существ, усвоенные из мифологии, литературы, телепередач, фантастических произведений, фэнтези, настольных и компьютерных игр: *раздраконить* (*дракон* – мифологическое), *Кикимора* (о некрасивой девушке или женщине, из мифологии), *Чудо-Юдо* (о забавном ребенке, из мифологии), *Лунтик, Телепузики* (из телепередач)*, Тифлинг (из компьютерных игр)* [Результаты психолингвистического эксперимента и анкетирования…].

Предметный семантический код кодирует материальный мир и неодушевленные предметы, заполняющие пространство вокруг человека. Так, означающее *самосвал* в дразнилке представляет прямое языковое выражение, но ситуация, представленная в тексте – гипотетическая:

Я упала с ***самосвала****, тормозила головой!* [Полевой материал…(Клише)].

Отметим, что в последние годы современной бытовой технике и технологиям приписываются черты одушевленных разумных существ: *Когда он пылесосит, я оставляю ему в комнате свет* (о роботе-пылесосе), *Без Маруси скучно* (о голосовом ассистенте в «умной» колонке) [Результаты психолингвистического эксперимента и анкетирования…].

На основе анализа постфольклорных текстов мы считаем необходимым добавить *нематериальный предметный семантический код,* обозначающий нематериальный мир и абстрактные понятия, заполняющие пространство

вокруг человека: *верить слухам, нести чепуху (чушь, околесицу), травить анекдоты, молоть ерунду, пролить свет на какую-либо ситуацию или проблему, говорить присказками, ни во что не ставить, молоть языкам.* Данные понятия имеют определенное значение, историю создания и закрепления в языке, но изучение традиции их употребления в современной неформальной сфере речевого общения позволяет утверждать, что эти выражения стали настолько привычными и интуитивно понятными, что используются без осознания их значения или глубокой символики.

Смотрел вчера «Звезды ***травят анекдоты****?»* [Полевой материал…(Цитаты. Псевдоцитаты. Фразы…)].

Морской термин *травить* означает *выпускать, отпускать понемногу (снасть, канат и т.п.), ослабляя натяжение.* Отсюда *травить анекдоты* означает – рассказывать (непрерывно, в спонтанно сложившейся группе, по очереди) анекдоты, поддерживая на протяжении какого-то времени начатую тему и веселую атмосферу общения.

Лингвистический анализ слов, словосочетаний и предложений, содержащихся в постфольклорных текстах, позволил установить, что они чаще являются элементами вторичного семантического кода.

В соответствии с формулировкой гипотезы мы обращаем внимание на особенности бытования инвективной лексики. Широко распространенная и часто употребимая инвективная лексика также являет собой элементы вторичного семантического кода. Но на фоне упрощения содержания и повышения экспрессии, инвективная лексика используется в прямом языковом выражении, т. е. проявляется первичный семантический код.

Анализ *слов (знаков)* постфольклорных текстов в их прямых и переносных языковых выражениях позволил выявить закономерности соответствия означающих и означаемых семантических кодов прямых и переносных значений:

1. Прямое языковое выражение (уровень семантического кода прямых значений) является полисемичным и характеризуется сохранением прочной связи с первым опытом употребления слова.

2. Переносные языковые выражения (уровень семантического кода переносных значений) формируются в процессе развития общества, языка и мышления и является моносемичными (каждое переносное значение моносемично в определенном контексте).

При описании предметов и явлений бытовой сферы коннотации образов и фрагментов мира, выявленных в постфольклорных текстах всегда более конкретные (уровень семантического кода прямых значениий); при описании эмоций и чувств (уровень семантического кода переносных значений) – более яркие, образные и непредсказуемые [Ильина, 2023г].

Семантические коды являют собой ключи к пониманию связей языка и культуры. Семантика постфольклорного текста опирается на понимание языка постфольклора как сложного образования, построенного на базе живого разговорного языка, тяготеющего к упрощенным моделям синтаксиса и бытовой (разговорной, сниженной) лексике и сленгу, существующего в устной, письменной (традиционной), изобразительной и сетевой формах.

Семантические коды используются для создания, передачи и интерпретации информации в рамках определенной культурной или языковой системы, обеспечивают понимание текста или высказывания, связывая его элементы с контекстом и общими знаниями, разделяемыми участниками коммуникации.

2.4. Особенности функционирования постфольклорного текста

В эпоху постмодернизма понятие *текст* приобретает новое, расширенное и глубокое значение, удаляясь от традиционных определений. Текст эпохи постмодернизма не ограничивается лишь письменным или устным словом; он обеспечивает разноплановую коммуникацию, включая

визуальные, аудиовизуальные, цифровые и мультимедийные формы. В XX средства массовой информации способствуют смешению форм и культурных традиций; фольклорные и постфольклорные мотивы переплетаются с элементами популярных культурных феноменов, что приводит к возникновению новых, гибридных форм [Heinemann, Viehweger, 1991; Roberts, 2009: 136; Brunvand, 2002; Граматчикова, Хоруженко, 2017].

К началу XXI века постфольклорный текст становится чем-то большим, чем просто совокупность слов или предложений; он является способом организации знаний и опыта, методом взаимодействия с миром. Меняется методология анализа текста. Возможность детального анализа текста обеспечивается значительными достижениями в области собственно языковой системы (кода) для текста; таким образом, текст изучается как «язык в действии» [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990].

Изучение текста как «языка в действии» распространяется и на артефакты культуры. Так, Н.М. Махов предлагает новую методологию анализа живописных произведений, которая «…предполагает подход к памятнику сверху, т. е., исходным пунктом анализа избирается не само произведение, но априорная ему онтологическая идея. Фактически аналитический процесс на самом деле является в нем синтезом, … можно сказать так: нужно посмотреть на работу и тут же забыть о ней, вот с этого момента отстранения собственно и зарождается настоящее понимание новой методологии, отмеченное высокой степенью вероятности» [Махов, 2021].

Постфольклорые тексты отличаются от других текстов (общественно-политических, художественных, научных, научно-публицистических), социальной динамикой, интерактивностью и коллективным творчеством, быстротой реагирования на происходящие события и скоростью распространения.

Общепринятыми свойствами текста являются связность, которая обеспечивает логическую последовательность предложений и абзацев; целостность, когда текст воспринимается как единое целое;

информативность, предполагающая наличие значимого содержания; структурированность, обеспечивающая четкое построение и организацию текста; адаптивность, что означает соответствие текста целевой аудитории и ситуации общения. Также значимым свойством текста является грамматическая и лексическая корректность, обеспечивающая ясность и точность изложения [Ильина, 2024].

Постфольклорный текст обладает в известной мере общепринятыми свойствами текста, однако в зависимости от контекста использования, жанровых особенностей и целей коммуникации постфольклорный текст демонстрирует свойства *текстуальности, коммуникативности, кодируемости, интерпретируемости и концептуальности*, *информативности, транслируемости, поликодовости, анонимности, саморефлексивности, ненормативности*. Проявление этих свойств зависит от личностных особенностей автора и читателя, времени и места создания текста, культурного фона актуальных событий и общественно-политической ситуации, что определяет, как текст будет воспринят и какие смыслы из него будут извлечены. Охарактеризуем подробно выявленные свойства постфольклорного текста.

Текстуальность как свойство постфольклорного текста в рамках когнитивного поворота означает его понимание не только как структурированного набора знаков, но и как процесса, активно включающего восприятие и когнитивные механизмы читателя или слушателя. В связи с когнитивным поворотом акцент ставится на осмыслении текста, когнитивных структурах восприятия и интерпретации отдельных элементов текста. Постфольклорный текст, в этом случае, рассматривается как объект, который передает культурные смыслы и вовлекает аудиторию в активный процесс создания значений, опираясь на знания, память и когнитивные схемы, характерные для современной культуры.

Текстуальность как совокупность характеристик, позволяет отличить *текст* от *не-текста*. *Не-текст* в семиотике – информация, не входящая в

рассматриваемую знаковую систему, в случае, когда и информация, и знаковая система принадлежат одному произведению: фильму, картине, спектаклю, документу и пр., по Ю.М. Лотману – единому текстовому целому [Цит. по: Киносемиотика, URL: https://kinosemiotika.narod.ru; см. также Оже, 1992]. Прототипический подход предполагает, что текстуальность не является бинарным понятием (текст/не текст), а представляет собой континуум: от более прототипических (типичных) текстов к менее прототипическим, четкая граница между текстом и не-текстом отсутствует; вместо этого существует градация от текстов, обладающих всеми признаками текстуальности, к менее прототипическим, где эти признаки выражены частично или отсутствуют вовсе [Heinemann, Viehweger, 1991: 171].

Коммуникативность. Любой текст представляет собой коммуникативную единицу, организованную в соответствии с коммуникативно-прагматической нормой языка. Язык служит основой коммуникации, это главный и социально признанный вид коммуникативного поведения. Э. Сепир подчеркивает: «Язык является коммуникативным процессом в чистом виде в каждом известном нам обществе» [Сепир, 1993: 211]. Язык реализуется в текстах, различных по форме и содержанию. Текст является важным инструментом в коммуникации, так как он позволяет людям обмениваться сложной и детализированной информацией независимо от временных и пространственных ограничений. Онтологические свойства языка и текста раскрываются в коммуникации через их способность создавать и интерпретировать реальность. Язык, будучи основным инструментом передачи информации, формирует восприятие мира, создавая концептуальные структуры, которые становятся основой для социальных взаимодействий. Переход от постиндустриального к информационному обществу усиливает роль языка и текста, превращая их в ключевые элементы для обмена информацией и ее распространения. В информационном обществе текст не ограничивается только традиционными средствами коммуникации, он становится многоуровневым и многозначным, позволяя

создавать новые формы знаний, взаимодействия и восприятия мира [Почепцов, 2001: 355].

Кодируемость. Результатом использования языкового кода являются конкретные тексты, кодируемые и декодируемые, создаваемые в форме, освоенной культурным сообществом в определенной момент его существования. В том или ином тексте используется соответствующий языковой код, который представляет собой систему определенных языковых знаков и правил их использования.

Текст как кодируемое и декодируемое единство участвует в передаче и распространении информации, выступая посредником между отправителем и получателем [Маслова, 2008: 30]. Получатель интерпретирует текст, используя знания языка, контекста, культурного фона и другие когнитивные процессы.

Интерпретируемость и *концептуальность* текста означают его способность быть понятым и истолкованным как отправителем, так и получателем сообщения. В гуманитарном знании истолкование текстов (смыслополагающая и смыслосчитывающая операция) определяет его способность передавать информацию, идеи или эмоции [Философия: энциклопедический словарь, 2004]. Ф. Растье критически оценивает утверждения о том, что текст имеет только один правильный смысл и допускает только одно верное толкование. В исследовании Ф. Растье интерпретирующая семантика сосредоточена на динамике смыслов, возникающих в процессе чтения и понимания. Основное внимание уделяется не лексическим значениям, а семантическим структурам, таким как тематические роли, семы и поля, которые формируются в рамках коммуникации. Ф. Растье утверждает, что значение не существует вне текста и что оно конституируется через взаимодействие лингвистических, когнитивных и культурных факторов. Метод анализа опирается на микросемантику (анализ значений слов в контексте) и макросемантику (анализ смысловых структур текста в целом) [Растье, 2001].

Концептуальность как сжатый смысл в постфольклорных текстах представляет собой способ передачи сложных идей через компактные, часто многозначные формы. Смысл скрыт в символах, метафорах, аллюзиях, что позволяет постфольклорному тексту вмещать в ограниченное пространство гораздо больше информации, чем это происходит в традиционном повествовании [Ильина, 2024а]. Концептуальность способствует многослойности текста, создавая возможность для различных интерпретаций в зависимости от контекста. Человеческое восприятие и когнитивные процессы влияют на понимание и интерпретацию текстов; отправители используют нарративные техники и стратегии для создания убедительных и правдоподобных историй и создают тексты, в то время как получатели, опираясь на врожденные когнитивные способности, интуитивно воспринимают и интерпретируют нарративные структуры [Fludernik, 2009].

Информативность и транслируемость. Текст является носителем информации, а его содержание в рамках теории коммуникации определяется как контент. Информативность постфольклорного текста определяется целью его создания и данными, заложенными не только в текст, но и в контекст, его окружающий. Контекст включает социальные, культурные и психологические аспекты события, в рамках которого текст существует. В случае устной коммуникации контекст играет особенно важную роль, поскольку текст неотделим от невербальных элементов, таких как жесты, действия и использование определенных предметов [Валгина, 2003: 149-150; Зеленин, 1934: 223-231]. Невербальные элементы вместе с самим текстом создают синкретические комплексы, которые помогают сохранять, передавать и воспроизводить смысл сообщения. Транслируемость постфольклорного текста есть передача определенной информации от отправителя к получателю в рамках определенной культуры или сообщества и отражает мировоззрение, ценности, традиции и обычаи группы или сообщества, в среде которой он возник [Ларин, 1977: 191]. Постфольклорные тексты создаются для дальнейшей трансляции и тиражирования.

Поликодовость как взаимодействие семиотических кодов, задействованных при создании и передаче текста, обработке и хранении информации, особенно актуальна для текстов периода всеобщей компьютеризации и интернетизации, так как интернет-пространство предоставляет широкие возможности для сочетания в публикациях различных элементов, кодов и техник. В современных исследованиях поликодовость увязывается с коммуникацией вообще [Adamzik, 2004: 56-61] и реализуется в разнообразных форматах. Социальные сети заполнены многократно пересылаемыми сообщениями, сочетающими текстовые элементы (заголовки, подписи), изображения, звуковые эффекты, анимацию. Комбинация названных элементов призвана создать сложную систему сообщения, которое может быть понято только при условии соответствия систем кодирования и декодирования информации.

Сочетание изображения и текста получило в настоящее время название визуального нарратива, где текст и изображение взаимодействуют и дополняют друг друга. Визуальный нарратив представляет собой зримую структурно-функциональную модель, в которой ценности и нормы конкретной культуры кодируются с помощью знаков, символов и образов, связанных между собой различными контекстуальными связями [Симбирцева, 2013: 184-185]. Тексты без рисунков, схем, таблиц появляются все реже, академический язык научных докладов сопровождается презентациями, формулируется требование не только иллюстрировать текст изображением, но и объединять их для более эффективного прочтения визуального текста. Особенностью визуальных нарративов является их способность «рассказывать» историю сразу на двух языках. Визуальный нарратив не дает возможности игнорировать его: в большинстве случаев человек неизбежно вовлекается в его восприятие [Скаф, 2014; Токарев, 2013: 62-63]. Посредством подключения активного процесса *видения* в процессе восприятия визуального нарратива происходит стимулирование к действию и осуществляется оценка, включающая в себя ощущение «цепляет» или «не

цепляет». Видение – это активный творческий процесс. Зрение, как часть этого процесса, обладает динамичностью: экспрессия основывается на различных формах напряжения, которые являются универсальными моделями сил, полученными из жизненного опыта при восприятии различных образов [Арнхейм, 1974: 385-386; Ильина, 2021а, 2022б].

Анонимность является изначальным свойством фольклора, в постфольклоре сведения о происхождении текста могут забыться или скрываться сознательно, происхождение невозможно определить в принципе (например, для анекдотов и частушек), цель – определить (найти) автора постфольклорного произведения или закрепить авторство за каким-либо произведением чаще всего не ставится. Характеристики анонимности в постфольклоре включают в себя: отсутствие подписей или имен, использование псевдонимов или ников, коллективное авторство, многолетнее существование безымянных историй, происхождение которых уходит глубоко в прошлое. Основанием анонимности как свойства текста стала концепция и фраза Р. Барта «смерть автора» [Барт, 1996], который утверждал, что при интерпретации произведения необходимо отказаться от учета личности автора, от признания постоянного присутствия автора в его тексте, от попыток постичь оригинальные авторские намерения.

В цифровую эпоху все более распространенным явлением становится плагиат – использование и представление чужих идей, текстов творений как своих без корректного указания авторства, даже комментирование текстов считается «кражей чужого ума» [Гагаев, 2016]. Плагиат неэтичен, поскольку он ущемляет права автора и нарушает академическую и профессиональную честность, подрывает ценность обучения и исследований [Синченко, Николаенко, 2013].

Саморефлексивность постфольклора также проявляется через отсылки к другим текстам (интертекстуальность), что становятся способом осмысления и пересмотра культурных ценностей, саморефлексирующий ставит под сомнение возможность устойчивого значения, подчеркивая

множественность интерпретаций. Ж. Деррида и М. Фуко, исследуют текст как многомерное пространство, в котором размываются границы между автором, текстом и читателем [Деррида, 2007, 2012; Фуко, 2004]. Постфольклорные тексты обладают саморефлексивностью, обсуждая сами себя и освещая свою структуру и природу [Ильин, 1996: 12]. Саморефлексивность в постфольклорном тексте проявляется как осознание его собственной текстуальности и культурной обусловленности. Постфольклорный текст включает элементы игры с традицией, пародирует или деконструирует устоявшиеся жанры, вступает в диалог с читателем, вовлекая его в рефлексию над природой текста, его границами и статусом в современной культуре.

Ненормативность. Семантика постфольклорного текста опирается на понимание языка постфольклора как сложного образования, построенного на базе живого разговорного языка, тяготеющего к упрощенным моделям синтаксиса и бытовой (разговорной, сниженной) лексике и сленгу, существующего в устной, письменной (традиционной), изобразительной и сетевой формах. Одной из особенностей постфольклорных текстов является наличие именно ненормативной лексики, использование грубых, неприемлемых оборотов и способов формирования сообщения, а также других отклонений от общепризнанных норм, представленных в параграфе 2.1 как антиценность постфольклорных текстов.

Особенностями функционирования постфольклорных текстов с учетом их свойств являются способности отражать *проблематику повседневности* и передавать *образ эпохи*. Постфольклорные тексты отражают *повседневность,* изображая и описывая предметы, явления окружающего мира, отношения, проблемы и противоречия, которыми живет человек. Ж. Ле Гофф, А. Лефевр, Э. Морен сформулировали основные методологические пути изучения повседневности, уделяя особое внимание ментальности и активности самого исследователя [Ле Гофф, 2000; Лефевр, 2015; Морен, 2013].

В 1960-1970-х годах французская школа социологии, особенно семиотика и структурализм, начала активно изучать повседневные практики. В 1990-е годы теория А. Лефевра и его последователя Э. Морена открыла новые пути понимания процессов урбанизации, их условий и последствий в любом масштабе социальной реальности: от практик бытовой сферы до глобальных потоков людей, капитала, информации и идей [Лефевр, 2015; Морен, 2013]. Повседневность в социологической традиции есть один из процессов жизнедеятельности человека, состоящих из привычных общеизвестных ситуаций и моделей поведения [Ионин, 1998: 123; Кнабе, 1989; Шюц, 1988: 23-34].

Повседневность мы рассматриваем как состояние или характеристику обыденности, каждодневных занятий, действий и событий. Повседневность – это все, что происходит в обычном режиме, внутри нашей действительности. Повседневность может быть малозаметной, «серой», неважной, однако именно она занимает большую часть нашего времени. Постфольклорные тексты описывают повседневность через реакции на текущие социальные и культурные процессы, включая бытовые проблемы, кризисы, повседневные заботы, актуальные для конкретной аудитории. При анализе постфольклорных текстов были выявлены ценностные комплексы повседневности, которые обнаруживаются в описании бытовых ситуаций, эмоциональных состояний, использовании языковых средств.

Сопоставление основных положений теории повседневности и выявленных свойств постфольклорных текстов позволяет установить, постфольклорные тексты отражают проблематику повседневности через:

– выделение/обозначение двух видов пространства, в которых одновременно пребывает человек: перцептуальное (доступное непосредственному восприятию) и концептуальное (воспринимаемое в образах культуры);

– наличие соотносительных пар повседневности с предполагаемыми оппозиционными значениями [Элиас, 2001]: обычный

(будничный) день – праздник; рутина ежедневных обстоятельств – экстраординарные сферы общественного бытия; стиль жизни города и горожан – стиль жизни села, глубинки; частная жизнь и все, что имеет отношение к семье, детям, любви, друзьям, досугу – профессиональная (общественная или публичная) жизнь;

– диалектику повседневности: описание предметов быта, эстетику жилища, тенденции моды, предпочтения в еде, одежде, формах досуга и др.;

– символические сферы и религиозный опыт человека в повседневной жизни как некоторую реальность; язык, который описывает данную реальность и становится символическим;

– упоминание гендерной принадлежности человека (обособление мужского и женского миров), принадлежности к определенной профессиональной, национальной, социальной, группе и т.п. [Гуревич, 1993];

– упоминание потенциальной угрозы нарушения привычного порядка неожиданными происшествиями, т. е. переживание повседневности как тривиальности, и необходимость быть всегда «в бодрствующем состоянии», в состоянии готовности к опасностям и неприятностям [Лелеко, 2002];

– случаи упоминания изнаночных сторон жизни человека и общества, которые до недавнего времени не отражались в художественных произведениях и экранной культуре.

Рассмотрим указанные положения на примере постфольклорного текста: **Да здравствуют колхозы [6].**

Дело происходило на юге Башкирии. В небольшой деревне жила семья зажиточного крестьянина Александра З: два женатых сына с детьми и два неженатых. Вся семья жила в одном большом пятистенном доме и имела большое хозяйство (12 дойных коров, 12 ездовых лошадей, не считая молодняка и т.д.). Для обработки земли, уборки урожая и заготовки сена семья использовала лобогрейку, молотилку, сохи, колесные и санные повозки*

[6] В материалах частных архивов и полевом материале имена, фамилии, географические названия изменены или скрыты.

(телеги, рыдванки[7], роспуски[8]) и т.д. В летний период семья заготавливала сено вдоль левого берега реки Нугуш, мужчины обрабатывали семейные участки земли (сеяли зерно). Излишки урожая продавали. Кроме этого, мужчины часто отправлялись в лес, где они заготавливали лыко для лаптей, луб для кровли дома и для мочала, заготавливали дрова, обжигали известняк для бытовых нужд. Женщины и дети всегда были незаменимыми помощниками на жатве и сенокосе. Но этим их домашний труд не ограничивался, в огороде они сеяли коноплю для изготовления холста и пошива одежды для всей семьи, валяли онучи, пряли шерсть, вязали, пекли хлеб в русской печи (которая служила местом для сна 7 детей и бабушки) и т.д. Всем хозяйством семьи руководил отец – распоряжался деньгами, давал советы по организации дел, все домочадцы его уважали, в семье царили мир и порядок.

В начале 1930-ых годов семья попала в список кулаков, которых надлежало раскулачить. И тогда глава семьи принимает решение добровольно отдать все имущество в колхоз. Таким образом, семья лишилась всего, что наживала в течение многих лет тяжелым трудом [Полевой материал… (Истории изжизни)].

В данном тексте мы отмечаем наличие соотносительных пар повседневности с оппозиционными значениями (рутина ежедневных обстоятельств – экстраординарные сферы общественного существования (коллективизация); другая оппозиционная пара – зажиточная крестьянская семья (кулаки) и новая власть.

Диалектика повседневности представлена разнообразными средствами: при описании предметов быта встречаются устаревшие слова (*соха, лапти*), также упоминаются предметы, незнакомые современному читателю (*рыдванки, роспуски* и др.). В выражении *обжигали известняк для бытовых нужд* – смысл каждого слова по отдельности понятен, но фраза в целом и назначение описываемого процесса вызывают недоумение.

При описании выполняемой работы упоминается гендерная принадлежность членов семьи (мужской и женский мир), и принадлежность

[7] Рыдванки, сущ мн.ч. – вероятно искаженное от рыдван (просторная повозка).
[8] Роспуски – крестьянская повозка (а также сани) для перевозки бревен и досок.

к возрастной группе (*на печке спали дети и бабушка*). Случаев упоминания «изнаночных сторон» жизни общества в данном тексте не выявлено.

Все, кто знакомился с текстом этого предания, после прочтения последней фразы добавляли: «но остались живы», или «но их не сослали в Сибирь». Жизненная среда, представленная описанием сложившегося размеренного хода жизни, обрывается упоминанием существующей потенциальной угрозы – датой *1930 год* и обозначением особого периода в истории нашей страны – началом *коллективизации*. Решение главы семьи – *отдать все имущество в колхоз* – показывает готовность быть всегда «в бодрствующем, напряженном состоянии» [Лелеко, 2002: 97], что подтверждает теоретические положения теории повседневности.

Обратимся к способности постфольклорных текстов передавать *образ эпохи*. *Образ эпохи* мы определили как примеры воспроизведения в устной, письменной, изобразительной и сетевой формах ряда устоявшихся практик индивидуальной, групповой жизни и деятельности людей, их среды обитания и окружающей обстановки, характеризующих особенности их общения, поведения, склада мышления и указывающих тем самым на определенный временной период [Ильина, 2016]. Образ эпохи проявляется в описании материальных и идеальных объектов, зафиксированных в научных, художественных, публицистических и постфольклорных текстах. В нашем исследовании выявление отражения образа эпохи стало результатом целенаправленного изучения массива постфольклорных текстов, при котором фиксировались упоминания в тексте материальных и идеальных объектов.

К материальным объектам, упоминаемым в постфольклорных текстах, и несущим информацию об образе эпохи, относятся географические и исторические объекты, техника, предметы быта. К идеальным – упоминание исторических событий и их характеристика, описание традиций, обычаев, общеизвестных праздников, имена и характеристики исторических личностей, имена, даты и описания событий, известных только рассказчику и значимых только для него, но содержащих характерные признаки эпохи.

Как у Родниной и Зайцева

Несколько лет назад мы с подругой пели в хоре в нашем клубе. Руководители приезжали из Оренбурга, это были мастера своего дела, тогда в хоре было много молодежи, мы ездили на концерты и фестивали, Один раз – в Сочи, на следующий год после олимпиады. В клубе были костюмы для хора, но тогда нам сшили еще новые – казачьи. На концертах мы пересекались с другими коллективами и могли отличить, кто поет сам, а кто – под фонограмму. Мы пели всегда сами, в записи включали только музыку или мы пели под аккомпанемент аккордеона, на котором играл наш руководитель.

И вот однажды на концерте что-то случилось с аппаратурой, и звук пропал. Хор не растерялся и песню допели без музыки. Но когда уходили со сцены и заходили в свою комнату для репетиций, хористы в возрасте 50 лет или около того, через одного говорили: Как у Родниной и Зайцева. Другие понимающе кивали. А молодым пришлось объяснять, что когда-то на олимпиаде в США во время выступления этих известных советских фигуристов специально выключили музыку, но они «откатали» программу до конца [Полевой материал… (Истории из жизни)].

В данном тексте образ эпохи отражен достаточно наглядно: упоминаются географические объекты – города Оренбург и Сочи; называются известные события – олимпиада 2014 года в Сочи и олимпиада в США; известные лица – советские спортсмены Ирина Роднина и Александр Зайцев, и факт (выключение звукового сопровождения), связанный с их выступлением. Отметим ошибку автора: отключение музыки во время выступления советских фигуристов произошло на чемпионате мира в Братиславе в 1973 году.

Упоминается достаточно распространенное явление – хор, репетиции хора в клубе; предметы и явления культурно-массового досуга – петь в хоре, костюмы и новые казачьи костюмы, фонограмма, аккордеон как инструмент аккомпаниатора. Реалия времени – *петь под фонограмму*, служит в тексте отрицательной характеристикой.

Самое значимое место в данной истории занимает упоминание советских фигуристов, чемпионов мира – Ирины Родниной и Александра Зайцева. Конкретная дата (когда во время их выступления выключили

музыку) не упоминаются, но в данной истории важен факт – Ирина Роднина и Александр Зайцев продолжили выступление. И поэтому участники хора, бывшие свидетелями этого события провели параллель – сравнили отключение музыки во время своего выступления с тем, что произошло с фигуристами.

Кульминационный момент истории: хористы старше 50 лет произносят фразу: «Как у Родниной и Зайцева», другие хористы (примерно такого же возраста) их поддерживают, а молодые участники хора, выросшие в другую эпоху, их не понимают, поэтому им объясняют смысл данного сравнения.

Деревья в бабушкином саду

В нашей семье по отцовской линии есть традиция. Семья большая, у бабушки семь сестер и шесть братьев, у всех есть дети. У самой бабушки две дочери и сын (мой отец). Традиция заключается в том, что внуки – двоюродные братья и сестры, одногодки (если такие есть), сажают в саду за бабушкиным домом одинаковые деревья. Мы с моим двоюродным братом (разница у нас 2 месяца) тоже посадили две сосны. Эти сосны уже довольно большие, но одна растет заметно лучше и ровнее другой, видимо, мы посадили их слишком близко друг к другу. Однако мы не помним, кто какую сосну посадил [Полевой материал… (Предания)].

В предании не упоминаются географические либо технические объекты, но описываются события, известные только рассказчику, и значимые для него: традиция – *сажать в саду за бабушкиным домом одинаковые деревья* внуками-одногодками; состав семьи бабушки (*семь сестер и шесть братьев*). Данное предание без учета даты рождения автора, трудно отнести к определенному временному промежутку, так как указанные признаки могут служить характеристиками уклада жизни в России на протяжении XIX-XX веков.

Таким образом, было установлено, что постфольклорный текст в эпоху постмодернизма представляет собой сложный многослойный феномен. Постфольклорные тексты служат реакцией на актуальные проблемы современного общества, а также на социальные, политические и культурные

явления. Они не ограничиваются традиционными рамками, а включают в себя элементы визуальной, аудиовизуальной и цифровой коммуникации. Охарактеризованные основные свойства постфольклорных текстов вместе с гибкостью жанров обеспечивают тесное взаимодействие текстов с реальностью. Выявлены особенности функционирования постфольклорных текстов: они отображают повседневную жизнь и передают образы эпохи.

Выводы по второй главе

Понимание ценностей как значимых и устойчивых убеждений, служащих основой для формирования жизненных целей, приоритетов и отношений к различным аспектам реальности, позволяет утверждать, что категория ценности играет ключевую роль в смысловом пространстве языка, влияя на коммуникацию и взаимодействие между людьми, объективируя их через языковые средства, такие как лексика, синтаксис и прагматика. Значимость изучения постфольклорных текстов заключается в них способности отражать социальную реальность. Анализ постфольклорных текстов с аксиологической точки зрения позволяет выявить, какие ценности отражены в массовой культуре.

Исходя из объективных предпосылок возникновения постфольклора в эпоху постмодерна, постфольклорный текст рассмотрен как семантическая система речевых, ментальных образов, изобразительных и тактильных конструкций, поведенческих практик, связанных с явлениями, событиями, сообществами и территориями, созданная на основе определенной системы знаков, воплощающая смыслы индивидуального восприятия мира и поддающаяся множественным интерпретациям.

Представлена общая характеристика постфольклорного текста как материала исследования; для раскрытия многообразия постфольклорных текстов было введено и обосновано понятие *текстосферы*. Анализ содержания постфольклорных текстов позволил выявить их прагматическое

значение и скрытые смыслы, определяемые на уровне концептуальной метафоры.

Введено авторское обоснование жанров постфольклорного текста и их классификация с выделением новых показателей. Составлена общая классификация жанров постфольклора, включающая постфольклорную несказочную прозу, постфольклорную несказочную поэзию, малые жанры постфольклора (проза и поэзия). В классификации предложено учитывать авторство, образ рассказчика и ситуации порождения/передачи/приема текста, влияния коммуникационных технологий и современной цифровой техники на создание, трансформацию, передачу постфольклорных текстов, способ обращения с ними, каналы передачи, зоны распространения и роли участников информационного обмена.

Выявлены семантические коды постфольклорных текстов. Доказано, что семантика постфольклорного текста складывается из семантики отдельных текстовых сегментов, которые наделены смыслом, считываемым «между строк», понятным носителям языка и культуры в определенном временно-пространственном промежутке [Ильина, 2023г].

Обосновано, что существование семантических кодов постфольклорных текстов позволяет отнести постфольклорные тексты к произведениям культуры, обладающим ценностью; соответственно ценность постфольклорных текстов определяется их значимостью как явлений социальной действительности, и способностью отражать нормативную (оценочную) сторону явлений общественной и частной жизни.

В процессе исследования постфольклорных текстов раскрыто их ценностное лингвокультурное содержание и выявлены особенности функционирования: установлено, что они описывают повседневность и передают отражение образа эпохи.

Определено, что постфольклорные тексты являются реакцией на актуальные проблемы современного общества и другие социальные, политические и культурные события. Благодаря широкому распространению

постфольклорные тексты обладают способностью мгновенного реагирования на события и быстрой адаптации текста к изменяющимся внешним условиям.

В третьей главе необходимо рассмотреть особенности рассеивания смысла постфольклорного текста с учетом множества потенциальных интерпретаций.

ГЛАВА III. ОСОБЕННОСТИ РАССЕИВАНИЯ СМЫСЛА ПОСТФОЛЬКЛОРНОГО ТЕКСТА

В первой и второй главах отображены теоретико-методологические предпосылки изучения диахронической семантики постфольклорного текста и сематнико-типологическая характеристика постфольклорного текста как ценности. Опираясь на выявленное ценностное лингвокультурное содержание постфольклорных текстов, характеристику их жанров и классификацию, семантические коды и особенности функционирования, исследуется возможность количественного и качественного измерения рассеивания смысла постфольклонного текста. Поскольку анализируемые тексты не только передают информацию, но отражают культуру, эмоции и мышление, они трудно поддаются количественной интерпретации. Для измерения процессов рассеивания смысла, с учетом множества потенциальных интерпретаций, которые не могут быть полностью усвоены или закреплены, необходим качественный инструментарий, рассматривающий взаимодействие текста с уникальным набором временных, пространственных, возрастных, языковых и культурных факторов.

3.1. Пропозициональная обусловленность рассеивания смысла

В параграфе 1.2 были изучены теоретические положения изменения смысла с помощью метода пропозиций как одного из способов представления процессов рассеивания смысла. Проверим теоретические положения на практике.

Выражение смысла количественно – это сложная задача, так как смысл текста часто является субъективным и зависит от контекста, культурных особенностей, личного опыта и т. д. Анализ тональности текста может быть проведен с использованием алгоритмов машинной обработки текстов для определения положительного, отрицательного или нейтрального настроя текста. Такие алгоритмы дают числовые оценки или вероятности для каждой

категории тональности. Например, методика анализа TF-IDF (англ. term frequency – inverse document frequency) позволяет определить частотность ключевых слов или терминов в тексте. Однако необходимо отметить, что количественные методы охватывают только некоторые аспекты смысла слов и выражений текста, отдельные нюансы смысла и контекстуальные особенности речевых конструкций не поддаются количественным измерениям.

Пропозициональный подход в анализе текстов основывается на идее, что тексты состоят из серии пропозиций, каждая из которых описывает отдельное действие или состояние. Это позволяет анализировать структуру текста, выявляя основные события и действия, описанные в нем [Glulich, Quasthoff, 1985].

P. Hühn считает, что события и их насыщенность (англ. eventfulness) играют ключевую роль в структуре текста, оказывая влияние на его восприятие и интерпретацию. P. Hühn использует пропозиционный анализ, чтобы детально описать и классифицировать события в тексте, определяя, какие из них являются наиболее значимыми. Пропозиции, в данном случае, представляют собой базовые смысловые единицы, которые используются для анализа и структурирования событий в тексте [Hühn, 2009: 80-97].

М. Мартинес и М. Шеффель обсуждают различные методы анализа текста, включая пропозициональный анализ, который в контексте нарративной теории используется ими для разложения текста на смысловые единицы (пропозиции), что позволяет более структурированно анализировать события и их взаимосвязи [Martinez, Scheffel, 2019].

Изучение рассеивания смысла через *пропозиции* включает анализ того, как смысл слов, высказываний и предложений меняется или распределяется в течение времени или в различных контекстах (см. параграф 1.2). Пропозиции, содержащие определенные слова или выражения, со временем подвергаются трансформациям, которые проявляются в изменении смысла слов и выражений. Анализируя, какие слова приобретают новые значения

или теряют свою семантическую нагрузку, мы можем проследить изменение смысла конкретных пропозиций [Арутюнова, 1976: 71-76]. Пропозиции подвержены полисемии, они могут иметь несколько возможных смыслов или интерпретаций. Изучение изменения смысла через пропозиции позволяет выявить динамику смысла в языке, его изменчивость в разных контекстах и со временем, а также влияние культурных и исторических факторов на интерпретацию пропозиций [Виноградова, 2008].

Метод пропозиций включает несколько этапов:

– идентификация пропозиций: текст разбивается на отдельные пропозиции, выделяются предложения или фрагменты предложений, содержащие ключевые идеи;

– выявление смысла каждой пропозиции, ее содержания, это включает определение подлежащего, сказуемого и дополнений, а также выделение агенса (действующего лица), пациенса (объекта действия), инструмента (средства, с помощью которого совершается действие), локатива (места действия), источника (инициатора) и т. д.;

– уточнение отношений между пропозициями (логические связи, причинно-следственные отношения, сопоставления, противопоставления);

– определение смысла текста в целом, объединение смысла каждой пропозиции и учет их взаимосвязи.

Исходя из определения *пропозиции* как абстрактного содержания, которое может быть выражено разными способами, но сохраняющего свое основное значение, рассмотрим текст известной русской частушки «Эх, лапти мои…». В представленном тексте выделены следующие пропозиции:

(1) Эх, лапти мои
(2) Четыре оборки!
(3) Хочу – дома заночую,
(4) Хочу – у Егорки [Жемчужины мысли, URL: https://www.inpearls.ru].

Для анализа данного постфольклорного текста охарактеризуем каждую пропозицию, выделим основные абстрактные идеи и модальности:

Пропозиция (1) представляет собой восклицание, содержащее оттенок ностальгии, удивления или обреченности. Пропозиции (1) и (2) вместе (первые две строки) образуют обособленное вступление частушки, которое не всегда логически связано с заключением (третья и четвертая строки).

Пропозиция (2) указывает на внешний вид лаптей, поясняя, что лапти имеют оборки, вероятно, по две на каждом. Альтернативная формулировка пропозиций (1) и (2): «У меня лапти с четырьмя оборками». Что представляют собой *оборки*, и почему их количество (или наличие) значимо, современный человек объяснить не может.

Пропозиции (3) и (4) сообщают о возможности выбора места ночлега. Пропозиции передают идею, что автор (человек, произносящий данный текст) сам решает, где заночевать. Возможна альтернативная формулировка: «Я самостоятельно выбираю, где проведу ночь».

Текст частушки характеризуется выделением декларативной, экспрессивной и потенциальной модальностей. *Прямая побудительная модальность* отсутствует, так как в тексте не выражается прямой призыв к действию или предложение что-то изменить.

Декларативная (констатирующая) модальность: описывается факт, связанный с внешним видом лаптей, сообщается об оборках на лаптях и возможность выбора ночлега.

Экспрессивная модальность: Эх, лапти мои – четыре оборки – восклицание передает отношение говорящего к своим лаптям, подчеркивает важность или значимость этих лаптей. Экспрессивность также выражена в возможности выбора ночлега, подчеркивается эмоциональное отношение к свободе выбора, легкость и непринужденность решения.

Потенциальная модальность: хочу – дома заночую, хочу – у Егорки – это предложение кроме экспрессии содержит элемент вероятности. Потенциальная модальность указывает на возможность, а не на необходимость действия.

Анализируя частушку методом пропозиций, мы выделили ключевые идеи и типы модальностей, выражающих как фактическое описание фрагмента реальности, так и эмоциональное отношение. Более детальный анализ сем, реализующих указанные пропозиции, позволяет выявить скрытые смыслы и различные уровни взаимодействия с читателем, неявные для человека, оторванного от народной культуры. Например, описание *лаптей с оборками* приводит к представлению об оборках как о неком украшении, однако, этимологический анализ позволяет установить, что приставка *о-* передает круговое действие, а корень *-бор- (бир-, бра-: забор, забирать, забрать)* – действие по сведению чего-либо разрозненного в одно место, следовательно, оборки – это завязки [Даль, 2007].

Семантическая детализация пропозиции *хочу – дома заночую, хочу – у Егорки* содержит наиболее вероятное указание на гендерную принадлежность (произносящий данный текст – женщина), и сексуальный подтекст, переданный приставкой *за-* в сочетании с корнем *ночева*ть, которые передают случайность, неожиданность и мимолетность возникшего желания. *Заночевать* в русском языке – более относиться к возможности *заночевать у кого-либо, остаться на незапланированный ночлег.* Для описания *ночного сна дома* как стабильного явления глагол *ночевать* с приставкой *за-* не употребляется.

Рассмотрим еще один текст, который, согласно нашей классификации, относится к жанру *Истории из жизни.*

Еду сегодня в метро, слушаю музыку, а рядом со мной подсаживается женщина. Вежливо просит выключить телефон: у нее кардиостимулятор барахлит. В этот момент можно было заметить, как весь вагон начал выключать телефоны [Подслушано у сердца, URL: https://vk.com/grustnopub].

Выделим пропозиции:

(1) Я еду сегодня в метро.
(2) Я слушаю музыку.
(3) Рядом со мной садится женщина.

(4) Женщина вежливо просит выключить телефон.

(5) У женщины ненадежно работает кардиостимулятор.

(6) Все пассажиры вагона начали выключать телефоны.

Рассмотрим взаимосвязи между пропозициями:

Пропозиции (1) – (3) определяют контекст: агенс 1 (я) описывает свои действия и окружение. Альтернативная формулировка: «Я ехал(а) на метро, наслаждаясь музыкой в наушниках».

Пропозиции (4) – (5) описывают появление женщины (агенс 2), ее просьбу выключить телефон и причину просьбы: у женщины проблемы с кардиостимулятором. Альтернативная формулировка: «Женщина вежливо попросила меня выключить телефон из-за неисправности кардиостимулятора».

Пропозиция (6) описывает реакцию остальных пассажиров (агенс 3) на просьбу агенса 2, обращенную к агенсу 1: «Весь вагон начал выключать телефоны». Альтернативная формулировка: «Все пассажиры в вагоне начали выключать телефоны, проявляя участие к состоянию женщины». Таким образом, смысл текста заключается в описании ситуации, в которой вежливость и забота о здоровье других приводят к отказу от своих потребностей или удобств.

Декларативная (констатирующая) модальность данного текста: описание действий говорящего и его состояние (поездка в метро и прослушивание музыки) констатируют произошедшие действия и передают обычное поведение без эмоциональной оценки.

Императивная (побудительная) модальность: просьба женщины выражает побуждение к действию, что характерно для приказа или распоряжения. Просьба о выключении телефона является центральным моментом, который вызывает изменение поведения всех участников ситуации.

Экспрессивная модальность передана в предложении «В этот момент можно было заметить, как весь вагон начал выключать телефоны», которое

выражает удивление или восхищение агенса 1 коллективной реакцией пассажиров (агенса 3), показывающей чувство солидарности.

Потенциальная модальность и ее позитивное разрешение прослеживаются в факте выключения телефонов пассажирами. Отметим возможность альтернативного развития событий, когда не все пассажиры продемонстрируют готовность отключить телефоны по просьбе незнакомого человека.

Рассмотрим далее стихотворения А. Барто «Жук», которое в силу общеизвестности и распространенности может быть отнесено к постфольклорным текстам:

Мы не заметили жука
И рамы зимние закрыли,
А он живой, он жив пока,
Жужжит в окне,
Расправив крылья...
И я зову на помощь маму:
– Там жук живой!
Раскроем раму! *Агния Барто* [«Ну-ка, Дети», URL: https://nukadeti.ru].

Пропозиция (1) описывает ситуацию – жук остался незамеченным агенсами. Это может быть выражено по-разному, например: «Жук остался незамеченным нами».

Пропозиция (2) описывает закрытие оконных рам, что предполагает изоляцию внутреннего пространства от внешнего мира. Пропозиция может быть перефразирована: «Окна были закрыты на зиму».

Пропозиция (3) подчеркивает, что жука можно спасти, но, если он останется в окне, он погибнет. Эту мысль можно выразить иначе: «Жук продолжает жить».

Пропозиция (4) иллюстрирует попытки жука вести привычный образ жизни; иначе смысл можно передать сообщением, что между стеклами рамы остался жук, который пытается там летать.

Пропозиция (5) передает просьбу о помощи, что подчеркивает серьезность ситуации и беспомощность агенса 1, вероятно – ребенка. Альтернативная формулировка: «Я прошу маму помочь мне».

Пропозиция (6) – содержит предложение открыть раму, это является попыткой изменить ситуацию путем открытия окна, чтобы помочь жуку. Иначе: «Давай откроем окно, чтобы спасти жука».

Каждая из этих пропозиций представляет собой отдельную идею или абстрактное содержание, которое можно выразить различными способами, но которое сохраняет свой основной смысл в разных формулировках. Данное стихотворение было использовано в анкетировании (подробнее параграф 4.5), которое показало, что респонденты в возрасте 16 лет и младше не понимают смысл просьбы *Раскроем раму!,* что подтверждает утрату смысла слова *рама (оконная)* и выражений *закрыть окна на зиму, раскрыть раму*.

Определим типы *модальности* данного текста исходя их лингвистической семантики: *Декларативная (констатирующая) модальность:* Мы не заметили жука. А он живой, Он жив пока. Жужжит в окне, Расправив крылья... Там жук живой! – эти предложения описывают факты или состояния, констатируя обстоятельства без явного выражения оценки или призыва к действию.

Императивная (побудительная) модальность: Раскроем раму! – эта конструкция выражает побуждение к действию, желание говорящего изменить текущее положение вещей, предполагая открытие окна.

Экспрессивная модальность: И я зову на помощь маму – это предложение выражает эмоциональную реакцию говорящего на ситуацию и его обращение за помощью. Здесь передаются срочность и необходимость вмешательства, отражающие личное отношение говорящего к ситуации.

Потенциальная модальность: И рамы зимние закрыли, … – хотя это предложение на первый взгляд кажется простым констативным утверждением, оно также подразумевает потенциальность, связанную с конструкцией окна и возможностью открыть раму для спасения жука.

Анализируемый текст сочетает в себе различные модальности, что делает его многогранным и открывает простор для разнообразных интерпретаций и взаимодействий с читателем.

Рассеивание смысла пропозициональной структуры возможно как на словообразовательном, так и на дискурсивном уровнях, рассеивание может быть преодолено за счет профилирования дополнительных языковых средств в самой пропозиции. Рассеивание смысла происходит при сворачивании пропозиции с негативным знаком, что приводит к утрате смысла [Балакин, 2018: 93].

В контексте общения и понимания текста, пропозиция передает смысл через комбинацию составляющих ее элементов, включая смысловую нагрузку слов, структуру предложения, а также контекст, в котором она используется. С помощью метода пропозиций возможно выявление основных идей, представленных в тексте, их связей с коммуникативными установками говорящего и наличие других актуализаторов речи. В целом метод пропозиций как способ анализа семантики текста позволяет отметить особенности текстуального содержания и отдельные нюансы смысла, но не позволяет проследить изменения смысла во времени и тем более, измерить эти изменения.

3.2. Оппозиция как способ изучения рассеивания смысла

Проблема изучения сохранения смысла имеет прочное философское основание в виде концепции Ж. Деррида, известной как *деконструкция* (параграф 1.3.). Одним из ключевых понятий концепции является метод бинарных оппозиций. Метод состоит в том, чтобы обнаруживать и анализировать оппозиции, которые структурируют язык, мышление и культуру. Ж. Деррида аргументировал, что бинарные оппозиции создают иллюзию фиксированных противоположностей, которые поддерживаются в

обществе и в языке, и что деконструкция этих оппозиций приводит к пониманию нестабильности смысла [Derrida, 1967].

Применительно к текстам метод бинарных оппозиций используется для анализа противоположностей, которые присутствуют в тексте, для раскрытия их иронии, неоднозначности, внутреннего конфликта. Ж. Деррида показал, что оппозиции не являются постоянными, так как никакое значение не существует в изоляции, смысл всегда смещается и постоянно «отсрочивается» [Derrida, 1967; Деррида, 2007].

С помощью метода бинарных оппозиций в постфольклорном тексте были выявлены противоположные понятия, которые взаимодействуют и пересекаются в тексте. Это позволило исследовать не только явные смысловые аспекты текста, но и смыслы, скрытые за видимой оппозицией [Деррида, 2007]. Рассеивание смысла (фр. différance) как общая концепция деконструкции Ж. Деррида, подчеркивает, что смысл отдельных слов и текстов в целом зависит от контекста и интерпретации, создающих постоянное движение смысла, которое невозможно исчерпать полностью.

Методика анализа текста на основе метода бинарных оппозиций включает:

– *предварительный анализ текста* (определение ключевых тем; выявление основных понятий и терминов, используемых в тексте);

– *выявление бинарных оппозиций* (идентификация противоположностей; анализ взаимодействия оппозиций и возможность инверсии или дестабилизации; выявление предположений или смысловых конструкций, поддерживающих эти оппозиции);

– *анализ семантического разнообразия текста* (оценка сложности и разнообразия языка текста; количественный анализ для оценки степени семантического разнообразия (например, частотный анализ слов); анализ контекста использования ключевых слов и фраз с оценкой их многозначности и потенциала для различных интерпретаций);

– *заключительный анализ* (формулирование вывода о рассеивании смысла в тексте из-за его языковой сложности и неоднозначности; оценка влияния рассеивания смысла на понимание текста и его возможные интерпретации).

Для примера проведем анализ уже знакомого нам постфольклорного текста – стихотворения А. Барто «Жук» (параграф 3.1) – в соответствии с предложенной схемой.

1. Предварительный анализ текста:

Ключевые темы: стихотворение фокусируется на взаимодействии человека с маленьким, и, казалось бы, незначительным существом – жуком. Темы включают наблюдение, сочувствие, связь с природой и потенциально – осознание жизненного цикла. *Основные понятия и термины*: жук, рамы, живой, жужжит, окно, крылья, помощь, мама.

2. Выявление бинарных оппозиций

– *живой/неживой*: жук описывается как живой, что подчеркивает контраст с неживым окружением и аналогию с людьми, закрывшими раму и способными открыть ее;

– *внутри/снаружи:* жук находится внутри, за закрытыми рамами, что противопоставляется свободному пространству снаружи;

– *замеченный/незамеченный:* жук сначала остается незамеченным, но затем его замечают и хотят помочь;

– *закрыть/открыть*: закрытые рамы символизируют изоляцию, ограничение и отсутствие доступа к внешнему миру для жука. Затем появляется предложение *Раскроем раму!,* что указывает на действие в противоположном направлении – на открытие, свободу и возможность изменения ситуации;

– *взрослый (мама) / ребенок (я)*: повествование ведется от лица ребенка, который обращается к маме за помощью, что передает его зависимость и необходимость в поддержке и руководстве со стороны

взрослого. Ребенок проявляет сочувствие и желание изменить ситуацию, но при этом нуждается в разрешении взрослого для реализации своего желания.

Инверсия: жук, который сначала не замечен, становится центром внимания, изменяя обычный ход событий.

Предположения или смысловые конструкции: предположение о том, что маленькие существа не заслуживают внимания, подвергается сомнению, когда читатель сопереживает жуку.

3. Анализ семантического разнообразия.

Сложность и разнообразие языка: язык стихотворения прост и ясен, но содержит элементы, придающие глубину и естественность: звукоподражательные слова, повторение звука [ʒ] (*жук, живой, жужжит).*

Частотный анализ слов: слова *жук, живой, рамы* являются ключевыми и повторяются несколько раз.

Контекст использования ключевых слов: слово *жук* сначала ассоциируется с чем-то предельно простым и неважным, но затем приобретает большую значимость. *Там жук живой* – подчеркивает контраст между хрупкой жизнью жука и его окружением. *Он жив пока* – предупреждает о лимите времени.

Рамы являются отправным моментом всего повествования, а их (вероятное, потенциальное, обсуждаемое) *раскрытие* – кульминацией текста.

Возможные интерпретации:

– ребенок избалован, просьба открыть раму является его капризом;

– трудоемкость процесса закрытия окна на зиму – раскрытие рам потребует повторения операции;

– реализация принципа «здесь и сейчас» – если есть возможность сделать что-то полезное, сделай это, каким бы незначительным это мероприятие не казалось.

4. Заключительный анализ: стихотворение демонстрирует, как смысл рассеивается через языковую экономию и многозначность, побуждая

читателя задуматься о более глубоких темах, стоящих за простым повествованием о жуке. Рассеивание смысла делает текст открытым для различных интерпретаций, позволяя читателю вложить в анализ собственные мысли и чувства.

В целом оппозиции как способ изучения рассеивания смысла акцентируют внимание на иерархии и взаимоотношениях между элементами, которые традиционно рассматриваются как противоположности. Однако, для анализа постфольклорных текстов метод оппозиций неудобен по ряду причин: постфольклорные тексты часто построены на смешении различных жанров и стилей, которые не поддаются четкой бинарной классификации. Методом бинарных оппозиций сложно учитывать гибридные формы постфольклора и постоянно обновляющиеся культурные контексты. Кроме того, постфольклорные тексты часто отражают субъективные позиции, которые трудно вписать в жесткие бинарные структуры.

3.3. Энтропия постфольклорного текста

В параграфе 1.4 мы изучили возможность измерения рассеивания смысла с помощью энтропии. Было установлено, что в точных науках энтропия является мерой степени неопределенности или беспорядка в системе. В лингвистическом контексте, энтропия может проявляться через такие явления, как полисемия слов, синонимия, грамматическая неоднозначность. Измерение энтропии текста как меры рассеивания смысла является сложной задачей, так как оно включает в себя не только лингвистический анализ, но и учет множества субъективных факторов, связанных с интерпретацией текста читателями. Далее представлены несколько потенциальных единиц измерения энтропии текста:

– *индекс разнообразия интерпретаций* как определение меры рассеивания смысла строится на выявлении количества уникальных интерпретаций. Индекс разнообразия интерпретаций основывается на глубоком анализе текста, критических отзывах, практике использования

текста в рамках культурной дискуссии. Индекс разнообразия интерпретаций применим как для мини-, так и для метанарративов, но требует больших временных затрат для их анализа;

– *коэффициент полисемии* оценивает, насколько многозначны слова в тексте, измеряя, сколько различных смыслов имеет каждое слово и ключевые слова в разных контекстах. Коэффициент полисемии вычисляется сопоставлением суммы значений всех многозначных слов текста (без учета слов с одним значением) и общего количества слов без повторов и без слов с одним значением;

– *статистическая неопределенность* вычисляется измерением меры рассеивания смысла на основе использования методов корпусной лингвистики (анализ частоты и распределения слов, фраз, синтаксических структур и т. д., с целью определения степени неопределенности или предсказуемости текста;

– *мера контекстуальной связности* позволяет представить степень открытости текста для различных интерпретаций, оценить, насколько смысл текста зависит от внешнего контекста (культурного, исторического);

– на основе определения энтропии как меры неопределенности, принятой в теории информации, можно количественно оценить *энтропию Шеннона* – степень неопределенности или разнообразия информации в тексте.

Каждая из предлагаемых единиц измерения имеет свои ограничения и условности, особенно учитывая многоплановость и подвижность постфольклорных текстов как материала исследования.

Рассмотрим далее измерение энтропии как меры рассеивания смысла на примере стихотворения А. Барто о жуке (текст стихотворения см. в параграфе 3.1). В качестве потенциальных единиц измерения энтропии прибегнем к описанию индекса разнообразия интерпретаций текста (1) и вычислению коэффициента полисемии (2):

(1) *Индекс разнообразия интерпретаций текста* не может быть точно измерен количественно, поскольку потенциальное количество толкований зависит от личного опыта, воображения читателя и культурного контекста:

– при *буквальном толковании* рассматривается поверхностный смысл текста – эпизод, в котором кто-то (скорее всего, ребенок) обнаруживает (случайно) жука, закрытого (оставленного, забытого) в оконной раме, и предлагает (просит, зовет на помощь, обращается к кому-то с просьбой) раскрыть раму, чтобы жук смог улететь (чтобы выпустить/освободить жука);

– *метафорическое толкование* предполагает, что жук является метафорой чего-то, что было упущено или забыто, но все еще обладает жизненным потенциалом; раскрытие рамы может символизировать освобождение, принятие изменений или новых возможностей; обращение ребенка за помощью к взрослому служит метафорой значимости взрослого в жизни ребенка и беспомощности ребенка в некоторых ситуациях;

– *экологическое или природоохранное толкование* позволяет интерпретировать текст как призыв к заботе о живых существах и природе, даже если проблема представляется незначительной;

– *философское толкование* рассматривает жука в его борьбе за жизнь в замкнутом пространстве, ситуация борьбы за жизнь служит образом человеческой жизни, ограничений, которые налагает общество или собственные убеждения, или образом стремления к свободе;

– при *психологическом толковании* текст интерпретируется как изображение внутренних переживаний, страхов, неосуществленных мечтаний, которые все еще ждут своего освобождения и реализации;

– *толкование с позиций теории повседневности:* ранее (в советское время) закрытие окон на зиму было связано с заделыванием щелей между створками окна и заклеиванием стыков, поэтому раскрытие рамы для получения доступа к залетевшему между оконных рам жуку становится

проблематичным (требуется скорее не помощь, а разрешение со стороны мамы открыть окно).

Стихотворение было включено в анкету «Тексты вокруг нас» с обращением к респондентам предложить одно или несколько толкований текста [Тексты вокруг нас, URL: https://docs.google.com/forms/d/e/1FAIpQLSceCd9SoJFkN-7HXHHhFwXB9m2S7AR9Xy4ER9mYol_USix1lg/alreadyresponded]. Были получены следующие результаты: три толкования содержались в 1% ответов на вопросы анкеты, два толкования в 3% ответов, одно толкование в 94% полученных ответов; в содержательном плане: буквальное толкование – 72%, метафорическое – 3%, экологическое – 4 %, философское – 5 %, психологическое – 3 %, толкование с позиций теории повседневности – 13 %. Каждое из предложенных толкований демонстрирует уникальность интерпретаций в зависимости от контекста, в котором они рассматриваются, и личных взглядов респондентов.

(2) Для измерения энтропии текста как меры рассеивания смысла через *коэффициент полисемии* необходимо определить, сколько значений имеет каждое слово в тексте. Для этого установим начальную словарную форму каждого слова и обозначим некоторое конечное число значений слова в его начальной форме, поскольку в индивидуальном словаре, особенно с учетом отклонений от нормы и контекста, количество и состав значений может существенно различаться:

(1) мы (мы) – 1 (личное местоимение первого лица мн.ч., не привязано к роду);

(2) не (не) – 1 (отрицательная частица);

(3) заметили (заметить) – 7 (глагол: увидеть, обратить внимание, отметить игнорировать (не заметить), обнаружить, найти, искать);

(4) жука (жук) – 5 (сущ., насекомое, в переносном значении – человек, вызывающий неприязнь или восхищение отрицательными качествами (*Ну, ты и жук!*)), название разведывательной машины, фамилия, фразеологизм *в поле и жук – мясо);*

(5) и (и) – 2 (союз простой (и), сложный (но и, и…и));

(6) рамы (рама) – 6 (сущ., часть окна, конструкция в технике и т.п., границы, рамки; имя (Индия, Таиланд), слоган *Хлеб и «Rama» созданы друг для друга*);

(7) зимние (зимний) – 7 (прил., относящийся к зиме, холодный, морозный, плохой, нежеланный, трудный, труднопереносимый);

(8) закрыли (закрыть) – 6 (глагол: закрыть физически, завершить что-то, скрыть, прекратить существование, спрятать (утаить), защитить);

(9) а (а) – 3 (союз простой и сложный, междометие);

(10) он (он) – 1 (личное местоимение третьего лица, ед. ч., связано с родом – муж. р.);

(11) живой (живой) – 5 (прил., живущий, активный, реалистичный, бодрый, веселый);

(12) он (он) – 1 (аналогично выше);

(13) жив (жив) – 5 (как краткая форма прилагательного *живой,* аналогично выше);

(14) пока – 2 (наречие: временной промежуток, формула прощания);

(15) жужжит (жужжать) – 2 (глагол: издавать звук, о насекомом или как насекомое, в переносном смысле – говорить монотонно);

(16) в (в) – 3 (предлог: движение внутрь, нахождение внутри, в какое время);

(17) окне (окно) – 3 (сущ., архитектурный элемент, свободное пространство; в переносном смысле – пробел в расписании);

(18) расправив (расправить) – 4 (расправить то, что было заправлено, сложено; фигурально – расправить крылья (освободиться от чего-л.); навести порядок (расправить скатерть); устроить расправу (наказать, восстановить справедливость));

(19) крылья (крыло) – 2 (сущ.: часть тела для полета, часть здания или предмета);

(20) и (и) – (аналогично выше);

(21) я (я) – 1 (личное местоимение первого лица, ед. ч., не связано с родом);

(22) зову (звать) – 4 (глагол: призывать, называть, обращаться, приглашать);

(23) на (на) – 5 (предлог: направление, место нахождения, место перемещения, на каком-л веществе или материале, переносное – *действовать на автомате*);

(24) помощь (помощь) – 4 (сущ.: действие по глаголу помогать; средства, справочные материалы, устойчивое выражение *прийти на помощá*);

(25) маму (мама) – 3 (сущ., мать, мамка, техн. : разъем);

(26) там (там) – 2 (наречие: место и порядок следования);

(27) жук (жук) – 5 (аналогично выше);

(28) живой (живой) – 5 (аналогично выше);

(29) раскроем (раскрыть) – 4 (глагол: открыть что-либо, разоблачить, понять, развернуть) – антоним к *закрыть;*

(30) раму (рама) 6 (аналогично выше).

Коэффициент полисемии в этом случае будет равен 4,95 (99/20), где 99 – сумма выделенных значений всех многозначных слов без учета слов с одним значением, а 20 – общее количество слов в стихотворении без повторов и без слов с одним значением. Оценка количества значений может варьироваться в зависимости от источника и контекста, тогда числовое выражение коэффициента полисемии изменится.

Таким образом, с помощью измерения энтропии текста как меры рассеивания смысла получены несколько количественных показателей. Однако метод энтропии, особенно в лингвистическом контексте, связан с учетом субъективного восприятия читателей и контекстуальных факторов, таких как личный опыт, культурные ассоциации и индивидуальные предпочтения. Эти факторы не всегда поддаются точному количественному анализу и могут оказывать более значительное влияние на смысл, чем формальные лингвистические структуры. Кроме того, высокие показатели энтропии не всегда гарантируют, что текст характеризуется множественностью смыслов, поскольку для некоторых текстов это может отражать вариативность лексики или особенности синтаксиса.

3.4. Хронотопный перевод как преодоление рассеивания смысла

В предыдущих параграфах третьей главы мы рассмотрели процесс рассеивания смысла с помощью методов *пропозиции, деконструкции, энтропии.* Обращение к указанным методам не привели нас к достижению поставленной цели, поскольку нам необходимо разработать концепцию представления не только процессов рассеивания смысла постфольклорного текста, но и способа их преодоления. В параграфе 1.3 мы установили, что рассеивание смысла – это явление, при котором текст содержит в себе сложную сеть потенциальных смыслов, расходящихся и перекрещивающихся таким образом, что окончательное и единственное толкование становится невозможным. Этот подход, акцентирующий неопределенность и

неустойчивость смысла, исходит из предположения, что каждый текст несет бесконечное количество трактовок и не заключает в себе абсолютного или завершенного смысла.

Полученный опыт позволяет утверждать, что для понимания смысла текста даже на родном языке необходимы пояснения, как значений отдельных слов, так и текста в целом, соотнесенные со временем и местом порождения и прочтения текста. О возможности хронотопического анализа М.М. Бахтин писал, что наука, искусство и литература имеют дело со смысловыми моментами, которые как таковые не поддаются временным и пространственным определениям [Бахтин, 1975: 289]. Но всякое вступление в сферу смыслов совершается через ворота хронотопов [Бахтин, 1986].

Поэтому каждое новое обращение к любому тексту будет являться его новым прочтением, и, соответственно, каждое новое прочтение равносильно переводу текста на язык нового времени и/или пространства. В нашем исследовании каждое новое прочтение текста и его осмысление на языке нового времени и/или пространства рассматривается как *хронотопный перевод*, который может разворачиваться по одному или нескольким сценариям:

– для текстов в условных границах *одного языка*;

– для текстов в условных границах *любых языковых пар* [Ильина, Павловская, 2023д].

Смысл текста не ограничивается только лексическими единицами; он формируется на уровне грамматики, прагматики, контекста, и культурных кодов, которые иногда сложно или невозможно передать адекватно в языке перевода. Утрата смысла при переводе является одной из ключевых проблем в межъязыковой коммуникации и связана с тем, что языки различаются не только по структуре, но и по способам выражения культурных, эмоциональных и когнитивных аспектов. Хронотоп (др.-греч. χρόνος – время и τόπος – место) как обоснование закономерной связи времени и пространства появляется в работах А. Эйнштейна, Ж.А. Пуанкаре [Цит. по:

Чепкасов, Михайлова, 2014], А.А. Ухтомского [Ухтомский, 2002], М.М. Бахтина [Бахтин, 1975: 289]. Хронотоп у М.М. Бахтина является единством временных и пространственных характеристик, формирующих мир текста, где время *сгущается*, а пространство становится значимым в развитии сюжета и образов. А.А. Ухтомский связывает хронотоп с понятием *доминанты* как ведущего психофизиологического состояния, определяющего восприятие времени и пространства человеком.

Для уточнения понятия *перевод* применительно к нашей концепции, рассмотрим это явление как способность и как функцию. В сфере формирования терминов и понятий, обозначающих различные профессии, *переводу* как виду трудовой деятельности соответствует название лица (человека), выполняющего эту деятельность – *переводчик (переводчица)*.

Перевод как *способность* человека есть профессиональное качество переводчика выполнять на высоком (в идеале) или достаточном (минимальное требование) уровне профессиональную деятельность по переводу с одного языка на другой. Данной способностью могут обладать не только переводчики-профессионалы, но и люди, владеющие несколькими языками, билигвы. Способность переводить, кроме владения языками, подразумевает знание исторических и культурных реалий и владение нормами межкультурной коммуникации. Развитие этмх способностей требует постоянной языковой практики, изучения и критического осмысления общественно-политической ситуации и мирового культурного наследия.

Обращаясь к рассмотрению *перевода как функции*, отметим, что в современном мире перевод стал критически важным в глобальной экономике, науке, политике и других сферах, обеспечивая доступ к информации и поддерживая межкультурное общение. *Перевод* и синонимичные понятия – *перенос, преобразование, переведение, транспортация, передача, переложение, пересказ, трансляция* в современном мире следует рассматривать именно как функцию, опираясь на

изначальное значение термина (лат. functio – исполнение, совершение) – как отношение между элементами, при котором изменение в одном элементе влечет изменение в другом. Перевод как функция охватывает множество сфер и ситуаций человеческой деятельности, выходит далеко за рамки языкового обмена, охватывая любые процессы, связанные с преобразованием и адаптацией информации. Мы рассматриваем перевод как *нахождение соответствия между*:

– *различными знаковыми системами* (перевод с языка жестов, перевод графиков и диаграмм в текст, перевод математических формул, визуальной информации в описания на естественном языке);

– *языками в пространстве культуры* (перевод юмора и иронии, локальных реалий, традиций, менталитета и других элементов, которые не имеют прямого аналога в другой культуре, адаптация культурных контекстов, идиом и понятий для другой целевой аудитории);

– *языками в пространстве науки, культуры и образования* (адаптация информация для различных целевых групп, например, адаптация результатов сложных научных исследований для школьной программы, для научно-популярных публикаций; трансформация текста книги в сценарий фильма или пьесу для театральной постановки);

– *различными ментальными субстанциями* (перевод непереводимого, перевод смыслов, перевод настроения в музыку/рисунок, идеи – в восстание, сопоставленных фактов – в обличительную речь).

Профессиональный переводчик это специалист, который занимается переводом письменных текстов или устной речи с одного языка на другой. Переводчик может работать с документами (письменный перевод) или переводить звучащую речь в режиме реального времени (устный перевод). Осуществление перевода как профессиональной деятельности требует уверенного владения как минимум двумя языками, понимания культурных контекстов и умения передавать смысл, стиль и нюансы текста оригинала. Переводчики специализируются в разных видах перевода (письменный,

устный (синхронный или последовательный)) и в разных областях (юридический перевод, технический, медицинский, военный и др.).

В нашем исследовании хронотопный перевод как передача смыслов, является по функции именно нахождением соответствия между различными ментальными субстанциями; следовательно, переводчиком мы будем называть человека, осуществляющего деятельность по переводу в рамках языкового обмена и одновременно по переводу непереводимого – смыслов, идей, концепций при взаимодействии и/или конфликте систем, культур, мировоззрений.

В отечественном переводоведении сложилось отношение к межъязыковому переводу как к сложному процессу, в ходе которого когнитивные аспекты переводческого выбора осуществляются с учетом языковых, культурных и коммуникативных факторов.

В.Н. Комиссаров определял цель перевода как сохранение смыслового, стилистического и функционального единства оригинала и перевода, акцентируя внимание на точности передачи коммуникативного намерения автора. Л.С. Бархударов рассматривал перевод как процесс межъязыковой трансформации, цель которого – достижение эквивалентности между текстами, где основное внимание должно уделяться языковым структурам. А.Д. Швейцер подчеркивал значимость прагматической адаптации текста, отмечая, что цель перевода состоит в обеспечении адекватного восприятия текста другой культурой при условии сохранения его содержания и воздействия. А.В. Федоров считал главной целью перевода воссоздание единства формы и содержания оригинала, выделяя необходимость сохранения художественного и эстетического эффекта [Комиссаров, 2002; Бархударов, 1975: 219-221; Швейцер, 1988; Федоров, 1983].

Особенности текста перевода определяются когнитивным пространством, под которым подразумевается соотношение первичной и вторичной картин мира; первичной и вторичной языковых личностей переводчика; семантических кодов прямых и переносных значений.

Понимание смысла метафорических выражений остается главной проблемой межкультурной коммуникации, изучение которой приводит к переосмыслению когнитивных механизмов, лежащих в основе принятия переводческих решений, и совершенствованию процесса обучения переводу [Александрова, 2005; Аржанова, 2013: 140; Каган, Шадрина, Вологжанин, 2017]. Говоря о допустимости прямого перевода, выделяют модели конструирования разных значений, создающие для перевода лингвистические и экстралингвистические проблемы. Прагматической целью перевода в этом случае следует считать реализацию различных приемов репрезентации прагматической функции текста на разных уровнях языка [Павловская, Карипиди, 2021: 438].

Е.А. Ревуцкая рассматривает применение габитусного анализа как возможность сохранения смысла текста и акцентирует внимание на том, что понимание и учет габитуса переводчика позволяют сохранить исходный смысл текста. Это достигается благодаря тому, что переводчик, осознающий свои социальные и культурные предрасположенности, может более точно интерпретировать и передавать смысловые аспекты исходного текста, адаптируя их к культурному и социальному контексту целевой аудитории. Габитусный анализ выступает как инструмент, способствующий минимизации смысловых потерь и достижению эквивалентности перевода [Ревуцкая, 2023: 362].

Классическим случаем, демонстрирующим рассеивание смысла, являются переводы текстов лучших образцов мировой литературы, выполняемые на всех языках мира с регулярной частотой. Переводчики, не удовлетворяясь переводом, осуществленном их предшественниками пять/десять/двадцать/пятьдесят лет назад, снова и снова переводят древние тексты, пытаясь открыть в них новые смыслы, соответствующие их времени.

Далее приведены переводы первых двух строк первой рапсодии (песни) «Илиады» Гомера (Ἰλιάς *Ὅμηρος*) на русский язык, выполненные в разное время.

Исходный текст: *Ἰλιάς Ὅμηρος*
Ῥαψωδία Α
Μῆνιν ἄειδε, θεά, Πηληϊάδεω Ἀχιλῆος
οὐλομένην, ἣ μυρί' Ἀχαιοῖς ἄλγε' ἔθηκε,…
Целевой текст: *Перевод Е. И. Кострова, 1787.*
Пѣснь первая
Воспой Ахилловъ гнѣвъ божественная муза,
Источникъ Грекамъ бѣдъ, разрывъ межъ нихъ союза…
Целевой текст: *Перевод Н.И. Гнедича, 1829.*
Язва. Гнев
Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына,
Грозный, который ахеянам тысячи бедствий соделал: …
Целевой текст: *Перевод В.А. Жуковского, 1849.*
Песнь первая
Гнев нам, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына,
Гибельный гнев, приключивший ахеянам много великих …
Целевой текст: *Перевод Н.М. Минского, 1896.*
Песнь первая
Мор. Вражда
Пой, о, богиня, про гнев Ахиллеса, Пелеева сына,
Гибельный гнев, причинивший ахейцам страданья без счета,
Целевой текст: *Перевод В.В. Вересаева, 1940-е годы.*
Песнь первая
Мор. Гнев
Пой, богиня, про гнев Ахиллеса, Пелеева сына,
Гнев проклятый, страданий без счета принесший ахейцам,
Целевой текст: *Перевод А. Казанского, 2017.*
Песнь первая
Поминай Ахиллеса Пелида, слепая богиня,
Гнев которого тысячи бедствий ахеянам нес!

Переводы «Илиады» Гомера требуют более полного рассмотрения, здесь, на примере первых строк, отметим факт сохранения или опущения переводчиками нумерации глав и их названий; выбор переводчиками из ряда значений существительного *ἡ Ῥαψωδία* (пение или чтение (нараспев) эпических поэм; эпическая поэма; рапсодия, раздел эпической поэмы, песнь) именно значения *песнь;* добавление в каждом втором случае заглавия, уточняющего содержание главы на уровне концептуальной метафоры: *Язва. Гнев; Мор. Вражда; Мор. Гнев.*

В следующем примере затронут перевод Библии, сложность которого заключается в подборе подходящих формулировок, способных передать духовный смысл, сохранив при этом богословскую глубину и культурно-историческую точность произведения. От нового перевода Библии, выполненного в 2011 году Российским библейским обществом (РБО), ожидали современного и доступного текста, который бы соответствовал потребностям людей XXI века. Более ранний перевод Библии на русский язык, известный как Синодальный перевод 1876 года, отличается несколько архаичным языком [Библейские чтения, URL: https://biblia.ru/reading/]. По оценкам современников в переводе 2011 года имеются отступления от традиционных библейских формулировок, не всегда удачны переводы многозначных древнееврейских и греческих слов.

Евангелие от Матфея, 6:13. Синодальный перевод: *И не введи нас в искушение, но избавь нас* ***от лукавого.*** Перевод РБО 2011 года: И не введи нас в искушение, но избавь нас ***от злого.*** Выражение *от лукавого* в контексте библейской традиции имеет более конкретный смысл, фраза с выражением *от злого* теряет глубину и точность библейского текста.

Евангелие от Иоанна, 6:35. Синодальный перевод: *Я есть хлеб жизни; кто приходит ко Мне, тот не будет алкать; и кто верует в Меня, тот не будет жаждать никогда.* Перевод РБО 2011 года: *Я – хлеб жизни. Кто приходит ко Мне, тот не будет голодать, и кто верит в Меня, тот не будет жаждать никогда.*

В Синодальном переводе используется более точный вариант *алкать – испытывать духовную жажду и потребностью в Боге.* Это слово заменено на *голодать*, что упрощает смысл и делает его более материальным, теряя глубину библейской символики. Подтверждением вышесказанного может служить анализ переводов библейских текстов с позиций герменевтики. Герменевтический подход стремится к тому, чтобы перевод текстов был не просто технически точным, но и максимально отражал духовное и культурное содержание оригинала, делая его доступным и понятным для

современных читателей [Камчатов, 1998]. Представляется, что для изучения сакральных религиозных текстов необходимо знакомство с первоисточниками – текстами на древних языках, с несколькими вариантами текста (даже на одном языке), доступными читателю.

Примером сложности перевода текста, содержащего устаревшую и стилистически окрашенную лексику, служит текст о двойном переводе частушки «Эх, лапти мои/ Четыре оборки…». Данная частушка была использована для анализа постфольклорного текста методом пропозиций (параграф 3.1). В тестовом варианте данной истории, растиражированной в интернете в виде вирусной картинки-демотиватора (рис. 4), в числе наиболее «интересных» вариантов перевода приводятся следующие тексты:

В ботинках был проделан долгий путь.
Оборки пропылились до корней.
Смогу ли нынче дома отдохнуть,
А нет – переночую у друзей [Жемчужины мысли, URL: https://www.inpearls.ru] и

Рис. 4. Демотиватор о двойном переводе частушки [Демотиваторы на любой вкус, URL: https://demotions.ru/]

Поскольку обучение литературному переводу и переводу как виду профессиональной деятельности на филологических факультетах вузов предполагает выполнение предпереводческого анализа, будем рассматривать данные примеры как интеллектуальный юмор. Предпереводческий анализ обязывает найти наиболее точные варианты перевода для слов *лапти* и *оборы* (в ед. ч. – *обора* (*оборка*) – завязка, от глагола *обирать, собирать вместе* [Даль, 1998, Т. II: 611]), а для будущего литературного переводчика – носителя русскоязычной культуры, недопустимо не узнать в текстах «Невыносимо туфли блещут лаком…» и «В ботинках был проделан долгий путь…» русский фольклорный текст «Эх, лапти мои…». Но даже в юмористической форме этот текст передает сложность перевода фольклорных и постфольклорных текстов на иностранные языки [Баганова, 2012: 20].

Особенностью постфольклорных текстов, создаваемых в настоящее время, является обилие сленга; в отдельных случаях взрослому человеку для разговора с современным подростком или жителю провинции для разговора с жителями крупных городов тоже необходим переводчик. Сленг в речи зумеров свободно проникает в литературные тексты, например:

– *краш* (англ. crush – нравиться, привлекать). Этот термин приобрел особый смысл, став сленгом сначала в английском языке, а затем в других языках. Словом *краш* обозначают человека, который очень нравится, но по каким-то причинам недоступен. В русском языке слово получило формы женского рода *крашиха* или *крашиня* [Кто такой краш, URL: https://fishki.net/] (рис. 5).

Рис. 5. Сленг в постфольклорных текстах [Кто такой краш, URL: https://fishki.net/]

– *кринж* (англ. cringe – съеживаться, может произноситься по правилам чтения латинских букв: *кринге*) – чувство неловкости или стыда за чужие действия, а также может обозначать нелепые, странные поступки или явления. От слова *кринж* образованы прилагательное *кринжовый* и глагол *кринжевать* (испытывать неловкости или стыд за чужие действия).

– *слоупок* (англ. slow) – это тот, кто действует медленно, долго думает или часто опаздывает.

Рассеивание смысла происходит в результате семантических, стилистических, культурных потерь, когда передача смыслов исходного текста затруднена в конечном тексте. В нашем исследовании хронопный перевод является средством, позволяющим сохранить как можно больше исходных значений и культурных нюансов текста.

Потеря (утрата) смысла обсуждается в лингвистической концепции перевода, которая отказывается учитывать тот факт, что одно и то же слово в разных местах текста должно переводиться в соответствии с референтом, а не в соответствии с его значением. Различают ситуации, которые складываются в результате невозможности адекватно передать оригинальные значения, концепты или культурные особенности при переходе от исходного языка к целевому, т. е. – абсолютные потери [Дудик, 2011: 45-56; Аверкина, 2012: 45-55]. Абсолютные потери восполняются пояснением в сноске или комментарии. Примером абсолютной потери смысла являются каламбуры.

Поскольку перевод в своей сущности трансформационен, необходимо признать, что переводчик осознанно допускает потери по ряду причин, включая следование конвенциональным нормам или требованию обеспечения доступности текста для читателя [Латышев, 1981]. В контексте современного понимания проблемы перевода, многие потери при переводе объясняются расхождениями между системами исходного и целевого языков, а также неравномерностью лексических средств для описания экстралингвистических особенностей. Эти факторы оказывают значительное воздействие на переводческое решение, которое также подвержено влиянию

субъективных факторов: способности переводчика осознать смысл исходного текста и умению провести необходимые межъязыковые трансформации для его передачи на целевом языке.

Термин *компенсация потерь* был введен Я.И. Рецкером, который отнес этот прием к выделяемым им семи разновидностям переводческих трансформаций: *дифференциации, конкретизации, генерализации значений, смысловому развитию, антонимическому переводу, целостному преобразованию и компенсации потерь* при переводе [Рецкер, 2010: 38]. Я.И. Рецкер полагал, что компенсация потерь является проявлением логической категории внеположенности, которая была предложена Дж. Венном в конце XIX века для описания семантических, стилистических, культурных потерь при переводе [Цит. по: Кондаков, 1975: 142, 675].

Сходные по форме лексемы разных языков могут находиться в отношениях внеположенности, равнообъемности (или равнозначности) подчинения и перекрещивания. Понятия характеризуются как внеположенные – когда их объемы полностью исключают друг друга. Равнообъемностью понятий характеризуются лексемы, которые оказываются полностью эквивалентными в рассматриваемой паре языков. Отношения перекрещивания возникают в тех случаях, когда в объемы понятий входят как общие для обоих понятий объекты, так и различные. Подчинение характеризует такие логические отношения, когда объем одного понятия полностью поглощается объемом другого [Гарбовский, 2007: 339-348]. Например, *чатиться, шазамить* войдут в предметную область *сленг, связанный с интернет-пространством,* вместе с понятиями *конвертировать* и *скачивать*. Тогда как *шазамить*, *конвертировать* и *скачивать* войдут в предметную область *сленг, связанный с работой в интернет-пространстве,* и окажутся отделенными от понятия *чатиться*, расположенного в предметной области *сленг, связанный с общением в интернет-пространстве*. Эти понятия оказываются внеположенными по отношению друг к другу.

Перевод постфольклорных текстов требует передачи национального колорита, исторического контекста, эмоционального фона и структурных особенностей оригинала. Сохранение жанровой специфики является важным критерием качественного перевода, а переводчик должен идентифицировать элементы других жанров, ссылки явления культуры, чтобы максимально передать содержание исходного текста представителям других культурных традиций.

Ведущие российские переводоведы [Федоров, 1983; Бархударов, 1975; Швейцер, 1988; Комиссаров, 2002], так или иначе, затрагивали вопросы переводческой компенсации. Компенсация в переводе означает передачу элементов смысла, прагматических значений и стилистических нюансов, для которых нет точного эквивалента, элементами другого порядка в тексте перевода. Эти элементы необязательно должны передаваться в том же месте, что и в оригинале. И.С. Алексеева выделила *позиционную* и *разноуровневую* (или *качественную*) компенсацию. Например, фразеологизмы могут служить примером одноуровневой позиционной компенсации, где они вводятся в текст в другом месте для передачи просторечного окраса [Алексеева, 2004: 168]. Компоненты смыслового содержания, неизбежно потерянные при переводе, передаются другими средствами [Бархударов, 1975; Читалина, 1975: 66-67]. Подобным образом могут заменяться оттенки значения, юмор, игра слов, каламбуры, что в целом сохраняет замысел автора и позволяет минимизировать неизбежные потери при переводе [Рецкер, 1982].

М.А. Яковлева предлагает адаптировать перевод так, чтобы максимально сохранить смысл, стиль и эффект оригинала, используя разные ресурсы языка и текстовые позиции: горизонтальную и вертикальную компенсацию. Горизонтальная компенсация представляет собой метод перевода, при котором осуществляется перенос утраченного элемента текста (например, каламбура, метафоры, культурной отсылки) из одного места в оригинале в другое место в переводе. Вертикальная компенсация понимается как перемещение смысла или стилистического эффекта с одного уровня

языка на другой (например, лексические элементы передаются синтаксическими средствами, фонетика может быть передана лексикой, синтаксис – лексикой и так далее) [Яковлева, 2008].

Мы выделяем семантические, стилистические и культурные потери, неизбежно сопутствующие переводу, и утверждаем, что средством преодоления потерь является именно хронотопный перевод.

Семантические потери при переводе постфольклорных текстов проявляются в утрате части смысловой информации между оригинальным и переведенным текстами [Алексеева, 2001: 134]. Эти потери могут возникнуть из-за *утраты смысла слов; утраты смысла текста в целом, которая не равна сумме значений отдельных слов; особенностей игры слов.* При переводе, чтобы передать суть исходного текста в современном лингвистическом и культурном контексте, возникает необходимость выбора наилучших эквивалентов. По мнению В.Н. Комиссарова «особенно трудным оказывается перевод игры слов, основанной на обыгрывании внутренней формы слова» [Комиссаров, 2002].

Стилистические потери проявляются в изменениях стилевых особенностей оригинала. Это включает *изменение выбора лексики, изменение интонации и ритма, непонимание тропов и фигур речи.* Тропы и фигуры речи являются особенно трудными для точного воспроизведения, и переводчик сталкивается с необходимостью балансировать между точностью перевода и сохранением стилевых особенностей оригинала. Для выражения концептуальных форм мысли язык располагает различными средствами передачи культурных смыслов, особенностей мировосприятия, эмоциональных состояний. Лексические единицы, фразеологизмы, метафоры и другие средства являются частью культурной доминанты – основополагающего концепта, который оказывает существенное влияние на мировоззрение, поведение и языковые практики носителей культуры [Карасик, 2002]. «Фигуры речи, основанные на многозначности… чрезвычайно сложны для перевода, и любой факт их сохранения в переводе –

свидетельство высокого мастерства переводчика» [Алексеева, 2004: 200]. Отметим особо сложность установления баланса между исходным и целевым текстами при переводе инвективной лексики.

Культурные потери при переводе постфольклорных текстов происходят из-за несоответствия социокультурных контекстов современных обычаев, традиций, ценностей. Трудности возникают в случае *утраты различий в культурных коннотациях, утраты или несформированности ценностного восприятия событий и явлений, утраты остроты восприятия образов и явлений.* Переводчик вынужден делать выбор между буквальным переводом и адаптацией текста, чтобы соответствовать культурным ожиданиям аудитории целевого языка в современном контексте.

Добавим, что при переводе постфольклорных текстов мы сталкивались с необходимостью перевода дискурсивных слов, которые в каждом из случаев, придавали фразе или тексту на языке оригинала едва уловимый оттенок смысла, понятный носителю языка, но трудно переводимый на иностранный язык [Жукова, 2021]. Проблемы перевода дискурсивных слов обычно относится к семантическим и культурным потерям.

Уточнени, что особенностью современных постфольклорных текстов является обилие сленга, понимание которого равносильно хронотопному переводу. Хронотопный перевод позволяет компенсировать утрату части информации между оригинальным и переведенным текстами (семантические потери), изменения стилевых особенностей оригинала (стилистические потери), несоответствия социокультурных контекстов (культурные потери), неизбежно возникающие при осмыслении и переводе. В текстах постфольклора названные потери взаимодействуют друг с другом, создавая сложный баланс между сохранением смысла, стиля и культурного контекста. Переводчик сталкивается с вызовами переосмысления содержания и одновременной многополярной адаптации, чтобы передать смыслы, содержащиеся в оригинальном тексте.

Выводы по третьей главе

Исследование рассеивания смысла является сложной задачей, так как оно включает в себя не только лингвистический анализ, но и учет множества субъективных факторов, связанных с интерпретацией текста.

Осуществлен анализ постфольклорных текстов с использованием метода пропозиций. Методом анализа пропозиций постфольклорного текста и их взаимосвязи выявлены основные идеи, представленные в тексте, их связи с коммуникативными установками говорящего и наличие других актуализаторов речи. Установлено, что в контексте общения и понимания текста, пропозиция передает смысл через комбинацию составляющих ее элементов, включая смысловую нагрузку слов, структуру предложения, а также контекст, в котором она используется.

На основе изучения концепции рассеивания смысла, предложенной Ж. Деррида, доказано, что смысл языковых знаков не фиксирован и неоднозначен, смысл слов и текстов зависит от контекста и интерпретации, что создает постоянное движение смысла, неисчерпаемое полностью. Применен метод бинарных оппозиций или тем Ж. Деррида в анализе текста и анализ их взаимодействия и пересечений в тексте. Выявлены не только явно выраженные смыслы текста, но и скрытые неоднозначные интенции.

Критически осмыслены исследования энтропии и установлено, что понятие энтропии выходит за рамки его первоначального значения в точных науках и применяется для анализа культурных явлений и текстов, подчеркивая их динамичность, изменчивость и многообразие интерпретаций.

Изучение пропозициональной обусловленности рассеивания смысла, метода оппозиций как способа изучения рассеивания смысла и энтропии постфольклорного текста не привело к достижению поставленной цели исследования.

Для интерпретативно-сопоставительного представления процесса рассеивания смысла постфольклорного текста необходима выработка

механизма, построенного на основе получения объективных данных о сохранении или утрате смысла. Поэтому в качестве средства преодоления рассеивания смысла впервые введено понятие *хронотопного перевода* и обоснована необходимость разработки модели хронотопного перевода постфольклорного текста на язык нового времени и/или пространства в условных границах *одного языка* или *любых языковых пар.*

В следующей главе представлена методика диахронического анализа постфольклорного текста, в которой изучается статус лексико-семантических вариантов слова на основе этимологического, корпусного и контекстного анализов слов и выражений, выявленных в массиве постфольклорных текстов; осуществляются психолингвистический эксперимент и анкетирование. Указанные процедуры, составляющие диагностирующий потенциал интерпретативно-сопоставительного представления процессов рассеивания смысла, необходимы для разработки модели хронотопного перевода постфольклорного текста.

ГЛАВА IV. СПОСОБЫ И МЕХАНИЗМЫ ИЗУЧЕНИЯ РАССЕИВАНИЯ СМЫСЛА ПОСТФОЛЬКЛОРНОГО ТЕКСТА

В третьей главе мы изучили возможности количественного и качественного измерения рассеивания смысла постфольклорного текста с помощью методов пропозиций, деконструкции и энтропии. Был сделан вывод о необходимости принципиально нового представления процесса рассеивания смысла – хронотопного перевода постфольклорного текста на язык нового времени и/или пространства в условных границах одного языка или любых языковых пар. Для обоснования и построения динамической модели хронотопного перевода требуется разработка диагностических процедур интерпретативно-сопоставительного представления процессов рассеивания смысла. Далее представлена методика диахронического анализа постфольклорных текстов как механизм, построенный на основе получения объективных данных о сохранении или утрате смысла слов и выражений постфольклорного текста. В рамках разработанной методики на основе этимологического, корпусного и контекстного анализов изучается статус лексико-семантических вариантов слов и выражений, выявленных в массиве постфольклорных текстов; для верификации функционирования постфольклорных текстов и рассеивания их смыслов были также проведены психолингвистический эксперимент и лингвокультурное анкетирование.

4.1. Методика лингвистического анализа постфольклорных текстов

Постфольклор тесно связан с народным творчеством и передачей информации через устную, письменную, изобразительную и сетевую формы коммуникации. Для изучения постфольклора важно рассматривать именно речь, так как в ней находятся различные лингвистические маркеры (акцент, интонация, выражение эмоций и другие элементы), которые способствуют передаче культурных особенностей, нюансов содержания и бытования постфольклорных текстов. Изучение и анализ речи позволяет лучше понять и

интерпретировать постфольклорные тексты и их социокультурное значение [Ильина, 2023г: 448]. А. Вежбицкая считает, что семантика любого языка отражает определенную «наивную картину мира», которая может не быть общепринятой, но, безусловно, признается общеизвестной для всех носителей данного языка. Возможно потому, что «наивная картина мира» запечатлена в языке, она воспринимается носителями как естественная. Сравнивая семантические универсалии разных культур, А. Вежбицкая описывает их базисные концепты как универсальные и как национальные понятия. В различных культурах и, соответственно, языках отражаются различные иерархии ценностей, но употребление универсальных понятий позволяет сделать тексты одной культуры понятными для представителей других культур, таким образом, семантика служит не только поиску истины, но взаимопониманию людей разных культур и стран [Вежбицкая, 2011: 395, 420].

В нашем исследовании ведущим методом изучения диахронической семантики постфольклорных текстов является метод интерпретации. Интерпретативный подход в лингвистике – это методология, согласно которой основное внимание уделяется процессу толкования и понимания текста, а не только его формальной структуре или грамматическим правилам. В рамках интерпретативного подхода рассматривается, каким образом происходит восприятие и понимание языковых выражений, учет контекста, культурных особенностей и субъективных факторов. Основные принципы интерпретативного подхода включают признание многозначности лексических единиц языка, активное участие читателя или слушателя в процессе интерпретации и осознание того, что каждый текст, и каждый акт коммуникации могут иметь несколько толкований [Демьянков, 1999: 7-10; Сусов, 1978: 122-138]. Интерпретация текста включает в себя раскрытие его смысла, выявление тематики, анализ стилистических приемов и лексических особенностей [Есаулов, 2001: 305-306]. При интерпретации текста учитывается его многозначность, возможные аллегории и символические

значения, а также специфика его жанра и функции [Григорьев, 2002; Мартынова, 2023].

Мы разделяем точку зрения И.Г. Дройзена, который разграничивал понимание и интерпретацию, полагая, что к интерпретации мы прибегаем только в случае, когда нет непосредственного контакта с автором. И.Г. Дройзен выделял следующие виды интерпретации: а) прагматическую – по делам и по фактам, б) интерпретацию окружения – по времени и пространству, в) интерпретацию психологическую – по мотивам и т.п., г) интерпретацию этическую – по идеям или по этическим факторам [Droysen, 1943: 153].

Обосновывая эффективность интерпретативного подхода для исследования рассеивания смысла в постфольклорных текстах, мы учитываем:

– анонимность, кодируемость, текстуальность, коммуникативность и поликодовость постфольклорных текстов; указанные характеристики часто переносятся из устной традиции в письменную или другую форму, что приводит к изменениям в их контексте и восприятии;

– языковую и контекстуальную полисемию, которая существенно затрудняет вычленение смысла любого слова, кроме того, интерпретируемость и концептуальность получают субъективную окраску как следствие эмоциональных и психологических переживаний, предубеждений или ассоциаций;

– эволюцию текстов и смыслов в течение времени, их информативность, транслируемость, саморефлексивность и адаптацию для других культурных сред, неизбежно влекущую изменение смысла.

Интерпретативный подход позволяет изучать указанные процессы и их влияние на смысловое восприятие текстов. С точки зрения способов интерпретации текстов читателями представляет интерес исследование Н.И. Колодиной, которая выделяет три типа интерпретации: когнитивную, семантическую и распредмечивающую. По ее мнению, распредмечивающая

интерпретация считается наивысшим типом интерпретации, который способен создавать различные мнемопаттерны – образы мышления, формирующиеся при категоризации представлений о чем-либо или представлении себе чего-либо [Колодина, 2001].

Интерпретация текста – это процесс анализа и понимания или устного, письменного или изобразительного (визуального) сообщения, при котором читатель или слушатель стремится раскрыть глубинные значения, идеи и намерения, заложенные автором в тексте:

– *анализ контекста* (понимание условий, при которых текст был написан, включая исторический, культурный и социальный фоны);

– *распознавание тонкостей языка* (выбора слов, фразеологизмов, оборотов речи, метафор и других языковых особенностей, которые могут влиять на общее восприятие текста) и *семантического кода*;

– *выявление подтекста и неявных смыслов* (поиск скрытых смыслов и намеков, которые не выражены напрямую, но имеют важное значение для понимания текста);

– *сопоставление с собственными знаниями и опытом* (применение собственного жизненного опыта, знаний для всестороннего понимания текста и выявления возможных альтернативных толкований);

– *критическая оценка* (оценка аргументов, точек зрения и структуры текста для понимания логики, убедительности и ценности сообщения автора).

Интерпретация текста является динамическим и многоуровневым процессом, требующим активного взаимодействия между читателем и текстом, где читатель не только воспринимает информацию, но и активно ее обдумывает, анализирует и, возможно, переосмысливает на основе предыдущих знаний и опыта.

Рассмотрим понятие лексико-семантического варианта, которое важно для объяснения специфики слова как особой знаковой единицы языка

и единицы диахронической семантики (параграф 1.2). Лексико-семантическте варианты слова могут быть фонетическими, морфологическими, словообразовательными, семантическими [Ахманова, 1957: 193-195]. В постфольклорных текстах представлены все указанные случаи: фонетические (*Смирнов – Смирноff* (марка алкогольной продукции), *любовь – «Про любоff»* (фильм), *фуфайка – куфайка* (региональные различия произнесения)), морфологические (*помощь – пойти на помощá*), словообразовательными (*зозуля – зозулина, милый – миленок, милая – милка, товар – товарка, краш – крашиня*) и семантическими (*ветер в поле – ветер в голове*) [Полевой материал…]. С разными лексико-семантическими вариантами слов мы сталкиваемся в случаях, когда они употребляются в словосочетаниях и выражениях, закрепленных языковой традицией [Шмелев, 1977; Баранникова, 1976]. Для глагола это будет употребление с конкретным существительным:

– *качать: качать ребенка/качать воду/качать фильмы;*

– *сбегать: сбегать с горы/сбегать с уроков/не даю молоку сбегать (сбежать/убежать);*

– *сидеть/сесть/садиться:*

- ✓ *сесть на воду (куда, на что)/сидеть на воде (где, на чем);*
- ✓ *сесть на стул (куда, на что)/сидеть на стуле (где, на чем);*
- ✓ *сидеть на воде (о диете) (на чем);*
- ✓ *сидеть (отбывать срок наказания в тюрьме)* (*что делать?);*

Сидеть (в значении – *отбывать срок наказания в тюрьме*) в определенном контексте не требует дополнения. В представленном далее анекдоте 1930-х годов об отношении правительства к инакомыслящим писателям смысл заключается именно в игре слов, построенной на различных коннотациях глагола *сидеть:*

– *Где Микола?*

– *Сидит и пишет… . Ломом не долбает.*

Спустя какое-то время:

– *Где Микола?*

– *Сидит… и ломом долбает…* [Частный архив Л.Е. Ильиной].

Смысл однозначного слова или лексико-семантического варианта многозначного слова представляет составную сущность, включающую *абсолютную ценность* (сам факт существования данного слова и его способность обозначать фрагмент внеязыковой действительности), а также *относительную ценность* (способность слова вступать в парадигматические отношения с другими словами, его стилистическую ценность, его внутреннюю форму) и *сочетательную ценность*, обусловленную его категориальной и семантической валентностью [Морковкин, Богачева, Луцкая, 2022]. Валентность как свойство значения слова, позволяет ему иметь при себе определенный набор синтактико-семантических позиций, закрепленных правилами языка возможностей употребления этого слова с другими однотипно связанными с ним словами-распространителями его значения. В валентные связи вступают отдельные слова, свободные или несвободные словосочетания, придаточные предложения [Морковкин, 1979: 132, 135].

Набор имеющихся при слове синтактико-семантических позиций складывается в процессе развития языка и закрепляется в словарях на основе научно обусловленной системы предоставления информации. Для любого языка его лексическая сочетаемость целенаправленно поддерживается нормами литературного языка, которые определяются научным сообществом и распространяются через систему образования. В период распространения информации с помощью системы аналоговых данных (до 1970-1990 гг.) поддержание литературной нормы было вполне осуществимой задачей. С началом периода всеобщей компьютеризации (до 2000-2010 гг.), и затем – периода всеобщей интернетизации (с 2010 г. и по настоящее время) усвоение норм литературного языка затруднено многочисленностью информационных каналов, допускающих отклонения от нормы и снижением общего уровня образованности населения.

Так, нормой сочетаемости существительного *диплом* является наличие определений, причем определения различаются передачей двух разных

смыслов: диплом *какой?* (свидетельствующий о получение профессии) – *диплом врача-стоматолога;* диплом *чей?* (свидетельствующий о принадлежности диплома определенному человеку) – *диплом моего отца* [Словарь сочетаемости…, 1983], а также – диплом *какого вуза?* (свидетельствующий о принадлежности диплома определенному учебному заведению) – *диплом МГИМО.*

В исследуемых нами постфольклорных текстах нарушение литературных норм обусловлено маргинальной сферой возникновения [Яценко, 1999] и наибольшего распространения данных текстов и закреплено доступностью их получения, трансформации и тиражирования. Дополняя пример сочетаемости существительного *диплом,* отметим, что в постфольклорных текстах (сценариях и артефактах свадебных торжеств) встречаются *дипломы свекра, свекрови, тестя, тещи,* в которых родственные отношения представлены как новый круг обязанностей.

Сочетание несочетаемого является основой и смыслом анекдотов, шуток, в настоящее время это качество используется в многочисленных юмористических программах.

Сели на воду три воробья, два улетели, сколько воробьев осталось? [Полевой материал… (Двусмысленные конструкции)].

Конструкции *садиться на воду…* и *воробьи сели…*, каждая отдельно, соответствуют нормам русского языка и имеют определенный смысл, но объединение этих конструкций в одном предложении не соответствуют внеязыковой действительности. Подобное выражение невозможно в научном дискурсе, а в нашей классификации постфольклорных текстов отнесено к двусмысленным конструкциям, многочисленные примеры которых обнаружены в анекдотах, частушках, сценариях, загадках, рифмовках.

А.Ф. Лосев писал, что даже самый простой разговор между людьми становится возможным благодаря тому, что каждое слово и языковой элемент несет в себе бесконечное множество смысловых оттенков. Мы часто не осознаем, как много этих оттенков присутствует в наших словах, и как

важно, чтобы в наших высказываниях содержалось огромное разнообразие смысловых оттенков для успешного общения [Лосев, 1983: 141].

Динамика развития языка тесно связана с наличием семантических преобразований в языковой системе. Процесс семантической деривации является антропоцентричным [Лапшина, 1998], обладает выраженной когнитивной природой и связан со способностью человека соизмерять различные категории. Эта способность позволяет устанавливать связи между различными концептами на основе сходства, смежности, функциональности или других характеристик.

Культурные традиции и социальные нормы формируют уникальное видение мира, когнитивные и лингвистические аспекты мировидения передаются в текстах использованием метафор, символов и других языковых средств, включая элементы фольклора, мифологии и религиозных верований.

Г. Пауль предложил систематический подход к изучению языковых изменений, в том числе к процессам изменения смысла слов. Он рассматривал семантические изменения как одну из центральных тем языковой эволюции, подчеркивая их психологическую природу и связь с человеческим восприятием. Г. Пауль выделил несколько основных типов изменения значений: расширение – слово начинает применяться в более широком контексте; сужение – смысл слова ограничивается и становится специфичным; перенос – значение слова переносится на другой объект или явление; перенос включает метафору (сходство объектов) и метонимию (соприкосновение объектов); переход положительных значений в отрицательные (и наоборот) [Пауль, 1960: 103-104].

Основание ассоциативных связей определяет тип переноса значения: метафорический (по сходству) и метонимический (по смежности). Отметим, что метафора и метонимия, как способы переноса значения слова, отличаются от одноименных терминов, применимых в стилистике, где они рассматриваются как средства выразительности языка. [Там же: 104-106].

С изменением или уточнением значения слова или выражения в переводе с одного языка на другой связано понятие специализации. По М. Бреалю это явление заключается в том, что в процессе перевода слово, передающее более общий смысл, может быть заменено на слово с более узким или специальным значением, соответствующее контексту целевого языка [Bréal, 1897].

По мнению В. Вундта, в основе языка, как проявления психической активности, лежит инстинкт самовыражения: стремление к сообщению своих представлений, чувств, аффектов. Язык представляет собой часть обширной сферы «выразительных движений», включающих мимику, жесты, звуковые сигналы. В. Вундт указывал, что долгое время изменения значений слов было принято рассматривать с исторической, логической, этической и телеологической точек зрения [Wundt, 1913]. Но единственно оправданным В. Вундт считал психологический подход к семантическим явлениям. Все семантические изменения являются *регулярными*, или *единичными*. По его мнению, в основе изменений значений лежат общие законы ассоциативных связей: связь по сходству, связь по смежности (пространственной или временной) и связь по противоположности [Цит. по: Некипелова, 2012; Калимуллина, 2009].

По мнению С. Ульмана, в содержательном плане в отличие от лексико-семантических универсалий, которые делают возможной межкультурную коммуникацию, семантические универсалии обеспечивают общие тенденции динамики языков [Ульман, 1970: 292]. С. Ульман, обосновывая необходимость привлечения бóльшего объема языкового материала, выделяет универсалии описательной семантики, к которым относит мотивированные и немотивированные слова, слова с частным и общим значением, синонимы, омонимы, полисемию и семантическую типологию; универсалии исторической семантики (метафору, расширение и сужение значения, табуизмы) [Ульман, 1970: 250-299].

Дж. Стерн обосновал следующие типы семантической деривации: расширение и сужение значения, перенос (метафора и метонимия), изменение коннотации, усиление или ослабление значения, эвфемизация, ухудшение или улучшение значения, раздвоение, семантический сдвиг. Дж. Стерн утверждал, что семантические изменения происходят в результате социальных, культурных и психологических влияний; изменения значений могут быть мотивированы потребностями коммуникации и адаптацией языка к изменяющимся условиям; развитие значений часто связано с ассоциациями, возникающими у носителей языка [Stern, 2000].

В.Г. Гак отмечал, что список универсальных семантических законов является неполным и случайным по составу, поскольку в один ряд поставлены причины семантических сдвигов и сами формы семантических процессов. По мнению В.Г. Гака, существуют пять основных семантических процессов, соответствующих формальным отношениям логики: синонимическое развитие значений, смещение, энантиосемия (слово имеет несколько значений с противоположными смыслами), расширение или сужение (включая ухудшение или улучшение значения), перенос (метафорический или метонимический) [Гак, 1972: 144-157].

Категория энантиосемии признает наличие в слове противоположных смысловых оттенков значения [Шерцль, 1883: 2]. Согласно Л.Е. Бессоновой, энантиосемия представляет собой форму внутрилексемной поляризации, которую следует понимать как устойчивый вид семантической противопоставленности [Бессонова, 1982].

В постфольклорных текстах встречаются примеры изменений устойчивых выражений, когда их используют не только в привычной форме, но и в обновленном, стилистически осмысленном виде. К методам авторской работы с фразеологизмами или цитатами других авторов можно отнести изменение их смысла, перестановку или дополнение лексических элементов, использование устойчивого выражения как свободного сочетания слов, а также одновременное применение его как фразеологического и свободного

оборота, например: *Мы делили апельсин, много наших полегло* [Полевой материал… (Цитаты. Псевдоцитаты. Фразы…)]. В некоторых случаях авторы создают новые выражения по аналогии с уже существующими фразеологизмами [Розенталь, 1985].

Помимо основных классификаций направлений трансформации смысла слова, выделяют следующие типы:

– поднятие или улучшение лексического значения – процесс «облагораживания»: так, слово *задор* означало *загнутый кверху*, а затем получило значения *пыла* или *горячности*, отсюда два значения глагола *задирать: задирать (что? – нос, юбку)*, здесь сохраняется значение движения, направленного вверх; *задирать (кого? – соседских мальчишек)*, т. е. *инициировать ссору, драку;*

– деградация или умаление значения – понижение значения слова отличается переводом слова в более «низкую» сферу коммуникации, часто сопровождающимся обрастанием негативными смыслами и ассоциациями (*хайло, вшивка*).

Кроме того, различают гиперболу, литоту, иронию, которые создают в основном контекстные и не всегда постоянные изменения смысла слова [Там же; Полевой материал… (Цитаты. Псевдоцитаты. Фразы…)].

Для дальнейшей работы с постфольклорными текстами необходимо отметить, что предложенные способы развития значений слов в общей лексической системе языка не исключают возможности отдельных индивидуальных, контекстуально обусловленных изменений значений. Такие случаи, как правило, не зафиксированы в словарных статьях. Их возникновение обусловлено разными причинами, основная из которых – нерегулярность их образования и контекстно-стилистическая зависимость.

Анализ диахронической семантики постфольклорных текстов в целом, а также отдельных слов и выражений, входящих в постфольклорные тексты, в нашем исследовании включает следующие схемы развития смысла:

– смысл сохраняется полностью;

– смысл сохраняется/изменяется частично (происходит частичная утрата смысла);

– смысл изменяется (происходит полная утрата первоначального смысла);

– слово выходит из употребления (смысл утрачен, слово забыто).

Слово (означающее) выходит из употребления, когда предмет или явление (означаемое) утрачивают свою актуальность, однако память об этом слове сохраняется в языке и многочисленных текстах.

В случае изменения смысла мы будем выделять следующие типы трансформаций:

– расширение значения (генерализация) или сужение значения (специализация);

– синонимическое развитие значений;

– смещение (метафорический или метонимический перенос значения) или сдвиг значения (чаще всего временной);

– улучшение или ухудшение смысла;

– отдельные контекстные случаи.

Отметим, что отнести каждый случай употебления отдельных слов и выражений постфольклорных текстов к одной из предложенных схем развития смысла было довольно затруднительно. Рассмотрим несколько примеров отбора слов и выражений для изучения трансформации смысла:

Слово *юшка* было обнаружено в текстах в двух значениях: *кровь* и *сметанная заправка, смешанная с помидорным соком в салате*.

Ты на меня руку поднимать не смей, не то дам – ***юшкой*** *умоешься* [Полевой материал… (Предания)].

Как начинались помидоры, он ел только салат со сметаной, даже не сам салат, а хлеб с ***юшкой*** [Полевой материал… (Истории из жизни)].

Словарь В.И. Даля отсылает к словоформе *юха*, первое значение которой – *навар мясной, рыбий, вообще похлебка*, а далее с пометой *западное* приводится *юшник – похлебка из гусиной или свиной крови и рассола из-под*

бураков [Даль, 1998, Т. IV: 670]. Происходит сужение смысла: *юшка* – как *похлебка из крови, навар, уха, жижа (о простой еде), что-то жидкое, текучее,* сужается до одного значения – *кровь*. Происходит перенос по сходству и ухудшение смысла. Согласно корпусу русского языка *юшка* в значении *кровь* употребляется всегда в контексте описания драки и разбитого носа, из которого течет кровь [НКРЯ, URL: https://ruscorpora.ru/].

Прогулялись с сыном по лесу! Шишек и красивых коряжек ***надыбали*** [Подслушано у сердца, URL : https://vk.com/grustnopub].

Надыбать – современное значение – *заполучить (как-то случилось так, что у тебя это появилось),* синонимами являются: *купить, украсть, получить от кого-то,* во всех случаях присутствует оттенок неожиданности и случайности. Ранее – 1) *найти случайно* (шел, случайно увидел (наткнулся), решил, что никому не надо, и забрал себе, 2) *забрал себе без спросу, следовательно – украл*, 3) *тихо идти, тихо ступать*. Третье значение допускает уточнение: *тихо ступать* именно для того, чтобы взять без спросу. Для сравнения: украинское *дыбать* – идти, ковыляя (медленно).

Обоснование методики диахронического анализа слов и выражений постфольклорных текстов включает рассмотрение особенностей постфольклора и выбор исследовательских методов. В нашем исследовании методика диахронического анализа слов и выражений постфольклорных текстов включала в себя следующие этапы:

1. Составление массива постфольклорных текстов.
2. Отбор репрезентативных примеров – текстов, содержащих многозначные слова и выражения, имеющие различные коннотации, и активно употребляемые в разных смыслах в речи наших современников.
3. Определение статуса лексико-семантических вариантов слов и выражений, выявленных в массиве постфольклорных текстов, на основе этимологического, контекстного и корпусного анализов:

– уточнение смыслов слов и выражений с помощью толковых, переводных словарей и энциклопедий (этимологический анализ);

– выявление с помощью унифицированной структурированной разметки массива языковых (речевых) данных в НКРЯ количества примеров (случаев обнаружения) многозначных слов и выражений и общего количества текстов, в которых содержатся данные примеры (корпусный анализ);

– определение изменения смысла слова, с уточнением случаев самого раннего упоминания, включенного в НКРЯ, и случаев самого позднего упоминания (контекстный анализ).

4. Верификация ситуаций и случаев употребления многозначных слов и выражений с помощью психолингвистического эксперимента и лингвокультурного анкетирования.

5. Обобщение полученных данных и формулирование выводов об изменении смысла слов, отобранных из массива постфольклорных текстов.

Постфольклорные тексты демонстрируют свойства текстуальности, коммуникативности, кодируемости, интерпретируемости и концептуальности, информативности, транслируемости, поликодовости, анонимности, саморефлексивности, ненормативности, что делает их особенно интересными для анализа эволюции языка (параграф 2.4). Изучение изменений языковых явлений во времени позволяет осуществить этимологический и корпусный анализы.

Этимологический анализ исследует происхождение слова и его историческое развитие. Он позволяет проследить эволюцию формы, значения и функций слова на протяжении различных временных этапов.

Корпусный анализ в нашем исследовании связан с диахронией, поскольку мы используем тексты разных периодов. Временная удаленность анализируемых текстов по отношению к настоящему моменту составляла от 50 до 300 лет (**Приложение**).

Вместе с корпусным мы применяли контекстный анализ: на основе текстов, представленных в Национальном корпусе русского языка, мы анализировали минимальный контекст, в случае необходимости обращались

к полным текстам произведений для анализа расширенного контекста. Контекстный анализ становится диахроническим, если изучаются контексты употребления слова в текстах разных эпох. Это помогает выявить изменения значения и функций слова.

Психолингвистический эксперимент и лингвокультурное анкетирование как исследовательские методы, опосредованно связанны с диахронией, однако психолингвистический эксперимент позволил установить, как смыслы постфольклорных текстов воспринимаются в текущий момент, какие семантические изменения уже произошли и какие тенденции намечаются. С помощью анкетирования были собраны значимые данные об употреблении слов в разных социальных группах, о привычных контекстах использования лексических единиц и о степени их закрепления в языке.

Далее приведено подробное описание этапов диахронического анализа: описание этимологического анализа, осуществленного на основе метода этносемиометрии, представлено в параграфе 4.2, корпусный и контекстный анализы, выполненные с использованием данных Национального корпуса русского языка представлены в параграфе 4.3, результаты психолингвистического эксперимента и лингвокультурного анкетирования представлены в параграфах 4.4 и 4.5, некоторые примеры изменения (неизбежного рассеивания) смысла слов, обнаруженные в постфольклорных текстах, сгруппированы по типам трансформаций смысла и приведены в параграфе 4.6.

4.2. Этимологический анализ

Первым этапом диахронического анализа стало формирование массива постфольклорных текстов. Для проведения психолингвистического эксперимента и лингвокультурного анкетирования из собранного массива текстов (около 1200 текстов) были отобраны наиболее презентабельные случаи изучаемого явления (около 2000 случаев).

В соответствии с целью и задачами исследования необходимо изучить статус лексико-семантических вариантов слова на основе этимологического, контекстного и корпусного анализов слов и выражений, выявленных в массиве постфольклорных текстов. Для проведения этимологического анализа мы применили метод этносемиометрии. В большинстве случаев обращение к этимологическим словарям позволяло получить исчерпывающий ответ о происхождении слова, его производных и ближайших родственниках в славянских языках. Однако при изучении отдельных слов потребовалось привлечение сведений из толковых словарей на других языках и переводных словарей. Рассмотрим далее примеры проведения этимологического анализа отдельных слов и выражений, отобранных из массива постфольклорных текстов.

Паремии

Паремии читают в церкви. И вот, что интересно, как только чтец выходит на середину храма с книгой и начинает читать Священное Писание, многие начинают заниматься своими делами, ставить свечи и разговаривать, упуская важное Слово Божие [Православный юморист, URL: https://vk.com/i_i_iytim].

Рассмотрим этимологию слова *паремия*:

Παροιμια, ας ἡ в древнегреческо-русском словаре И.Х. Дворецкого имеет два основных значения: 1) поговорка, пословица, 2) притча [Дворецкий, 1958]. Тогда как древнегреческо-французский словарь А. Байи дает одно значение – *le proverbe* (пословица) [Bailly, URL: https://archive.org/details/BaillyDictionnaireGrecFrancais; Ильина, 2000].

В русском языке слово *паремия* используется в филологии и литургике. В филологии *паремия* – это устойчивая единица, передающая законченную мысль дидактического содержания и создаваемая по большей части с использованием разнообразных тропов и фигур. *Паремия* или *паримия* (ст.-слав. *парѣми□ парими□, парами□, парьмиꙗ;* церк.-слав. *паремі́ꙗ*) – элемент богослужения, содержащий в себе пророчества о празднуемом событии или хвалу святому, память которого совершается. Богослужебная книга, в

которой собраны паремии, носит название «Паремийник» или «Паримийник» [Никулина, 2012].

Древнегреческое *παροιμία* состоит из прилагательного *πάροιμος* (досл. соседний) и суффикса, субстантивирующего прилагательное -*ία*, т. е. паремия – соседствующее, находящееся по соседству, рядом. *Πάροιμος* (соседний) образован от *παρά* – рядом, и *οἶμος* – дорога, путь, тропинка. Паремия – это то, что находится рядом с дорогой (в прямом и переносном смысле), то, что часто встречается, что является общеизвестным. В этом смысле аналогом *перемии* является *притча*. *Притча* происходит от праславянского **pritъča* – случай, этого же корня древнерусское *притъча* – несчастный случай (выражение зафиксировано в Смоленской грамоте, 1229г.).**Pritъča – случай* от глагола *ткнуть*, в современном русском языке глагол *наткнуться* является синонимом *обнаружить, неожиданно встретить* [Фасмер, 1996; Ильина, 2000].

Таким образом, в российской лингвистике толкование *паремии* опирается на греческое *παροιμία* (поговорка, пословица; притча), и определяет паремию как устойчивую фразеологическую единицу, представляющую собой целостное предложение дидактического содержания [Даль, 2007]. Во французской лингвистике высказывается мнение, что существуют архилексемы, которые вбирают в себя пословицы (*le proverbe*) и другие единицы, связанные с ними [Sevilla Muñoz, 2000; Ильина, 2000].

Третейский суд в Гааге

*Третейский суд в Гааге – очень даже сакрален для России, ибо учрежден по инициативе Николая II. Только полное *** может сомневаться в его юрисдикции* [Анекдоты из России, URL: https://www.anekdot.ru/search/].

Этимология слова *третейский* в русском языке происходит от числительного *третий* [Фасмер, 1996], образованного от праславянского *tretьjь*, и имеет значение *поручитель, свидетель* [Даль, 2007: 430] или *третья сторона, не заинтересованная в исходе спора, тяжбы* [Ожегов, 2005: 810]. Число *три* в мировой культуре имеет символическое значение.

Третий как элемент конечного множества часто употребляется не в ряду порядковых числительных (*первый, второй, третий*) а в характерном перечне: *один, другой, третий*. Если три элемента расположить по кругу, *третий* всегда оказывается между *первым* и *вторым* и, таким образом, в любой конфликтной ситуации *третий* занимает *серединное положение,* т. е. является *посредником*.

Посредник в русском языке – происходит от слова *середина, средний, находящийся между противоположными крайними точками.* Идею посредничества или нейтралитета лучше других передает латинский язык: местоименное прилагательное *neuter, neutra, neutrum* обозначает *ни тот, ни другой; не относящийся ни к одной, ни к другой стороне*. Слово *neuter* произошло от *ne* (не) + *uter, utra, utrum* – который (из двух) [Фасмер, 1996]. Анализ данного понятия хорошо демонстрирует значение «незаинтересованный», которое часто встречается в толковании термина *третейский:* есть две спорящих стороны, и есть третья сторона, не связанная *ни с той, ни с другой* – третья, незаинтересованная, и поэтому именно она может выполнить посредническую функцию.

Зоино стояние

Легенда повествует о событии, произошедшем в канун нового 1956 года в городе Куйбышев (до января 1953 года и после 1991 года – Самара): работница трубного завода Зоя Карнаухова совершила кощунственный поступок: после новогоднего застолья ввиду отсутствия кавалера она сняла в красном углу икону Николая Чудотворца и вошла с ней в круг танцующих. За такое святотатство ее тут же постигла страшная кара: девушка окаменела и стояла без признаков жизни 128 дней. От этого наказания богохульница была избавлена чудесным образом… [Стояние Зои…, 2010; Петров, 2018].

Городская легенда «Зоино стояние» до сих пор привлекает к себе внимание богословов, ученых, журналистов. В текстах, пересказывающих и комментирующих легенду, встречаются слова *святотатство, богохульство* и *кощунство*, используемые как синонимы. Однако этимологический анализ данных лексических единиц показал, что они таковыми не являются.

Современное употребление понятия *святотатство* связано с *непочтительным отношением* к церкви либо к чему-либо святому, с *осквернени*ем святыни или *совершением актов вандализма*. По данным словаря М. Фасмера лексема *святотатство* восходит к праславянским **svętъ* – святой и **tatь* – воровать (ср. греч. *τητάω* –лишаю) [Этимологический онлайн-словарь…, URL: https://lexicography.online/etymology/vasmer/].

Древнегреческие и латинские слова состоят также из двух корней: др.-греч. *ἱεροσῡλία* – ограбление храма, кража священной утвари (*ἱερός* священный, святой, божественный + *σῡλάω* отнимать, похищать), лат. *sacrilegium* (*sacrum* – священный предмет, священная утварь + *lego* похищать, красть). Таким образом, наиболее точное значение лексемы *святотатство* – похищение священных предметов, их осквернение фактом кражи – прикосновения к ним в неположенное время, в неположенном порядке и людьми, не имеющими на это права [Ильина, 2023б].

Богохульство в русском языке – это слово, фраза или любая другая форма выражения неуважительного или оскорбительного отношения к тому, что определенная группа считает божественным; непочтительное использование имени Бога или богов, а также поношение любых объектов религиозного поклонения и почитания [Даль, 1998, Т. I: 105].

Этимологически *богохульство* состоит из слов Бог (от праслав. *bogъ, от которого произошли: ст.-слав. *богъ,* родственно др.-инд. *bhágas* одаряющий, господин) и др.-рус *хула*, ст.-слав *хоула* (греч. *βλασφημία*), *хоулити* (*βλασφημεῖν*) [Этимологический онлайн-словарь…, URL: https://lexicography.online/etymology/vasmer/].

Греческое *βλασφημία* от *βλασφημέω* (*βλασ* ранить, испортить, вредить + *φήμη* высказывание) – ранить словом; плохо, непочтительно отзываться о ком-либо, оскорблять, клеветать.

Латинские существительное *blasphemia* и глагол *blasphēmo, – , – , āre* (поносить, хулить, злословить) являются транслитерацией греческого *βλασφημία.*

Следовательно, значение лексемы *хула (βλασφημία)* – непочтительное высказывание в отношении кого- или чего-либо, в русском языке в результате словосложения (*Бог* + *хула*) сужается: *богохульство* – непочтительное использование имени Бога.

В современном языке под *кощунством* понимается неуважительное высказывание или неуважительные (непристойные) действия по отношению к святым предметам или понятиям, к тому, что ценно для человека, как в религиозном, так и в обыденном понимании.

Этимология слова *кощунство* не ясна, в словаре М. Фасмера содержится только слово *кощун*. М. Фасмер, ссылаясь на мнения других исследователей указывает: либо слово *кощун* имеет славянские корни (укр., болг. *кощу́н* со значением *насмешник, богохульник*), возможно, от *кости́ть* (в современном русском языке сохранились *костерить, костность, косноязычие, пакость*) [Этимологический онлайн-словарь…, URL: https://lexicography.online/etymology/vasmer/]. На некую связь *кощунства* с персидским языком указывал В.И. Даль [Даль, 2007].

Сопоставление переводов лексем *святотатство, богохульство, кощунство* на европейские языки, приведенных в словаре Ф. Рейфа, подтверждает происхождение лексемы *святотатство* от латинского *sacrilegium*, лексемы *богохульство* от греческого *βλασφημία* и неясную этимологию *кощунства* [Рейф, 1863].

В Библейских текстах понятие *святотатство* сохраняет значение *покушения на святое* (…святотатствуешь? (*Рим. 2: 22)* досл.: …ιεροσυλεις;[9] – грабишь капища?); понятие *богохульство* сохраняет значение *говорить плохо о ком-либо, чернить, оскорблять:* (...некоторые из книжников сказали: Он богохульствует *(Мф. 9: 3), τινες των γραμματέων είπαν οῦτος βλασφημει*, досл.: *βλασφημει* – хулит, злословит).

[9] Точка с запятой в древнегреческом языке использовались для обозначения вопросительного предложения.

Понятию *кощунство* и родственным ему словам *(кощунствовать, кощун)* в библейских текстах и в текстах религиозной тематики на древнегреческом и латинском языках соответствуют:

– *ὑπερήφανος:* высокомерный, заносчивый: *Κύριος υπερηφανοις αντιτασσεται ταπεινοις δε διδωσιν χαριν* - Господь высокомерным противостоит, а смиренным дарует благоволение (Притчи 3:34);

– *sacrilegium:* в сочинении Фомы Аквинского «Сумма теологии» вопрос 99 второго раздела второй главы озаглавлен в русских переводах *«О кощунстве»*, тогда как в латинском тексте – *«De sacrilegio» (досл.: о святотатстве)* [Summa theologica…, URL: http://www.thelatinlibrary.comshtml].

Отсутствие прямого указания на латинское и/или греческое слово в словарных статьях, посвященных слову *кощунство*, изучение толкования понятий *святотатство*, *богохульство, кощунство* в энциклопедиях, этимологических и переводных словарях, обнаружение «перекрестного» толкования (для объяснения смысла слова *святотатство* используется слово *кощунство* и наоборот), сопоставление общеизвестных документов на языке оригинала и их переводов на европейские языки позволяют утверждать, что понятие *кощунство* является исконно русским, и что существовал некий запрет для его использования. Стирание четких границ между понятиями *святотатство*, *богохульство, кощунство* в русском языке произошло в советский период на фоне господства и широкой пропаганды атеистических убеждений.

Легенда о камее Гонзага

Камея Гонзага – это украшение из трехслойного оникса, на котором вырезаны профили царя и царицы Египта. Считается, что эта камея приносит несчастья. Камея принадлежала Наполеону, он получил ее, воюя с Италией, и подарил своей жене Жозефине, однако камея не принесла ей счастья, Наполеон ее бросил. После поражения Наполеона русские войска входят в Париж. Император Александр, проявив галантность, помогает Жозефине, за что она дарит ему эту камею. Таким образом это уникальное

украшение оказывается в коллекции Эрмитажа [Полевой материал… (Мифы и легенды)].

В процессе анализа собранных постфольклорных текстов слово *оникс* нам встретилось в различных контекстах: в легенде о камее Гонзага, в названиях компании, магазина, развлекательного центра; в именах и аватарах, что привело к этимологическому исследованию лексической единицы *оникс.*

Мы уточнили, что название минерала происходит от древнегреческого *ὄνυξ* – ноготь, камень имеет внешнее сходство с ногтем человека. На английском и французском языках название минерала пишется *onyx,* в русском – *оникс* или *онихион* [Даль, 2007; Ильина, 2021а]. Оникс с древнейших времен использовали как магический камень, из него изготавливали амулеты, обереги, чаши для проведения религиозных обрядов. Считалось, что оникс помогает проникать в мысли другого человека. В Древнем Риме *оникс* использовался как оберег, у древних арабов оникс был символом печали [Ильина, 2022б]. В легенде о камее Гонзага камея названа по имени первого владельца – итальянского маркиза Франциско Гонзага).

Сказ. Сказочник

Сказ – Ни в сказке сказать, ни пером описать, сказочник [Результаты психолингвистического… (реакция на слово-стимул *сказ*)].

…Завтра он все сделает, за неделю ничего не сделал, а за один день сделает! Сказочник! [Там же].

Слово *сказ* имеет глубокие корни в русском языке и воплощает в себе богатство культурного наследия. В его основе лежит идея передачи информации или истории в устной форме, чаще всего в форме небольшого повествования [Даль, 2007]. Слово происходит от древнерусского глагола *сказати*, что означает *рассказать* или *сообщить*. В чешском языке *сказ* объясняется глаголами *читать проповедь, наставлять; показывать, приказывать* [Этимологический онлайн-словарь…, URL: https://lexicography.online/etymology/vasmer/].

Перевод слова *сказ* на другие языки и изучение этимологии его эквивалентов позволил установить любопытные детали. Так, на французском языке эквивалентом слова *сказ* будет – *le conte.* Первые значения глагола *conter*, приводимые в словарях – *рассказывать/рассказать* (синоним *exposer*); *описывать/описать* (синоним *décrire*), устойчивое выражение – *conter des choses fausses – рассказывать небылицы.* Глагол *conter* произошел от старофранцузского глагола *compter*, который восходит к латинскому *computare* со значениями: *вычислять, считать, сличая проверять, учитывать (брать в расчет), перечислять*. Установлено, что омофонные глаголы *compter* и *conter* появились во французском языке только в XIII веке, когда началось формирование орфографических норм французского языка [Larousse.fr…, URL: https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/conter/; Ильина, 2022б]. Утерянное различие глаголов *compter* и *conter* восстанавливает Толковый словарь французского языка Larousse [Larousse.fr…, URL: https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/conter/]: *conter – rapporter un fait en énumérant ses diverses circonstances, en faire le récit; narrer* (*излагать факты,* ***перечисляя*** *(по порядку) различные обстоятельства, связанные с ними, составив, таким образом, связное повествование; рассказать).*

Эквивалентом существительного *сказочник* будет *conteur*, *conteuse*, производные от *conter*, Larousse объясняет следующим образом:

– personne qui conte, qui a l’habitude de conter ; narrateur (человек, который рассказывает сказки, который знает много сказок и умеет их рассказывать, рассказчик);

– personne qui invente, qui dit ou écrit des contes pour amuser, distraire (человек, который придумывает и рассказывает либо пишет сказки для развлечения, забавы) [Larousse.fr…, URL: https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/conter/; Ильина, 2022б].

В словаре французского Национального центра лингвистических ресурсов [Centre National…, URL: https://www.cnrtl.fr/definition/conteur]

уточняется, что *conteur* – ... personne qui invente des histoires pour abuser autrui (сказочник – …человек, который придумывает истории, чтобы ввести в заблуждение других) [Ильина, 2022б].

Таким образом, исследование происхождения и истории слов, направленное на выявление их первоначального значения и изменений в процессе их использования в языке, позволило проследить развитие слов, установить источники заимствований и пути эволюции смысла. Отметим также гипотетичность реконструкций, поскольку этимология основывается на гипотезах, некоторые реконструкции смыслов не могут быть подтверждены из-за отсутствия достаточных данных. Продемонстрируем далее порядок проведения корпусного и контекстного анализов, выполнение которых является логическим продолжением этимологического анализа.

4.3. Корпусный и контекстный анализы

Для завершения диахронического анализа по предложенной методике рассмотрим проведение корпусного и контекстного анализов. Корпусный анализ проводился с помощью унифицированной структурированной разметки массива языковых (речевых) данных НКРЯ. Методом контекстного анализа мы определяли изменения смысла слова, отмечая случаи самого раннего упоминания среди примеров, включенных в НКРЯ, и случаи самого позднего упоминания.

Далее описывается порядок проведения корпусного и контекстного анализов на примере слов *куролесить, тачка* и *челнок*. Для каждого слова приведем вначале краткий результат этимологического анализа.

Употребление слова *куролесить* в постфольклорных текстах показывает сферу значений его референта:

– *Ты много работаешь в последнее время?*

– *Да, совсем заскучал – работа-дом, работа-дом. Хочется немного* ***покуролесить*** *и развлечься!* [Истории из жизни, URL: https://vk.com/dobrue_istorii].

– *Сегодня поделился в блоге своими недавними приключениями. Решил отвлечься от работы и* ***куролесить*** *по городу, открывая для себя новые места и встречая интересных людей* [Истории из жизни, URL: https://vk.com/dobrue_istorii].

Этимологически *куролесить* происходит от древнерусского *киролѣсу* – искаженного древнегреческого *Κύριε ἐλέησον (Господи, помилуй)*. С приходом на Русь христианства во время богослужений в древних русских церквях *Κύριε ἐλέησον* пелось по-гречески, но в народе, не воспринимавшем еще церковное пение в православной традиции, греческое *Κύριε ἐλέησον* превратилось в *киролѣсу* и стало использоваться как существительное со значением *нестройное церковное пение*. Поскольку *Κύριε ἐλέησον* повторяется в ходе богослужения много раз, появилось выражение *петь куролесу*. В словаре М. Фасмера приводится загадка: Идут лесом, поют *куролесом*, несут *деревянный пирог с мясом* (отгадка: *похоронная процессия*) [Фасмер, 1996].

В результате психолингвистического эксперимента были получены следующие объяснения значения слова *куролесить – дурачиться, развлекаться, забавляться, шалить, проявлять неуемную активность, вести себя шаловливо, бездельничать, праздновать, быть беспечным в поведении или развлечениях.*

Рассмотрим примеры из НКРЯ. По запросу *куролесить* в основном корпусе найден 191 пример в 156 текстах, далее приведен случай самого раннего упоминания, включенного в Корпус, и самого позднего.

В один вечер перед ужином, когда мы в ожидании оного на берегу Десны куролесили различным образом, Сарвил, возвыся голос, сказал:… [НКРЯ (В. Т. Нарежный. Бурсак, 1822), URL: https://ruscorpora.ru/].

В общежитии мыкается шатия-братия: Игорь, Ванька, Леля, Неля и Отличник: кто куролесит, кто злоупотребляет, кто учится [НКРЯ (Л.А. Данилкин. Круговые объезды по кишкам нищего. 2016), URL: https://ruscorpora.ru/].

Мы просмотрели и другие примеры из произведений, созданных между 1822 и 2016 годами, и установили, что слово *куролесить* за временной промежуток примерно в 200 лет не изменило своего значения. В настоящее

время сфера его смыслов включает варианты: *развлекаться, весело проводить время, намеренно делать что-то нелепое и смешное, чтобы повеселиться или повеселить других*.

При вхождении слова *куролесить* в русскую разговорную речь произошло *смещение* и *расширение* его значения [Гак, 1998]. В основе изменений значений лежат ассоциативные связи: по противоположности (созвучное пение/нестройное церковное пение) и по временной смежности (нестройное пение – петь плохо – вести себя плохо) [Wundt, 1913].

Рассмотрим далее примеры постфольклорных текстов, содержащих слово *тачка*:

Новый русский выходит из ***тачки*** *и идет к офису. Дорогу ему пересекает старушка, согнутая в три погибели, еле ноги волочит, а в вытянутой руке – кружка. В голове нового русского мгновенно проносится: «Одинокая старость... инфляция... высокие цены... нищенская пенсия...» Ему вдруг становится жалко старушку, он нащупывает в кармане завалявшийся металлический стольник, вынимает его и бросает в кружку... И неожиданно слышит истошный вопль старушки:*

– Иро-од! Ты мне что в сметану кинул?! [Анекдоты из России, URL: https://www.anekdot.ru/search/].

Везет прапор ***тачку*** *по территории части. Ему навстречу капитан… (фрагмент)* [Анекдоты из России, URL: https://www.anekdot.ru/search/].

Дело было, когда я только что купила машину. Хотя права у меня и были, но я училась ездить на старых раздолбанных ***тачках,*** *а на своей новенькой, с тугими педалями и коробкой, ездить мне было тяжело, тем более без опыта* [Истории из жизни (Водительские байки), URL: https://vk.com/dobrue_istorii].

Слово *тачка,* согласно словарю В.И. Даля, означает ручную тележку, обычно на одном колесе, которую рабочий везет, толкая ее впереди себя [Даль, 2007]. В словаре С.А. Кузнецова с пометой *жаргонное* – приводится значение *тачка (машина)* [Толковый словарь С.А. Кузнецова, URL: https://gufo.me/dict/kuznetsov].

По результатам психолингвистического эксперимента установлено, что 61% респондентов первым значением слова *тачка* указывали – *машина* и

приводили пример – *крутые тачки*, *купил/разбил новую тачку,* вторым указывалось значение – *садовая тележка*.

В НКРЯ было найдено 2079 примеров из 869 текстов.

Другие молодые члены военного совета хлопотали на валах крепости кто с лопатой в руке, кто с ***тачкой****, кто с каким-нибудь другим простонародным орудием* [НКРЯ (К.П. Масальский. Быль 1703 года. 1848), URL: https://ruscorpora.ru/].

Прежде он уносился от аэропортного обрыва на ***«тачке»*** [НКРЯ (Владимир Вещунов. Перекат // Дальний Восток. 2019), URL: https://ruscorpora.ru/].

С прожекторами на зоне, утренней перекличкой у страшных ворот и с мерным скрипом колес зэковских ***тачек****, везущих скальную породу…* [НКРЯ (Александр Купер. Истопник // Дальний Восток. 2019), URL: https://ruscorpora.ru/].

Анализ примеров с 1848 по 2019 гг., найденных в НКРЯ, позволил установить, что словом *тачка* с середины XX века стали обозначать старые автомобили, позднее – автомобили низкой ценовой категории. В определенном контексте слово *тачка* также обозначало *такси*, затем его стали применять к любым транспортным средствам в плохом состоянии, позднее слово приобрело противоположное значение – *новый, дорогой, престижный, «крутой» автомобиль*. В настоящее время это слово используется в речи во всех указанных смыслах, в том числе, употребляется для обозначения *автомобиля* вообще.

Отметим, что в НКРЯ встречается еще одно (устаревшее) значение слова *тачка,* как название процесса от глагола *тачать* (*тачать сапоги* – прошивать сквозной строчкой). Данное значение в постфольклорных текстах не выявлено, смысл *тачать – шить* (из сапожного дела) и понимание явления утрачены.

Руки же у него были золотые – а может быть, помогал ему окаянный, – шивал он на славу сапоги без разреза и без ***тачки*** *из цельной кожи* [НКРЯ (И.И. Лажечников. Последний Новик (1833), URL: https://ruscorpora.ru/].

Анализируя постфольклорные тексты, содержащие слово *тачка,* мы выявили в динамике смысла референта *тачка* случай энантиосемии (старый разбитый автомобиль – новый, дорогой), и случай расширения значения [Гак, 1998] (старый автомобиль – автомобиль вообще). Ассоциативные связи, вызвавшие изменение значения – перенос по сходству и по противоположности [Wundt, 1913].

Рассмотрим еще один пример. В массиве собранных текстов встречается слово *челнок*, которое наши современники не воспринимают как производное от слова *челн* [Результаты психолингвистического эксперимента и анкетирования…]. Далее приведены примеры постфольклорных текстов:

В 1992-1993 годах я два раза ***челноком*** *съездил в Польшу, возил туда столовые приборы, часы, оттуда вез магнитофоны на продажу, привез жене куртку, но куртку тоже пришлось продать* [Полевой материал… (Предания)].

Челноки *со всей России там торговали,...говорят, там ели собак, открывали публичные дома, а еще под Черкизовским рынком было подземелье. Там жили мигранты, российские законы там не действовали.* [Полевой материал… (Истории из жизни)].

Денотаты слова *челнок* наиболее полно представлены в словаре С.А. Кузнецова: 1) уменьшительное от *челн* (маленькая лодка); 2» деталь ткацкого станка; 3) часть швейной машины с двухниточным швом; 4) *разг.* торговец, привозящий мелкие партии товаров из-за рубежа [Толковый словарь…, URL: https://gufo.me/dict/kuznetsov].

В ходе психолингвистического эксперимента, объясняя смысл слова *челнок,* 33% опрошенных указали: «какая-то деталь», «какое-то устройство», 4% – «что-то было связанное с космическими кораблями», 47% – «челноки ездили за товаром в 90-е». Отметим один ответ респондента: «челнок – лодка, помню, было в сказке про Терешечку».

Далее приведены примеры из НКРЯ (всего обнаружено1259 примеров из 673 текстов).

Особливая есть ловля, которую употребляютъ Гиланскіе жители. По два человѣка сидятъ въ ***челнокѣ.*** *Одинъ гребетъ, а другой сѣти*

закидываетъ [НКРЯ (Ф.И. Соймонов. Описание Каспийского моря. 1763), URL: https://ruscorpora.ru/].

*Ограничения на торговлю были отменены, и появились «**челноки**»* [НКРЯ (Николай Амосов. Голоса времен. 1999), URL: https://ruscorpora.ru/].

*От Пилипенко Олимпиада вновь кинулась на перрон. Массово начали выгружаться **челноки.** Суетились возле вагонов* [НКРЯ (В.М. Шапко. Грузок, what is it горка and липка? // Волга. 2014), URL: https://ruscorpora.ru/].

*Звени, мой рог! Лети, мой **челн**! Скрипи, о мой костыль…* [НКРЯ (Ирина Васюченко. Хромые на склоне // Ковчег. 2014), URL: https://ruscorpora.ru/].

*А мне норм было, крутился помаленьку, Польша, шмотки-**челноки*** [НКРЯ (Наталья Радулова. Как выживали в 1990-е. Воспоминания из соцсетей. 23.03.2020), URL: https://ruscorpora.ru/].

Таким образом, значение слова *челнок* с 1763 по 2020 год претерпело ряд изменений, причем в современном русском языке слово в первоначальном смысле употребляется редко (пример: *Лети, мой челн!* взят из поэтического произведения), наиболее употребимым является значение *челнок – торговец*, появившееся в 1990-е годы. В данном случае произошли *сужение* и *утрата* смысла, (*челнок* и *челн* не связаны в сознании респондентов). В случаях *челн (маленькая лодка) – челнок (механизм)*, произошел метафорический перенос на основе связи по сходству формы; *челнок (механизм) – челнок (торговец)* на основе связи по сходству функции – повторяющегося движения в одну сторону и обратно.

Подобным образом был осуществлен диахронический анализ около 2000 случаев изучаемого явления, отобранных из 1200 постфольклорных текстов. Были выявлены закономерности рассеивания смысла на основе больших текстовых корпусов и уточнены смыслы слов и выражений через их окружение в конкретных текстах. Отметим, что предложенная методика диахронического анализа соответствует заявленной цели и позволяет выявить случаи сохранения, изменения и утраты смысла слов и выражений постфольклорных текстов с течением времени.

4.4. Психолингвистический эксперимент

С целью верификации ситуаций и случаев употребления многозначных слов и выражений, выявленных в массиве постфольклорных текстов, был проведен психолингвистический эксперимент. Исследования, базирующиеся на методике психолингвистического эксперимента, являются важным источником информации для понимания ключевых концепций в антропоцентрической научной парадигме: языковой картины мира, языковой личности, вербальной памяти, национального языкового сознания, социокультурных стереотипов [Залевская, 2015: 42-44; Рогожникова, 2010: 50-54; Никитина, 2016]. Языковое сознание рассматривается как комплекс представлений о языке, его структуре, правилах, средствах и функциях, внутреннем понимании функционирования языка как системы. Важными аспектами языкового сознания являются языковая интуиция, языковые стереотипы, концептуализация мира через языковые знаки [Тарасов, 1996]. Исследование языкового сознания с использованием психолингвистического эксперимента и опросов информантов позволяет создать ценностную карту мира конкретной культуры. С помощью психолингвистического эксперимента мы получаем образ мира – отображение в психике человека предметного мира, опосредованного предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами, поддающееся сознательной рефлексии [Леонтьев, 2003].

На основе анализа постфольклорных текстов мы отобрали ряд слов-, выражений-, текстов- и изобразительных текстов-стимулов, которые употребляются в речи и интернет-коммуникации наших современников. В данный перечень для проверки положения **гипотезы** о том, что инвективная лексика менее подвержена процессам рассеивания смысла (при каждом новом обращении к постфольклорным текстам, содержащим инвективную лексику в рамках одного языка, выполнение хронотопного перевода не требуется) были также включены примеры, содержащие инвективную

лексику. В ходе психолингвистического эксперимента испытуемым предлагалось реагировать на стимулы; параметр общего объема реакций за единицу времени не применялся, поскольку нам было важно получить как можно больше реакций.

Далее приведен фрагмент перечня слов, выражений и текстов, отобранных для проведения психолингвистического эксперимента. Поскольку инвективная лексика представлена во всех жанрах постфольклорных текстов, мы использовали стимулы, содержащие инвективную лексику (инвективы) в общем перечне слов, выражений и текстов-стимулов. В перечне откровенно грубые примеры не представлены. Некоторые стилистически приемлемые инвективы отмечены звездочкой*; в опросных листах, предъявляемых испытуемым в ходе эксперимента, инвективы заменялись группой символов (например: !$?&#).

I: слова- и выражения-стимулы:

– глаголы и их производные: *качать/качаться* и *качалка, сидеть/садиться/сажать* и *посадка, отсидка, пороть, зевать, крыть, надыбать, закадрить, задолбать*[10], женить (чай);*

– существительные: *сказ, дролечка, буза, шуба, косяк, сказочник, сволочь*, ублюдок*, ушлепок, шалава*, спиногрыз, алкаш, савраска, тварь;*

– прилагательные: *преданный, подкованный, суженный, рандомный, залихватский, пупырчатый, разнобойный, зряшный, задолбанный*;*

– союзы и наречия: *ибо, дабы, типо*[11], *чревато;*

– дискурсивные слова: *ладно; ну, ладно; да ладно; в самом деле; на самом деле; же;*

– междометия: *тыдыщ, дыч, хрясь;*

[10] Здесь и далее звездочкой обозначены случаи использования инвективной лексики или нейтральной лексики в роли инвективной, необходимые для иллюстрации теоретических положений работы.

– выражения-стимулы: *вы на него добрая? хоть бы «хны», шелудивому поросенку…, кончай бузить! он ко́сит, Филькина грамота, там, на присбочке, все жданки съели, юшкой умоешься, отвали*, Ты охренел*, какого* !$?&#, совсем все !$ е!$*

II: фразы-стимулы: ситуации (проверка гипотезы):

1. *Мужик жалуется приятелю: Жена машину разбила…* Ответ приятеля: …

2. *Учительница звонит отцу первоклассника: Это безобразие! Вы что, дома совсем не занимаетесь?* Ответ отца первоклассника: …

3. *Рыбак рассказывает соседу: Я вчера вот такого сома поймал! На 40 кг!* Ответ соседа: ...

III: тексты-стимулы (или фрагменты текстов):

Анекдот: *постелил новый линолеум с рисунком под доски, теперь бабушка ругает внучку за то, что она моет пол поперек досок* [Частный архив Е.М. Савиной].

Фрагмент популярной песни:

Над дорогой боевой моей
В высоте орлуют два орла.
И один из них ночей черней,
У другого белые крыла (О. Газманов «Два орла»).

Фрагмент пионерской речевки:

Звездочка из кумача –
мы внучата Ильича.
Знаменосец, выше знамя!
Выше знамя поднимай.
Запевала, нашу песню!
Нашу песню запевай! [Частный архив Л.Е. Ильиной].

Садистский стишок[12]:

Маленький мальчик землянку копал,
Железку нашел, об кирпич постучал,
Ноги на елке, руки под дубом -
С миной нельзя обращаться так грубо [Мир анекдотов, URL: https://www.anekdotovmir.ru].

[12] Подобные тексты использовались только для респондентов старше 18 лет.

Песня-переделка (Оригинал – песня О. Газманова «А я девушек люблю»): *Я однажды в караоке песню пел.*

Вдруг продюсер из Москвы ко мне подсел,

Наливал он мне коньяк, заказал он мне еду,

Обещал он сделать из меня звезду.

Припев*: Но я девушек люблю, Да и батя …*(в этом месте для создания комического эффекта, исполнителя прерывали)… *не поймет…* [КВН…, URL: https://www.1tv.ru/shows/kvn/vypuski].

Заговор (оберег) от укуса клеща: *Клещ, клещ, я иду в лес, а ты под корень лезь (произносить 3 раза)* [Русские заговоры и заклинания…, 1998]

Рифмовки: Ответ на реплику: *Я нечаянно! – За нечаянно бьют отчаянно!* Ответ на любой вопрос: *Любопытной Варваре на базаре нос оторвали!* [Полевой материал… (Рифмовки)].

Фразы-клише из детских подвижных игр: *Топор-топор, сиди как вор! Пила-пила, лети как стрела!* [Полевой материал… (Клише)].

Слухи: ***Наводнение в Оренбурге***

Начальство из Газпрома, вместо того чтобы отправить технику туда, где вода заливала многоэтажки, приказали насыпать валы-заграждения вокруг своих домов в Ростошах [Частный архив Л.Е. Ильиной].

Жена Марка Цукерберга втайне от мужа водит автомобиль Tesla

Только недавно уменьшилось количество фейков про потенциальный бой Илона Маска и Марка Цукерберга, как в сети вновь подогревают противостояние этих двух миллиардеров неправдивой информацией. На этот раз якобы Илон Маск написал в Twitter, что жена Цукерберга втайне от мужа водит автомобиль Tesla [Лапша Медиа, URL: https://lapsha.media/].

IV: изобразительные тексты-стимулы (статичные и динамичные) (рис. 6-9):

Рис. 6. Фото *Котохлеб* [Пикабу, URL: https://pikabu.ru]

Рис. 7. Снимок экрана вирусного видео [Девочка решает задачу про огурцы, URL: URL: https://vk.com/video-166171504_456244577]

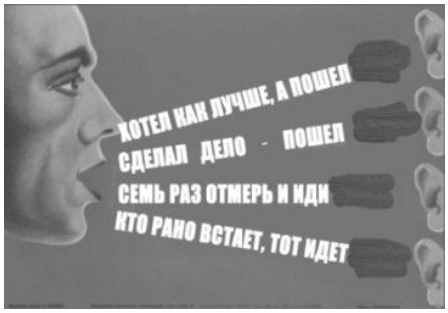


Рис. 8. Многополярность одного выражения[13] [Демотиваторы на любой вкус, URL: https://demotions.ru/]

Рис. 9. *Батут моего детства* [Демотиваторы на любой вкус, URL: https://demotions.ru/]

В ходе психолингвистического эксперимента испытуемым (в группе или индивидуально) предъявлялись опросные листы, включающие стимулы (многозначные слова и выражения, фразы, постфольклорные тексты или их фрагменты, изобразительные тексты), обозначенные соответственно I, II, III, IV, на которые предлагалось реагировать, называя или записывая первое слово, приходящее в голову, (или несколько слов); предлагалось составить предложение с данным словом или выражением-стимулом, ответить на уточняющие вопросы, выразить свое отношение к информации, сообщаемой во фрагменте текста и в предлагаемом изобразительном тексте.

В каждом разделе опросного листа содержались стимулы из общего списка и стимулы, содержащие инвективную лексику. Далее в таблицах и схемах это обозначено как *стимулы общего списк*а и *стимулы инвективные.*

Раздел II опросного листа был рассчитан на выявление потенциальной готовности испытуемых употреблять в речи инвективную лексику. Фразы-стимулы для этого задания были взяты из бытовых диалогов, популярных развлекательных телепрограмм или интернета, в которых в ответе/реакции содержалась инвективная лексика. Испытуемым предъявлялся только вопрос или побудительная реплика, и предлагалось ответить на вопрос или предложить ответную реплику. Завершая работу с испытуемыми, мы просили их вернуться к заданию раздела II и уточняли, употребили бы они в

[13] Инвективное выражение в конце каждой строки закрашено автором данного исследования.

ответной фразе инвективную лексику, если бы подобная ситуация произошла в обычной жизни.

Эксперимент проводился в течение нескольких лет в разных целевых аудиториях, как в ходе профессиональной деятельности автора данного исследования, так и в ходе специально организованных встреч с группами респондентов. Проведение психолингвистического эксперимента в четырех группах (группе школьников, группе студентов, группе преподавателей вузов, группе общественности (представителей различных профессий)) позволило обобщить полученные результаты и сформулировать выводы с учетом возраста и социально-профессионального статуса испытуемых.

Предваряя обсуждение результатов эксперимента, отметим, что испытуемые (особенно в группах школьников и представителей общественности) выражали удивление, ознакомившись со списком стимулов. По их мнению, частушки, анекдоты, дворовой фольклор, слухи, другие постфольклорные тексты и содержащаяся в них инвективная лексика, не могут являться предметом научного интереса.

Ответы испытуемых при обработке результатов эксперимента распределялись на три категории.

Смысл сохранен – к этой категории мы относили ответы, свидетельствующие о том, что испытуемый уверенно формулирует определение смысла слова, выражения, фразы или изобразительного текста, уверенно ориентируется в сюжете, понимает последовательность событий, действий персонажей и мотивы действий; идеи и послания текста воспринимаются им однозначно и без сомнений; испытуемый легко распознает и идентифицирует стилистические и жанровые особенности текста, распознает культурные и контекстуальные элементы текста, что способствует полному пониманию его смысла.

Смысл сохранен частично – испытуемый достаточно уверенно формулирует определение смысла слова, выражения, фразы или изобразительного текста, достаточно уверенно ориентируется в основных

событиях, но отдельные моменты остаются неясными или требуют дополнительного объяснения; основные идеи и послания текста воспринимаются, но с некоторыми сомнениями или возможными альтернативными интерпретациями; испытуемый распознает основные стилистические и жанровые особенности, но отдельные элементы могут вызывать вопросы, испытуемый понимает только часть культурных и контекстуальных элементов текста.

Смысл утерян – испытуемый не может сформулировать определение смысла слова, выражения, фразы или изобразительного текста, теряет сюжетную линию, не может уследить за последовательностью событий и действиями персонажей; основные идеи и послания текста остаются полностью непонятными; испытуемый не находит или не идентифицирует стилистические и жанровые особенности текста, не распознает культурные и контекстуальные маркеры [Ильина, 2023г].

Ввиду сложности интерпретации ответов, относящихся к категории *смысл сохранен частично,* далее для комментирования привлекаются категории *смысл сохранен* и *смысл утерян.*

Прокомментируем некоторые ответы по разделам опросных листов:

I: слово-стимул – *пороть:* первое, что пришло в голову: *порка, унижение, наказание, выпороть* – более 25 ответов каждый, *…а потом сшивать…, пороть и шить…, лучшее лекарство, средство воспитания* – менее 10 ответов каждый. Составленные предложения: *Всех пороли в детстве. Детей нельзя пороть. Его порол отец как Сидорову козу. Угроза: я тебя выпорю. Только попадись мне – выпорю. Раньше пороли розгами. Шей да пори - не будет простой поры.*

Вывод: испытуемые привели два значения *(пороть ремнем, пороть шов),* которые восходят к правлавянскому *porǫti* со значением *резать, колоть, прокалывать, пронзать.* Смысл в обоих случаях не утерян, что подтверждается приведенными примерами, на оба значения также приведены

устойчивые выражения: *Пороть как Сидорову козу. Шей да пори*…. Вариант, получивший метафорическое развитие *пороть чушь,* т. е. *разрывать разумную речь бессмыслицей*, испытуемые не указали.

– **выражение-стимул – *Филькина грамота:*** первое, что пришло в голову: *липовая грамота, липовый документ, липовые документы, какие-то бумаги, что-то не важное* – более 20 ответов каждый, *что-то старое, что-то забытое, неценное* – менее 10 ответов. Составленные предложения: *Его диплом – филькина грамота. Это не сочинение, это филькина грамота. Он подсунул мне филькину грамоту, писульку.*

Вывод: общий смысл выражения сохранен – *Филькиной грамотой называют документ, не имеющий юридической силы, содержащий ошибку или поддельный.* Исторические корни выражения (по одной версии – оно связано и именем московского митрополита Филиппа, который не поддерживал многие действия царя Ивана IV Грозного) утеряны.

II: фразы-стимулы и проверка потенциальной готовности использовать инвективную лексику.

1. Мужик жалуется приятелю: *Жена машину разбила…*

Предложенные ответы: *Дура безмозглая. Права купила. Не надо было давать. Сам виноват.*

2. Учительница звонит отцу первоклассника: *Это безобразие! Вы что, дома совсем не занимаетесь?*

Предложенные ответы: *Занимаемся, но безуспешно. / Нет! И не будем, вы – школа! Вы и занимайтесь! / У меня такой же вопрос к Вам.*

3. Рыбак рассказывает соседу: *Я вчера вот сома поймал! На 40 кг!*

Предложенные ответы: *Врешь! Покажи! Докажи! Фотки скинь!*

Уточнение к разделу II: 66,23% испытуемых написали, что в реальной жизни употребили бы нецензурную лексику (38,12% – да, 28,11% – скорее всего, да). На основании полученных данных мы делаем вывод, что испытуемые, сообразуясь с ситуацией общения, осознанно указали

выражения, служащие заменой инвективной лексике. Испытуемые подтверждают, что в обычной жизни в похожих ситуациях они готовы использовать (используют) нецензурную лексику.

III: тексты-стимулы.

Постелил новый линолеум с рисунком под доски, теперь бабушка ругает внучку за то, что она моет пол поперек досок [Частный архив Е.М. Савиной]. Первые ассоциации на этот текст: *ремонт, уборка* – 49%, *пусть сама моет* – 18%, *семья, помощь по дому* – 14%, *ну и что?* – 11%, без ответа – 8%.

Затруднение вызвала фраза «…*она моет пол поперек досок*?». 36% испытуемых ответили, что не поняли, о чем этот анекдот. 30% высказали предположения, сводимые к следующему: если полы мыть поперек досок, вода промочит доски, что в свою очередь может вызвать деформацию деревянного пола. Ответы представителей старшего поколения (возраст 40-50 лет, 18% опрошенных) сводились к объяснению процесса: при мытье настоящего деревянного пола поперек досок грязь из щелей могла «размазываться» по доскам, чего не происходило при мытье полов «вдоль досок». Таким образом, смысл анекдота – разница мировосприятия и опыт представителей разных поколений. (Пояснение к анекдоту: бабушка жила в доме с деревянными полами и теперь свой жизненный опыт она переносит в новые условия существования. Даже линолеум в ее понимании следует мыть *вдоль досок,* как и настоящие доски.

На вопрос «Что это за текст?» 32% ответили *история из жизни*, 30% – *анекдот*, 10% – *шутка, загадка, 28%* затруднились ответить.

На вопрос «Когда мог появиться этот текст?» 53% ответили *в наши дни*, 10% – *хоть когда, дети всегда плохо моют, дети не хотят помогать*, 10% – *лет 20 назад,* 27% затруднились ответить.

Вывод: смысл выражения *мыть пол поперек досок* понятен нашим современникам, но, судя по ответам, многие извлекли необходимую

информацию из контекста, а не из собственной практики. Изменение значения мы объясняем *сужением (утратой)* смысла в связи с исчезновением реалии на основе связи по противоположности (полы из досок имели щели, линолеум – нет).

IV: изобразительные тексты-стимулы (статичные и динамичные).

При анализе ответов, содержащих описание отношения к постфольклорным изобразительным (статичным и динамичным) текстам, было выявлено изменение смысла ряда понятий. Представители старшего поколения (40–50 лет, 21% опрошенных) отрицательно отнеслись к мемам *Котохлеб* (см. рис. 6) (англ. *Cat Bread* (хлебный кот), *Kittyloaf* (кот-рулет)). Данные мемы, популярные в интернете, представляют собой изображение или фотографию кота либо в форме булки/буханки хлеба, либо кота, мордочка которого «вставлена» в квадратный ломоть хлеба (тост) как в раму [Павловская, Ильина, 2024: 421]. В данном случае наблюдается метафорический перенос (ломоть хлеба – рама для портрета; кот как форма хлебобулочного изделия). Мы рассматриваем здесь изображение как текст, для анализа наименований референтов *Cat Bread* и *Kittyloaf* требуется привлечение словообразовательного анализа в русском и английском языках.

Появление и распространение данного мема является ***смещением значения с утратой ценностного отношения к хлебу*** на основе двух ассоциативных связей по сходству *ломоть хлеба – рама для портрета* и *еда – развлечение.* Мем возник в англоязычном интернете, для американской культуры использование еды для забавы является типичным (англ. Food Fight – *Деремся едой*). Люди старшего поколения осудили подобное обращение с хлебом, тогда как для молодежи (15–30 лет, 69% респондентов) юмор мемов *Cat Bread* заключается в абсурдности и миловидности ситуации. Участники эксперимента согласились, что демотиваторы оставляют неприятный «осадок» и заставляют задуматься о проблемах общества.

В качестве изобразительных подвижных текстов испытуемым были предложены интернет-открытки и видеофрагменты TikTok с различными поздравлениями.

А лето пахнет морем и цветами,
И потом сквозь любой дезодорант,
Окрошкой и воздушными шарами,
И ветром из далеких жарких стран. [Поздравления и тосты, URL: https://www.stost.ru/].

Данные тексты, по мнению многих участников эксперимента, с одной стороны, позволяют поздравить человека, презентовав ему одновременно красивую картинку, поздравление в стихах и (иногда) – песню, но, с другой стороны – открыток становится все больше, что затрудняет поиск и выбор, а тексты не отличаются содержательностью и изысканностью рифмы, музыкальное оформление не всегда подходят для конкретного случая.

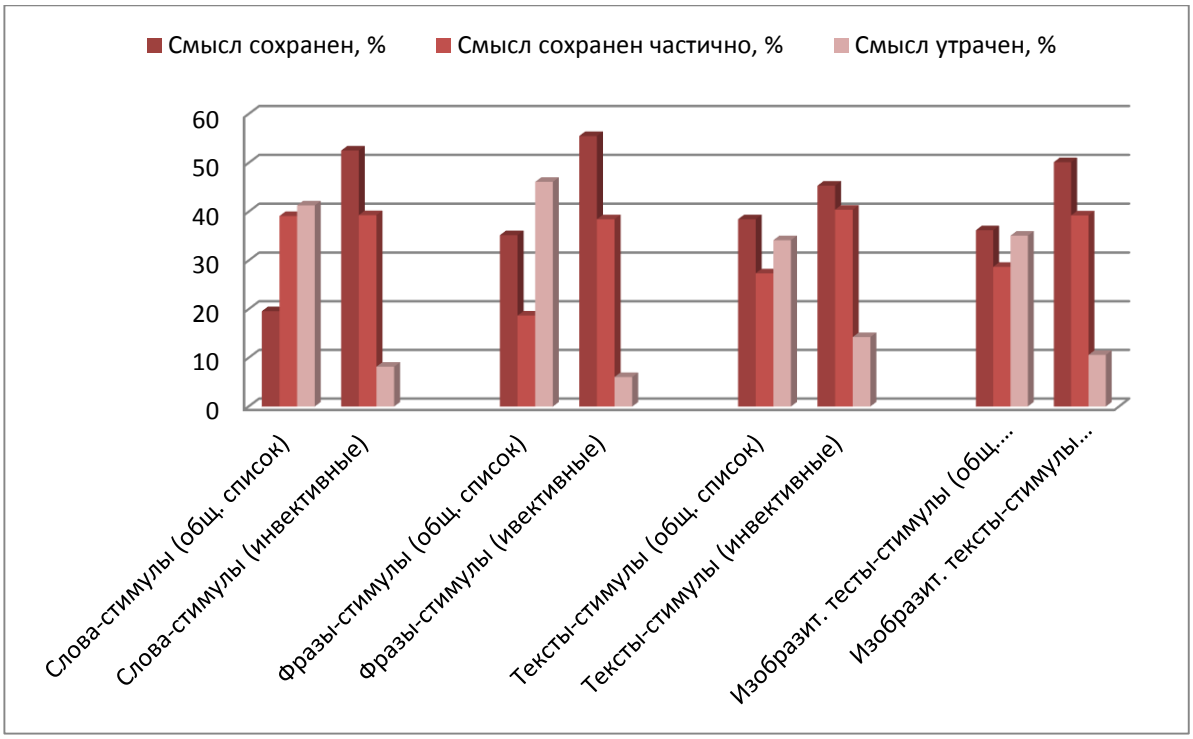
Далее приведены результаты психолингвистического эксперимента по каждой группе участников. В группе школьников (таблица 2, диаграмма 1) особенно заметна разница между числовыми выражениями сохранения и утраты смысла стимулов общего списка и списка, содержащего инвективную лексику. Из стимулов общего списка более понятными (их смысл сохранен) для школьников являются фразы (35,19%), тексты (38,46%) и изобразительные тексты (36,2%). Во фразах, текстах и изобразительных текстах пониманию смысла предложенной единицы постфольклора способствовал контекст.

Сохранение смысла стимулов, содержащих инвективную лексику, значительно превышает количество стимулов общего списка во всех разделах: слова-стимулы 19,6% (общий список) и 52,52% (инвективный); фразы-стимулы 35,19% и 55,5% соответственно, тексты-стимулы 38,46% и 45,32%: изобразительные тексты 36,2% и 50,15%

Таблица 2 – Результаты психолингвистического эксперимента в группе школьников

Стимулы	Ответы испытуемых, %		
	Смысл сохранен	Смысл сохранен частично	Смысл утрачен
Слова-стимулы (общий список)	19,6	39,12	41,28
Слова-стимулы (инвективные)	52,52	39,3	8,18
Фразы-стимулы (общий список)	35,19	18,7	46,11
Фразы-стимулы (инвективные)	55,5	38,45	6,05
Тексты-стимулы (общий список)	38,46	27,38	34,16
Тексты-стимулы (инвективные)	45,32	40,41	14,27
Изобразительные (статичные и динамичные) тесты-стимулы (общий список)	36,2	28,7	35,1
Изобразительные (статичные и динамичные) тесты-стимулы (инвективные)	50,15	39,25	10,6
Готовность использовать инвективную лексику	«да» – 47,2; «нет» – 52,8		

Диаграмма 1. Результаты психолингвистического эксперимента в группе школьников



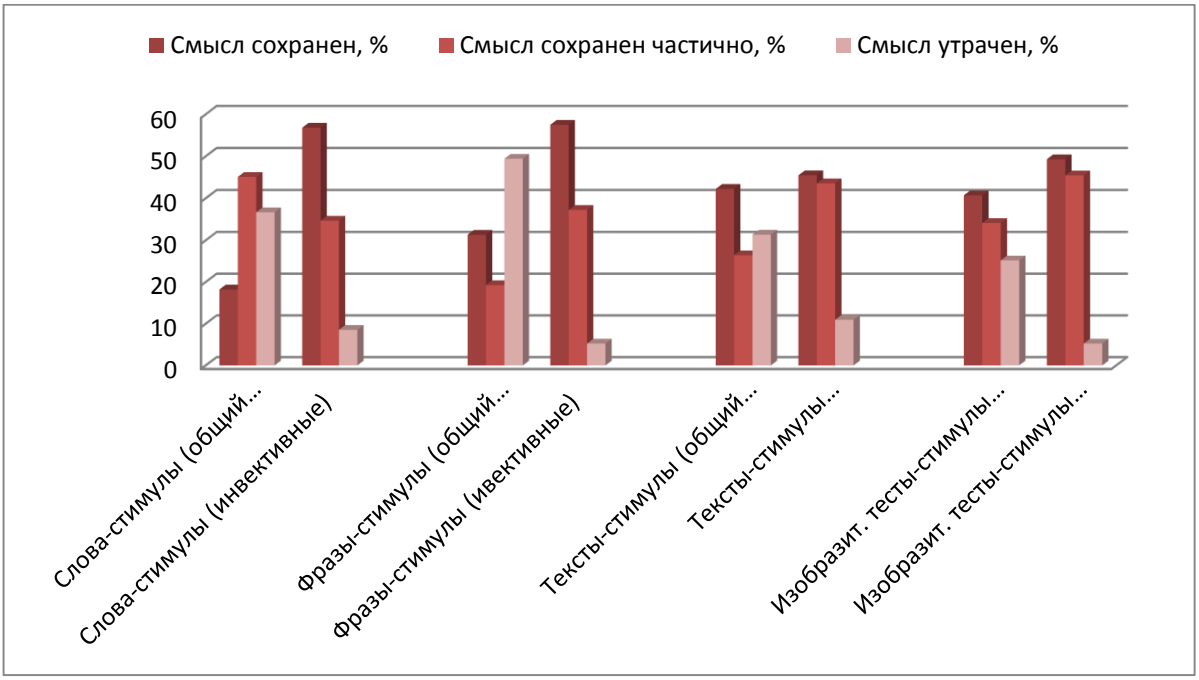
В группе студентов (таблица 3, диаграмма 2) мы также отмечаем разницу между числовыми выражениями сохранения и утраты смысла

стимулов общего списка и списка, содержащего инвективную лексику. В целом все показатели по группе студентов и группе школьников различаются незначительно. Выскажем предположение, что усвоение семантических кодов постфольклорных текстов происходит в школьном возрасте. Показатели стимулов общего списка *смысл сохранен* по всем стимулам ниже, чем показатель *смысл утрачен*. Напротив, показатели стимулов списка, содержащего инвективную лексику, *смысл сохранен* по всем стимулам выше, чем показатели *смысл утрачен*.

Таблица 3 – Результаты психолингвистического эксперимента в группе студентов

Стимулы	**Ответы испытуемых, %**		
	Смысл сохранен	**Смысл сохранен частично**	**Смысл утрачен**
Слова-стимулы (общий список)	18,22	45,1	36,68
Слова-стимулы (инвективные)	56,81	34,66	8,53
Фразы-стимулы (общий список)	31,33	19,25	49,42
Фразы-стимулы (ивективные)	57,51	37,25	5,24
Тексты-стимулы (общий список)	42,25	26,41	31,34
Тексты-стимулы (инвективные)	45,48	43,57	10,95
Изобразительные (статичные и динамичные) тесты-стимулы (общий список)	40,71	34,12	25,17
Изобразительные (статичные и динамичные) тесты-стимулы (инвективные)	49,3	45,45	5,25
Готовность использовать инвективную лексику	«да – 78,15; «нет» – 21,85		

Диаграмма 2. Результаты психолингвистического эксперимента в группе студентов



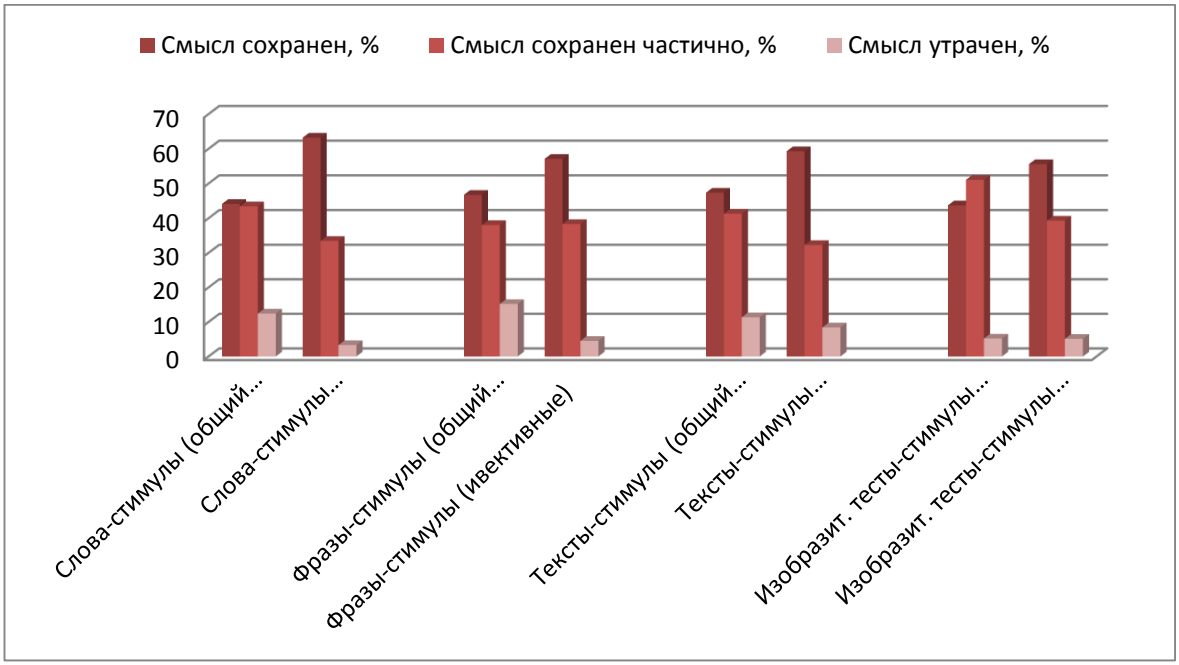
В группе преподавателей вузов (таблица 4, диаграмма 3) показатели утраты смысла намного ниже по стимулам общего списка и по стимулам списка, содержащего инвективную лексику. Показатели стимулов общего списка *смысл сохранен* и (в отличие от группы студентов) списка, содержащего инвективную лексику по всем стимулам выше, чем показатель *смысл утрачен*. Самый большой разрыв выявлен между показателями слов-стимулов.

В группе преподавателей самые низкие показатели утраты смысла по стимулу изобразительные тексты. Анализируя предложенные изобразительные тексты (статичные и динамичные), преподаватели замечали и интерпретировали все, даже самые мелкие детали.

Таблица 4 – Результаты психолингвистического эксперимента в группе преподавателей вузов

Стимулы	Ответы испытуемых, %		
	Смысл сохранен	Смысл сохранен частично	Смысл утрачен
Слова-стимулы (общий список)	44,13	43,44	12,43
Слова-стимулы (инвективные)	63,21	33,47	3,32
Фразы-стимулы (общий список)	46,74	38,05	15,21
Фразы-стимулы (ивективные)	57,12	38,35	4,53
Тексты-стимулы (общий список)	47,35	41,29	11,36
Тексты-стимулы (инвективные)	59,29	32,28	8,43
Изобразительные (статичные и динамичные) тесты-стимулы (общий список)	43,72	51,07	5,21
Изобразительные (статичные и динамичные) тесты-стимулы (инвективные)	55,58	39,31	5,11
Готовность использовать инвективную лексику	«да» – 62, 47; «нет» – 37, 53		

Диаграмма 3. Результаты психолингвистического эксперимента в группе преподавателей вузов

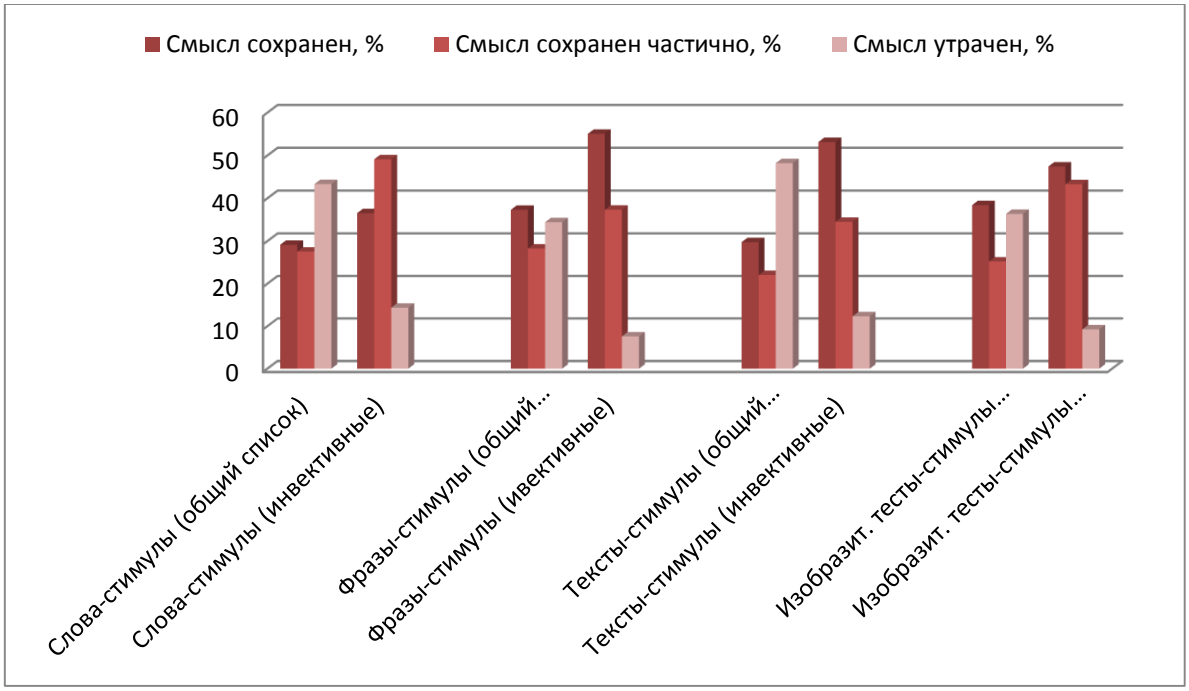


В группе общественности (представителей различных профессий) (таблица 5, диаграмма 4) показатели утраты смысла оказались намного выше по словам-стимулам и текстам-стимулам общего списка.

Таблица 5 – Результаты психолингвистического эксперимента в группе общественности

Стимулы	Ответы испытуемых, %		
	Смысл сохранен	Смысл сохранен частично	Смысл утрачен
Слова-стимулы (общий список)	29,14	27,54	43,32
Слова-стимулы (инвективные)	36,54	49,11	14,35
Фразы-стимулы (общий список)	37,32	28,26	34,42
Фразы-стимулы (ивективные)	55,06	37,34	7,6
Тексты-стимулы (общий список)	29,76	22,03	48,21
Тексты-стимулы (инвективные)	53,15	34,52	12,33
Изобразительные (статичные и динамичные) тесты-стимулы (общий список)	38,41	25,22	36,37
Изобразительные (статичные и динамичные) тесты-стимулы (инвективные)	47,44	43,31	9,25
Готовность использовать инвективную лексику	«да» - 76,11, «нет» - 23,89		

Диаграмма 4. Результаты психолингвистического эксперимента в группе общественности



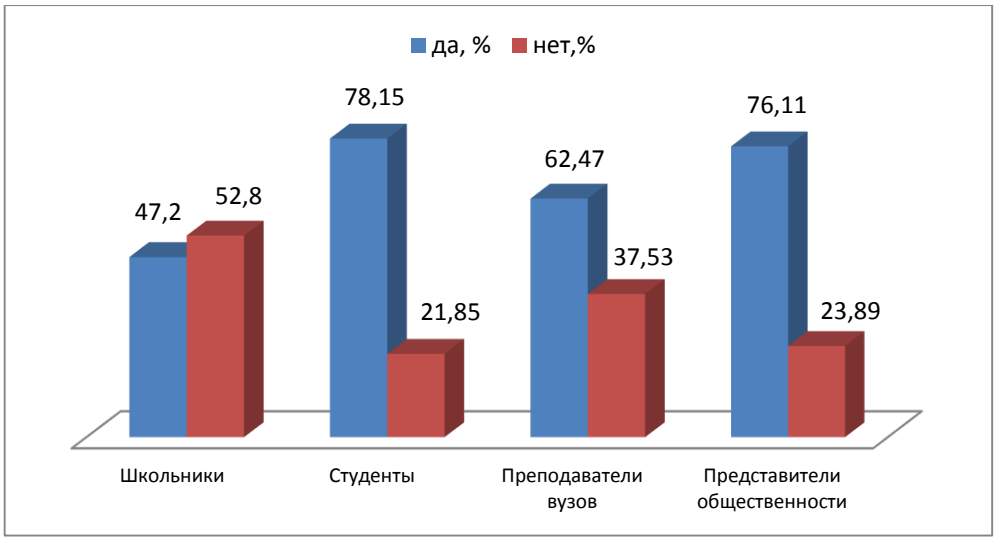
Раздел II опросного листа был расчитан на определение потенциальной готовности использовать инвективную лексику. Результаты эксперимента

показывают, что подавляющее большинство испытуемых (группы студентов, преподавателей вузов и представителей общественности) в бланке ответов, учитывая условность ситуации общения, сознательно использовали приемлемые синонимы инвективных выражений, описательные приемы или эвфемизмы, но в реальной жизни в подобных ситуациях они будут (готовы) использовать инвективную лексику (таблица 6, диаграмма 5).

Таблица 6 – Готовность использовать инвективную лексику

Группы испытуемых	да, %	нет,%
Школьники	47,2	52,8
Студенты	78,15	21,85
Преподаватели вузов	62,47	37,53
Общественность (представители различных профессий)	76,11	23,89

Диаграмма 5. Готовность использовать инвективную лексику



В группе школьников количество ответов «нет» (не готовы использовать инвективную лексику) больше, чем количество ответов «да». Вероятно, это связано с ситуацией проведения эксперимента: эксперимент в этих группах проводился в школах; в организации и проведении эксперимента были задействованы учителя испытуемых. Проведению эксперимента часто предшествовала беседа или интерактивная лекция о

культуре общения, чистоте родной речи, особенностях современного молодежного стиля речи, в которых затрагивался вопрос использования инвективной лексики. В других группах проведению эксперимента также предшествовали беседы или лекции, но в ответах студентов проявляется юношеский максимализм и желание эпатировать окружающих, в ответах преподавателей – осознание многих негативных явлений российской действительности и невозможности повлиять на ситуацию.

В процессе беседы респонденты соглашались, что инвективная лексика, использованная в номинативной функции, равносильна физическому воздействию, удару, и даже поступку; многочисленные производные инвективных единиц русского языка сохраняют способность перформативного воздействия.

Далее представлены соотношения стимулов общей лексики и инвективной в группе школьников (таблица 7, диаграмма 6), в группе студентов (таблица 8, диаграмма 7), в группе преподавателей вызов (таблица 9, диаграмма 8) и в группе общественности (представителей разных профессий) (таблица 10, диаграмма 9).

Таблица 7 – Соотношение стимулов общей лексики и инвективной в группе школьников

Стимулы		**Ответы испытуемых, %**		
		Смысл сохранен	**Смысл сохранен частично**	**Смысл утрачен**
Общий список	Слова-стимулы	19,6	39,12	41,28
	Фразы-стимулы	35,19	18,7	46,11
	Тексты-стимулы	38,46	27,38	34,16
	Изобразит. тесты-стимулы	36,2	28,7	35,1
Инвективная лексика	Слова-стимулы	52,52	39,3	8,18
	Фразы-стимулы	55,5	38,45	6,05
	Тексты-стимулы	45,32	40,41	14,27
	Изобразит. тексты-стимулы	50,15	39,25	10,6

Диаграмма 6. Соотношение стимулов общей лексики и инвективной в группе школьников

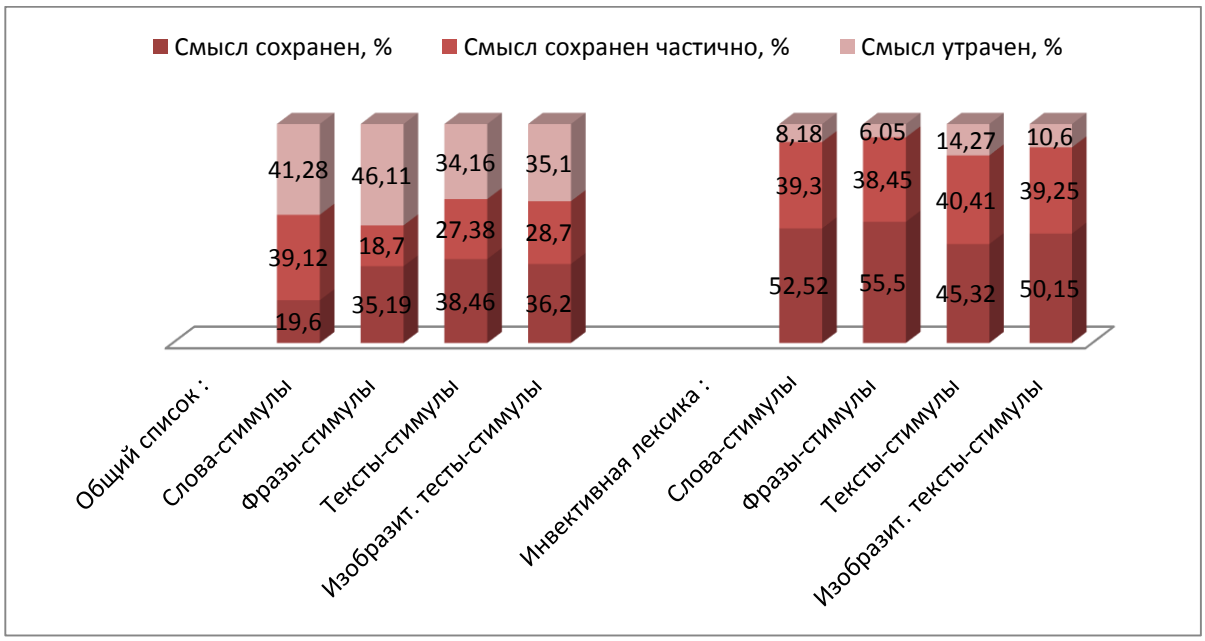


Таблица 8 – Соотношение стимулов общей лексики и инвективной в группе студентов

Стимулы		Ответы испытуемых, %		
		Смысл сохранен	Смысл сохранен частично	Смысл утрачен
Общий список	Слова-стимулы	18,22	45,1	36,68
	Фразы-стимулы	31,33	19,25	49,42
	Тексты-стимулы	42,25	26,41	31,34
	Изобразит. тесты-стимулы	40,71	34,12	25,17
Инвективная лексика	Слова-стимулы	56,81	34,66	8,53
	Фразы-стимулы	57,51	37,25	5,24
	Тексты-стимулы	45,48	43,57	10,95
	Изобразит. тексты-стимулы	49,3	45,45	5,25

Диаграмма 7. Соотношение стимулов общей лексики и инвективной в группе студентов

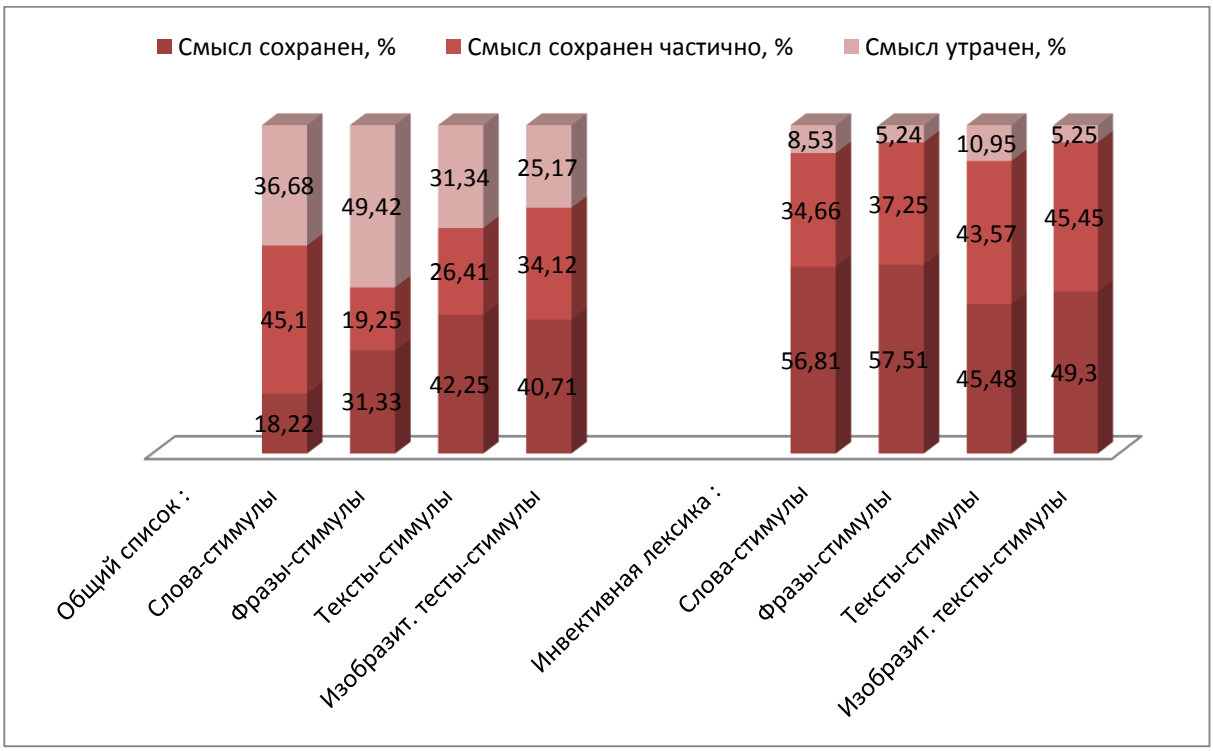


Таблица 9 – Соотношение стимулов общей лексики и инфективной в группе преподавателей вузов

Стимулы		Ответы испытуемых, %		
		Смысл сохранен	**Смысл сохранен частично**	**Смысл утрачен**
Общий список	Слова-стимулы	44,13	43,44	12,43
	Фразы-стимулы	46,74	38,05	15,21
	Тексты-стимулы	59,29	32,28	8,43
	Изобразит. тесты-стимулы	43,72	51,07	5,21
Инвективная лексика	Слова-стимулы	63,21	33,47	3,32
	Фразы-стимулы	57,12	38,35	4,53
	Тексты-стимулы	47,35	41,29	11,36
	Изобразит. тексты-стимулы	55,58	39,31	5,11

Диаграмма 8. Соотношение стимулов общей лексики и инфективной в группе преподавателей вузов

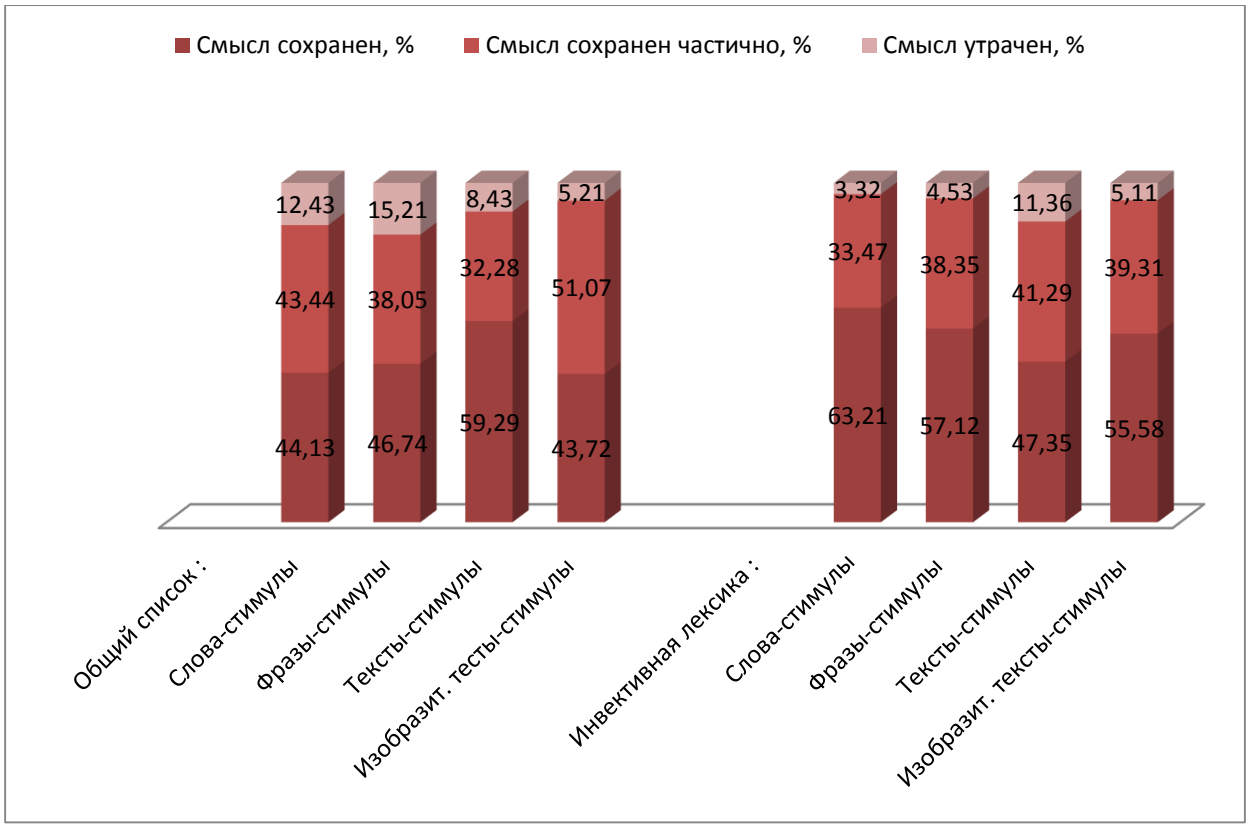
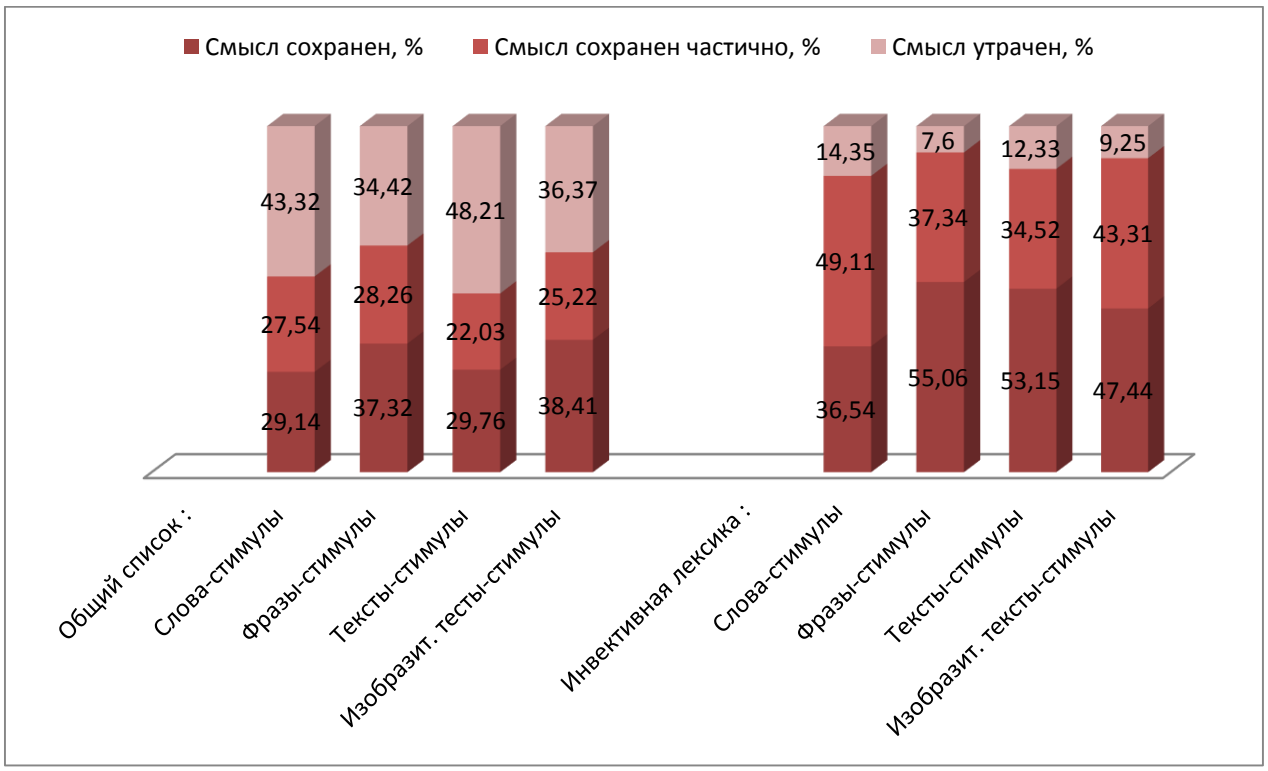


Таблица 10 – Соотношение стимулов общей лексики и инфективной в группе общественности (представителей разных профессий)

Стимулы		Ответы испытуемых, %		
		Смысл сохранен	Смысл сохранен частично	Смысл утрачен
Общий список	Слова-стимулы	29,14	27,54	43,32
	Фразы-стимулы	37,32	28,26	34,42
	Тексты-стимулы	29,76	22,03	48,21
	Изобразит. тесты-стимулы	38,41	25,22	36,37
Инвективная лексика:	Слова-стимулы	36,54	49,11	14,35
	Фразы-стимулы	55,06	37,34	7,6
	Тексты-стимулы	53,15	34,52	12,33
	Изобразит. тексты-стимулы	47,44	43,31	9,25

Диаграмма 9. Соотношение стимулов общей лексики и инвективной в группе общественнности (представителей разных профкссий)



На основе анализа соотношения стимулов общей и инвективной лексики мы установили, что понимание смысла постфольклорных текстов, построенных на инвективной лексике, не изменяется со временем. Это можно объяснить **универсальностью и доступностью инвективной лексики**, поскольку эта лексика (просторечные выражения, сленг, жаргон) часто ближе к повседневной речи, которую используют повсеместно. Смыслы инвективной лексики понятны большинству людей независимо от их возраста, образования или социального статуса.

Тексты постфольклора, основанные на инвективной лексике, часто передаются через устную традицию, семейные или дружеские связи, а также через интернет и социальные сети. Запоминание постфольклорных текстов в ходе живого общения подкрепляется контекстом общения, вместе с мимикой, жестами и интонацией говорящего «считываются» семантические коды текстов, что способствует закреплению и сохранению смыслов, которые остаются неизменными на протяжении поколений.

Инвективная лексика быстро адаптируется к новым реалиям, реагируя на изменения в обществе и культуре. Поэтому постфольклорные тексты, построенные с использованием инвективной лексики, остаются актуальными и понятными, даже когда содержание текста отражает эволюционные изменения. Инвективная лексика характеризуется простотой и прямолинейностью выражений, что облегчает ее восприятие и способствует долговременной устойчивости. Инвективная лексика имеет ярко выраженную эмоциональную окраску, вследствие чего быстро усваивается и сохраняется в коллективной памяти.

Ситуация использования постфольклорных текстов с инвективной лексикой в повседневной коммуникации, особенно среди молодежи, характеризуется интерактивностью и вовлеченностью, что позволяет говорить о сохранении инвективной лексики именно в результате активной языковой практики.

Результаты психолингвистического эксперимента показали, что в группах школьников и студентов особенно заметна разница между числовыми выражениями сохранения и утраты смысла стимулов общих и инвективных списков. Из стимулов общего списка более понятными (их смысл сохранен) для школьников являются фразы (35,19%), тексты (38,46%) и изобразительные тексты (36,2%). Во фразах, текстах и изобразительных текстах пониманию смысла предложенной единицы постфольклора способствовал контекст. Сохранение смысла стимулов, содержащих инвективную лексику, значительно превышает количество стимулов общего списка во всех блоках: слова-стимулы 19,6 % (общий список) и 52,52 % (инвективный); фразы-стимулы 35,19 % и 55,5 % соответственно, тексты-стимулы 38,46% и 45,32%: изобразительные тексты 36,2% и 50,15%

В группе преподавателей вузов показатели утраты смысла были намного ниже по стимулам общего списка и по стимулам списка, содержащего инвективную лексику. Показатели стимулов общего списка *смысл сохранен* и (в отличие от группы студентов) списка, содержащего

инвективную лексику, по всем стимулам выше, чем показатель *смысл утрачен*. Самый большой разрыв между показателями слов-стимулов списков, содержащих инвективную лексику: 63,21% – смысл сохранен, 3,32% – смысл утрачен. Также в группе преподавателей самые низкие показатели утраты смысла по стимулу изобразительные тексты. В группе общественности (представителей различных профессий) показатели утраты смысла оказались намного выше по словам-стимулам и текстам-стимулам общего списка. Количество реакций *смысл сохранен* на стимулы списков инвективной лексики во всех группах испытуемых выше количества реакций *смысл сохранен* на стимулы общей лексики.

Проведенный эксперимент, как один из эффективных методов психолингвистических исследований, направленных на изучение языкового сознания и его структуры, позволил отследить семантические сдвиги – изменения в смысле слова со временем или в зависимости от социокультурного контекста, а также контекстуальные изменения в смысле слова. Участники эксперимента реагировали на стимулы с учетом своего собственного опыта, восприятия и ассоциаций, что позволило выявить не только общеизвестные смыслы слова, но и их изменчивость в различных контекстах.

4.5. Лингвокультурное анкетирование

Для определения статуса лексико-семантических вариантов слов и выражений, выявленных в массиве постфольклорных текстов, было проведено лингвокультурное анкетирование. С помощью анкеты «Тексты вокруг нас» мы выясняли, как смыслы постфольклорных текстов воспринимаются в текущий момент. Анкетирование позволило собрать значимые данные об употреблении слов в разных социальных группах и о степени их закрепления в языке. При разработке анкеты мы опирались на мнение Ж. Деррида о рассеивании смысла текстов, противопоставленном

взгляду на текст как на носитель стабильного смысла. Мы предположили, что постфольклорный текст вмещает множество смыслов и интерпретаций, которые не могут быть полностью усвоены или закреплены.

Анкетирование проводилось в ходе очных встреч с респондентами – школьниками и учащимися средних профессиональных учебных заведений, студентами вузов, представителями общественности. Также на платформе Google.Forms был размещен электронный вариант анкеты. Анкета «Тексты вокруг нас» имела несколько модификаций, для очных встреч с респондентами тексты подбирались в соответствии с их возрастом. В отдельных случаях требовалось сравнение мнения представителей различных возрастных групп, для этого в анкету был введен вопрос о возрасте респондентов (10-15 лет, 16-30 лет, 31 год-50 лет, 60 лет и более).

Далее приведены некоторые вопросы анкеты, комментарии к ним, ценностное обоснование вопроса и ответы респондентов, демонстрирующие сохранение либо утрату смысла.

Вопрос 2[14]: На рисунке – фрагмент игры КВН-2013, команда «Город Пятигорск» разыгрывает миниатюру «У диетолога» (рис.10). Прочитайте диалог и напишите, как вы понимаете подчеркнутый фрагмент текста:

Рис. 10. КВН, команда «Город Пятигорск», «У диетолога» [КВН…, URL: https://www.1tv.ru/shows/kvn/vypuski]

– *Алло, это милиция?*
– *Нет, ошиблись номером…*
– *Тогда слушай…., я – маньяк! И я слежу за тобой!*

[14] Номера вопросов анкеты приводятся по печатному варианту. Номера вопросов печатного варианта анкеты и электронного, созданного на платформе Google.Forms, могут не совпадать.

– А…, это ты, маньяк, следишь за мной… Я тебе скажу, хреново ты следишь за мной, я б тебе даже сказала, ты меня, как это – ты меня запустил…

Ценностное содержание вопроса – современный человек все больше удаляется от природы, природа перестала служить человеку источником вдохновения, даже перестала быть источником жизненно важных ресурсов.

Комментарий к вопросу: Содержание диалога опирается на игру слов: *я слежу за тобой – ты меня запустил. Слежу* можно интерпретировать, как *забочусь, запустил – перестал заботиться.* Это одно из переносных значений, которое существует в языке наряду с *запустить ракету, запустить руку в чужой карман, запустить в кого-то стулом*. Но нас в этом вопросе анкеты интересовал еще один смысл выражения *запустить: запуск* как *начало последнего этапа вынашивания плода самками сельскохозяйственных животных.* Все ответы, полученные на этот вопрос, продемонстрировали сохранение смысла*: запустил – перестал заботиться: перестал приезжать, дарить цветы; он перестал ей звонить; она его перестала интересовать и от расстройства она поправилась.* Ответов, демонстрирующих сохранение смысла: *(запуск) – начало последнего этапа вынашивания плода,* получено не было.

Вопрос 19: В вашем окружении принято использовать в разговоре и в переписке инвективную (нецензурную, сниженную) лексику? Если принято, то в каких ситуациях? Задумывались ли вы о том, что означает подобная лексика и когда она появилась?

Ценностное содержание: Несмотря на официальный запрет, инвективная лексика продолжает существовать, поскольку отвечает базовым психологическим и социальным потребностям, включая передачу информации, выражение эмоций, сплочение группы и отстаивание социального статуса. Многие единицы инвективной лексики имеют несколько значений и могут использоваться в разных контекстах, выступая существительными, глаголами, прилагательными и наречиями [Ильина,

2023а]. Ценностное отношение к сохранению чистоты языка – гарантия сохранения скрытых смыслов родной речи, непереводимой игры слов, непостижимой для иностранцев.

Комментарий к вопросу: вводя в анкету данный вопрос, мы хотели привлечь внимание общественности и, прежде всего, молодежи к недопустимости употребления инвективной лексики.

Ответы: говорю, потому что так короче, все так говорят, мат это комплимент нечистой силе, используют все и всегда, не задумывался об их значении. Полученные ответы отражают распространенную в российском обществе точку зрения о том, что русский язык не мыслим без мата.

Вопрос 22: Знаете ли вы историю своего рода? Имена бабушек и дедушек вам известны до какого колена? Что вы знаете об их жизни? Есть ли в вашей семье человек, который ведет поиски родственников, обращается в архивы, составляет генеалогическое древо, насколько успешна его работа?

Ценностное содержание: сохранение памяти рода, истории семьи является одной из главных гуманистических ценностей в современном мире. Институт семьи переживает серьезный кризис, поэтому данным вопросом мы стремились поддержать идею необходимости изучения и сохранения семейной истории.

Комментарий к вопросу: этот вопрос предполагал несколько кратких ответов и относился к разряду «легких», но мы надеялись, что размышления об истории семьи заставят респондентов задуматься о значимости сохранения памяти рода и создании семейного архива.

Ответы, демонстрирующие сохранение смысла: позитивные: да, архивом занимается мой отец, я знаю от 4 до 6 поколений предков по разным линиям родства; да, у нас хранятся старые письма, фотографии, сувениры: *негативные: это сейчас не в тренде, у нас нет времени.*

Вопрос 25: В нашу речь активно входят фразы из фильмов, рекламы, выступлений политиков, артистов, блогеров. Напишите несколько известных вам подобных фраз.

Ценностное содержание: фразы из фильмов, рекламы, социальных сетей, строки из популярных песен, иногда – из книг составляют часть нашей жизни, являются вербальной сферой повседневности.

Комментарий к вопросу: Этот вопрос мы рассматриваем как один из самых легких в анкете, но в тоже время достаточно значимым, поскольку выделение ярких фраз, запоминающихся образов и повторное обращение к ним является своего рода защитной фунуцией мозга и основывается на стремлении создать вехи для структурирования потока информации.

Ответы, демонстрирующие сохранение смысла: позитивные: Я подумаю об этом завтра (х/ф «Унесенные ветром»), Беги, Форест, беги (х/ф «Форест Гамп»); Это элементарно, Ватсон (х/ф «Приключения Шерлока Холмса и доктора Ватсона»), *негативные:* Мы в аду, а в аду какие могут быть правила? (сериал «Игра в кальмара»); Дурилка картонная (х/ф «Место встречи изменить нельзя»); А на лицах спокойствие, как у коров в Индии (х/ф «Бойцовский клуб»), В вас заложено убивать друг друга (х/ф «Терминатор»).

Последним пунктом анкеты было обращение к респондентам с просьбой написать свое мнение относительно содержания вопросов и анкеты в целом. Некоторые ответы респондентов приведены ниже:

Очень неожиданные вопросы; иногда сложно сориентироваться и понять, чего от тебя хотят.

Содержание интересное, особенно вопросы, связанные с реалиями прошлого.

Некоторые слова (чушпан, например) никогда не слышал раньше.

Есть вопросы слишком сложные для зумеров.

Над жизнью задумалась.

Я задумалась и продолжаю думать над вопросами, на которые не смогла дать ответ – про мат, жаргонизмы. Остальное было очень интересно.

Время выполнения онлайн-версии анкеты не было ограничено. После получения обратной связи о сложности вопросов, в преамбуле анкеты было сделано уточнение, что некоторые вопросы можно пропускать или отвечать

на них максимально кратко. Воспользовавшись данным уточнением, некоторые респонденты пропускали от 7 до 13 вопросов.

В ходе анкетирования было собрано более 1000 анкет онлайн, и около 1000 ответов респондентов трех групп: учащихся средних профессиональных учебных заведений и школьников (14-17 лет); студентов вузов (18-25 лет); преподавателей вузов и представителей общественности (от 25 лет и старше).

Более 16,5% респондентов в возрасте 14-17 лет, 27,29% респондентов в возрасте 18-25 лет и 55,45% респондентов в возрасте 25 и более лет ответили на половину всех вопросов, следовательно, для них более половины смыслов, заложенных в вопросах анкеты, остаются непонятыми; «добывание» знаний, самостоятельная работа со справочной литературой для школьников и молодых людей обременительно. Отвечая на вопросы анкеты, они соглашались проанализировать то, что «лежит на поверхности», но если вопрос требовал дополнительных усилий (сравнения, сопоставления, формулирования собственных идей), респонденты группы 14-17 лет его просто пропускали. Обобщенные реакции респондентов на сложность вопросов представлены на диаграмме 10 и в таблице 11:

Диаграмма 10. Реакция респондентов на сложность вопросов

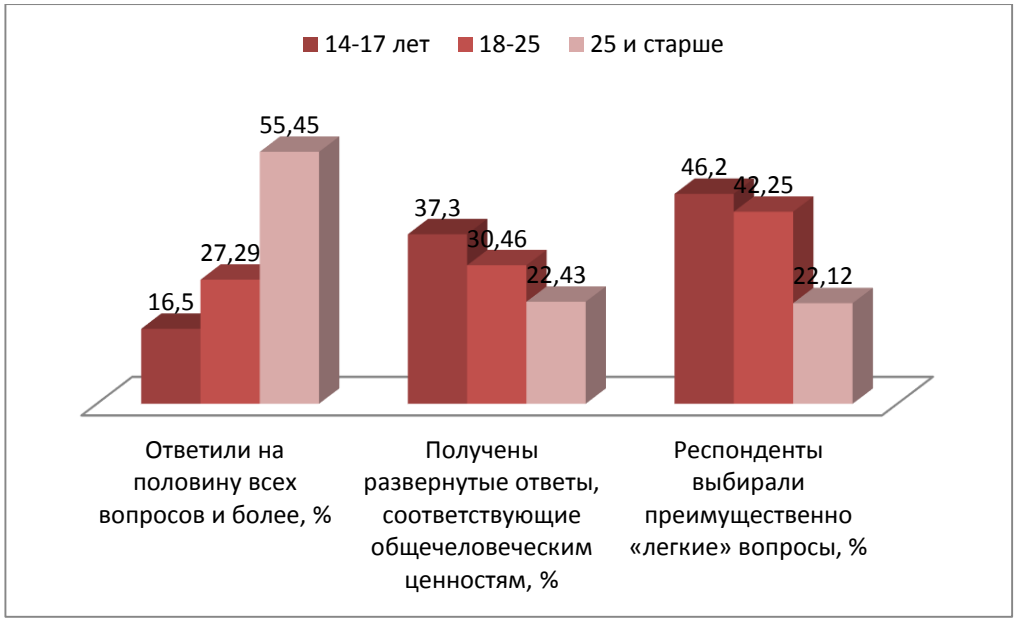


Таблица 11 – Реакция респондентов на сложность вопросов

Возраст респондентов	Ответили на половину всех вопросов и более, %	Получены развернутые ответы, соответствующие общечеловеческим ценностям, %	Респонденты выбирали преимущественно «легкие» вопросы, %
14–17 лет	16,5	37,3	46,2
18–25	27,29	30,46	42,25
25 и старше	55,45	22,43	22,12

Анализ ценностного лингвокультурного содержания собранных постфольклорных текстов позволил сделать вывод о том, что в каждой культуре есть систематизированный набор базовых ценностей (знаний, концептов), усвоение и критическое переосмысление которых является гарантией сохранения самобытной культуры. Нельзя быть профессионалом в какой-либо сфере деятельности, не зная языка, истории, культуры своего народа [Павловская, Ильина, 2024].

Анализ постфольклорных текстов и полученных результатов анкетирования показал, что существуют слова, которые полностью утратили смысл, хотя эти слова сохраняются в этимологических и толковых словарях. Например, в ответах участников анкетирования *худоба* встречалась в смысле *тощий*, *анорексичный* (от *худой,* антонимом к которому является *толстый* (*жирный, полный*)) (рис. 11). Мы констатируем, что смысл слова *худоба* в смысле *все плохое,* образованное от слова *худой* (антонима к слову *хороший)* утерян.

Рис. 11. Худобу как рукой сняло… [Демотиваторы на любой вкус, URL: https://demotions.ru/]

Нами выявлены случаи энантиосемии – лексико-семантического явления, при котором одно слово имеет взаимоисключающие, противоположные значения. Одним из таких случаем является слово *тварь*, обладающее антонимическими значениями в зависимости от контекста употребления. Энантиосемия возникла в результате семантического сдвига, связанного с оценочной поляризацией и контекстной переориентацией значения слова. Положительное значение сохраняется в высоком поэтическом и религиозном стилях (*всякая тварь Божия*), негативное значение – в сниженном, просторечном, экспрессивном стилях (*ну ты и тварь!*).

Также были обнаружены примеры утраты ценностного отношения к таким явлениям как *материнство* и *отношения полов*, к предметам – *хлебу; подаркам, сделанным своими руками.*

В современном обществе ценностное отношение к хлебу сохраняется в культурном и символическом аспектах, но в повседневной жизни ослабевает из-за улучшения условий жизни и доступности продуктов (параграф 4.4).

Диахроническое изменение смысла и его выражение рядом глаголов, которые сменяли друг друга, покажем на примерах *взаимоотношений полов*. Закрепленный в литературе и употреблявшийся до середины XX века глагол *ухаживать* имеет 300-летнюю историю употребления [НКРЯ, URL: https://ruscorpora.ru/] и описывает процесс «проживания» периода долгого уважительного отношение к девушке или женщине. Процесс *ухаживания* заканчивался браком, разрыв отношений тяжело переживался.

В среде постфольклора на смену глаголу *ухаживать* приходит глагол *кадрить* (совершенная форма *закадрить*), означающий *процесс ухаживания за кем-либо*, *попытки заинтересовать* или *привлечь внимание* в романтическом или сексуальном контексте (*Он весь вечер кадрил девчонку на дискотеке* [Полевой материал… (Рассказы «очевидцев»)]). Глагол *кадрить* образован от существительного *кадр*, которое на молодежном сленге (*интересный кадр*) означало – интересный человек. Этимологически, глагол

кадрить связан с лексикой киноиндустрии, где *закадрить* произошло от *сделать хороший кадр, получить хороший кадр кого-то, запечатлеть в кадре*. Еще пример из лексики киноиндустрии – *снять кого-то* (*Мы поспорили, кто быстрее снимет телку на пляже* [Полевой материал…(Истории из жизни)]). *Снять телку* относится к разговорному стилю речи и означает *завести кратковременные романтические или сексуальные отношения с девушкой* (второе – более вероятно), *добиться ее расположения.* Сегодня в молодежной среде широко употребляется глагол *флексить* (см. подробнее в параграфе 5.1), передающий смысл – *хвастаться чем-либо; двигаться, демонстрируя свое тело, чтобы произвести впечатление, привлечь внимание и завести (начать) отношения.*

С помощью изучения лингвоаксиологического аспекта постфольклорных текстов были выявлены множественные интерпретации, отражающие смыслы индивидуального восприятия мира респондентами. Необходимо отметить выявленную закономерность: сохранение ценностного отношения напрямую зависит от возраста респондентов. Получены развернутые ответы, соответствующие общечеловеческим ценностям, от 37,3% респондентов в возрасте 14-17 лет, 30,46% респондентов в возрасте 18-25 лет и 22,43% респондентов в возрасте 25 и более лет, т. е. смыслы, заложенные в текстах, для них очевидны. Таким образом, постфольклорные тексты, отобранные для анкеты, и составленные к ним вопросы, позволили раскрыть (подтвердить) ценность постфольклорных текстов как явлений лингвокультурной и социальной действительности, их способность отражать происходящие события, давать им оценку, а также подтвердить повсеместную распространенность постфольклорных текстов и осведомленность всех слоев населения в их содержании и предназначении.

4.6. Описание диахронического анализа слов и выражений постфольклорных текстов

В соответствии с целью и задачами исследования на основе этимологического, контекстного и корпусного анализов изучен статус лексико-семантических вариантов слов и выражений, выявленных в массиве постфольклорных текстов.

Для анализа диахронической семантики постфольклорных текстов в целом, а также отдельных слов и выражений, входящих в постфольклорные тексты, мы использовали следующие схемы развития смысла (параграф 4.1):

– смысл сохраняется полностью;

– смысл сохраняется/изменяется частично;

– смысл изменяется полностью, происходит полная утрата первоначального смысла (случай энантиосемии);

– слово вышло из употребления (смысл утрачен, слово забыто).

В случае изменения смысла мы выделили следующие типы трансформаций:

– расширение значения (генерализация) или сужение значения (специализация);

– синонимическое развитие значений;

– смещение (метафорический или метонимический перенос значения) или сдвиг значения (чаще всего временной);

– улучшение или ухудшение смысла;

– контекстные случаи.

Рассеивание смысла является закономерным внутренним процессом диахронической семантики, рассматривающей семантические процессы и ассоциативные связи, лежащие в их основе. Изменения смысла слов могут быть объяснены именно его неизбежным рассеиванием, сводящимся к синонимическому развитию значений, смещению, энантиосемии,

расширению/сужению или переносу значений, в основе которых лежат общие законы ассоциативных связей.

Далее представлены примеры изменения смысла, в отдельных случаях приведен минимальный контекст употребления слова в отмеченном смысле или указан источник; ряд примеров отнесен не к одному, а к нескольким типам возможных трансформаций смысла. Пример систематизации результатов приведен в **Приложении**.

Слово вышло из употребления: *под* (испечь на *поду, подовый хлеб*), *хайло, высолопить, точать* (сапоги), *миловаться, миленок, лярва, шишига, анчутка, опорок, яшный, осилок, жовки, голбец*, *женить* (чай), *страда, сгондобить, насандякаться, пука (пучка), резак для сена, клякса, запустить, пригрубнуть* (молоко *пригрубнет*), *рюмить* (птица *рюмит* перед дождем), *страпонтинка, сени, ширинка, личина, прикровенно* (тайно), *захлестну,* (вместе с голубями *захлестну*), *сигать* (*сигану*), *свербит* (в ухе), *что ты буровишь* (говоришь что-то не разумное), *ручка-самописка, чернильница-невыливайка, молозиво, злохудожный* (В *злохудожну* душу не войдет премудрость (А.Ф. Лосев)), *переводить на свою фамилию* (брать в жены), *мутузочка* (веревка, завязка), *отмутузить* (избить), *умудренный, ходить в одном сапоге, одном валенке, дуля* (груша), *балсопежечки, ремки* (порезать на *ремки*), *охремок, кокурки и какурки, выцыганила, присбочка, тын, большак, вирши, лобогрейка, заначка (заначить), заныкать, саман, четвертинка, худоба, откинуться* (про скисшее молоко), *умастить* (добавить растительное масло или сметану в какое-либо блюдо), *исть* (*есть* (*кушать*), *источки* хочется), *тюкни топориком, шкирка* (взять за *шкирку,* взять за *шкварник* (с тем же значением)), *мурзовочка, тюря, сногосшибательный, идти на сепаратор, эгида* (под *эгидой*), *гнус, сугубо, кухарь (нож), вихóдка* (или *вихотка*), *луженый, лудить, цуг, чухонец, кочетыг* и др.

Смысл слова изменяется на противоположный (случай энантиосемии): *тачка; урод* (изначально – мальчик-первенец, продолжатель

рода), *тварь, с кондачка, ширинка, угол* (поставить *в угол*), *брутальный, обирать, прослушать лекцию…Ишь, чего захотела, золотая рыбка* и др.

Произошло изменение смысла:

– ***расширение значения*** *или* ***генерализация:*** *милота, школата (школота), дебил, шизик, девушка, молодой человек, отношения, тусить, кощунствовать, фортануло, тяпать (тяпка), отпяпать (отрезать, оторвать), температурить, намылиться (направиться), прочухать* и др;

– ***сужение значения*** *или* ***специализация:*** *челнок, дыбы, дыбошки, точа* (от *ткать*), *чибиток, чувяки, коты, моченки, страда, уборка, мурзовочка, чета, тюря, НВП, НВП-шник, окстись! игрец, тужурка, лобогрейка, залетка, выморозить (выморозил), захлестнуть, чувствовать себя кем-то (чувствую себя Юлькой), поставить в угол, кокурки (сладкое печенье), тюкнуть* (слегка ударить колющим предметом *(колющим* от слова *расколоть))* и др;

– ***синонимическое развитие значений:*** *дурь, грузить, доставать, тормоз, мелкий, сказочник, толкнуть* (продать), *ушлепок* (как синоним *ублюдок*), *барабанщик по металлу, косяк, разносить* (ругать – Bigo «разносят» на НТВ), *прогибаться под изменчивый мир, чего вылупилась?, поправить бигуди, расчесать кудри* (*она им кудри-то расчешет*), *грохнуться, расшибиться (расшибешься), тюкнуть* (слегка ударить (от слова *расколоть*)), *колоть* (*уколоть* и *расколоть*), *шуба, шубись, топить* (*баню, печали в вине, котят, педаль газа*), *топить* (*ругать, не одобрять чего-либо*), *спалить, спалиться, канитель* и др;

– ***смещение (метафорический перенос значения):*** *голубой, радуга, толчок* (рынок), *толкучка* (рынок), *оторваться, балда* (большой молот, кувалда; отсюда – *набалдашник), шерстить, захлестнуть (захлестну!) как Роднина и Зайцев, ум затупился, лентяйка* (швабра), *соли* (от глагола *солить* в значении – *слегка посыпать мукой*), *тюкни топориком* (звукоподражательный глагол от *тюк-тюк*), *пахать на паре, шпингалет* (*мальчишка, пацан*), *дед еще с коня не слез* (не умер) и др;

– ***смещение (метонимический перенос значения):*** *железо, софт, с кондачка, Дунька с водокачки* (*с Бахаревки, с мыльного завода*)*, переводить на свою фамилию* (*брать в жены*)*, пара* (*волов*)*, чувствовать себя кем-то или чем-то, карты игральные с образами персонажей царского карнавала как образы эпохи* (карты как артефакт)*, шерстить* и др;

– ***сдвиг (чаще всего временной):*** *личина, карты игральные с образами персонажей царского карнавала, солить, соли!* (глагол в императиве со значением – *слегка посыпать мукой)* и др.;

– ***улучшение смысла:*** *шишига, анчутка, шерстить, выцыганила, заначка* (*заначить, заныкать*)*, откинулся как творожок* (об уснувшем ребенке), *канителька уснула* (о ребенке) и др;

– ***ухудшение смысла:*** *хайло, тварь, урод* (мальчик-первенец, тот самый, который станет продолжателем рода, самый важный из детей (ср. *уродиться, урожай*); кроме того, *уродами* называли святых людей, отсюда *юродивый*)*, с кондачка, ширинка, лонгрид* (*опять лонгрид*)*, поставить в угол, карты игральные с образами персонажей царского карнавала как образы эпохи* (артефакт)*, вылупиться* (*Чего вылупилась?*)*, шерстить, радуга, голубой, личинус, катавасия, луженый* (*глотка луженая*) и др;.

– ***искажения:*** *на Луговом остановите* (правильно – *на Луговой* (*улице*))*, по улице Терешковая* (правильно *по улице (имени В.Н.) Терешковой*)*, заливать за галстук* (правильно – *заливать за воротник*)*, сверток* (правильно – *поворот*)*, ребенки, человеки, красивЕе* (по аналогии *с бодрее*)*, аляповатый* (неизящный, *аляпистый* – неверно),. *козлиха* (по аналогии с *олениха*)*,*

– ***непонимание этимологии, словообразования:*** *с Гулькин нос* – говорили, когда чего-либо оставалось очень мало, часто ошибочно считают, что *Гулькин* происходит от имени *Гуля*; объяснение происхождения : *с гулькин нос* – размером с клюв голубя, *гули-гули* – традиционное фольклорное наименование голубей *(повсеместно); багет* – карниз, на который вешают шторы, багет это вообще оправа – оправа для картины, для зеркала, для очков

[Полевой материал… …(Цитаты. Псевдоцитаты. Фразы…)]; *будний день, сегодняшний день, с будуна, у вас в Будуне* (*бодун, бадун, будун* – неустановленная этимология)*, че такая бледная**? (ответ – как производное от инвективного слова с ярко выраженным негативным смыслом), *лучина* от *лущить* (привильно – от сущ. *луч*) и др.;

– ***слова употребляются повсеместно, но никто не может их объяснить и никто не задумывается об их изначальном смысле:*** *приспичило, таким Макаром, кирдык, бес попутал, нафиг* (и все производные)*, Не дай божок!..., прибамбас, дуры клок, прошмандовка, драпать, дать драпака, пешкодралом, чушь, чушь собачья* и др.

– ***усечение (упрощение) и искажение слова:*** *шизанутый, шиза, (шиза косит наши ряды), сей же час, сейчас, щас, ща, ДР – день рождения*, *сверток (поворот)* и др.

В ходе исследования выявлены и другие схемы изменения (рассеивания смысла): ***неологизмы (авторские, ситуативные):*** *мелюзганы, типо* (*от сущ.* ***тип*** *в род. п. типа…*), *охото* (аналогично *типо*), *не стесняться голизны, наколбасила, лонгрид (долгое чтение), караочен, накосячить, шедеврально, расхлебенила, радик трахнул (случился приступ радикулита), ритуалум, вольтанутая, скоммуниздать, не звезди, схематознмки, сморгнуть, Колотун-бабай, Кошмар-апа, Автоген-оглы, расхламление* (уборка, избавление от лишних вещей), *банхаммер (англ. banhammer), кочкать* (подскакивать, когда машина едет по кочкам), *крышесносный, макаронная походка, этовать* и др.;

Контекстные случаи:

– ***слово (и смысл) возвращается благодаря изучению и восстановлению традиций:*** *файшонка (фальшонка, фанжонка) – кружевная косынка, головной убор казачки; навмахия – имитация морского сражения; сугубо молиться; облудить оловом* и др.*;*

– ***слово не употребляется в какой-либо форме*** (но формально эта форма может быть образована): – *Попереть при! И попру!, рожь* во мн. ч.*;*

пылесосить в 1 лице ед. ч. настоящего и будущего времен, с*моргнуть (контекст: Моржов сморгнул. Ему даже захотелось заглянуть за спину Дианы – не прячется ли там какой-нибудь бес? Однажды он уже допивался до натуральных чертей)* и др;

– ***приметы*** *нельзя вытирать пол бумагой, это может привести к ссоре; чем на певице больше одежды, тем лучше она поет (из наблюдений за современной эстрадой); поперхнулся, значит, кто-то (к тебе) торопится; перестала брать уток – померла; проходишь мимо злого человека или его дома – засунь руку в карман и сверни фигу, на себе нельзя ничего зашивать* (из одежды) – *ум пришьешь, если что-то забыл дома, и пришлось вернуться – обязательно нужно посмотреться в зеркало.*

В данном параграфе приведены результаты изучения статуса лексико-семантических вариантов слов и выражений, обнаруженных в постфольклорных текстах. Проделанная работа является документированием языковых практик и культурных практик повседневности, поскольку помогает сохранить уникальные элементы языка, которые могут исчезнуть в будущем, особенно в условиях стремительных изменений образа жизни и количества и качества информационного обмена. Анализ постфольклора требует междисциплинарного подхода, что способствует развитию методов в лингвистике, семиотике и культурологии.

Выводы по четвертой главе

В четвертой главе представлен диагностирующий потенциал интерпретативно-сопоставительного представления процесса рассеивания смысла, включающий обоснование и результаты проведения диахронического анализа слов и выражений постфольклорных текстов.

Постфольклорные тексты описывают повседневность через особый язык смыслов и условных знаков, который работает на уровне метафор и интонаций, характерных для культуры определенного времени. Обыденные

ситуации трансформируются в более значимые культурные и социальные нарративы с помощью иронии, гиперболы, аллюзий. Постфольклорные тексты отсылают к более широкому культурному контексту, эти отсылки становятся кодами, которые помогают воссоздать повседневность через взаимосвязь с известными образами и стереотипами.

Доказано, что основанием методики диахронического анализа слов и выражений постфольклорных текстов является наличие различных семантических преобразований в языковой системе. Рассеивание смысла является закономерным внутренним процессом диахронической семантики, рассматривающей семантические процессы и ассоциативные связи, лежащие в основе семантических процессов.

Обоснована логика проведения этимологического, корпусного и контекстного анализов, для которых из собранного массива текстов (около 1200 текстов) были отобраны наиболее презентабельные случаи изучаемого явления (около 2000 случаев).

Доказана эффективность метода этносемиометрии, поскольку обращение к этимологическим словарям позволило получить исчерпывающий ответ о происхождении анализируемых слов, их производных и ближайших родственниках.

Подтверждена целесообразность корпусного и контекстного анализов с использованием унифицированной разметки речевых данных Национального корпуса русского языка с фиксацией самых ранних и поздних упоминаний, включенных в Корпус.

Описан порядок формирования заданий для психолингвистического эксперимента и приведен перечень слов, выражений и текстов, из которых отбирались стимулы. Результаты психолингвистического эксперимента, который проводился в четырех условных группах в течение нескольких лет, оформлены в виде таблиц и диаграмм.

Представлены особенности формирования анкеты, вопросы которой позволили доказать ценность постфольклорных текстов как явлений

социальной действительности, их способность отражать происходящее и давать оценку событиям, а также подтвердить их повсеместную распространенность и осведомленность всех слоев населения в их содержании и предназначении.

Изменения смысла слов объяснены именно неизбежным рассеиванием смысла, сводящимся к расширению значения (генерализация) или сужению (специализация); синонимическому развитию значений; смещению (метафорический или метонимический переносы) или сдвигу значения (чаще всего временному); улучшению или ухудшению смысла; также возможно выделение отдельных (не частотных) контекстных случаев.

Диахронический анализ, примененный к словам и выражениям постфольклорных текстов, позволил интерпретировать процессы культурного и социального развития, а также особенности мировосприятия представителей разных поколений и разных социальных групп, отраженные в постфольклорных текстах.

Проверено положение гипотезы о том, что инвективная лексика, характеризующаяся однозначностью, стабильностью, системностью, менее подвержена процессам рассеивания смысла; было установлено, что инвективная лексика равноценна поступкам (перформативам).

В процессе выполнения диахронического анализа доказано, что для понимания смысла текста даже на родном языке требует наличия устойчивых знаний или объяснения смыслов не только отдельных слов, но и текста в целом. Каждое новое обращение к тексту представляет собой его новое прочтение, которое соответствует по функции переводу текста на язык современности или другого культурного пространства.

Данная особенность потребовала обоснования динамической модели хронотопного перевода и разработки алгоритма осуществления хронотопного перевода постфольклорного текста с учетом семантических, стилистических, культурных потерь в условных границах одного языка (русского) и любых языковых пар, которые представлены в пятой главе.

ГЛАВА V. ДИНАМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ХРОНОТОПНОГО ПЕРЕВОДА ПОСТФОЛЬКЛОРНОГО ТЕКСТА

Диахронический анализ, примененный к словам и выражениям постфольклорных текстов, позволил интерпретировать процессы культурного и социального развития, а также особенности мировосприятия представителей разных поколений и разных социальных групп, отраженные в постфольклорных текстах. Интерпретативно-сопоставительное представление процесса рассеивания смысла подтвердило необходимость разработки модели хронотопного перевода постфольклорного текста как каждого нового прочтения и осмысления текста на языке нового времени и/или пространства. Далее представлены обоснование динамической модели хронотопного перевода постфольклорного текста и репрезентативный материал сценариев хронотопного перевода с учетом семантических, стилистических и культурных потерь в условных границах одного языка или любых языковых пар.

5.1. Функционирование динамической модели хронотопного перевода в условных границах одного языка

В параграфе 3.4 мы определили хронотопный перевод как каждое новое *прочтение* и *осмысление* текста на языке нового времени и/или пространства. Хронотопный перевод может разворачиваться по одному или нескольким сценариям в условных границах *одного языка* и в условных границах *любых языковых пар*.

Условность границ языка мы определяем, опираясь на семиотику перевода, поскольку процесс перевода включает не только передачу смыслов, но и адаптацию культурных и контекстуальных особенностей. Семантика и знаковая система исходного языка могут не иметь прямых аналогов в целевом языке, что создает значительные трудности при переводе,

процесс перевода выходит за рамки простой замены знаков и становится интерпретативным актом, предполагающим глубокое понимание обеих языковых систем и соответствующих культур. Условные границы подчеркивают нестабильность смысла в процессе перевода и указывают на критический анализ и переосмысление языковых конструкций как на основные переводческие стратегии.

В параграфе 1.2 приведены факторы, влияющие на процессы диахронической семантики языковых единиц: изменения, обусловленные естественным течением времени, пространственной удаленностью, уровнем культуры и образования, возрастными различиями.

Для создания динамической модели хронотопного перевода мы рассматриваем следующие позиции и степени, характеризующие ситуацию появления (создания) текста и его прочтения (обращения к нему): *позицию временной удаленности, позицию пространственной удаленности, степень культурных, субъязыковых и возрастных различий* (рис. 12):

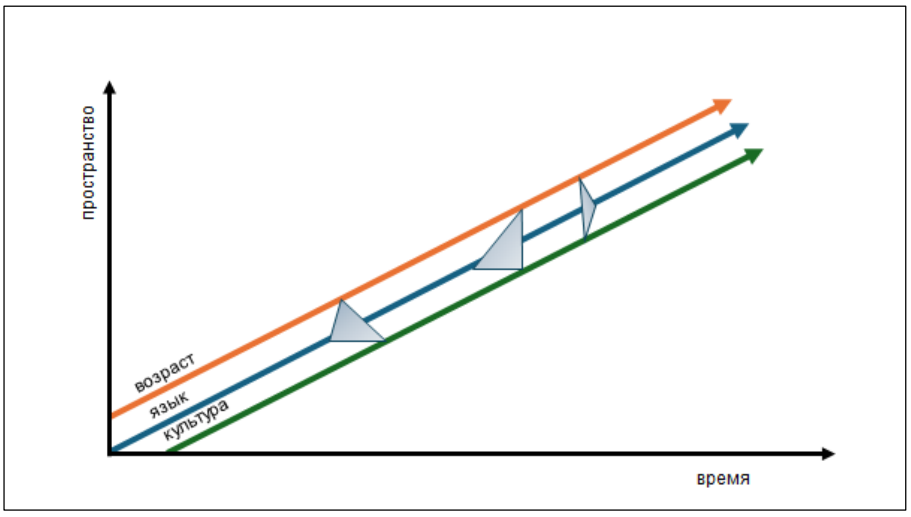


Рис. 12. Система координат для представления хронотопного перевода

Указанные позиции и степени создают своеобразную систему координат, где оси *время* и *пространство* позволяют обозначить позиции временной и пространственной удаленности и условно изобразить постфольклорный текст, находящийся в любое время в любом месте. Векторы *возраст, язык, культура* позволяют отразить соответственно

степени возрастных, субъязыковых и культурных различий. *Степень субъязыковых различий* включает различия, обусловленные образованием, социальным окружением, уровнем интеллекта и уровнем притязаний личности. Если принять условные шкалы для расстановки меток на векторах *возраст, язык и культура,* отметить на векторах точки, соответствующие указанным параметрам человека, создающего (единичный случай для каждого текста) или читающего/комментирующего/пересылающего постфольклорный текст (многочисленные случаи для каждого текста), то мы получим треугольники, условно обозначающие профиль первоначального создания или каждого нового прочтения постфольклорного текста. Векторы *возраст, язык, культура* условно обозначают каждого (одного) человека, поэтому мы принимаем их за третью ось координат, что позволяет рассматривать полученную систему координат как *пространство* постфольклорных текстов.

В виду цели нашего исследования – разработки новой интегративной концепции интерпретативно-сопоставительного представления процессов рассеивания смысла постфольклорного текста, мы не рассматриваем случаи создания каждого текста, а остановимся на изучении случаев каждого нового его прочтения. Конфигурация треугольника будет зависеть от расположения меток на векторах *возраст, язык и культура,* проецируя треугольник (каждое новое прочтение текста) на оси пространства и времени, мы получаем трехмерную динамическую модель исследуемого явления.

Тексты создаются и аккумулируются в любой точке заданной системы координат (рис. 13). Внесем в модель уточнения относительно момента нового прочтения. В какой-то момент времени один из текстов становится объектом внимания человека определенного возраста, языка и культуры. В момент нового прочтения исходного постфольклорного текста возникает новый (конечный, целевой) текст, в котором читающим были раскрыты только смыслы, замеченные им и понятные ему в силу его возраста, образования, культуры.

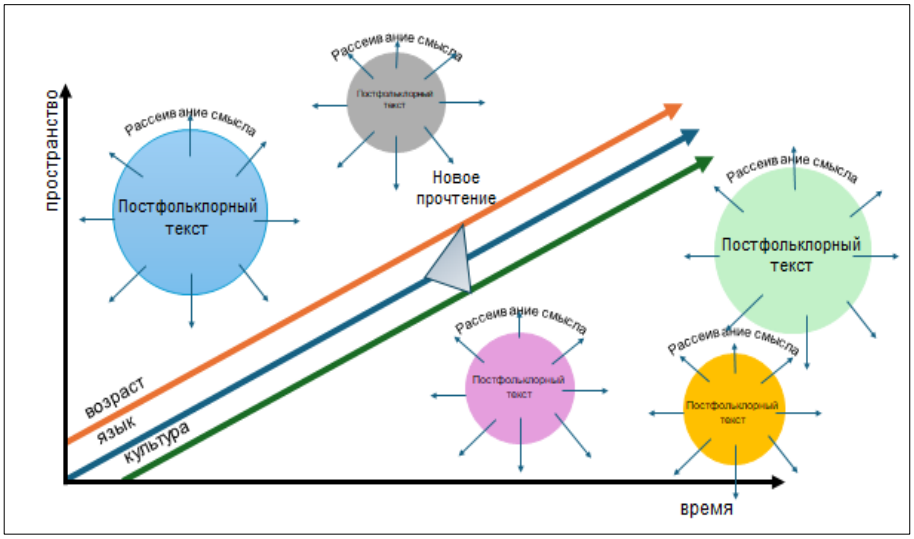


Рис. 13. Постфольклорные тексты в системе координат хронотопного перевода

Сценарием хронотопного перевода мы называем ситуацию, когда *получатель* информации (*слушатель, зритель* и т. п.) сталкивается (обнаруживает случайно/специально, читает, слышит, видит, комментирует, пересылает) постфольклорный текст и осуществляет процесс декодирования информации, заложенной в тексте.

Для хронотопного перевода в условных границах *одного языка* понимание исходного постфольклорного текста связано с преодолением одной или нескольких представленных позиций удаленности и степеней различия одновременно. Причем ситуации, когда процесс декодирования связан с одной позицией/степенью, менее вероятен, чаще сложности (непонимание) при обнаружении постфольклорного текста обусловлены одновременно несколькими позициями/степенями:

– позицией временной удаленности (например, современный врач читает анекдоты про врачей XIX века);

– позицией пространственной удаленности (современный студент переводится в университет другого города);

– степенью культурных различий и позиций временной удаленности (современный представитель сферы обслуживания читает подборку городских легенд XIX века, связанных с теорией мирового заговора);

– позицией временной и пространственной удаленности и степенью культурных, субъязыковых и возрастных различий (современный школьник обнаруживает дембельский альбом деда);

– другие комбинации указанных позиций удаленности и степеней различия.

Динамическая модель хронотопного перевода для постфольклорных текстов в условных границах *одного языка* представлена на рисунке 14.

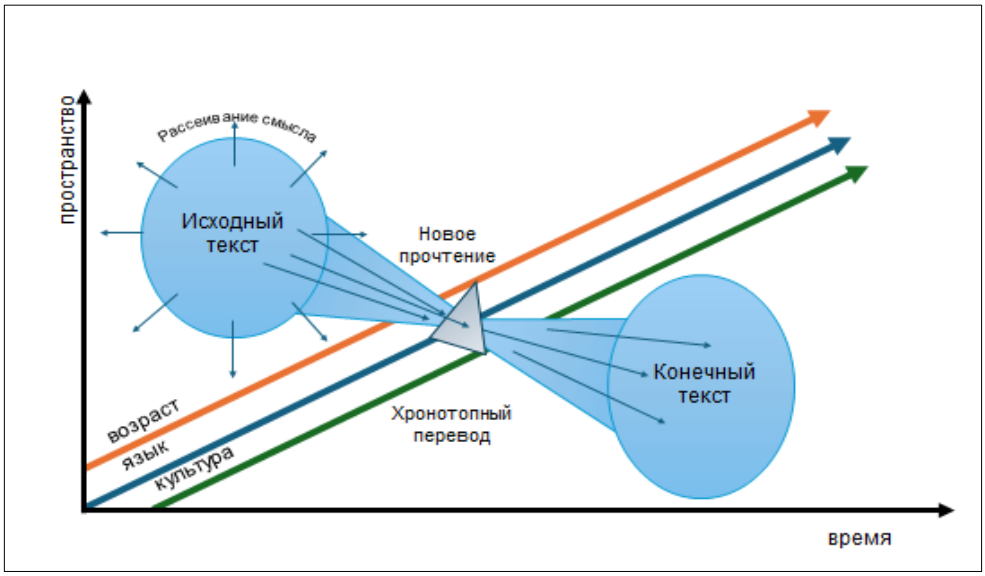


Рис. 14. Динамическая модель хронотопного перевода в условных границах одного языка

Случаями, когда непонимание обусловлено объективными причинами, являются позиции пространственной и временной удаленности – нельзя знать обозначений всех реалий местности, находящиеся в значительной территориальной удаленности, или всех реалий культуры – удаленных во времени и пространстве. Отчасти объективными причинами можно объяснить степень субъязыковых различий, если речь идет о профессиональном сленге, в котором используются узкоспециальные термины. Значимым фактором оказывается степень культурных различий, отражающая процессы кризиса культуры [Человек и общество…, 1996] и маргинализации общества [Яценко, 1999].

Связь времени и пространства представляется в виде текстов через их способность фиксировать и передавать значения, связанные с этими

категориями. Текст становится средством, которое объединяет временные и пространственные аспекты в единую систему знаков, отражающую культурные, исторические и личностные смыслы.

Каждое новое обращение к любому постфольклорному тексту представляет собой его новое *прочтение*, которое соответстует по функции *переводу* текста на язык нового времени и/или другого нового культурного пространства [Ильина, Павловская, 2023д].

Рассмотрим указанные позиции и степени различий и предложим варианты хронотопного перевода с обоснованием переводческого решения на примере постфольклорных текстов в условных границах *одного языка*. Обоснования переводческих решений (здесь и далее в работе – переводческие комментарии) являются доказательствами того, что хронотопный перевод позволяет преодолеть рассеивание смысла.

В каждом языке существуют элементы, которые нельзя передать точно средствами другого языка, поэтому возникает необходимость компенсации потерь при переводе. Речь идет о потере смысла и стилистического значения. Согласно Л.С. Бархударову и И.С. Алексеевой, из всех методов перевода *компенсация* представляет собой самый сложный метод и самый трудно поддающийся описанию. Применение компенсации заключается в передаче смысла или стилистического оттенка не там, где это выражено в оригинале, или не такими же средствами, как в оригинале. Если переводчик вынужден отказаться от стилистического окраса или экспрессивного слова при переводе, то, безусловно, в первую очередь он должен сохранить экспрессивный смысл слова или словосочетания. В случае невозможности найти точное соответствие, он должен компенсировать эту утрату другими возомжными способами [Бархударов, 1975; Алексеева, 2001].

Для примера компенсации потерь позиции временной удаленности рассмотрим частушку 1920-1930 годов из собрания В. Бахтина.

У кого забавы нет,
Заявляйте в сельсовет

Павлушке-председателю,
Чтоб нашел симпатию [Частушка, 1966].

Для обоснования переводческого решения приведем подробный переводческий комментарий, демонстрирующий преодоление рассеивания смысла с помощью хронотопного перевода, и проанализируем отдельные слова частушки, соотнеся их с контекстом.

Переводческий комментарий:

– частушки заканчиваются обычно неожиданным смысловым разрешением, в частушках содержится скрытая смысл и ирония. Скрытый смысл этой частушки – указание на то, что советская власть позиционировала себя как структуру, управляющую всеми процессами в обществе, как способную решить все проблемы (в данном случае – найти возлюбленных всем, у кого их нет);

– *сельсовет* – реалия сельской жизни советского периода, в каждом селе создавался *сельский совет*, словосочетание сокращалось до *сельсовет*, руководил всеми делами села *председатель сельского совета*, жители села, обращаясь в сельский совет по различным вопросам, писали *заявления* на имя председателя, отсюда выражение – *заявляйте в сельсовет;*

– *забава* – в народно-поэтическом значении *возлюбленный, -ая.* Это устаревшая форма, которая уже в XIX веке не всегда приводилась в словарях;

– *забава* и *симпатия* в контексте данного произведения являются синонимами, но у слова *симпатия* возможна еще одна коннотация – *человек, который нравится*.

Если прочитать первую строку, ориентируясь на современный смысл: *забава = развлечение*, первая строка будет понятной (у кого нет развлечения), но в контексте всего произведения смысл первой строки остается неясным.

Далее представлены два варианта хронотопного перевода (подчеркивающие гендерный аспект), в которых потери смысла, обусловленные временной удаленностью, преодолены (компенсированы).

У кого (подруги, возлюбленной, девушки) нет,

Заявляйте в сельсовет

Павлушке-председателю,

Чтобы он нашел вам (тебе) такую подругу (возлюбленную, девушку), которая бы вам (тебе) понравилась).

Или:

У кого (кавалера, возлюбленного, парня) нет,

Заявляйте в сельсовет

Павлушке-председателю,

Чтобы он нашел вам (тебе) такого кавалера (возлюбленного, парня), который бы вам (тебе) понравился).

Сценарии хронотопного перевода, затрагивающие степень культурных различий, постоянно разворачиваются среди людей с разным уровнем воспитания, по-разному представляющих себе нормы поведения в обществе и имеющих разные ценностные установки. Примеры культурных различий, обусловленных социальным окружением и разным уровнем воспитания, встречаются:

– в повседневном общении:

Что у нас на обед?/Что пожрать?

Отключили электроэнергию/Отключили электричество/Свет отрубили.

Давай поговорим спокойно!/Не ори!»/Не зевай!

Давай прекратим этот разговор/Хватит базлать!

– в общественном транспорте:

Где нам (нужно, следует) выходить? / Где нам нужно слезть?

В следующем тексте описано состояние человека, прочитанное по «языку тела»:

******* *Недавно видела в маршрутке женщину, явно из деревни, она ехала в город, возможно в больницу или к родственникам. Аккуратно, но старомодно одетая, она сидела прямо и старалась не двигаться, но ее поза была настолько напряженной, ей так было некомфортно в тесной маршрутке, она, скорее всего, жила в частном доме со своим двором, огородом, многочисленными постройками, где она была полноправной хозяйкой, а здесь ее личное пространство постоянно нарушалось, кто-то сидел недопустимо близко, кто-то постоянно проходил, задевая ее колени, было шумно, у водителя играла музыка. Вероятно, эта поездка была*

вынужденной, она понимала, что выскажи она свое неудовольствие теснотой или шумом, она получила бы в ответ – «не нравится – сиди дома!», поэтому она стойко переносила все моральные неудобства, но видно было, как ей плохо [Полевой материал… (Истории из жизни)].

Этот текст мы рассматриваем как хронотопный перевод, вербализующий состояние человека по его внешнему виду и поведению на основе их соотнесения с окружающей обстановкой. Подобные тексты постоянно появляются в социальных сетях, и отличить, реальна эта история или нет, и насколько объективно представлены факты, довольно сложно. Этот текст является примером степени культурных различий по стереотипу членения окружающего пространства.

Сценарии хронотопного перевода, представляющие субъязыковые различия, разворачиваются при столкновении людей разных профессий или проживающих в местностях, имеющих ярко выраженные промышленно-территориальные особенности (регионы добычи редких металлов, международные порты, промысловые зоны, «закрытые» города).

Рассмотрим постфольклорный текст, содержащий сленг геодезистов. На форуме сайта «Геодезист» [Профессиональный жаргон, URL: https://geodesist.ru/threads/professionalnyj-zhargon.18711/] девушка-филолог интересуется профессиональным сленгом геологов, завязывается беседа, участники форума объясняют ей значения отдельных терминов и сленга, и даже приводят пример употребления сленга в контексте:

Исходный текст:

Геодезисты вернулись в офис и оценивают результаты своих трудов. Женя (раздосадовано): Ну вот, говорил я тебе, Вася, вешку держи ровнее, смотри, у меня дом на 5 метров отлетел!

М и ш а: *Че там у тебя опять отлетело? На пять метров!? Вася, ты че, исходники лежа давал?*

В а с я *(бурчит): Все я ровно держал.*

М и ш а: *Ты сколько домов для контроля подхватывал?*

Ж е н я: *Один*

М и ш а: *А на репер ход замкнул?*

Ж е н я: *Да, это я во дворе висяк кидал.*

М и ш а: *Висяк во дворе, ммм, а че не весь ход на этот дом повесил? У тебя висяк 3 километра, где твоя голова, Женя?!*

Ж е н я: *Обычно все садилось.*

М и ш а *(передразнивает): Обычно все садилось. Теперь давай садись в Ниву и гони перемерять, кто теперь знает, что за отлет у тебя, может жук, а может руки у тебя кривые, давай живее, пока шеф не вернулся.*

Женя и Вася вскакивают и бегут в машину.

М и ш а: *(остается один в кабинете и философски изрекает): Да, понаберут кнопочников по объявлению, мучайся с ними потом.*

Для этого отрывка был составлен тезаурус специальных выражений из профессионального сленга геодезистов:

Вешка (веха) – инструмент, используемый для фиксирования точки на местности при работе с геодезическим оборудованием.

Жук (англ. bug – клоп) – ошибка исходных данных в программировании и в геодезии.

Отлет – результат ошибки, отклонение показателя.

Репер – знак, который находится в определенной точке земной поверхности с известной абсолютной высотой.

Подхватить – снять что-то не для непосредственного выполнения задания, а для дополнительного контроля качества съемки.

Висяк /висячий ход – недолговременная точка закрепления при съемке местности, координаты которой служат для контроля качества съемки.

Замкнуть/привязать ход – ход (съемка, измерение) начинается от исходных пунктов, в начале съемки геодезисты от исходных пунктов «отвязываются», а в конце – к ним «привязываются», «замыкаются» на них.

Кнопкодав, кнопочник – человек, изучивший основные функции прибора, имеющий посредственные знания и малый опыт работы в геодезии, но считающий при этом себя опытным инженером-геодезистом.

Мы подготовили вариант хронотопного перевода, который сохраняет некоторую специфичность, несмотря на замену всех узкопрофессиональных терминов.

Целевой текст:

Геодезисты вернулись в офис, и оценивают результаты своих трудов.

Ж е н я *(раздосадовано): Ну вот, говорил я тебе, Вася, веху держи ровнее, смотри, у меня координаты дома не совпадают на 5 метров!*

М и ш а: *Что там у тебя опять за погрешность? На пять метров!? Вася, ты что, исходные измерения лежа производил?*

В а с я *(недовольно)*: *Все я ровно держал.*

М и ш а: *Ты координаты скольких домов для контроля зафиксировал?*

Ж е н я: *Одного.*

М и ш а: *А измерения завершил на точке с точными (установленными) координатами?*

Ж е н я: *Да, одной из недолговременных точек закрепления я выбрал двор.*

М и ш а: *Одна из недолговременных точек закрепления во дворе, ммм, а что не все измерения построил с опорой на этот дом? У тебя недолговременная точка закрепления на расстоянии 3 километра, где твоя голова, Женя?!*

Ж е н я: *Обычно все сходилось/подтверждалось/получалось.*

М и ш а *(передразнивает): Обычно все сходилось. Теперь давай садись в Ниву и гони перемерять, кто теперь знает, что за отклонение у тебя, может это ошибка исходных данных, а может руки у тебя кривые, давай живее, пока шеф не вернулся.*

Женя и Вася вскакивают и бегут в машину.

М и ш а *(остается один в кабинете и философски изрекает): Да, понаберут людей, изучивших основные функции приборов, имеющих посредственные знания и малый опыт работы в геодезии, но считающих при этом себя инженерами-геодезистами, мучайся с ними потом.*

Классическим примером иллюстрации позиции пространственной удаленности является практика употребления дразнилки из детского (дворового) фольклора *Жадина-говядина….* Установлено, что в Москве и Подмосковье эта дразнилка в полной версии выглядит следующим образом: *Жадина-говядина, турецкий барабан, кто на нем играет – противный таракан.*

Другая концовка –… *пустая шоколадина* – характерна для Петербурга, Кирова, Свердловска, Иркутска, Пскова и соответствующих областей, и еще для Бурятии, Удмуртии и Карелии.

Самый распространенный вариант: *Жадина-говядина, соленый огурец, на полу (по полу) валяется, никто его не ест*. Так говорят жители на всей территории России от Калининграда до Камчатки.

В 2021 году Яндекс провел опрос [«Жадина-говядина»…, URL: https://tonkosti.ru/Журнал/«Жадина-говядина»:_закончите_поговорку,_и_мы_узнаем,_откуда_вы_родом?ysclid=m7hlr6of3s67342184], который подтвердил бытование данных вариантов дразнилки и позволил выявить новые вариации:

– указание новых территорий, которые не отражались в ранее проведенных исследованиях: вариант с *соленым огурцом* бытовал в Минске; *с зеленым огурцом* – в Донецке;

– изменение в синтаксисе: замена сложноподчиненной конструкции на вопросно-ответную *...Кто на нем играет? (имя)-таракан;*

– изменения в лексике: таракан мог быть *усатым, рыжим* – это зависело от фантазии (Норильск); барабан мог быть не только *турецким*, но и *французским* (Москва), и *немецким* (Норильск), вместо *шоколадины* еще говорили *сухая мармеладина* (без указания города).

В результатах опроса отражены новые варианты, за которыми просматриваются как социальные и политические процессы, так и взаимоотношения детей:

Жадина-говядина, булка-шоколадина, спички ворует, дома не ночует! (Забайкалье); *Жадина-говядина, испанский пирожок. Кто с тобой играет, тот нам не дружок* (Душанбе); *Ябеда-корябеда, соленый огурец! По полу валяется, Никто его не ест (Минск).*

Самый новый вариант, в котором отражено современное изобилие продуктов и/или недопустимое, с точки зрения детей, извращение – *соленый шоколад*, кроме генерализации (в этом тексте объединены все три варианта: *барабан*, *шоколад* и *огурец*, но *огурец* остался только в виде эпитета *соленый*) и одновременного опущения (*жадина* – опущено, но это не мешает пониманию), добавлена строчка, констатирующая новизну этого варианта дразнилки и сам факт ее трансформации:

Барабан-говядина, соленый шоколад...
Дразнилку переделали мы на новый лад.

Сравнение образцов малых жанров современного фольклора, бытующих в разных регионах России, позволяет выявить позицию пространственной удаленности: одно слово (устойчивое выражение) называет разные предметы или явления и в них вкладывается разный смысл:

– *чушка* (Пермь) – лицо или подбородок; обычно употребляется в тех случаях, когда лицо чем-то запачкано: *Вся чушка в шоколаде!*

– *чушка* (Оренбург) синоним слова *свинья* – грязный, испачканный чем-либо: *Перемазался весь как чушка.*

– *Дунька с Бахаревки* (Пермь) – о девушке или женщине в нелепом наряде: *А вырядилась-то как – ну точно Дунька с Бахаревки!*;

– *Дунька с мыльного завода* (Оренбург) – с тем же значением;

– *шаньга* (Пермь) – ватрушка с картофельной начинкой;

– *шаньга* (Оренбург) – выпечка с начинкой из взбитой смеси сметаны, сахара и яиц.

Во всех регионах бытуют тексты, связанные с местной достопримечательностью, с героем места, с исторической и культурной памятью региона. Рассмотрим фрагмент статьи об особенных словах Пермского края, опубликованной на сайте Перемена-Пермь 17 апреля 2021. В статье сообщается, что в Перми главная скульптурная композиция города, «сооруженная в честь героев фронта и тыла к 40-летию Победы в Великой Отечественной войне (скульптор В.М. Клыков) получила в народе шуточное название *Такси, такси!,* из-за жестов ***трех мужских*** *фигур*, запечатленных скульптором, напоминающих попытку поймать такси» [Хередать или кхеркать: особенные слова Пермского края, URL: https://peremena-perm.ru/blogi/stati/heredat-ili-kherkat-osobennye-slova-permskogo-kraya] (рис. 15). Словосочетание (…*трех мужских фигур*…) показывает отсутствие ценностного отношения автора к истории города: автор публикации не владеет информаций, не проверил данные, не изучил описываемый объект:

скульптурная композиция состоит из *женской фигуры* в центре (Родина-мать) и ***двух мужских*** *фигур* (воина и труженика тыла).

Рис. 15. Главная скульптурная композиция города, именуемая в народе «*Такси, такси!*» (Фото взято из открытых источников)

Для описания *степени возрастных различий*, которые обнаруживаются при хронотопном переводе, рассмотрим примеры из словаря современных подростков и молодежи. Подростковый/молодежный сленг представляет собой особый набор слов, фраз и выражений, используемых подростками и молодыми людьми в их повседневной коммуникации. Этот набор является специфичным для определенной группы или определенной субкультуры, и может быстро изменяться в зависимости от трендов, медийных влияний и развития новых языковых конструкций.

Подростковый/молодежный сленг служит не только средством общения, но и способом выражения индивидуальности и принадлежности к определенной социальной группе. Далее представлен один из комментариев к статье с подборкой выражений современных подростков и молодежи:

Решил чекнуть чо нового, а тут прост имба полнейшая. А где ништяк? Ништяк – что то крутое. Ну ладно. Ауф [Левочкина, URL: https://www.sravni.ru/text/molodezhnyj].

Перевод: *Я решил проверить, что нового, а тут просто высший класс. А где слово НИШТЯК? НИШТЯК обозначает что-то крутое. Ну ладно. Пока.*

В данном случае потребуется переводческий комментарий:

– *чекать* (англ. to check – проверять) – изучать, проверять;

– *прост* – сокращенное от *просто;*

– *имба* (англ. imbalance – дисбаланс) – в компьютерных играх слово обозначает персонаж или предмет, который обладает преимуществами над другими; в речи подростков и молодежи *имба* употребляется в значении *превосходный, лучший;*

– *ништяк* – слово появилось в молодежном сленге в начале второй половины XX века со значением *все в порядке*, вероятно от *ничто* (произносится *ништо*) и *–як*, по аналогии с *верняк, сушняк, головняк*.

– *ауф* – выражение одобрения, восхищения, в качестве финальной фразы в разговоре – *всего хорошего!, всех благ!*

На наш взгляд, чрезмерное использование иностранных слов является свидетельством утраты языковой культуры, негативно влияет на развитие родного языка, приводит к искажению и размыванию языковых норм, а также способствует потере языковой целостности.

Все приведенные примеры можно передать общепринятыми литературными эквивалентами. Как результаты изучения и систематизации современного сленга выпускаются словари. Изменение или расширение значений отдельных слов молодежного сленга, могут происходить в течение 3-4 лет. Так, слово *флексить* (англ. to flex) – *раскачиваться, танцевать*, а также *ярко проявлять себя, свои физические возможности* [Кузнецова, URL: https://snob.ru/entry/156179/], вошло в словарь Т. Кузнецовой в 2017 году, но уже в 2021 году у слова фиксируется другое значение: *флексить* – значит *привлекать к себе внимание, хвастаться, выпендриваться* [Свечникова, URL: https://www.letu.ru/blog/slovar-21-veka-chto-takoe-fleksit-na-molodezhnom-slenge]. Здесь имеется в виду связь однокоренных английских слов *flex* и *flexible*, поэтому, если человек демонстрирует, например, гибкость своего тела, он *флексит*, т. е. *привлекает к себе внимание*. Продолжается

тенденция укорачивания слов, причем укорачиваются нейтральные русские слова, например: просто – *прост,* почему – *поч*, понятно – *пон*:

– *Мы с Ником не идем в поход.*
– *Поч?*
– *У нас соревнования по плаванию.*
– *Пон.*

Английские слова русифицируются: *войсить* – записывать голосовые сообщения (англ. voice), *задонатить* – пожертвовать (англ. donate), *румтур* (англ. room + tour) – видео, в котором человек показывает свое жилище.

В подростковом и молодежном сленге применяются русскоязычные и англоязычные аббревиатуры: *ЧСВ* – чувство собственной важности, *ЛС* – личные сообщения, личка, *нефор* – представитель неформального движения, *чечик* – нейтральное определение парня (сокращение от слова *человечек*), *пекарня* – ПК, персональный компьютер, *ГГ* – (англ. gg (good game) – хорошая игра. Сленг проникает в коммерческие тексты, например в рекламу: *Новые места для чилла* (англ. chill – отдых в приятной обстановке*)*.

Вместе с новыми словами меняется управление глаголов: *орать* со значением *сильно смеяться* употребляется в конструкции с предлогом *с*: *я с него ору, ору со своей же шутки.*

Появилось много слов, использующих словообразовательные суффиксы русского языка, но этимология остается иностранной: *тишка* – футболка (англ. T-shirt), *тян, тяночка* – привлекательная девушка (из японского языка). Существуют слова со сложной этимологией, когда слово (знак) эволюционирует вместе с предметом: *подкрадули* – странная обувь (англ. to sneak – красться, подкрасться), ранее *сникерсы* – кроссовки на мягкой (бесшумной) подошве; с неустановленной этимологией: *зашквар* – что-то позорное, ощущение стыда за поступок; на тюремном жаргоне *зашквариться* – сделать что-то неправильное, понизить свой статус.

В пояснениях к отдельным словам, связанным с новыми отрицательными социальными процессами, составители списков новых слов

предупреждают пользователей интернета о нежелательности их употребления. Это относится, например, к слову *личинус* – ребенок (латинизированное слово *личинка*), пришедшему из сленга *яжематерей.*

Данные примеры мы относим к степени культурных и субъязыковых различий. Таким образом, среди основных факторов, влияющих на хронотопный перевод, мы различаем контекст, основные ярусы и грамматические особенности языка и речи исходного и целевого текстов, традиции письменной и устной речи, культурно-исторические характеристики представленных выше позиций/степеней и сценариев хронотопного перевода.

В заключение отметим, что хронотопный перевод – это не просто совмещение времени и пространства, но и осознание того, как эти параметры влияют на восприятие текста в определенной культуре и исторической эпохе. В рамках переводческой практики, хронотоп становится основой для осмысления текста, поскольку каждый язык и культура имеют свои собственные представления о времени, пространстве, социальных и культурных контекстах. Это особенно актуально в тех случаях, когда переводу подвергаются произведения, отражающие уникальные культурные реалии.

5.2. Сценарии хронотопного перевода в условных границах одного языка (русского)

В данном параграфе мы представляем анализ и комментарии *семантических, стилистических и культурных потерь,* возникающих при выполнении хронотопного перевода. Примеры последовательно иллюстрируют рассеивание смысла в результате семантических, стилистических и культурных потерь в конечном (целевом) тексте по сравнению с исходным. Для указания факторов, влияющих на процессы диахронической семантики языковых единиц, мы приняли следующие условные обозначения:

– позиции временной удаленности – Пву;
– позиции пространственной удаленности – Ппу;
– степень культурных различий – Скр;
– степень субъязыковые различий – Ссуб;
– степень возрастных различий – Свозр.

Семантические потери

Рассеивание смысла происходит в результате **утраты с течением времени смысла слов.** Рассмотрим процесс рассеивания смысла на примере текстов частушек. Здесь и далее полужирным курсивом в столбце «Исходный текст» выделены слова и выражения, подвергшиеся рассеиванию смысла, в столбце «Конечный (целевой) текст» – восстановленный смысл (результат хронотопного перевода).

В текстах частушек XIX – начала XX веков содержатся слова, смысл которых непонятен современному читателю (таблица 12).

Таблица 12 – Семантические потери (утрата смысла слов) на примере текстов частушек (Частушка, сост. В.С. Бахтин)

Исходный текст	Конечный (целевой) текст (результат хронотопного перевода)	Позиция/ степень
Не кукушечка кукует, *Не соловушка поет –* *Родна маменька горюет:* *Дочка **по людям живет.***	*Не кукушечка кукует,* *Не соловушка поет –* *Родна маменька горюет:* *Дочка **живет в работницах у чужих людей.***	Пву,Ссуб
В чужих людях худо жить** –* ***Все присматривают**.* *Хоть и **яшны** пироги –* ***Все припрятывают.	***Плохо жить в работниках у чужих людей,*** ***За тобой постоянно следят.*** *Хоть пироги и **из ячменной муки –*** ***Их постоянно прячут.***	Пву,Ссуб Пву Пву, Скр Пву
*Богачу опять **лафá:*** *Придумали **отруба.*** *Он **земельку** соберет –* *Жить на **отруб** перейдет.* *А мы, бéдны мужики, –* ***Обирай его куски.***	*Богачу опять **повезло / везет:*** *Придумали **выделять отдельные земельные участки.*** *Он **участки** соберет –* *Жить на **свой отдельный участок** перейдет.* *А мы, бедные мужики, –* ***Собирай то, что осталось.***	Пву,Скр Пву Пву, Скр Пву, Скр

Переводческий комментарий:

– *жить в людях* – работать по найму у людей, проживая в их доме; выражение широко бытовало на рубеже XIX-XX веков, несостоятельные родители отдавали своих детей-подростков (как мальчиков, так и девочек) в богатую семью, где дети жили и работали за прокорм и содержание, иногда за обучение какому-либо ремеслу;

– *яшны пироги* – пироги из ячменной муки; пшеничная мука стоила дороже, поэтому бедняки пекли хлеб из ячменной муки;

– *лафа* – просторечье, лафой называют *удачу, счастье* или *выгоду*; слово в этом значении встречается еще в произведении Афанасия Никитина «Хождение за три моря», датированном XV веком;

– *отруб* – в России в начале XX века по планам столыпинской аграрной реформы 1906 года земельные участки, выделенные из общинной земли, передавали крестьянам в единоличную собственность;

– *обирай* – обирать, согласно словарю В.И. Даля, имеет значение *собирать вместе* [Даль, 2007].

В следующем примере представлено рассеивание смысла, которое происходит в результате **утраты смысла текста в целом, которое не равно сумме значений отдельных слов** (таблица13):

Таблица 13 – Семантические потери (утрата смысла текста в целом) на примере текстов частушек (Частушка, сост. В.С. Бахтин)

Исходный текст	**Конечный (целевой) текст (результат хронотопного перевода)**	**Позиция/ степень**
*Пошла **рында** за водой,*	*Пошла **сухопарая (высокая худая, жилистая) баба** за водой,*	Пву, Скр
Оскользнулася ногой;	*Оскользнулася ногой;*	
*Бежит мужик **без души**,*	*Бежит мужик **без души** (точное значение не установлено),*	Скр, Ппу
*Тянет рынду **за уши.***	*Тянет рынду **за уши** (точное значение не установлено).*	Пву, Скр

Переводческий комментарий:

– *рында* (прямое значение) – нескладный верзила, телохранитель или личный стражник; долгая (высокая) сухопарая баба; судовой

(корабельный) колокол; звон судового колокола в полдень [Даль, 1998, Т. IV: 118];

– *без души* – осталось невыясненным. Как варианты мы рассматривали *бессердечный человек, человек без моральных принципов, одержимый или потерявший (продавший душу) человек*;

– *тянуть за уши* – существует несколько вариантов данного выражения (оттенки смысла вносят глагольные приставки): *тянуть за уши* – помогать кому-то, кто сам не способен справиться с какой-либо задачей; *вытягивать за уши* – настойчиво помогать, иногда против воли того, кому помогают; *притягивать за уши* – использовать что-либо без достаточных на то оснований, неоправданно; еще вариант – *за уши вытягивали* утопающих в болоте.

Рассмотрим далее семантические потери (утрата смысла слов или смысла текста в целом) на примере текстов семейных преданий (таблица 14).

Таблица 14 – Семантические потери (утрата смысла слов или смысла текста в целом) на примере текстов преданий (Полевой материал (Предания); Истории из жизни; Частный архив Е.М. Савиной)

Исходный текст	**Конечный (целевой) текст (результат хронотопного перевода)**	**Позиция/ степень**
Кулек с дустом	Возможно только объяснение в комментарии	Пву, Скр, Ппу
Мы всей улицей собирали ***козла***	*Мы всей улицей собирали один* ***мотоцикл из деталей многих старых разбитых мотоциклов.***	Пву, Скр, Ппу
Сшить ***в две точи***	*Сшить* ***две узкие полосы ткани***	Пву, Скр, Ппу
*…****Погнали*** *на* ***ставок.*** *По трое на одном велосипеде. Поспорил с пацанами, что переплывешь* ***ставок.*** *Накидали картошки в костер. Сожрали вместе с* ***лушпайками*** *и головешками. Ночью пошли* ***обносить*** *соседскую черешню. Сосед спустил собаку.*	***Поехали*** *на* ***пруд****. По трое на одном велосипеде. Поспорил с пацанами, что переплывешь* ***пруд.*** *Накидали картошки в костер. Съели вместе с* ***кожурой*** *и головешками.* *Ночью пошли* ***воровать*** *соседскую черешню. Сосед спустил собаку.*	Пву, Скр, Ппу Пву, Скр, Ппу Пву, Скр, Ппу Скр, Ппу,Ссуб
Бабушка сшила ***тряпку из старых чулок*** *бабушка*	Возможно только объяснение в комментарии	Пву, Скр, Ппу

Мама пекла нам ***лизунцы*** со сметаной, сметана растает от горячих ***лизунцов***, с сахаром перемешается – лучше сгущенки. Помню, у подружки моей было похожее блюдо – ***лазанки***.	Мама пекла нам ***маленькие лепешки*** со сметаной, сметана растает от горячих ***лепешек***, с сахаром перемешается – лучше сгущенки. Помню, у подружки моей было похожее блюдо, только ***готовили его из другого теста и тесто отваривали***.	Пву, Скр, Ппу Пву, Скр, Ппу
Мыть кружки	***Мыть крышки бочек, в которых были заквашены овощи на зиму***	Пву, Скр, Ппу

Переводческий комментарий:

– *кулек с дустом* – досл. мешок (пакет) с инсектицидом, известным под названием *дуст* (англ. *dust* – пыль), в семейном предании объясняется, что в семье это было домашнее обращение к малышам, особенно часто так говорили, когда малыша брали на руки, и таким образом подчеркивали, что он растет – становится тяжелее;

– *собрать козла* – сделать (собрать) мотоцикл из деталей разных (чаще – старых, сломанных, разбитых) мотоциклов;

– *точа* от *тока́ть* работать на ткацком станке, *ткать,* в записях респондента упоминается фраза: *сшить (сошьем) в две точи – сшить две полосы ткани, чтобы получить более широкое полотно для последующего изготовления объемного изделия, например, простыни или пододеяльника;*

– *став* – пруд (региональное), *ставок* – уменьшительное от *став;*

– *лушпайка* – кожура, скорлупа, однокоренное с *лущить* – очищать от кожуры;

– *обносить* (локальное сибирское) – воровать;

– *тряпка из чулок* – хлопчатобумажные чулки изнашивались в стопе, поэтому хозяйки сшивали неизношенные верхние части чулок вручную (машинный шов быстро рвался) и получалась тряпка для мытья полов, хорошо впитывающая воду.

– *лизунец* – слово имеет несколько значений*: 1. соль-лизунец* для животных (кусок каменной поваренной соли); *2) лизунец* – леденец на палочке*; 3) локальное:* сдобное тесто, обжаренное кусочками на сковороде и залитое сметаной с сахаром.

– *лизанки* или *лазанки* – тонкие пласты крутого теста, замешанного на воде и яйцах, раскатывали, резали на куски и отваривали, подавали с салом, маслом, луком, а также с маком, семенем льна, орехами, ягодами.

Для пояснения выражений *мыть кружки* приведем фрагмент семейного предания:

Что значит «мыть кружки́»

Раньше овощи квасили на зиму в бочках. Помидоры мыли, туда, где была плодоножка, насыпали щепотку соли и укладывали в бочку рядами, потом заливали горячим рассолом. Когда было много арбузов, то заливали горячим арбузным соком. Мелкие арбузы прокалывали спицей и тоже укладывали в бочку рядами. Капусту квасили с яблоками.

Бочки были деревянные, и стояли они в холодных погребах. Когда овощи были залиты рассолом, то сверху бочки накрывали деревянными кружка́ми – такими крышками, а сверху помещали гнет – чаще всего это были речные валуны, прокипяченные в воде или пропаренные в бане. Кружки и гнет должны были располагаться таким образом, чтобы все овощи были погружены в рассол, иначе овощи закисали. И в обязанность каждой хозяйки входило еженедельное мытье кружков в погребе [Полевой материал… (Предания)].

Рассмотрим далее рассеивание смысла в **результате особенностей понимания игры слов.**

Сбор постфольклорный текстов и их классификация позволили выявить примеры в социальных сетях, допускающих два варианта прочтения и интерпретации: *косой с косой; один такой раздел и все; стих; крой; взвесь; принято, хорошо, сделаем; без правил (я правил этот текст); без правила (без пра́вила* и *без правила́); чайку приготовь; свари курицу, целую; передохните.* Подобные выражения, при отсутствии знаков препинания в сообщении и точек над Ё, имеют без контекста два прочтения и более. Подобные ситуации обыгрываются в анекдотах, подборках «Говорят дети», сценариях праздников.

Пример из школьного сценария на тему ударений в русском языке:

У ч е н и к 1: *Не расстраивайтесь Галина Васильевна, у меня брат в слове из трех букв делал четыре ошибки, а ничего, сейчас в универе учится.*

У ч е н и к 2: *В слове из трех букв?*

У ч е н и к 1: *Ну да, он вместо «еще» писал «ЕСТЧЕ».*

Г а л и н а В а с и л ь е в н а: *Ну, ладно, урок-то уже кончился, у нас еще литература, я пойду выпью валерья́нки или вале́рьянки? (опять плачет, сквозь слезы) Нет, так нельзя! Это невозможно! (плачет) Великий русский язык! Язык Пушкина, Толстого, Тургенева! Ну, ладно, ребята, я сейчас вернусь, а вы тут пока (всхлипывает) передо́хните…*

В с е: *Что ?!*

Г а л и н а В а с и л ь е в н а: *или передохни́те*….[Полевой материал… (Сценарии)].

Рассмотрим еще один пример:

В задании по русскому языку встретилось такое предложение: «Ласточки летали низко и уничтожали вблизи дома ос и комаров», мама переспрашивает у дочки, что уничтожали ласточки? Девочка отвечает: Дома́ [«Ну-ка Дети», URL: https://nukadeti.ru/].

Далее приведены семантические потери, возникающие из-за особенностей понимания игры слов на примере постфольклорных текстов разных жанров (таблица 15). Игра слов основывается на их многозначности, и понимается носителем языка на интуитивном уровне. При межкультурном диалоге языковая игра становится серьезной проблемой, мешающей взаимопониманию, языковые совпадения при переводе феномена игры слов чрезвычайно редки, перевести это можно только описательно.

Таблица 15 – Семантические потери (особенности игры слов) на примере постфольклорных текстов разных жанров

(Анекдоты из России; Реклама, Открытые источники; Полевой материал)

Исходный текст	Конечный (целевой) текст (результат хронотопного перевода)	Позиция/ степень
– ***Курицу приготовь целую.*** – *Я тебя тоже* ***целую, курицу порезал*** **и поставил в духовку**	*Первый вариант прочтения:* ***Курицу приготовь, целу́ю.*** *Второй вариант прочтения:* ***Приготовь курицу це́лую (не разделяя на куски).***	Скр Ссуб
Причина Первой мировой: ***Застрелили одного австрийца.*** *Причина Второй мировой:* ***Не застрелили*** *одного австрийца.*	*Причина Первой мировой:* ***Застрелили австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда.*** *Причина Второй мировой:* ***Не застрелили Гитлера, он по происхождению австриец.***	Пву,Скр Пву,Скр

Забил фонтан. ***Забил фонтан.*** *(подпись к карикатуре из журнала «Крокодил», 1982)*	***Пошла нефть.*** ***Кто-то законсервировал (закупорил) фонтан.***	Скр,Пву Скр,Пву Ссуб
Забил на *фонтан (современный сленг)*	***Забросил строительство*** *(или* ***благоустройство)*** *фонтана.*	Ссуб
Одежда ***на все случаи детства*** *(рекламный слоган)*	*Из выражения:* ***на все случаи жизни***	Скр,Ссуб

Переводческий комментарий:

– первый вариант прочтения*: Курицу приготовь, целу́ю.* Смысл второго варианта: *Приготовь це́лую курицу*. В устной речи форма глагола *целовать* в первом лице ед. ч. и прилагательное *целый* в форме женского рода винительного падежа имеют разные ударения, два варианта прочтения возникают при обмене сообщениями в социальных сетях или мессенджерах, когда коммуниканты пренебрегают знаками пунктуации. Пониманию смысла сообщения как *Курицу приготовь, целу́ю* должна соответствовать традиция употребления в семье речевой формулы *целу́ю*, которая широко применялась в письменной речи (в письмах) до 1970-1980 годов как формула прощания;

– для понимания игры слов в анекдоте: *застрелили австрийца/не застрелили австрийца* требуется знание истории Нового и Новейшего времени и ориентация в деталях (в данном случае – в национальностях Франца Фердинанда и Адольфа Гитлера).

Рассеивание смысла является результатом большей или меньшей семантической, стилистической или культурной потери в конечном (целевом) тексте по сравнению с исходным. Хронотопный перевод создает переход от исходного языка к целевому с неизбежной потерей смысла, когда часть сообщения уже не может быть объяснена из-за отсутствия структурных, стилистических или металингвистических средств [Ильина, Павловская, 2023д].

Количество выявленных позиций/степеней семантических потерь представлено в таблице 16, в столбце «тексты» указывается количество

текстов, содержащих случаи семантических потерь, в столбце «примеры» – количество случаев соответственно.

Таблица 16 – Распределение выявленных позиций / степеней семантических потерь в процессе хронотопного перевода

Семантические потери:	Утрата смысла слов		Утрата смысла текста в целом		Особенности понимания игра слов	
	тексты	примеры	тексты	примеры	тексты	примеры
Позиции временной удаленности (Пву)	**20**	**27**	15	18	11	14
Позиции пространственной удаленности (Ппу)	16	20	**21**	**24**	14	15
Степень культурных различий (Ск)	22	22	11	14	**18**	**18**
Степень субъязыковых различий (Ссуб)	16	16	15	15	16	17
Степень возрастных различий (Свозр)	16	17	12	14	14	15
Всего	**90**	**102**	**74**	**85**	**73**	**79**

Распределение выявленных позиций/степеней семантических потерь в ходе хронотопного перевода для одного языка показывает, что случаи утраты смысла слов происходили чаще в результате временной удаленности (27 примеров в 20 текстах), утрата смысла текста в целом в отобранных текстах происходили чаще в результате пространственной удаленности (24 примера в 21 тексте), на особенности понимания игры слов чаще влияли культурные различия (18 примеров в 18 текстах).

Стилистические потери

Каждое новое прочтение постфольклорного текста может сопровождаться **изменением выбора лексики**. Примером изменения выбора лексики являются все пародии, песни-, стихи- и эстрадные тексты-переделки. Практика нового исполнения уже существующей песни кем-то другим на том же языке, на котором песня была исполнена впервые, имеет название *кавер-версии* (англ. cover version) [Plasketes, 2016].

В случае песни на иностранном языке чаще всего существует официальная версия перевода на другой язык, так происходит при постановке

мюзиклов. Имеется ряд широко известных песен на иностранных языках, русскоязычный вариант которых не соответствует оригиналу, например: *англ. «One way ticket» – рус. «Синий-синий иней», исп. «Porque te vas» – рус. «В последний раз».* Отдельное явление – переделывание популярных песен, в новых версиях которых обыгрываются имена героев и события известных книг, снятых по ним фильмов [Песни-переделки под сюжет…, URL: https://www.henneth-annun.ru/forum/showthread.php?t=470]. Но практика переделывания песен для корпоративного мероприятия, праздника, юбилея является уникальным явлением, распространенным в России [Песни-переделки на корпоратив…, URL: https://porgi.ru/] (таблица 17).

Стилистические потери (изменение выбора лексики)
на примере песен- и стихов-переделок (Хенет Аннун; PORGI; Полевой материал)

Исходный текст	**Конечный (целевой) текст (результат хронотопного перевода)**	**Позиция/ степень**
Псевдо-итальянская песня из кинофильма «Формула любви», 1984 *Mare bella donna,* *E un bel canzone,* *Sai che ti amo, sempre amo* *Donna bell'amare.* *Credere, cantare,* *Dammi il momento* *Che mi piace piu'.. uuu!*	Песня про обжорство на Новый год *Кипарис срубанто,* *в дождик наряжанто* *Утку убиванто – запеканто,* *Оливки открыванто,* *салатик нарубанто,* *Тазик оливьенто* *съесть я не могу-у!*	 Ппу, Пву Скр,Ссуб
Песенка про ***улыбку*** От ***улыбки*** станет всем светлей, От ***улыбки*** в небе радуга проснется Поделись ***улыбкою*** своей И она к тебе не раз еще вернется.	Песенка про ***бутылку*** От ***бутылки*** станет день светлей. От ***бутылки*** в небе радуга проснется, Поделись ***бутылкою*** своей, И она к тебе не раз еще вернется!	Скр Свозр
Голубой вагон Медленно ***минуты*** убегают вдаль Встречи с ними ты уже не жди И хотя нам ***прошлого*** немного жаль, ***Лучшее, конечно*** впереди	***Путь в Рохан*** Медленно ***Сэм с Фродо*** убегают вдаль, Встречи с ними ты уже не жди, И хотя ***колечка*** нам немного жаль, ***Мерри с Пипом где-то*** впереди.	Пву,Скр Ссуб Пву

Belle (Мюзикл Notre-Dame de Paris) *Belle* *C'est un mot qu'on dirait inventé pour elle. Quand elle danse et qu'elle met son corps à jour, tel* *Un oiseau qui étend ses ailes pour s'envoler. Alors je sens l'enfer s'ouvrir sous mes pieds* *J'ai posé mes yeux sous sa robe de gitane.* *À quoi me sert encore de prier Notre-Dame?* Русская версия мюзикла (Хронотопный перевод) *Свет* *Озарил мою больную душу.* *Нет, твой покой я страстью не нарушу. Бред,* *Полночный бред терзает сердце мне опять.* *О, Эсмеральда, я посмел тебя желать…*	Красавица (дословный перевод) *Красавица,* *это слово было придумано для нее.* *Когда она танцует и через платье видено ее тело, подобно* *Птице, расправляющей крылья, чтобы улететь* *я чувствую, как ад разверзается у меня под ногами* *Я заглянул под ее цыганское платье* *Какой смысл мне продолжать молиться Богородице?* Хронотопные переводы (школьный сценарий). *Учителю истории:* *Дат* *и событий важных вереница.* *Вы словно Клио в древней колеснице* *Но как запомнить всех генсеков всех царей, и проследить деянья их до наших дней?* *…* *Завхозу:* *Снег.* *Я в сугроб врезаюсь, я не струшу.* *Нет, ваш покой лопатой я нарушу.* *Снег, всю ночь шел снег и школьный двор опять в снегу.* *Татьяна Павловна, я больше не могу!*	Ппу, Скр, Ссуб (Пву) Ппу, Скр, Ссуб Ппу, Скр, Ссуб
Анна Ахматова *Сегодня мне письма не принесли…* ***Сегодня мне письма не принесли:*** ***Забыл он написать или уехал;*** ***Весна как трель серебряного смеха,*** ***Качаются в заливе корабли.*** ***Сегодня мне письма не принесли…*** ***Он был со мной еще совсем*** *недавно,* ***Такой влюбленный, ласковый и мой,*** ***Но это было белою зимой,*** ***Теперь весна, и грусть весны*** *отравна,* ***Он был со мной еще совсем*** *недавно…*	*Ура! я завтра в школу не пойду…* (Стихи на школьный выпускной) ***Ура! я завтра в школу не пойду…*** ***Казалось бы, есть повод веселиться,*** ***Но почему-то больше все грустится,*** ***Свою я форму в шкаф не уберу, Хоть в школу больше в ней я не пойду.*** ***Сдавать зачет, решать ЕГЭ*** *недавно* ***Привычным делом было для всех нас,*** ***С тобой мы приходили в светлый класс, –*** ***Сейчас о расставанье мысль*** *отравна.* ***Сюда пришли мы, кажется,*** *недавно.*	Пву,Скр Ссуб (Пву)

Переводческий комментарий:

В таблице 17 представлены примеры как минимальных трансформаций (например, в «Песенке про улыбку» изменено только одно слово, которое

повторяется четыре раза), так и полностью оригинальные тексты с последовательно продуманным содержанием («Учителю истории»: *Вы словно Клио…, мы помним … дружину Игоря, опричников царя* и т. д.) и выверенным ритмом, повторяющим авторский текст.

Сохранение авторского ритма относится и к хронотопному переводу стихотворения А. Ахматовой. Текст перевода «*Ура! Я завтра в школу не пойду»* посвящается учителю литературы. Подобные тексты-переделки носят личный характер. Данный текст свидетельствует о мастерстве переводчика, поскольку в целевом тексте сохранен ритм стихотворения А. Ахматовой «Сегодня мне письма не принесли…» и очень точно переданы (повторены) настроение и пафос исходного текста.

Отметим, что для произведений массовой культуры появление новых вариантов постфольклорных текстов – пародий или переделок, прямо пропорционально продолжительности популярности соответствующих произведений массовой культуры.

Текстами постфольклора, где замена лексики подразумевалась изначально, являются *детские дразнилки* и *обзывалки*. Рассмотрим стилистические потери на примере детского фольклора (таблица 18).

Таблица 18 – Стилистические потери (изменение выбора лексики) на примере рифмовок («Ну-ка Дети»; Пикабу; Полевой материал)

Исходный текст	**Конечный (целевой) текст (результат хронотопного перевода)**	**П/С**
Федя-Федя *– простота, купил лошадь без хвоста…* *Наш* ***Егорка*** *– богатырь, на носу вскочил волдырь!*	***Ростик-Ростик*** *– простота, купил лошадь без хвоста…* *Наш* ***Женечек*** *– богатырь, на носу вскочил волдырь!*	Свозр Пву
Анна-ванна, *гуталин, на носу горячий блин.* ***Андрей-бармалей*** *сделал шапку из гвоздей.* ***Антошка-картошка,*** *соломенная ножка, сам с ноготок, голова с локоток.*	***Жанна-ванна,*** *гуталин, на носу горячий блин.* ***Сергей-бармалей*** *сделал шапку из гвоздей* ***Тимошка-картошка,*** *соломенная ножка…*	Свозр Пву Ссуб
Михаил, *коров доил!*	***Рафаил,*** *коров доил!*	Пву Ссуб
Дядя ***Коля*** *всех* ***заколет, переколет, выколет.***	*Тетя* ***Вера*** *всех* ***заверит, переверит, выверит.***	Ссуб

Переводческий комментарий:

– часть дразнилок требует замены на созвучное имя (Анна-ванна/ Жанна-ванна), однако есть ряд дразнилок, которые могли использоваться с определенными именами, например на *–ил: Михаил, Рафаил;*

– смысл повторения бесконечных рифмовок (*Дядя **Коля** всех **заколет***), построенных на случайном совпадении морфем (корней) слов, не являющихся однокоренными, заключается именно в неожиданном выпадении словоформы, существующей в языке.

Неожиданные результаты дает этимологический анализ постфольклорных текстов. Так, исходным текстом повсеместно распространенной и известной в десятках вариантов считалочки *Эни-бени-рики-факи…,* по одной из версий, является стихотворение на латыни, написанное еще XIX веке, и имеющее адекватный перевод (таблица 19).

Таблица 19 – Стилистические потери (изменение выбора лексики) на примере рифмовок («Ну-ка Дети»; Пикабу)

Исходный текст	**Конечный (целевой) текст (результат хронотопного перевода)**	
На латинском языке: *Aeneas bene rem publicam facit,* *In turba urbem sene Tiberi jacit.* *Deus, deus, crassus deus,* *Bacchus!* *Перевод:* *Эней хорошо дела общественные ведет,* *Под шумок основывает город у старого Тибра.* *Бог, бог, толстый бог* *Вакх*	***(1)** Эни, бени,Рики, факи. Буль, буль, буль, карики-шмаки. Энис, бенис Господенис Бац, бац, бац, бац. Бац, бац, бац.* ***(2)** Эни, бени, рики, таки, турба, урба, сентебряки, эус, бэус, краснодеус, бац.* ***(3)** Эни-бени-рики-факи. Турбо-урбо-сентябряки. Дэо-дэо-краснодэ, Бац!* ***(4)** Эни-бэни, рики-факи, торба-орба, сики-бряки. Тэу-тэу, кузьма-тэу, БАЦ. (1950-е годы, Ленинград)* ***(5)** эни бэни рики таки чар буль булька ляки шмяки энус бэнус красна дэнус-БАЦ (1970-е годы, Киев)* ***(6)** Эни-бени, раки-маки,тумба, тумба, кишмодяки,мяу-мяу, кишмадяки-бац! (Н. Новгород)*	Пву Скр Свозр
*На золотом крыльце сидели **царь, царевич, король, королевич, сапожник, портной, кто ты будешь такой…***	*На золотом крыльце сидели **Скрудж МакДак и три утенка**, выходи, ты будешь Понка*	Пву, Ссуб Свозр
Рельсы, рельсы, шпалы, шпалы… *Ехал поезд **запоздалый…***	*Рельсы, рельсы, шпалы, шпалы…* *Ехал поезд **из Варшавы…***	Пву Ппу Свозр

Переводческий комментарий:

– вариант считалочки «На золотом крыльце сидели Скрудж МакДак…» является производным и появился он в 1990-е годы, после показа многосерийного мультфильма с этими персонажами;

– многочисленные варианты рифмовок «Рельсы-рельсы…» являются региональными вариантами.

Примером стилистических потерь служат многие популярные песни, в которых происходит изменение выбора лексики (таблица 20).

Таблица 20 – Стилистические потери (изменение выбора лексики) на примере популярных песен (Хеннет Аннун; Пикабу; PORGI)

Исходный текст	Конечный (целевой) текст (результат хронотопного перевода)	Позиция/ степень
Пей, моряк, пей до дна *Взгляд его был устремлен* *на стол где бокалы с вином* *а у* ***шконяры*** *сверкая огнями* *тускло блестел погон*	 *Взгляд его был устремлен* *на стол, где бокалы с вином,* *а у* ***кровати,*** *сверкая огнями,* *тускло блестел погон*	 Ссуб Ппу
Кукушка (В. Цой) *Песен, еще не написанных, сколько?* *Скажи кукушка, пропой.* ***В городе мне жить или на выселках?*** ***Камнем лежать, или гореть звездой?*** *Звездой?*	 *Песен, еще не написанных, сколько?* *Скажи кукушка, пропой.* ***Мне жить тихо/ «не высовываясь» или бороться и тогда меня выселят из города за 101 км?*** ***Мне жить тихо или бороться?***	 Скр Пву Ссуб
Почему бы нет *из к/ф Д'Артаньян и три мушкетера* *(автор текста Юрий Ряшенцев)* *Две капли сверкнут, сверкнут на дне,* ***Эфес*** *о ладонь согреешь.* *И жизнь хороша, хороша вдвойне,* *Коль ей рисковать умеешь.* ***Урклапа. Урклапа,*** *почему бы нет.*	 *Две капли сверкнут, сверкнут на дне,* ***Рукоятку шпаги*** *о ладонь согреешь.* *И жизнь хороша, хороша вдвойне,* *Коль ей рисковать умеешь.* ***Pourquoi pas, Pourquoi pas,*** *почему бы нет.* *Вариант:* ***Пол-клопа, пол-клопа,*** *почему бы нет*	 Скр Ссуб Пву Скр Ссуб
Два орла (О.Газманов) *Над дорогой боевой моей* *В высоте* ***орлуют*** *два орла,* *И один из них ночей черней,* *У другого белые* ***крыла.***	 *Над дорогой боевой моей* *В высоте* ***летят/кружат/парят*** *два орла,* *И один из них ночей черней,* *У другого белые* ***крылья.***	 Ссуб Скр Пву

Переводческий комментарий:

– *шконяры* (ед. ч. – *шконяра*, вариант – *шконка*) – морской термин, обозначающий струи воды, оставляемые килем движущегося судна; на тюремном жаргоне – *двухъярусные кровати, располагающиеся по периметру камеры*, замена *нарам*; в более общем смысле – *кровать*.

– *выселки*: *жить на выселках* означает *жить за 101-ым километром*. *Сто первый километр* – неофициальный термин, обозначающий способ ограничения в правах, применявшийся в СССР к отдельным категориям граждан, которым запрещалось селиться в пределах 100-километровой зоны от государственной границы СССР и вокруг Москвы, Ленинграда, столиц союзных республик, других крупных и «закрытых» городов. Прием аллегории применен дважды: строка *…в городе мне жить или на выселках*, как и *…камнем лежать, или гореть звездой*, означают – *мне жить «не высовываясь» или бороться и тогда меня выселят из города за 101 км?*

– *pourquoi pas* (фр.) – в песни, звучащие в фильме «Д’Артаньян и три мушкетера», вошло много фраз на французском языке, как показали результаты поисковой работы, о значении которых зрители даже не задумывались. Например, выражение *Pourquoi pas* ? (досл.: *Почему нет?*) воспринималось как *урклапа,* отсутствие логичного объяснения, что такое *урклапа,* не мешало наслаждаться актерской игрой, музыкой и следить за приключениями героев фильма.

– *орлуют* – на интуитивном уровне этот глагол воспринимается как тождественный глаголам *парить/кружить* или более нейтральному – *летать*. Однако такое решение ошибочно. *Орли́ть (орловать, орлящий)*, согласно Словарю русского языка XVIII века [Словарь русского языка XVIII века, 2007: 79], устаревший глагол со значением *ставить государственный герб, клеймо с орлом*, позднее его синонимами стали *клеймить; пятнать; знак (пятно) положить*.

– *орлуют два орла* можно рассмотреть, как авторский неологизм, как метонимический перенос по аналогии с *колесо – колесить*.

Каждое новое прочтение постфольклорного текста может сопровождаться **изменением интонации и/или ритма.**

Изменение интонации и/или ритма происходит при создании аудиозаписи или видеозаписи со звуком, при прочтении/произнесении текста вслух. В пьесах для театральных постановок содержатся указания на особенности интонаций актеров. Ритм характеризует музыкальные произведения и актерскую игру в целом. Изучаемые нами постфольклорные тексты часто являются изначально или становятся в процессе бытования фрагментами публичного выступления (ср. частушки, анекдоты, дразнилки, репризы артистов разговорного жанра, современный стендап). Если рассматривать печатный (письменный текст) как исходный, то произнесение текста со сцены неизбежно связано с изменением интонации и ритма.

Например, М. Задорнов использовал репризу, которую он представлял как реальные переговоры между служителями испанского маяка и командованием военного корабля США [Rutube, URL : https://rutube.ru] (таблица 21).

Таблица 21 – Стилистические потери (изменение выбора лексики, изменение интонации) на примере эстрадных текстов («Экстремальные ситуации в море»)

Исходный текст	**Конечный (целевой) текст (результат хронотопного перевода)**	**Позиция/ степень**
	Экстремальные ситуации в море (Разговор между испанцами и американцами на частоте106 в проливе Финистерра (Галиция). 16 Октября 1997 г.	Скр Пву Ппу Ссуб
Skipper: *Where are you going with your blinking ship?* / The Other: *This isn't a blinking ship. It's a lighthouse!* *(дословный перевод)* Шкипер: *«Куда вы*	Испанцы: *(помехи на заднем фоне) … говорит А-853, пожалуйста, поверните на 15 градусов на юг, во избежание столкновения с нами.* Американцы: *(помехи на заднем фоне) …советуем вам повернуть на 15 градусов на север, чтобы избежать столкновения с нами.* Испанцы: *Ответ отрицательный. Повторяем, поверните на 15 градусов на юг во избежание столкновения.* Американцы (другой голос): *С вами говорит капитан корабля Соединенных Штатов Америки. Поверните на*	

прете на своем мигающем корабле?» / Ответ: *«Это не мигающий корабль. Это маяк!»*	*север …(сокращено).* Испанцы: *С вами говорит Хуан Мануэль Салас Алкантара. …Мы не будем никуда сворачивать, учитывая, что мы находимся на суше и являемся маяком.* Американцы: *ОК, принято, спасибо.*	

Переводческий комментарий: установлено, что этот сюжет пересказывается в интернете с 2005 года, а одна из самых ранних версий этого текста была опубликована в форме комикса в 1931 году в лондонском еженедельнике *The Humorist.* Сначала участниками диалога были англичане и ирландцы, затем появился вариант с американцами и канадцами, позднее – американцами и испанцами. Как видно из таблицы 21, на каком-то этапе переговоры между служителями испанского маяка и командованием военного корабля начинают публиковаться в виде текста под заглавием, в котором указываются место и дата фиксации разговора. Однако *пролива Финистерра* не существует, есть *мыс Финистерра* – самая западная точка Испании на побережье Атлантического океана. В заглавии истории обозначена территория – *Галиция*. *Галиция* – это историческая область, примерно соответствующая территории Ивано-Франковской, Тернопольской и Львовской областей Украины, и южных территорий Подкарпатского и Малопольского воеводств Польши. Испанское автономное сообщество, в котором находится мыс Финистерра, в русском переводе принято называть *Галисия*.

Изменение выбора лексики происходит вместе с изменением интонации и ритма воспроизводимого текста (таблица 22).

Таблица 22 – Стилистические потери (изменение интонации, ритма вместе с изменения выбора лексики) на примере переделок эстрадных текстов

(«Но я и здесь молчать не стану»; Rutube)

Исходный текст	**Конечный (целевой) текст (результат хронотопного перевода)**	**Позиция/ степень**
«Дилемма о торте» Ты толстая, *у* ***тебя не будет секса*** **с** ***Топтыгиным*****».**	«Дилемма о торте» (школьный сценарий) «Ты толстая, ***ты не пойдешь на свидание*** **с** ***Т*****»	 Скр Свозр Ппу
А. Хайт. Монолог попугая (текст)	Монолог попугая А. Хайта в	

Кто сказал: «Попка-дурак»? Нет, я не дурак, Я – кретин, я полный идиот… Почему рыбу никто не называет дурой – потому что, она все время молчит, а я всегда болтаю, всегда не то, что надо. 300 лет на свете живу – нигде больше двух недель не задерживаюсь. Помню, жил в одной семье, обстановка – царская, обои – финские, мебель – арабская, кормили пять раз в день… миндалем в шоколаде…	интерпретации Г. Хазанова Кто сказал: «Попка-дурак»? *(пауза)* Нет, я не дурак, *(с гордостью)* я – кретин, я полный идиот… Почему рыбу никто не называет дурой *(пауза, характерный поворот головы, мимика)* – потому что, она все время молчит, *ее ловят – она молчит, ее жарят – она молчит, ей рыбный день устроили – она молчит!* А я всегда болтаю, всегда не то, что надо. 300 лет на свете живу *(с гордостью, пауза)* – нигде больше двух недель не задерживаюсь. Помню, жил в одной семье, обстановка – царская, обои – финские, мебель – арабская, кормили пять раз в день… *(пауза)* миндалем в шоколаде…	Скр Свозр Ппу
Монолог попугая А. Хайта в интерпретации Г. Хазанова Кто сказал: «Попка-дурак»? *(пауза)* Нет, я не дурак, *(с гордостью)* я – кретин, я полный идиот… Почему рыбу никто не называет дурой *(пауза, характерный поворот головы, мимика)* – потому что, она все время молчит, *ее ловят – она молчит, ее жарят – она молчит, ей рыбный день устроили – она молчит!* А я всегда болтаю, всегда не то, что надо. 300 лет на свете живу *(с гордостью, пауза)* – нигде больше двух недель не задерживаюсь. *Помню, жил в одной семье, обстановка – царская, обои – финские, мебель – арабская, кормили пять раз в день… (пауза) миндалем в шоколаде…*	Попугай (школьный сценарий) Кто сказал: «Попка-дурак»? Нет, я не дурак, *я – дебил*… Почему рыбу не называют дурой – потому что, она всегда молчит, а я всегда болтаю не то, что надо. 300 лет на свете живу – нигде больше двух недель не задерживаюсь. Помню, жил в одной семье*, хозяин – профессор, умный, лысый, говорил, что растения все чувствуют, если в доме много цветов, значит там хорошая атмосфера. Что они чувствуют?! Они же - растения! А хозяйка все страдала, что я не болонка, страдала-страдала и отдала меня в школу.*	Скр Свозр Ппу Пву Ссуб Пву Скр Свозр

Переводческий комментарий:

– в шоу Comedy Woman был номер «Дилемма о торте», где в оригинальной версии одна из актрис произносила фразу *Ты толстая, у тебя не будет секса с Топтыгиным*. Номер и был неоднократно поставлен самодеятельными артистами, в том числе и школьниками, но текст был изменен (замена слова *секс* на *свидание* потребовала трансформации всего

предложения). Фамилия *Топтыгин* заменена, вероятно, на фамилию реального ученика данной школы;

– подобное изменение текста обнаружено в тексте репризы «Попугай (Попка-дурак)». Монолог А. Хайта, представленный А. Хазановым в 1981 году, «ушел в народ» и был использован как исходный текст при новом прочтении на школьном вечере.

Способность передавать смысл интонацией подчеркивается демотиватором: *В зависимости от интонации одно матерное слово автомеханика Петрова может означать до 50 различных деталей и приспособлений* (рис. 16):

Рис. 16. Передача значения интонацией [Демотиваторы на любой вкус, URL: https://demotions.ru/]

Другим случаем рассеивания смысла в результате изменений выбора лексики, интонации, ритма является пример своеобразной адаптации (даже переложения) постфольклорного текста (текстом в этом случае является телевизионная программа (как минимальный контекст) (рис. 17) и формат, содержание, адресная направленность на определенную аудиторию, идеологическое содержание телевизионных передач (как расширенный контекст)), описанной в семейном предании:

1 декабря 1985 года

Воскресенье, 1 декабря

ПЕРВАЯ ПРОГРАММА. 8.00 — Время. 8.35 — «Поют «Воронежские девчата». 9.00 — Документальный фильм «Лаос — 10 лет спустя». 9.20 — «Спортлото». 9.30 — Будильник. 10.00 — Служу Советскому Союзу! 11.00 — Здоровье. 11.45 — «Утренняя почта». 12.15 — «Ералаш». 12.30 — Сельский час. 13.30 — Музыкальный киоск. 14.00 — «Парень из нашего города». Художественный фильм. 16.00 — «Радуга». «Шантевинь» (Швейцария). 16.20 — Мультфильм для

фильм. 1-я и 2-я серии. 14.00 — Рассказы о художниках. О. Верейский. 14.30 — «Играет фортепьянное трио Челябинской филармонии». 15.05 — Мир и молодежь. 15.40 — Реклама. 15.45 — Выдающиеся советские композиторы — лауреаты Ленинской премии. Р. Щедрин. 16.40 — «Тени исчезают в полдень». Художественный телефильм. 3-я серия. 17.50 — Кубок СССР по водному поло. «Динамо» (Киев) — ЦСК ВМФ. 18.15 — Футбол. Переходный турнир. 2-й тайм. 19.00 — По странам и

Рис. 17. Фото программы телепередач на 1 января 1985 г. [Пикабу, URL: https://pikabu.ru]

**** Я окончила школу в 1986 году. Школьниками мы готовили вечера и разные концерты, часто за основу брали программу телепередач, как их показывали по воскресеньям, все знали наизусть: Спортлото – Будильник – Служу Советскому союзу – Утренняя почта – Здоровье – Музыкальный киоск – эти передачи шли по порядку одна за другой каждое воскресенье, потом брали еще несколько постоянных передач: В мире животных, Очевидное-невероятное, Советский экран, Голубой огонек… Каждый класс получал задание подготовить номер на основе одной из программ, получалось весело и интересно.* [Полевой материал… (Предания)].

Рассмотрим далее стилистические потери, произошедшие в результате **непонимания тропов и фигур речи**, обусловленных их сложностью и особенностью использования. Система тропов (др. -греч. τρόπος – оборот, поворот) и фигур речи (лат. figura от др. -греч. σχῆμα – внешний вид) включает комплекс микросистем демонстрируя богатство стилистического языкового и речевого фонда [Пекарская, 2000].

Разграничение выразительно-изобразительных средств языка на тропы и фигуры речи предполагает их качественное различие. Тропы, как парадигматические явления, противопоставляются фигурам, которые являются синтагматическими явлениями. Тропы и фигуры речи занимают разные уровни речевой структуры: фигуры связаны с формой (синтаксическим уровнем), тропы – с содержанием (лексико-семасиологическим уровнем) [Караченцева, 1999: 265]. Фигуры

рассматриваются А. Горнфельдом как проявление чувства, тропы – как проявление мысли [Цит по: Корольков, 1973: 84]. А.А. Потебня писал, что относительно таких фигур речи как *эпитет, сравнение, перифраз, гипербола, литота* давно ведутся споры: относить их к фигурам в узком смысле слова или же к тропам. Античные риторы преимущественно обращали внимание на отклонения фигур речи от синтаксической нормы, определяли фигуры речи как изменение строения речи, и как уклонение мысли и выражения от присущей им природы, от простой обыденной формы. Теоретики XVIII века, а затем в свою очередь теоретики XIX в. еще более упрощают схему фигур речи, лишь пытаясь обосновать психологически создаваемую фигурой выразительность речи [Потебня, 1905].

Непонимание тропов и фигур речи в постфольклорных текстах обусловлено когнитивными ограничениями (доминирование буквального мышления, слабая ассоциативность), культурной спецификой выразительных средств, недостаточным уровнем литературного анализа в образовании, а также цифровой средой, отрицательно влияющей на способность восприятия стилистических приемов. Эти факторы снижают способность распознавать и интерпретировать скрытые смыслы, заложенные в тропах и фигурах речи.

Описание общей стилистической системы выразительных средств постфольклорных текстов, учитывающей особенности их структуры и функционирования, принципы организации прагматически значимых языковых и речевых конструкций, представляет трудоемкую задачу. Выразительные средства постфольклорных текстов строятся по принципу контаминации элементов различных ярусов языка, фонетического, лексического, морфологического, синтаксического и текстового. Тропы ограничены в числе и могут быть классифицированы по трем основным принципам: сходства, смежности и противоположности. Фигуры речи являются достаточно распространенными и разнообразными, встречаются в диапазоне более 60 видов. В эпоху Возрождения, барокко и классицизма тропы и фигуры речи активно изучались и применялись сознательно, как

неотъемлемая часть высокого стиля и культуры. Позднее в XX-XXI веках, интерес к фигурам речи и тропам снизился, их стали применять стихийно и интуитивно.

Случаи использования тропов и фигур в постфольклорных текстах отражают культурные изменения, социальные тенденции, развитие технологий. На использование тропов и фигур речи влияет изменение образовательных стандартов и культурного контекста. В интернет-коммуникациях тропы и фигуры речи проявляются в форматах эмодзи, мемов, гифок и т. д. С развитием жанров и стилей в кино, музыке, литературе и других сферах появляются новые способы выражения иронии, сарказма, намека, передачи сравнения, преувеличения и т. д.

М.К. Скаф рассматривает произведения, в которых текст и изображение интегрированы в единое целое, создавая многослойное повествование. Визуальные элементы дополняют и расширяют смысл текста через использование различных тропов (метафоры, метонимии, символов) и фигур речи (аллитерации, гиперболы), переданных в визуальных образах [Скаф, 2014: 211].

Выразительные средства языка широко представлены в постфольклорных текстах. Как и в художественных текстах, в постфольклоре тропы и фигуры речи используются для углубления смысла, создания многослойности повествования, раскрытия характеристик персонажей, детализации внутреннего мира и внешних проявлений чувств, но с тем отличием, что постфольклорные тексты не претендуют на «высокий стиль», они изначально более просты, более динамичны, более адаптированы к актуальным социальным, культурным и технологическим контекстам, менее объемны [Ильина, 2023а; 2023в; 2024].

Анализируя примеры, в которых представлены случаи употребления тропов и фигур речи, мы столкнулись с необходимостью не просто дать вариант хронотопного перевода, но объяснить в переводческом комментарии

смысл данного выражения и иногда даже предположить мотив поведения и речевые интенции говорящего.

В постфольклорных текстах тропы используются для создания образности, но их функции часто выходят за рамки традиционной эстетики. Например, гиперболы и ирония легко «считываются» аудиторией, а метафоры становятся узнаваемыми благодаря массовой культуре. Фигуры речи, в свою очередь, отвечают за структурирование текста, его ритмичность и выразительность.

Тропы в постфольклорных текстах создают новые сочетания слов с их новыми значениями, обогащают речь новыми оттенками смысла, сообщает определяемому явлению тот оттенок смысла, который нужен говорящему. Тропы вместе с украшением речи передают оценку явления, а также вызывают в сознании неожиданные ассоциации.

Устоявшиеся *метафоры* чаще встречаются в историях из жизни, интернет-чатах, анекдотах и частушках: *лес рук, море проблем, море слез, гранит науки, багаж знаний*. Метафора позволяет точнее описать предмет или явление, хотя понятие точности относительно, поскольку именно метафора, создающая конкретный образ абстрактного понятия, дает возможность разного толкования реальных сообщений [Гальперин, 1958].

Эпитеты встречаются в постфольклорных текстах, особенно часто в городских легендах, преданиях, детских страшилках, в соцсетях и т.д. Рассмотрим далее примеры эпитетов в текстах, выполним хронотонпый перевод (таблица 23) и предложим переводческие комментарии.

*********Гуляли как-то раз с подругой, в кино сходили, по магазинам. Лень было переть до остановки, где наш трамвай останавливается, вызвали такси. Стоим, ждем. Водитель позвонила (девушка), сказала, что будет скоро, на золотистом «Шевроле». Прошло полчаса, мы уже окоченели, звоним этой девушке, спрашиваем, в чем дело. На другом конце трубки напряженное молчание и вскоре слышится ее офигевший голос: – А я что, не вас сейчас подобрала? Пришлось до трамвайчика топать…* [Истории из жизни, URL: https://vk.com/dobrue_istorii].

Черная перчатка

В черном-черном лесу стоял черный-черный дом. В этом черном-черном дому стоял черный-черный гроб. В этом черном-черном гробу лежал черный-черный скелет. У этого черного-черного скелета была черная-черная перчатка. И вот из гроба поднимается черный-черный скелет, протягивает руку в черной-черной перчатке и говорит «Отдай мое сердце!» [Полевой материал… (Предания)].

Пятничный торт для мамы

В разговоре с учительницей внезапно выяснилось, что у нас в семье есть чудесная традиция. По словам моей дочурки, папа каждую пятницу покупает торт, мама его ест, а они с папой на это СМОТРЯТ. А у меня вопрос: почему именно в пятницу? [Истории из жизни, URL: https://vk.com/dobrue_istorii].

****

Рома с папой играют в шахматы уже третий час. Папа пытается вырваться из Роминых шахматных клешней… [Истории из жизни, URL: https://vk.com/dobrue_istorii].

Таблица 23 – Стилистические потери (многозначность эпитетов) на примере текстов преданий и текстов сообщений (Истории из жизни; Полевой материал)

Исходный текст	**Конечный (целевой) текст (результат хронотопного перевода)**	**Позиция/ степень**
офигевший *голос:*	***растерянный, удивленный, взволнованный***	Скр
черная *перчатка*	***страшная, зловещая*** *перчатка*	Скр, Свозр
чудесная *традиция*	***«чудесная»*** *традиция*	Скр, Ссуб
Папа пытается ***вырваться из Роминых шахматных*** *клешней*	*Папа пытается* ***найти решение в шахматной партии с сыном,*** *но у него не получается*	Скр
Расхристанный *молодой человек …*	*Молодой человек* ***неблагопристойного вида****…*	Скр
пустые *глаза*	*глаза,* ***не отвечающие сочувствием, не выражающие понимания происходящего***	Скр
небессмысленные *слова*	*слова,* ***наделенные смыслом***	Скр
– *Как тебе фильм?* – ***Очень не плохой.***	– *Как тебе фильм?* – ***Хороший (мне фильм понравился).***	Скр Пву

Переводческий комментарий: постфольклорные тексты содержат разговорную лексику *переть до остановки, офигевший голос, я не вас сейчас подобрала:*

– в тексте *«Гуляли как-то раз с подругой…»* эпитет *офигевший* по отношению к слову *голос* с учетом описываемой ситуации обозначает

растерянный, удивленный, взволнованный, причем все три качества одновременно;

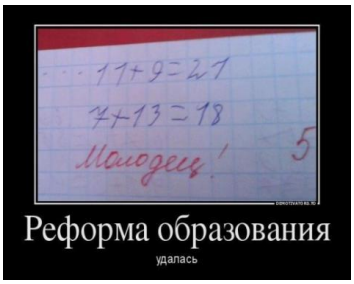
– в страшилке (*«Черная кукла»*) эпитет *черный* обозначает не только цвет, но особую зловещую и устрашающую характеристику предмета;

– в тексте *«Торт для мамы»* эпитет *чудесная традиция* передает сарказм автора текста, эпитет следует понимать, как *странная, на самом деле несуществующая традиция;*

– эпитет *шахматные клешни* передает метафорические отношения и служит для образного описания ситуации шахматного поединка между сыном и отцом.

В постфольклорных текстах были обнаружены *сравнения* – сопоставления двух явлений, близких друг другу в представлении говорящих какими-либо сторонами или признаками, признаки одного явления характеризуются другим явлением, авторы текстов стремятся пояснить описываемое явление, создать о нем конкретное, яркое представление: *Учителя остервенели как ГАИшники* [Полевой материал… (Рассказы «очевидцев»)].

Скрытые сравнения являются обязательным условием демотиваторов, перенос значения происходит на основе понимания смысла изображения, сравнения некой интенции и предложенного текста (рис. 18,19).



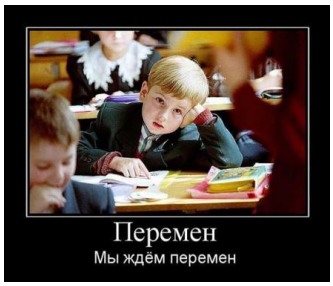


Рис. 18 и 19. Скрытые сравнения в демотиватора**х** [Демотиваторы на любой вкус, URL: https://demotions.ru/]

В интернет-шутках, социальных сетях также часто встречаются *каламбуры* и *иронические сравнения*, создающие комическую многозначность. В таблице 24 представлены примеры стилистических потерь

как следствия многозначности фигур речи на примере текстов разных жанров.

Таблица 24 – Стилистические потери (многозначность сравнений) на примере текстов разных жанров (Истории из жизни; «Ну-ка Дети»; Пикабу; Демотиваторы; Православный юморист)

Исходный текст	**Конечный (целевой) текст (результат хронотопного перевода)**	**Позиция/ степень**
– *Где Кира?* – ***Вышла.*** – *Куда?* – ***Замуж!***	Каламбур, пояснение возможно только в комментарии.	
муж у нее ***тупой как валенок***	муж у нее ***глупый***	Ппу Пву
… ***твердолобый*** *каких свет не видывал*	***упрямый, бестолковый***	Пву Ппу
Сноха не дочь, зять не сын	*Сноха* ***не как*** *дочь, зять* ***не как*** *сын*	Пву
Она в слезах ***дома сидит****, а он* ***ходит королем***	*Она, несправедливо обиженная,* ***никуда не выходит****, а он, нанесший ей обиду,* ***постоянно на людях и ведет себя вызывающе***	Ссуб Скр
Из проповеди в церкви *– Не только* ***компьютер*** *хватает* ***вирусы*** *в окаянных сетях* ***интернета.*** *Но такмо же и душа человеческая хлам заносит из быта неправедного и пребывания бестолкового. А потому, как и* ***машине бездушной*** *нужен* ***антивирусник,*** *так и душе человеческой нужно очищение в церкви.* *–Батюшка! А если* ***вирус операционную систему*** *поломал?* *– Не страшно, Церковь уже не одну душевную* ***систему переустановила****. Ибо Бог милостив, он свою* ***операционку*** *всем бесплатно при рождении* ***устанавливает*** *и при покаянии до* ***заводских установок сбрасывает****.*	*Из проповеди в церкви* *– Не только* ***тело человека*** *заболевает в период* ***вспышек вирусных заболеваний.*** *Но такмо же и душа человеческая хлам заносит из быта неправедного и пребывания бестолкового. А потому, как* ***и телу человека*** *нужна* ***защита****, так и душе человеческой нужно очищение в церкви.* *– Батюшка! А если* ***душа человека поражена до основания****?* *– Не страшно, Церковь уже не одну душу* ***исцелила.*** *Ибо Бог милостив, он* ***вкладывает душу в каждого*** *при рождении и при покаянии* ***все грехи прощает****.*	Ссуб Скр Свозр

Переводческий комментарий:

– *выходить по делам/выходить замуж* – комическая многозначность связана с многовалентностью глагола *выходить,* образующего прямые и устойчивые переносные выражения;

– многочисленные семейные предания, анекдоты, сплетни, слухи, истории из жизни свидетельствуют, что отношения со снохой складываются не так как отношения с дочерью, а отношения с зятем – не так как с сыном;

– пример церковной проповеди, построенной на лексике интернет-коммуникаций, показывает, как с помощью хронотопного перевода восстанавливается текст в словестных формулах и образах другой сферы общения. Данный пример демонстрирует, что возвышенные смыслы и сложные стилистические обороты могут трансформироваться в повседневные постфольклорные формы, где многозначность снижает их первоначальное духовное значение.

Рассмотрим далее примеры непонимания тропов на примере постфольклорных текстов разных жанров (таблица 25).

Таблица 25 – Стилистические потери (непонимание тропов) на примере текстов разных жанров (Пикабу; Полевой материал; Истории из жизни; Изнанка города; Демотиваторы; PORGI; КВН; Анекдоты из России; Топ крылатых фраз)

Исходный текст	**Конечный (целевой) текст (результат хронотопного перевода)**	**Позиция/ степень**
Ишь, чего захотела, золотая рыбка (перифраза, ошибочное толкование)	*Ты просишь невозможного.*	Скр Свозр
Я чувствую себя ***Юлькой*** (сравнение, перифраза)	*Я чувствую себя* ***тупым***	Скр Ссуб
Объяснили ребенку, что слово коньки происходит от слова кони, он выдал: – *У меня* ***коньки заржали!*** – *Заржавели?* – *Нет, заржали. Как кони.* (метафора)	Ребенок совершает перенос понятия *кони* на *коньки*	Ссуб
Им дым Отечества не сладок (перифраза)	*Они не тоскуют по Родине*	Ссуб Скр
Спой, светик, не стыдись! (перифраза)	*Отвечай*	Скр Свозр
…ей в войну надо было бы немцев пытать (перифраза)	*Она очень требовательная*	Скр Свозр
...я до ***безумия люблю*** *делать уроки с*	*...я* ***ненавижу*** *делать уроки с*	Скр

дочерью, особенно после ночной смены, особенно химию (перифраза)	*дочерью, особенно после ночной смены, особенно химию*	Ссуб
 Рис. 20. Кадр из игры КВН – *Зачем вам доска?* – *А вам зачем?* (сложная или стертая метафора, метонимия)	– *Зачем вам доска для серфинга?* – *А вам эта худышка?*	Ссуб Скр
 Рис. 21. Демотиватор «1 сентября» (сравнение, гипербола, сарказм)	1 сентября, а у школьников уже несчастливые лица (рис. 21).	Скр Свозр
Горел-горел на работе да весь выгорел (перифраза)	*Слишком старательное исполнение служебных обязанностей привело к моральному истощению.*	Ссуб Скр
Но пока люди не научатся ***ценить сокровища, которые спрятаны на самом видном месте****, ничего не изменится* (перифраза)	*Но пока люди не научатся* ***ценить то малое, что имеют, что дается бесплатно****, ничего не изменится*	Скр Свозр Ссуб

Переводческий комментарий (к некоторым примерам):

– в выражении *Ишь, что захотела, золотая рыбка* – закрепилось ошибочное толкование образа и сюжета известной сказки: рыбка ничего не хотела, она, напротив, приплывала на зов и исполняла желания. В выявленном примере выражение *Ишь, чего захотела, золотая рыбка!* следует понимать: *Хочешь, чтобы золотая рыбка приплыла и твое желание исполнила?* Или*: Я тебе что, золотая рыбка, чтобы так сразу исполнять твои желания?;*

– если человек обладает определенным качеством, заметно отличающим его от других людей в группе, то имя этого человека прочно ассоциируется с указанным качеством. Выражение *Я чувствую себя Юлькой*

использовалось в группе молодежи, где Юлька не отличалась высоким интеллектом, и имело смысл: *Я чувствую себя тупым;*

– метафора и осмысление метафоры: *коньки – кони, коньки заржали.*

– перифраза *Им дым Отечества не сладок…* восходит к творчеству Овидия и в различных вариантах встречается у многих авторов: *…Отечества и дым нам сладок и приятен* (Г.Р. Державин), *…И дым Отечества нам сладок и приятен* (А.С. Грибоедов).

– овеществления размывают границы между реальностью и ее символическим представлением: *гореть (сгореть) на работе…, надо некоторым домам «вставить зубы» и «поправить челюсть».* [Изнанка города, URL: https://vk.com/iznankagoroda56]; *ум затупился…; мотор барахлит* (о сердце)*; …после развода она сломалась…, котел не варит* (голова не соображает)*; тормоз* (о медленно соображающем человеке).

– сложная или стертая метафоризация и метонимия : *плоскодонка, доска* – худая, плоскогрудая женщина или девушка (рис. 20), *каланча – высокая женщина, качалка* – тренажер для занятий бодибилдингом, *качок* – человек с развитой мускулатурой, и *лепила* – хирург, врач [Ильина, 2023а].

Примером *синекдохи* является фраза: *первоклассник сегодня те тот, что лет 10 назад*, примером *гиперболы – я его тыщу* лет не видел, литоты – небо с овчинку покажется; живет бабулечка – божий* одуванчик* [Истории из жизни, URL: https://vk.com/dobrue_istorii]*; олицетворения – …сердце спит,* а надо еще генеалогическое древо рисовать; …Вдруг из маминой из спальни, кривоногий и хромой, *выбегает Умывальник;* …не стоит *прогибаться* под изменчивый мир…; *…каждая строчка изливает желчь.*

Рассмотрим далее примеры постфольклорных текстов, содержащих **фигуры речи**, выполним хронотопный перевод и приведем переводческие комментарии (таблица 26). В постфольклоре действует меньше ограничений,

фигуры речи используются свободнее, часто в сатирическом или игровом ключе.

******* *Семья и школа должны вместе детей воспитывать. Цели должны быть и примеры для подражания. Были пионеры, теперь скауты, у нас так всегда,* ***мы все рушим до основания, а затем…*** [Результаты психолингвистического эксперимента и анкетирования…].

Армейский юмор

Живете, как свиньи в берлоге. Эй, вы, трое! Идите оба ко мне! Чего смотришь, я тебе говорю! [Анекдоты из России, URL: https://www.anekdot.ru/search/].

****

– *Тебе завтра на смену, вместо Антонова.*

– *Завтра?!* ***Да иди ты знаешь, куда…*** [Частный архив Л.Е. Ильиной. *Переписка в чате*].

Таблица 26 – Стилистические потери (непонимание фигур речи) на примере текстов разных жанров (Результаты психолингвистического эксперимента...; Анекдоты из России; Частный архив… и др.)

Исходный текст	**Конечный (целевой) текст (результат хронотопного перевода)**	**Позиция/ степень**
Были пионеры, теперь скауты, у нас так всегда, ***мы все рушим до основания, а затем…*** (умолчание и аллюзия)	*Были пионеры, теперь скауты, у нас так всегда,* ***нет бы, сохранить то лучшее, что было ранее…***	Пву Свозр
Живете, как свиньи в берлоге. ***Эй, вы, трое! Идите оба ко мне!*** ***Чего смотришь, я тебе говорю!*** (оксюморон)	***Какой у вас беспорядок.*** ***Эй, вы, трое! Идите все (втроем) ко мне!*** ***Чего молчишь!...***	Скр Свозр Пву
Пешком постою (оксюморон)	***Я не могу сесть.*** ***Спасибо, не беспокойтесь*** (отказ от предложения сесть)	Пву Скр
Да иди ты знаешь, куда… (умолчание)	***Я не согласен, это неприемлемое предложение***	Скр Свозр Пву
….мама в первый класс привела, а папа с выпускного унес (параллелизм)	*…****первое сентября в первом классе, выпускной в 11 классе***	Скр Свозр

Переводческий комментарий:

– фрагмент фразы *…мы все рушим до основания, а затем…* является аллюзией на строки «Интернационала» (перевод А. Коца 1902 г.) ... *весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем мы наш, мы новый мир*

построим, кто был ничем… . В годы революции эти слова воспринимались как идея революционного обновления, сейчас они подвергаются критике, поскольку в каждой формации всегда имеется то, что необходимо поменять (разрушить), и то, что необходимо сохранить;

– армейский юмор часто содержит примеры со стилистическими и смысловыми ошибками, данные примеры построены на сочетании несочетаемого (оксюморон);

– умолчание (недосказанность, намек) часто используется и в письменной, и в устной речи при использовании инвективной лексики;

– параллелизм служит упорядочиванию идей и логическому выделению ключевых мыслей.

В постфольклорныхтекстах текстах широко представлены случаи:

– *прономинации:* использования имен известных исторических и литературных персонажей (*Гагарин, Гермиона*), а также имен известных современников (*Бузова, Шаман*), обладающих определенными яркими чертами, или чертами, которые в определенной ситуации воспринимаются как отрицательные (*птица Говорун, … веди нас, Сусанин*);

– *анафоры: …Вот у Кузьминых Славик сам делает уроки, сам собрался, пошел на карате, сам пылесосит…;*

– *эпифоры: …от укусов комаров у нее – «звездочка», голова болит – натри виски «звездочкой», горло болит – выпей чаю со «звездочной»…*

– *анадиплосиса: …*23 февраля в садике утренник для *пап. Папы* на утренники ходить не любят …;

– *градации: …Я его отмывала сначала мылом, потом растворителем, потом скоблила ножом…*

Приведенные примеры показывают, что в постфольклорных текстах встречаются все тропы и фигуры речи, представленные в языке. Однако в постфольклоре тропы и фигуры речи больше используются не для украшения текста, а как способ критики, пародии, деконструкции традиционных

ценностей или для выражения иронии, которую трудно уловить без знания контекста или интонации. Кроме того, тропы часто основаны на опыте или ассоциациях, общих для определенной аудитории, люди с другим жизненным опытом могут воспринимать их иначе или не понимать совсем.

В таблице 27 представлено распределение выявленных в постфольклорных текстах позиций/степеней рассеивания смысла стилистических потерь в ходе хронотопного перевода.

Таблица 27 – Распределение выявленных позиций / степеней стилистических потерь в ходе хронотопного перевода

Стилистические потери:	Изменение выбора лексики		Изменение интонации, ритма		Непонимание тропов		Непонимание фигур речи	
	тексты	примеры	тексты	примеры	тексты	примеры	тексты	примеры
Позиции временной удаленности (Пву)	30	37	35	38	30	40	31	34
Позиции пространственной удаленности (Ппу)	36	38	41	44	26	20	**54**	**55**
Степень культурных различий (Ск)	42	52	31	34	33	39	28	28
Степень субъязыковых различий (Ссуб)	**56**	**56**	**45**	**45**	**46**	**46**	36	37
Степень возрастных различий (Свозр)	36	37	32	34	30	32	24	25
Всего	**200**	**220**	**184**	**195**	**165**	**177**	**173**	**179**

Постфольклорные тексты характеризуются фрагментарностью, насыщенны аллюзиями и интертекстуальными элементами, неочевидные связи между образами и значениями становятся причиной их непонимания. Постфольклор также использует многозначность как средство вызвать эмоциональный отклик, резонирующий с личными и общественными переживаниями, тем самым формируя коллективное восприятие и адаптируя традиционные выражения к новым условиям.

Распределение выявленных позиций / степеней стилистических потерь в ходе хронотопного перевода в условных границах одного языка показывает, что случаи изменения выбора лексики и изменения интонации и ритма в отобранных текстах происходили чаще в результате субъязыковых различий (56 примеров в 56 текстах и 45 примеров в 45 текстах); непонимания фигур стиля, основанных на многозначности слов в результате пространственной удаленности (55 примеров в 54 текстах), и непонимания тропов – в результате субъязыковых различий (46 примеров в 46 текстах).

Культурные потери

Рассеивание смысла происходит в результате утраты различий в культурных коннотациях. Культурная коннотация – интерпретация денотативного или образно мотивированного аспектов значения языкового знака в категориях культуры, предполагающая выявление связи образа, лежащего в основе номинативной единицы языка (слова или фразеологизма), со стереотипами, символами, эталонами, мифологемами и другими знаками национальной и общечеловеческой культуры, освоенной народом – носителем языка [Телия, Опарина, 2011].

Утрата различий в культурных коннотациях происходит по разным причинам, но их общим основанием является, с одной стороны, увеличение информационного потока и расширение языковых границ; с другой стороны, снижение уровня грамотности и маргинализация культуры [Человек и общество…, 1996; Яценко, 1999] (таблица 28).

Таблица 28 – Культурные потери (утрата различий в культурных коннотациях) на примере постфольклорных динамичных изобразительных текстов [Rutube]

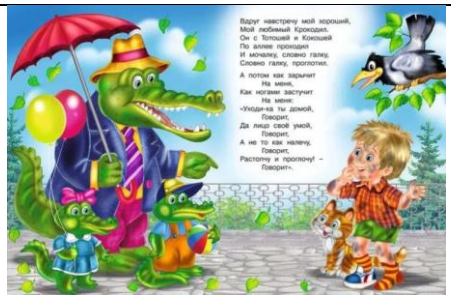
Исходный текст	**Конечный (целевой) текст (результат хронотопного перевода)**	**Позиция/ степень**
Результат – ***налицо*** (устойчивое выражение)	*Результат* – ***на лицо***	Скр Ссуб

Переводческий комментарий: в рекламе йогурта *Активия* в 2006 г. певица Валерия произносила фразу *Результат – налицо*, фраза должна была передать смысл: *Действие йогурта не заставит себя ждать*. Разработчики

рекламного ролика о пользе йогурта *Активия* для пищеварения не учли возможность альтернативного прочтения: *Результат – на лицо.*

В таблице 29 на примере изобразительных текстов показана утрата различий в культурных коннотациях, обусловленная временной и пространственной удаленностью, различием фоновых знаний.

Таблица 29 – Культурные потери (утрата различий в культурных коннотациях) на примере стихотворений и статичных изобразительных текстов

Исходный текст	Конечный (целевой) текст (результат хронотопного перевода)	Позиция/ степень
Боже, Боже, Что случалось? *Почему же все кругом завертелось, закружилось и помчалось колесом?*	***Что такое? Что случалось?*** *Почему же все кругом завертелось, закружилось и помчалось колесом?*	Пву Скр
Он с ***Тотошей и Кокошей*** по аллее проходил (Тотоша и Кокоша - мальчики)	 Рис. 22. Современная иллюстрация к сказке К.И. Чуковского (Издательство «Фламинго», 2009) (Тотоша и Кокоша – мальчик и девочка)	Пву Скр Ссуб
Прямо в ***Мойку***, прямо в ***Мойку***, с головою окунут…	Прямо в ***мойку,*** прямо в ***мойку***, с головою окунут…	Скр Ппу Свозр

Переводческий комментарий:

– поэма для детей «Крокодил. Старая-престарая сказка» была написана в 1915 году, в дореволюционной России восклицание *Боже! Боже!* было вполне уместно, при переиздании стихотворения в советское время *Боже! Боже!* было заменено на *Что такое!;*

1. имеются источники, указывающие, что Тотоша и Кокоша в сказке Корнея Чуковского, это Антон и Николай – племянники Антона П. Чехова сыновья его брата Александра. Вот выдержка из письма А.П. Чехова своему брату: «Жду твоих писем и кланяюсь прочим, как-то: Анне Ивановне, Кокоше и Тотоше. Когда твои беспутные сыновья со временем будут есть у

Доминика, то в высшем свете их будут звать: Коко и Тото» [Чехов..., URL: https://www.anton-chehov.info/pisma-za-1887-god.html]. Однако отметим, что в мультфильме 1927 года[15] Тотошу и Кокошу изображают как двух мальчиков, в мультфильме 1964 года[16] они представлены как мальчик и девочка (рис. 22).

Непонимание (рассеивание) смысла в примерах, извлеченных их собранных постфольклорных текстов, было обусловлено отсутствием навыка сопоставления языковых, культурных, исторических фактов и явлений (таблица 30):

Таблица 30 – Культурные потери (утрата различий в культурных коннотациях) на примере текстов анекдотов, частушек, преданий

(Бахтин М.М. Из архивных записей…; Мир анекдотов)

Исходный текст	**Конечный (целевой) текст (результат хронотопного перевода)**	**Позиция/ степень**
Ну что ты стоишь, ***каку лихоманку,*** *Бери меня за рукав,* *веди за* ***голланку***	*Ну что ты стоишь,* ***Почему ты чего-то ждешь,*** *Бери меня за рукав,* *веди* ***за печку (в укромное месточко).***	Пву Скр
– Как там его звали, напомни! ***Мультилещ? Гиперокунь? Суперерш?*** *– Поликарп!* *– Точно!*	*– Как его звали, напомни!* ***Там приставка, обозначающая много, сверх, и корень – название какой-то рыбы…*** *– Поликарп!* *– Точно!*	Пву Скр Ссуб

Переводческий комментарий:

– *лихоманка* – перемежная лихорадка [Даль, 1998, Т. II: 258], в данном контексте – *каку лихоманку* используется как синоним *почему? по какой причине?* Равнозначные варианты: *какого черта/какого лешего?*

– слово *голландка* обозначает печь для обогрева жилых помещений. Печи-голландки были известны в России с XVIII века, их использовали вплоть до конца XX века. Такие печи занимали намного

[15] См.: Мойдодыр : мультфильм / реж. Д. Черкасов. — СССР : киностудия «Совкино», 1927. — [Электронный ресурс] : изображение (движущееся, двухмерное), видео. — URL: https://vk.com/wall-219793647_2661 (дата обращения: 09.04.2025).

[16] См.: Мойдодыр : мультфильм / реж. Л. Амальрик. — СССР : студия «Союзмультфильм», 1964. — [Электронный ресурс] : изображение (движущееся, двухмерное), видео. — URL: https://diafilmy.su/5689-moydodyr.html (дата обращения: 09.04.2025).

меньше места по сравнению с русской печью, их часто облицовывали голландской глазурованной керамической плиткой с росписью. Респонденты в возрасте 18-25 лет писали это слово по фонематическому принципу *голанка* или *галанка*. Встречались варианты – *галандка* и *голандка*, на даже респонденты, написавшие это слово подобным образом, не могли объяснить, что оно означает, хотя говорили, что слышали его от представителей старшего поколения своей семьи;

– *поликарп* (др.-греч. *πολύκαρπος* от *πολύς, -ή, -ύ* и *καρπός* - *плод, урожай:* 1) многочисленный, 2) большой, значительный, 3) сильный + др.-греч. καρπός - плод) – мужское имя, в переводе с древнегреческого языка - *обильный плодами, многоплодный*. Имя *Поликарп* в настоящее время встречается редко, хотя достаточно представлено в русской литературе. Название рыбы *карп* (лат. *Cyprinus carpio*) происходит от латинского слова *carpio*, имеющего корни в древнегреческом, связано с идеей плодовитости.

Рассеивание смысла происходит в результате **утраты остроты восприятия образов и явлений** (таблица 31). Постфольклорные тексты достигают пика популярности непосредственно в период переживаемых событий, затем острота восприятия уменьшается. При отсутствии фоновых знаний о культуре, истории, общественно-политической жизни страны определенного периода понимание смысла данных текстов становится затруднительным.

Таблица 31 – Культурные потери (утрата остроты восприятия образов и явлений) на примере текстов разных жанров (Пикабу; Мир анекдотов)

Исходный текст	**Конечный (целевой) текст (результат хронотопного перевода)**	**Позиция/ степень**
Не ценили Ильича, ***Очернили*** *сгоряча!* *А теперь вот* ***волком воем,*** *Вспоминая дни застоя!*	*Не ценили Ильича,* ***Оклеветали, наговорили о нем плохого*** *сгоряча!* *А теперь* ***очень сожалеем*** *Вспоминая дни застоя!*	Пву Скр Ссуб
После ***думской нервотрепки*** *Депутат, как в лифт войдет,* *Машинально две-три кнопки* ***За отсутствующих жмет!***	*После* ***нервной работы в Госдуме*** *Депутат, как в лифт войдет,* *Машинально две-три кнопки на панели управления лифтом* ***нажимает как***	Пву Скр

	при голосовании за депутатов, отсутствующих на заседании.	
На самоизоляции тяжело первые пять лет, потом привыкаешь. *Робинзон Крузо* ***У вас тоже в магазин ходит тот, кого не жалко****?* *Незваный гость – хуже* ***инфицированного***.	***Ко всему можно привыкнуть*** Близкие люди в период пандемии готовы были жертвовать собой *Незваный гость – хуже* ***татарина.***	Пву Скр Пву Скр
Поттер Малфою *не товарищ* *Кто рано встает,* ***того зовут*** ***Гермиона Грейнджер*** ***Зелье Снейпу*** *не испортишь* *Темнота – друг* ***Волан-де-Морта***	***Гусь свинье*** *не товарищ* *Кто рано встает,* ***тому Бог подает***. ***Кашу маслом*** *не испортишь.* *Темнота друг –* ***молодежи***	Пву Скр Свозр

Переводческий комментарий:

– *Не ценили Ильича…* многие молодые люди указывали, что речь идет о В.И. (Владимире Ильиче) Ленине, но *эпохой застоя* называют годы правления Л.И. (Леонида Ильича) Брежнева;

– в частушке времен перестройки и прямых трансляций из Государственной думы высмеивается факт отсутствия депутатов на заседаниях, но при электронном голосовании, система отмечала, что они проголосовали; вероятно, это другие депутаты «нажимали кнопки» за отсутствующих.

– *На самоизоляции тяжело первые пять лет (объявление в подъезде)* … – в этой фразе соединены события романа Даниэля Дефо, главный герой которого, Робинзон Крузо, прожил на необитаемом острове 28 лет; сейчас это может восприниматься как шутка, но в период коронавируса изоляция была тяжелым потрясением. В этих и других постфольклорных текстах периода пандемии обыгрывается сложность нахождения на самоизоляции для современного человека; указывается, что это была вынужденная мера, ответственность за соблюдение которой полностью возлагалась на самих граждан; несмотря на сложность ситуации в текстах прослеживается ирония;

– *Поттер Малфою не товарищ …* антипословицы по мотивам книг о Гарри Поттере доказывают универсальность народных изречений, которые

могут быть адаптированы к любой ситуации, сохраняя при этом глубину мысли и содержания.

Рассеивание смысла происходит в результате **утраты либо отсутствия ценностного отношения к событиям и явлениям**. Утрата или отсутствие ценностного отношения к событиям и явлениям возможны в результате адаптации оригинальных художественных текстов для массовой культуры, когда происходит упрощение или изменение смысла текстов. Отсутствие практики воспитания уважительного отношения к ценностям культуры в семьях и образовательных учреждениях приводит к тому, что молодое поколение не способно оценить и понять ценность и значимость как актуальных событий и явлений, так и событий и явлений прошлого.

******* *Меня, честно говоря, поражает эта картина. Так как она дает фору дофигищи новых сериалов, ведь, во-первых, я жутко люблю русский фольклор, во-вторых история создает удивительный коктейль из эмоций, изначально интерес, затем комфорт и удивление, затем страх и потом что-то вроде восхищения и недосказанность. Это по-настоящему удивительная история говорящая нам не буди лихо пока оно тихо*[17] [Отзовик (Отзыв на мультфильм «Песня Сирин» 2022 года), URL : https://otzovik.com].

******* *Эта история произошла, когда моему брату было 3 или 4 года. Он иногда оставался у бабушки, маминой мамы. Однажды бабушка в разговоре и ним сказала:*

– *Вот умру я, внучек, все тебе достанется: и дом, и все, что в доме, и двор со всеми постройками…*

Внучек играл-играл и спрашивает:

– *Бабушка, а когда ты умрешь*? [Полевой материал… (Предания)].

Старые дома Оренбурга

Оренбург по архитектуре часто сравнивают с культурной столицей России, ...но с выбитыми зубами и напрочь выбитым ртом… . Оренбург очень похож на Петербург и отношением к историческому наследию в том числе, в Петербурге из-за масштаба этого не заметно, но попробуйте зайти во дворы или парадные не в самых туристических районах и узнаете одинаковое отношение. Старые дома Оренбурга все несут архитектурную и историческую ценность, просто надо некоторым «вставить зубы» и «поправить челюсть». Но пока люди не научатся ценить сокровища,

[17] В данном примере сохранена пунктуация автора.

которые спрятаны на самом видном месте, ничего не изменится. Для этого и нужно снимать, рассказывать и повторять, повторять о необходимости сохранения такой красоты и памяти наших предков [Изнанка Города, URL: https://vk.com/iznankagoroda56].·

Бабушкины грамоты

В имени моей бабушки была допущена ошибка, мне пришлось доказывать родство через суд. В процессе досудебного разбирательства я предоставила следователю ряд документов, хранящихся в нашем семейном архиве: свидетельство о браке бабушки и дедушки, их грамоты, записные книжки, поздравительные открытки. В процессе сбора и копирования документов мне встречались люди, которые увидев документы из семейного архива восклицали: «Надо же! Вы все это храните, у меня тоже такое было, а я все повыкидывала!» [Полевой материал… (Предания)].

В таблице 32 представлены культурные потери (утрата/отсутствие ценностного отношения к событиям и явлениям) на примере текстов преданий, анекдотов и изобразительных текстов.

Таблица 32 – Культурные потери (утрата/отсутствие ценностного отношения) на примере текстов преданий, анекдотов и изобразительных текстов (Rutube)

Исходный текст	**Конечный (целевой) текст (результат хронотопного перевода)**	**Позиция/ степень**
Так как она дает фору ***дофигищи*** *новых сериалов, ведь, во-первых я* ***жутко*** *люблю русский фольклор…*	*Так как она дает фору* ***многим*** *новым сериалам, ведь, во-первых я* ***очень*** *люблю русский фольклор…*	Пву Скр Свозр
…а когда ты умрешь?	***…а когда это случиться?***	Свозр
дома… ***с выбитыми зубами*** *и напрочь* ***выбитым ртом ….*** ***…****надо некоторым* ***«вставить зубы» и «поправить челюсть»***	*дома…* ***с выбитыми окнами*** *и напрочь* ***разбитыми подъездами ….*** ***…****надо некоторым* ***вставить окна и привести в порядок дворы***	Пву Скр
…Вы все это храните, … а я все повыкидывала!»	***…Вы осознаете ценность этих бумаг, … а я и не задумывалась над этим»***	Скр
– *Сухой хлеб куда?* – *В мусор (бытовой диалог)*	Пояснение возможно только в комментарии	Скр Свозр
– *Мама, а в армию ты* ***со мной пойдешь?*** – ***Нет.*** – ***Без меня?!***	*(1)– Мама, а в армию ты со мной* ***пойдешь****?* *– Нет (Не пойду).* *(2) – Мама, а в армию ты* ***со мной*** *пойдешь?* ***– Нет (Без тебя).***	Скр Свозр Ссуб
Катя ***Ходасевич***	Студентка *Катя* ***Королева,*** изучающая творчество *В. Ходасевича*	Скр Ппу

Переводческий комментарий:

– восторженный отзыв на мультипликационный фильм 2022 года «Песня Сирин» содержит разговорные выражения *дофигищи…, жутко люблю,* которые стали общепринятыми. Кроме того, в тексте отсутствует пунктуация, что мы расцениваем как часть естественной эволюции языка в цифровую эпоху. Сознательный пропуск знаков препинания демонстрирует тенденцию к упрощению и ускорению коммуникации, а также стремление к неформальному творческому самовыражению. Однако следует отметить, что отсутствие пунктуации может приводить к ошибкам при прочтении текста и создавать трудности в понимании;

– *Когда ты умрешь?* – В данном случае речь идет об отсутствии ценностного отношения к возрасту близких людей. У ребенка в возрасте 3-4 лет не сформировано еще понимание ценности жизни и феномена смерти, ребенок воспринимает слова пожилого человека как реальное обещание и задает уточняющий вопрос – *Когда это случиться?*

– приемы олицетворения и овеществления характерны для постфольклорных текстов, в данном тексте выражения *выбитые окна*, *вставить челюсть* и др. подчеркивают факт нанесения вреда (увечья) и в то же время оставляют надежду на исправление ситуации (заживление ран).

– *...Вы все это храните, ... а я все повыкидывала!* В результате анкетирования было установлено, что семейный архив имеется только в семье одного респондента из 10 (или члены семьи пришли к пониманию ценности сохранения семейной истории). Привлечем в качестве комментария поговорку *Иваны, родства не помнящие,* которая осуждает утрату родственных связей, забвение традиций и наставлений предков. Поговорка возникла в царской России, когда беглые каторжники пытались скрыть свое имя. В России после 1917 г. происходили значительные изменения в социальной и культурной сферах. В это время люди нередко вынуждены были «забывать» или скрывать свое прошлое.

– *Сухой хлеб куда?* – отношение к хлебу мы уже комментировали (параграф 3.2), здесь отметим, что подобное отношение к хлебу становится нормой, а отсутствие современных мусороперерабатывающих предприятий делает переработку пищевых отходов этической и экологической проблемой.

– в анекдоте обыгрываются устойчивое выражение *пойти/идти в армию* (синоним выражения *быть призванным на срочную службу*) и распространенная шутка-упрек в адрес маленького мальчика советской эпохи *идти в армию с мамой,* потому что он сам ничего делать не умеет. Варианты прочтения: общий вопрос: *пойдешь?* может восприниматься как два специальных вопроса: *куда пойдешь? с кем пойдешь?*

– в фильме 2017 года «Купи меня» именно неосведомленность одного из главных героев (армянина Сурена) о фактах русской культуры приводит к трагическому финалу. Студентка *Катя* ***Королева*** изучает творчество *В. Ходасевича*, поэтому «Ходасевич» становится ее прозвищем. Сурен считает, что Ходасевич – настоящая фамилия Кати [Rutube, URL: https://rutube.ru].

Распределение выявленных позиций/степеней показывает, что в отобранных текстах случаи утраты различий в культурных коннотациях и утраты остроты восприятия образов и явлений происходили чаще в результате временной удаленности (27 примеров в 30 текстах и 27 примеров в 26 текстах), утрата либо отсутствие ценностного отношения к событиям и явлениям – в результате пространственной удаленности (32 примера в 29 текстах).

Отметим трудности отбора примеров для хронотопного перевода из текстов постфольклора, поскольку они часто имеют выраженную эмоциональную окраску, связанную с повседневной реальностью и настроениями людей.

В таблице 33 представлено распределение выявленных позиций/ степеней культурных потерь в ходе хронотопного перевода.

Таблица 33 – Распределение выявленных позиций/степеней культурных потерь в ходе хронотопного перевода

Культурные потери	Утрата различий в культурных коннотациях		Утрата остроты восприятия образов и явлений		Утрата либо отсутствие ценностного отношения к событиям и явлениям	
	тексты	примеры	тексты	примеры	тексты	примеры
Позиции временной удаленности (Пву)	**27**	**30**	**26**	**27**	20	25
Позиции пространственной удаленности (Ппу)	15	15	16	17	**29**	**32**
Степень культурных различий (Скр)	12	14	14	15	22	22
Степень субъязыковых различий (Ссуб)	15	18	11	13	11	14
Степень возрастных различий (Свозр)	11	14	15	18	17	18
Всего	**80**	**91**	**82**	**90**	**99**	**111**

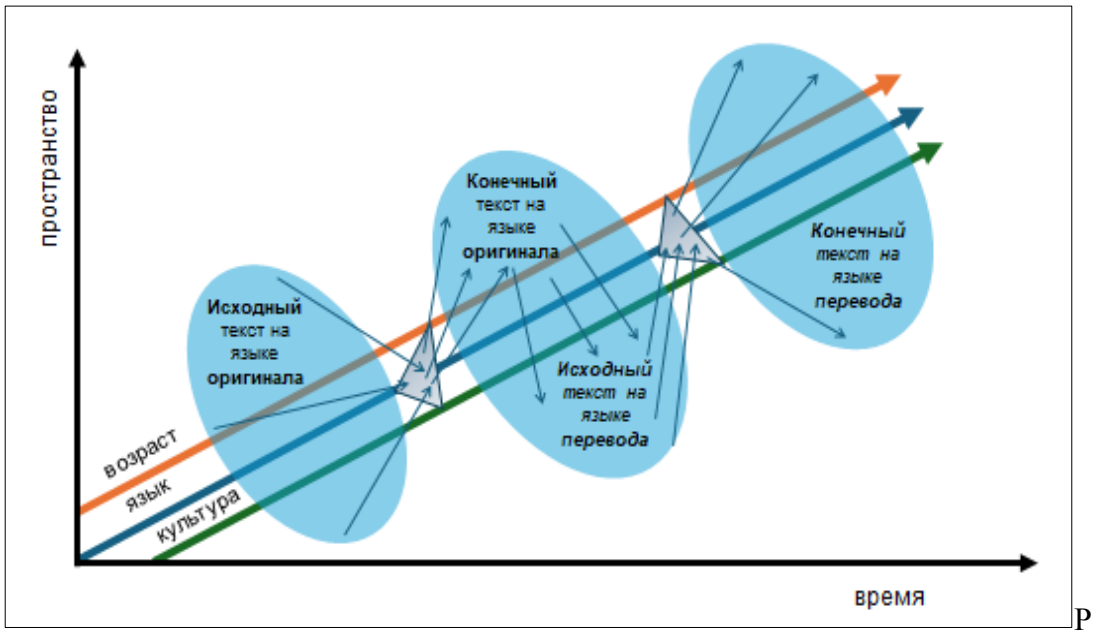
Хронотопный перевод текстов современного фольклора связан с множеством факторов, включая необходимость сохранения временных и пространственных аспектов, культурных особенностей, диалектных выражений и атмосферы текста. Проведенная работа показывает, что хронотопный перевод является средством преодоления рассеивания смысла постфольклорных текстов Утрата смысла слов и выражений происходит из-за различий в современных обычаях, ценностях, традициях и социокультурном контексте. Преодоления рассеивания смысла требует анализа и сопоставления фактов и явлений, учета языковой полисемии, обращения к справочным и другим дополнительным источникам.

5.3. Функционирование динамической модели хронотопного перевода в условных границах языковых пар

Для постфольклорных текстов в условных границах двух и более языков при осуществлении хронотопного перевода будут разворачиваться сценарии преобразования текста для всех возможных языковых пар.

Речемыслительная деятельность человека, осуществляющего хронотопный перевод, детерминируется «объективными характеристиками текста оригинала, возможностями языка перевода и освоенными переводчиком закономерностями и принципами перевода», а также «способностью и готовностью переводчика выходить за границы заданного» [Павловская, Карипиди, 2021: 436] и, прежде всего, преодолевать энтропию текста как меру рассеивания смысла.

Для перевода в условных границах двух языков преодоление рассеивания смысла исходного текста в переводящем языке создает множественные комбинации трактовок и вариативного построения конечного (целевого) текста, т. е. переводчик получает возможность участия в создании коммуникативно-актуального смысла конечного текста посредством хронотопного перевода (рис. 23).



Р

Рис. 23. Динамическая модель хронотопного перевода в условных границах любых языковых пар

Языковые пары на схеме обозначены условно *текст на языке оригинала* и *текст на языке перевода.*

При осуществлении перевода в условных границах любых языковых пар, сначала, с учетом семантических, стилистических и культурных особенностей текста, выполняется хронотопный перевод исходного текста на

языке оригинала. Уже на этом этапе возможно обращение к справочной литературе или проведение этимологического, корпусного и контекстного анализов. Затем выполняется традиционный межъязыковой перевод конечного текста (результата хронотопного перевода на языке оригинала) на язык перевода. И наконец, результат межъязыкового перевода (первичный текст на языке перевода, черновой вариант) подвергается хронотопному переводу (на этом этапе также возможно обращение к справочной литературе или проведения этимологического, корпусного и контекстного анализов) и формулируется окончательный перевод – конечный (целевой) текст на языке перевода.

Приемами преодоления рассеивания смысла в хронотопном переводе становятся нарушение общепринятых норм, избегание «ожидаемых» решений, реконструирование или предвосхищение параметров иных временных и пространственных координат (См. далее параграф 5.4).

Рассмотрим указанные позиции/степени и предложим варианты хронотопного перевода с обоснованием переводческого решения на примере постфольклорных текстов в условных границах *двух языков.* Примеры представлены для языковых пар: французский – русский, русский – французский, английский – русский, испанский – русский, русский – испанский.

Для примера *позиции временной удаленности* предлагается перевод текста о профессии будущего, опубликованного на французском языке в 2013 году в Словаре профессий будущего:

Murateur

Autrefois décrié, l'art urbain trouvera désormais toute sa place dans le monde de la culture. Pour répondre à l'engouement autour du phénomène, les commissaires d'exposition seraient alors des murateurs. Ces curateurs d'un nouveau genre sont spécialisés dans les artistes de rue et l'organisation d'expositions, biennales et rétrospectives à leur gloire [Top 10 des métiers du futur…, URL: https://terrafemina.com/emploi-a-carrieres/vie-

travail/articles/25797-top-10-des-metiers-du-futur-devenez-clapotiseur-numeropathe-ou-murateur-.html].

Перевод: Оформитель городского пространства

Когда-то осуждаемое искусство обустройства городского пространства теперь найдет свое место в мире культуры. Чтобы удовлетворить повышенный спрос на этих специалистов, появится новая профессия, устроители выставок станут оформителями городского пространства. Специалисты нового вида искусства смогут проявить свой талант, заполнив улицы и другие пространства города выставками, биеннале, ретроспективными показами.

При выполнении перевода данного текста несколько лет назад нами был придуман авторский неологизм исходя из французского неологизма – *murateur* (досл. *создающий стены,* можно даже – *создающий городские стены*) – *оформитель городского пространства*. Причем мы попытались обыграть созвучные слова *curateur* и *murateur*, применив созвучие русских слов в тексте перевода *устроитель – оформитель*. Впоследствии профессия получила название – *дизайнер городской среды.* Смысл последнего предложения передать более корректной формулировкой удалось позднее, когда стало очевидным понимание специфики этой профессии:

Ces curateurs d'un nouveau genre sont spécialisés dans les artistes de rue et l'organisation d'expositions, biennales et rétrospectives à leur gloire.

Уточненный перевод: *Специалисты нового вида искусства смогут проявить свой талант, заполнив улицы и другие пространства города выставками, биеннале, ретроспективными показами.*

Ранее предложенный вариант: *Как представители нового вида искусства, они займутся оформлением улиц, планированием лучшего взаиморасположения зданий, устроительством выставок и биеннале.*

Утрата смысла слов и выражений в результате *культурных различий* постоянно разворачивается среди людей с разным уровнем воспитания, по-разному представляющих себе нормы общественного поведения и, соответственно, имеющих разные ценностные установки.

Оренбургский пуховый платок

Оренбургский пуховый платок – это платок (шаль) ручной вязки из шерсти козы с добавлением других нитей (хлопок, шелк и т. д.). Вместе с

матрешкой, Хохломской росписью, Гжелью и Палехом, мягкий оренбургский платок является одним из символов России. Традиция вязания платков в Оренбургском регионе началась примерно 250 лет назад, еще в XVIII веке. Оренбургский пуховый платок вяжется из тонкой шерсти оренбургских коз и является самым тонким в мире. Платки стали широко известны за пределами Оренбурга после 1770 года. Нежные и тонкие, как паутина, оренбургские шали перенесут вас в эпоху Толстого и Достоевского [Частный архив Ильиной Л.Е. (Конкурс экскурсионных маршрутов, 2019)]

Перевод: Chal ruso de pelo de cabra de Orenburgo

El chal ruso de Orenburgo es un chal (un mantón) tejido a mano con pelo de cabra y otros hilos (algodón, seda, etc.). Junto con la matrioska, la pintura de Khokhloma, Gzhel y Palekh, el suave chal de Orenburgo es uno de los símbolos de Rusia. La tradición de tejer chales en la región de Orenburgo comenzó hace unos 250 años, aún en el siglo XVIII. El chal ruso de Orenburgo se teje con el fino pelo de las cabras de Orenburgo y es el más delgado del mundo. Los chales se hicieron ampliamente conocidos fuera de Orenburgo después de 1770. Tiernos y delicados como telarañas, los chales de Orenburgo os transportarán a la era de Tolstói y Dostoievski.

Переводческий комментарий. Примеры культурных различий, при переводе с русского на иностранный язык требуют особого внимания к деталям. Так, при переводе текста экскурсионного маршрута по Оренбургу на испанский язык, были сделаны следующие уточнения:

– в испанских текстах встречаются два написания топонима *Оренбург – Orenburg* и *Oremburg*, такое произношение характерно и для русской разговорной речи; второй вариант является следствием ассимиляции зубного [n] в губно-губной [m] под влиянием губно-губного [b];

– реалия русской культуры *пуховый платок* не имеет аналога в испанском языке; для перевода были использованы существительные *un chal*, но в испанской культуре это ажурный вязанный треугольный платок (не пуховый и не теплый), и *un mantón*, яркий с цветочным орнаментом четырехугольный платок с длинными кистями (не вязанный, не пуховый и не теплый); поэтому словосочетание *Оренбургский пуховый платок* в заглавии было переведено как *Chal ruso de pelo de cabra de Orenburgo*, и более

детально в тексте: *El chal ruso de Orenburgo es un chal (un mantón) tejido a mano con pelo de cabra;*

– поясним фрагмент *…перенесут вас в эпоху Толстого и Достоевского:* именно эти писатели известны во всем мире как выдающиеся представители русской культуры, в данном случае использование указанных имен призвано служить для иностранцев обозначением истории и культуры России в целом; с Оренбургом жизнь и творчество этих писателей не связаны.

Сценарии хронотопного перевода с учетом *степени субъязыковых различий* разворачиваются при столкновении людей разных профессий, или людей, имеющих уникальные хобби, приверженцев определенного образа жизни, религии, занятий спортом, диеты.

Особый случай – это перевод «языка в языке». Например, при переводе современной французской сказки о ведьмах (Eric Blanc «*Trois sorcières»*), мы столкнулись с необходимостью перевести фразу, которая в тексте оригинала не имела точного значения и была сознательно стилизована автором под старофранцузский язык с элементами латыни. Для носителей французского языка и переводчиков, специализирующихся на этом языке, перевод угадывается или предполагается по сохраненным корням слов.

Trois sorcières *(fragment)*

...Dans leur cellule, on raconta que sœurs refusèrent de manger. Toute la nuit, les geôliers les auraient entendues scander des incantations dans une langue inconnue qu'ils prirent pour des prières: ***«Diafebo, accema noue en domone tua e braesa le todue!... Diafebo, accema noue en domone tua. Diafebo...»*** [Частный архив Ильиной Л.Е. (Проект «Мастерская перевода», 2017)].

Перевод: Три колдуньи *(фрагмент)*

…Рассказывали, что в заточении сестры отказались есть. Всю ночь стражники слышали, как они громко повторяли заклинания на неизвестном языке, стражники думали, что они читают молитвы: ***«Diafebo, accema noue en domone tua e braesa le todue!... Diafebo, accema noue en domone tua. Diafebo...»****

При переводе на русский язык мы сочли необходимым разработать несколько вариантов примечания: для публикации примера в научной работе (1) и для издания сказки в сборнике переводов (2):

(1) *«Diafebo, accema mi en domone tua! e braesa le todue!...» - Дьявол, прими меня к себе! И сожги их всех! (в соответствии с канонами сказки как фольклорного жанра это древний язык, созданный специально, на основе старофранцузского языка с элементами латыни).*

(2) *«Diafebo, accema mi en domone tua! e braesa le todue!...» - Дьявол, прими меня к себе! И сожги их всех! (древний язык, известный только ведьмам).*

Разница в сочетаемости слов была преодолена с помощью описательного перевода.

Diafebo, accema noue en domone tua e braesa le todue!...

Предположительно на французском языке это может быть представлено следующей фразой:

Diable, accueille-moi dans ton domaine et brule-les tous!...

Были проанализированы словарные статьи переводных словарей и уточнены различные оттенки глагола *accueillir* и существительного *domaine*:

– *accueillir vt :* принимать (гостей, посетителей и т. д.): accueillir des invités; встречать (кого-либо) с радостью или теплотой: accueillir quelqu’un avec joie; приветствовать (что-либо): accueillir une idée; давать (кому-то) приют, приютить: accueillir des réfugiés; принимать (кого-то, что-то) в свой состав: accueillir un nouvel étudiant; получать (что-то) с благодарностью (радостью): accueillir un cadeau.

– *domaine, m:* участок земли, владение: это может быть как небольшой участок земли, так и большая территория или владение: un domaine viticole; область, сфера деятельности, область знаний, интересов, сфера власти: le domaine de la science; царство или область как понятие мифологии или фольклора: le domaine des fées; домен в сети интернет, доменное имя сайта: domaine.com; собственность или владение, переданное по наследству, семейная усадьба: un domaine familial.

С учетом основных значений глагола *accueillir* и существительного *domaine* мы составили несколько вариантов перевода фразы…*accema noue en domone tua e braesa le todue...*, которые должен сформулировать переводчик прежде, чем выбрать один вариант перевода для конечного текста:

… прими меня в свои владения/прими меня в свое царство…
… прими меня …/забери меня к себе…
… возымей надо мной власть…

Позиция пространственной удаленности должна учитываться при переводе с любого иностранного языка, особенно, когда отсутствует достаточная практика общения с носителями языка или пребывания в стране. Для постфольклорных текстов это особенно актуально, поскольку многие слова бытовой или разговорной сферы, арготизмы, варианты сниженной лексики, локальные выражения не включаются в словари или даются в словарях в рафинированном виде. В социальных сетях люди делятся своим опытом общения с иностранцами, дают советы, как себя вести и объясняют значения слов и выражений, основываясь на собственном опыте. Примерами таких выражений русской культуры являются: *Круто! Удачи! Просто… Ничего себе!* и ряд других.

С. Бойм, преподаватель славянской литературы из Гарвардского университета, объясняет смысл слова *пошлость* через *банальность* и *духовную пустоту*:

Le poshlost est la version russe de la banalité (…). Ce mot, à lui seul, traduit la trivialité, la vulgarité, le dévergondage sexuel, et le vide spirituel» [Boym 1994].

Перевод: *Пошлость – это русский вариант банальности (…). Само по себе это слово переводится как тривиальность, пошлость, сексуальное распутство и духовная пустота.*

Отметим, что в переводах произведений А.П. Чехова на французский язык слово *пошлость* передается именно словом *банальность*.

Рассмотрим несколько выражений, концептов русской культуры, объяснение которых были обнаружены во французских социальных сетях:

– *тоска* (angoisse *f*, cafard *m*) – d'une douleur de l'âme teintée de nostalgie (душевная боль с оттенком ностальгии);

– *авось* (*русский авось*) – une philosophie de vie, une attitude oscillant entre le fatalisme et l'espoir (это философия жизни, позиция, колеблющаяся между фатализмом и надеждой);

– *беспредел* – ce mot parle d'une personne qui ne respecte ni la loi, ni la morale, ni les normes sociales… souvent avec impunité (так называют человека, не уважающего ни закон, ни мораль, ни социальные нормы и, зачастую, безнаказанно);

– *хамство* – une forme d'arrogance, d'insolence, de grossièreté et d'impolitesse, multipliées par le sentiment d'impunité (это форма высокомерия, наглости, грубости и невежливости, помноженная на чувство безнаказанности);

– *западло (тебе западло?)* – si on dit «pour moi, c'est zapadlo», cela veut dire qu'il ou elle se sent insulté, car faire cette chose serait trop humiliant (…если говорят «мне это западло», значит, говорящий чувствует себя оскорбленным, потому что для него сделать это было бы унизительно).

Степень возрастных различий должна учитываться при переводе произведений, созданных пять и более лет назад, при переводе молодежного сленга (параграф 3.4), «детского языка», который существует в каждой культуре и построен на повторяющихся слогах, состоящих из легко произносимых губных звуков: *ма-ма, ба-ба, ня-ня, ням-ням, ля-ля, ка-ка* и др. во французском: *mama, papa, bébé, tata, tonton, pépé, mémé, pipi, caca, dodo* (от глагола *dormir – спать*) *chien-chien* (от chien, *m* – собака, пес), *chat-chat* (от chat *m* – *кот*).

Интересно происхождение выражения *Coucouche panier, которое* обозначает корзинку (лежанку, подстилку) для собаки или кошки, и встречается в контексте приказа собаке *Coucouche!* как аналог команды *Место!* или *Лежать!* В переносном значении используется в обращении с детьми (возможно также в речи взрослых): *Coucouche!* Ср.: *Баиньки!*

В настоящее время во франкоязычном интернете распространены видео, детские песенки и картинки с малышом *Кукуш* (фр. *Bébé Coucouche*) [Bébé Coucouche en vidéo…, URL: https://coucouche.wordpress.com/2011/08/08/bebe-coucouche-s%E2%80%99amuse-avec-son-xylophone-colore/]. *Couche* имеет несколько значений: ложе, слой (населения), слои (атмосферы), слой (крема), подгузник (вероятно от *слои ткани*).

Таким образом, мы обосновали динамическую модель хронотопного перевода в условных границах любых языковых пар и привели примеры выявления и анализа постфольклорных текстов, при переводе которых происходит рассеивание или утрата смысла слов и выражений в позициях временной или пространственной удаленности и в результате культурных, субъязыковых и возрастных различий.

5.4. Сценарии хронотопного перевода в условных границах языковых пар

Для текстов в условных границах *двух и более языков* будут разворачиваться сценарии, когда читатель сталкивается (обнаруживает случайно, находит специально, читает, слышит, видит) постфольклорный текст и осуществляет процесс декодирования информации. Отметим, что процесс декодирования в данном случае осложняется переводом на другой язык/переводом с другого языка в условных границах всех возможных языковых пар. В параграфе 5.2 были представлены семантические, стилистические потери и культурные потери на примере хронотопного перевода в условных границах одного языка (русского). В параграфе 5.4 рассматриваются сценарии хронотопного перевода в условных границах языковых пар (*иностранный язык – русский язык* или *русский язык – иностранный язык*) на примере постфольклорных текстов разных жанров. Распространенность постфольклорных текстов позволяет анализировать

проблемы хронотопного перевода постфольклорных текстов, появившихся на одном языке, средствами другого языка.

Как мы определили ранее, хронотопный перевод постфольклорного текста в условных границах любых языковых пар осуществляется с неизбежным рассеиванием смысла в результате *семантических* (утрата значений слов (понятий) и значения текста в целом, понимания игры слов), *стилистических* (изменение выбора лексики, изменение интонации и ритма, непонимание тропов и фигур речи) и *культурных* потерь (утрата различий в культурных коннотациях, утрата остроты восприятия образов и явлений; несформированность или утрата ценностного отношения к событиям и явлениям).

Семантические потери

Рассеивание смысла происходит в результате **утраты с течением времени смысла слов**. В параграфе 5.2 (Семантические потери) мы рассмотрели примеры утраты смысла в условных границах одного языка. Далее мы рассмотрим отчасти те же примеры, но дополним их вариантами перевода и комментариями для хронотопного перевода в условных границах определенной языковой пары, а также привлечем другие примеры.

Семантические потери (утрата смысла слов) на примере текстов частушек в паре *русский – французский* представлены в таблице 34.

Таблица 34 – Семантические потери (утрата смысла слов) на примере текстов частушек в языковой паре *русский – французский*

(Бахтин М.М. Из архивных записей…)

Исходный текст на русском языке	**Результат хронотопного перевода на исходном языке**	**Результат промежуточного перевода на французский язык**	**Конечный (целевой) текст – результат хронотопного перевода**	**П/С**
Не ***кукушечка кукует****,* *Не* ***соловушка поет*** *-* ***Родна*** *маменька горюет:* *Дочка* ***по людям***	*Не* ***кукушечка кукует,*** *Не* ***соловушка поет*** *-* ***Родная*** *маменька горюет:* *Дочка* ***живет в работницах у***	*Ce n'est pas* ***le coucou qui chante (coucoue),*** *Ni* ***le rossignol qui gazouille*** *C'est la mère qui souffre:* ***Sa fille vit chez des***	*Ce n'est pas* ***le coucou qui chante (coucoue),*** *Ni* ***le rossignol qui gazouille*** *C'est la mère qui souffre:* ***Sa fille vit chez des***	Пву Ссуб Скр Ппу

живет.	***чужих людей.***	***étrangers, travaillant pour eux.***	***étrangers, travaillant pour eux.*** Или: ***Sa fille vit en servitude chez des étrangers.***	
В чужих людях худо жить — ***Все*** *присматривают.* ***Хоть и яшны пироги —*** ***Все припрятывают***	***Плохо жить в работниках у чужих людей*** ***За тобой постоянно*** *присматривают.* ***Хоть и пекут пироги из ячменной муки —*** ***Их не дают есть вволю.***	***Il est difficile de vivre en tant que serviteur chez des étrangers.*** ***Ils vous surveillent constamment.*** ***Même s'ils font des tartes avec de la farine d'orge,*** ***Ils les cachent.***	***Il est difficile de vivre en tant que serviteur chez des étrangers.*** ***Ils vous surveillent constamment.*** ***Même s'ils font des tartes avec de la farine d'orge, on ne vous en donnent pas autant que vous voulez.***	Пву Пву Пву, Скр Пву
Богачу опять ***лафá****:* *Придумали* ***отруба.*** *Он земельку соберет –* *Жить на* ***отруб*** *перейдет.* *А мы,* ***бéдны*** *мужики, –* ***Обирай его куски.***	*Богатому человеку опять* ***повезло / везет:*** *Придумали* ***отмерять и отделять земельные участки.*** *Богатый человек возьмет несколько участков и будет там жить.* *А мы,* ***бедные*** *мужики,* ***получим те участки, что останутся после отмера участков богатого.***	***Encore une fois, l'homme riche a de la chance : Ils ont inventé de mesurer et de séparer les parcelles de terre.*** ***L'homme riche prendra plusieurs parcelles et y vivra. Et nous, les pauvres paysans, obtiendrons les parcelles qui resteront après que les riches auront pris les leurs.***	Промежуточный перевод равен (=) конечному, для пояснения также необходим переводческий комментарий	Пву, Скр Пвр Пву, Скр

Переводческий комментарий:

– *кукушечка, соловушка, маменька, дочка* – слова, данные в тексте на русском языке в уменьшительно-ласкательной форме, во французском тексте остаются в стилистически нейтральной форме: *кукушка, соловей, мать, дочь,* четырехкратное использование прилагательного *petit –te* «утяжелило» бы всю конструкцию;

– определение *родная* к существительному *мать* во французском языке не используется, в русской лингвокультуре есть противопоставление *родная мать /неродная мать* или *мачеха*, во французской – l*a mère – (родная) мать, la belle-mère* – любая *неродная* женщина, соответствующая положению матери и выполняющая ее функции: *мачеха, свекровь, теща;*

– *des étrangers – чужие* – незнакомые люди или люди, не известные говорящему; чужаки, иностранцы.

– *Дочка по людям живет, жить в людях* – это выражение вызывает наибольшие затруднения при переводе на иностранный язык, поскольку отражает устаревшую реалию, поэтому здесь мы считаем необходимым полностью повторить переводческий комментарий из параграфа 5.2 (Семантические потери): работать по найму у людей, проживая у них в семье, выражение широко бытовало на рубеже XIX-XX веков, бедные родители отдавали своих детей-подростков (как мальчиков, так и девочек) в богатую семью, где дети жили и работали за питание и содержание, иногда за обучение какому-либо ремеслу. Следует отметить, что в русской лингвокультуре *иногда за обучение какому-либо ремеслу*, поэтому у нас существуют лексические единицы *мастер* и *подмастерье*, во французской лингвокультуре – *master* и *apprenti (мастер* и *ученик)*.

Важным аспектом перевода устойчивых выражений является внимание к уникальности их форм; в постфолькорных текстах необходимо сохранить эмоциональную окраску устойчивых выражений. Для выражений, которые не имеют аналогов в языке перевода, возможна адаптация выражения переводящего языка, посредством изменения его формы, но с сохранением смысла. Семантические потери (утрата смысла слов) на примере устойчивых выражений в языковой паре *французский – русский* (таблица 35).

Таблица 35 – Семантические потери (утрата смысла слов) на примере устойчивых выражений в языковой паре *французский – русский* (Le top 10 des mots français…)

Исходный текст на французском языке	**Результат хронотопного перевода на исходном языке**	**Результат промежуточного перевода на русский язык**	**Конечный (целевой) текст – результат хронотопного перевода**	**П/С**
Ne laisse pas traîner ***tes savates!*** Досл.: Не разбрасывай свои тапочки!	*Ne laisse pas traîner* ***tes chaussures!*** *Ne laisse pas traîner* ***tes vieilles pantoufles !***	***Не разбрасывай свои туфли.*** ***Не оставляй свои старые тапочки где-попало!***	***Не разбрасывай обувь !***	Пву Скр Пву
Ouste ! *- Ce mot me rappelle ces moments où ma propre grand-mère me surprenait dans la cuisine* ***en train de voler*** *les*	***Va-t'en !*** *Ce mot me rappelle ces moments où ma propre grand-mère me surprenait dans la* ***cuisine alors que j'essayais de***	***Поди прочь!*** *Это слово напоминает мне о тех моментах, когда моя бабушка заставала меня врасплох на кухне,*	***Брысь!*** *Это слово напоминает мне о тех моментах, когда моя бабушка заставала меня врасплох на кухне,*	Пву Скр Пву

restes de gâteau ***dans*** *le réfrigérateur.*	***chiper*** *les restes de gâteau* ***dans*** *le réfrigérateur.*	***когда я пытался /лась стащить*** *остатки торта* ***из*** *холодильника.*	***когда я пытался /лась стащить*** *остатки торта* ***из*** *холодильника.*	

Переводческий комментарий:

– *savates f, pl* – устаревшее слово, которое не употребляется в современном французском языке, синоним слов *туфли* или *старые тапочки.*

– *Ouste ! (или Oust !)* имеет долгую историю использования, переходя от значений, связанных с врагом или чужаком (лат. hostis), к современному употреблению (hustier или oustier) в качестве команды или приказа уйти. Часто используется в разговорной речи, особенно с детьми или животными. *Va-t'en !* предложенное как вариант при выполнении хронотопного перевода, является в данном контексте слишком грубым. *Chiper*, предложенное как вариант при выполнении хронотопного перевода в современной французской разговорной речи означает *стащить* или *своровать* и используется для обозначения акта кражи, обычно в незначительном масштабе. Во французском варианте предлог *dans* подчеркивает место нахождения предмета (статику) *les restes de gâteau dans le réfrigérateur* (остатки торта (находятся где?) – в холодильнике), тогда как в русском переводе мы передаем процесс (динамику) *voler les restes de gâteau dans le réfrigérateur* стащить остатки торта (откуда?) – из холодильника.

Рассмотрим далее случаи **утраты смысла текста в целом, которое не равно сумме значений отдельных слов** Семантические потери (утрата смысла текста в целом) на примере текстов частушек в языковой паре *русский – французский* представлены в таблице 36.

Таблица 36 – Семантические потери (утрата смысла текста в целом) на примере частушек в языковой паре *русский – французский* (Бахтин М.М. Из архивных записей…)

Исходный текст на русском языке	**Результат хронотопного перевода на исходном языке**	**Результат промежуточного перевода на французский язык**	**Конечный (целевой) текст - результат хронотопного перевода**	**П/С**
Пошла ***рында*** за водой,	Пошла ***высокая худая женщина*** на	***Une grande femme maigre*** est allée à la	***Une grande femme maigre*** *est allée à la*	Пву, Скр

Оскользнулася ногой; Бежит мужик ***без души,*** Тянет рынду *за* ***уши.***	реку за водой, Оскользнулася ногой; Бежит мужик ***без души*** (точное значение не установлено),Тянет рынду ***за уши*** (точное значение не установлено).	rivière pour chercher de l'eau, son pied a glissé dans l'eau et la femme est tombée dans l'eau ; Un homme ***sans âme*** court tire la femme ***par les oreilles.***	*rivière pour chercher de l'eau. Son pied a glissé et elle est tombée dans l'eau.* ***Un homme, voyant cela, a couru et l'a aidée à sortir de l'eau.***	Скр, Ппу Пву, Скр

Переводческий комментарий:

Для современной французской культуры некоторые слова могут показаться устаревшими или неподходящими. В частности, *un homme sans âme – человек без души* и *tire la femme par les oreilles – тащит женщину за уши* могут быть восприняты как грубые или жестокие. В случае, когда смысл слов утерян, мы считали возможным воспользоваться приемом опущения для избежания некорректного прочтения и искажения смысла текста в целом.

Далее представлены примеры, демонстрирующие семантические потери (утрата смысла текста в целом) на примере паремий и устойчивых выражений в языковой паре *французский – русский* (таблица 37).

Таблица 37 – Семантические потери (утрата смысла текста в целом) на примере паремий и устойчивых выражений в языковой паре *французский – русский*

(Le top 10 des mots français…; Полевой материал)

Исходный текст на французском языке	**Результат хронотопного перевода на исходном языке**	**Результат промежуточного перевода на русский язык**	**Конечный (целевой) текст – результат хронотопного перевода**	**П/С**
Les commères du quartier passent leur temps ***à faire des cancans***	***Les femmes du quartier*** passent leur temps ***à faire (colporter) des potins (des ragots)."***	Женщины, проживающие по соседству, проводят время, ***распуская сплетни***	***Соседские сплетницы коротают время, распуская слухи***	Скр, Ппу Ссуб
Il aime ***fleureter*** *avec la laitière*	*Il aime* ***flirter*** *avec la laitière*	*Ему нравится* ***флиртовать*** *с молочницей*	*Ему* ***нравится заигрывать / водить шашни*** *с молочницей*	Пву Скр ссуб
Contre-aimer *Siecle vrayment heureux, siecle d'or estimé, Où tousjours l'amoureux se voyoit* ***contre-aimé.*** *Pierre de Ronsard*	***Amour réciproque*** *Véritablement heureux siècle, siècle d'or estimé, Où toujours l'amoureux voyait son* ***amour réciproque.***	***Взаимная любовь*** *Поистине счастливый век, почитаемый золотой век, где влюбленный всегда видел* ***взаимную любовь***	***Встречная (ответная) любовь*** *Поистине счастливый век, почитаемый золотой век, где всегда влюбленный видел* ***ответную (встречную) любовь/***	Скр, Ппу

Ils sont venus avec toute leur ***marmaille***	Ils sont venus avec tous leurs ***enfants.***	Они пришли со своими ***детьми***	Они пришли со всеми своими ***обормотами***	Скр Пву Ппу

Переводческий комментарий:

– *les commères (les commères du quartier)* можно перевести как *сплетницы (соседки-сплетницы)*. Слово *commères* еще используется, оно в современной речи оно воспринимается как архаичное; в повседневном общении можно использовать такие слова и конструкции как *ragoteuses* или *femmes qui bavardent*.

– *cancans (сплетни), faire des cancans (распускать слухи, сплетничать)* тоже воспринимается как устаревшее или несколько старомодное. В современном французском языке чаще используется слово *ragots (слухи, сплетни)* или *potins (сплетни)*.

– *fleureter* происходит от старофранцузского слова *floreter*, которое в свою очередь произошло от *floret*, уменьшительного от *flor (цветок)*. Изначально это слово имело значение *украшать цветами* в прямом и переносном смыслах; *chanter fleurette* имеет значение *говорить комплименты, любезничать, ухаживать, волочиться за кем-либо. В* современном французском языке употребляется глагол *flirter,* заимствованный из английского: глагол *to flirt*, образованный от существительного *a flirt*, означающего *короткий, быстрый удар* или *резкое движение,* и связанного с идеей *легкомысленного, непринужденного поведения*. Затем глагол *to flirt* приобрел значение *кокетничать, флиртовать*, и в XIX веке перешел во французский язык с тем же значением. Внешнее сходство глаголов *fleureter* и *flirter* является совпадением;

– слово *contre-aimé* в старофранцузском языке означало *любовь, полученную в ответ, ответная любовь;*

– *marmaille* – это собирательное существительное, обозначающее шумных детей. *Marmaille* состоит из слова *marmotte (сурок)* и суффикса -*aille*, который придает слову уничижительный оттенок. Так говорят о детях те, кто их не любит.

Одной из сложных задач хронотопного перевода постфольклорных текстов являются особенности понимания и перевод **игры слов** (таблица 38). Игра слов как языковой феномен основывается на особенностях языка, которые не всегда легко передаются на другой язык из-за различий в структуре, значении и ассоциациях между словами. Перевод игры слов – это всегда компромисс между точностью и выразительностью, переводчику в этом случае может потребоваться творческий подход, чтобы сохранить юмор, легкость словесной игры, обеспечить узнаваемость конструкции, несмотря на возможные утраты точности. Возможной компенсаторной стратегией является подбор альтернативных омонимичных конструкций, но в данном случае прямая передача невозможна без утраты многозначности оригинала.

Игра слов возникает многозначности, омонимии, паронимии, созвучию слов или схожести их формы: *Рева-корова, дай молока, сколько стоит – три пятака* [Пикабу (Дразнилка), URL: https://pikabu.ru]. *Косил косой косой косой* [«Ну-ка Дети» («Крылатые фразы»), URL: https://nukadeti.ru/]. *Я готовился к экзамену всю ночь и не сдал, нервы сдали. Как корабль назовете, так он и поплывет, – сказал капитан «Титаника»* [Полевой материал…(Велеризмы)].

Таблица 38 – Семантические потери (перевод игры слов) на примере рифмовок в языковой паре *русский – французский* («Ну-ка Дети»; Пикабу)

Исходный текст на русском языке	**Результат хронотопного перевода на исходном языке**	**Результат промежуточного перевода на французский язык**	**Конечный (целевой) текст – результат хронотопного перевода**	**П/С**
Косил косой косой косой	*Косил траву косоглазый заяц с помощью косы*	*Un lièvre aux yeux louches tondait l'herbe avec une faux*	*Промежуточный перевод равен (=) конечному, для пояснения необходим переводческий комментарий*	Пву Ссуб
Рева-корова, дай молока, сколько стоит – три пятака	*Тот, кто ревет, как корова, дай молока, сколько стоит – три монеты по пять копеек*	*Pleurnicheur (-euse) comme une vache, donne-moi du lait, combien ça coûte - trois pièces de cinq kopecks*	*Le pleurnicheur (l a pleurnicheuse) - la vache - donne-moi du lait, combien ça coûte - trois pièces de cinq kopecks*	Скр Ссуб

Переводческий комментарий:

– в первом примере мы сталкиваемся с игрой слов. Фраза на русском языке *Косил косой косой косой* строится на омонимии слова *косой*, которое выступает в роли глагола, существительного и прилагательного. В французском языке такая омонимия невозможна, поэтому при переводе использованы: глагол *fauchait* (косить), существительное *faux* (коса), прилагательное *louche* в конструкции *aux yeux louches* (если речь идет о косоглазии);

– в тексте детской дразнилки мы сталкиваемся с необходимостью уточнить род слова *Рева*, пояснить роль в тексте слова *корова* и ввести особенности наименования монет в русском языке. Поскольку это невозможно включить в перевод, вся информация может быть предъявлена только в комментариях. *Рева* – это обидное слово, им называют тех детей, которые много *плачут (ревут)*, слово *Рева* используется применительно как к мальчикам, так и к девочкам, *корова* – еще одно обидное слово, рифмующиеся с Рева, грамматически – это приложение. Для перевода мы использовали глагол *pleurnicher*, который происходит от корня *pleurer (плакать)* с добавлением суффикса *-nicher*, что придает значение хныканья или плача, и далее суффиксов – *eur, - euse*: *le pleurnicheur / la pleurnicheuse*, Мы указываем в переводе формы мужского и женского родов, поскольку Рева в русском языке это не обязательно девочка.

– *пятак* – монета, достоинством в 5 копеек (копейка – сотая часть рубля) – trois pièces de cinq kopecks (une kopeck est un centième de rouble).

Интересный случай игры слов был обнаружен в названиях французских сайтов о домашних питомцах: *Chagesse (*досл.: *кошачья мудрость*), образованный словосложением: в одном слове объединено *le chat (кот)* и la *sagesse (мудрость)*. Варианты перевода *chagesse* одним словом (попытка сохранения смысла и повторения приемы словосложения, примененного во французском языке) *Котомудрость* или *Комудрость*.

Распределение выявленных позиций/степеней семантических потерь в ходе хронотопного перевода (два языка) представлены в таблице 39.

Таблица 39 – Распределение выявленных позиций/степеней семантических потерь в ходе хронотопного перевода (два языка)

Семантические потери:	Утрата смысла слов		Утрата смысла текста в целом		Особенности понимания игра слов	
	тексты	примеры	тексты	примеры	тексты	примеры
Позиции временной удаленности (Пву)	14	16	16	15	7	7
Позиции пространственной удаленности (Ппу)	8	10	9	12	10	8
Степень культурных различий (Ск)	**18**	**19**	**15**	**15**	10	13
Степень субъязыковых различий (Ссуб)	13	17	13	13	11	12
Степень возрастных различий (Свозр)	11	13	9	11	**12**	**13**
Всего	**64**	**75**	**62**	**66**	**50**	**53**

Распределение выявленных позиций/степеней семантических потерь в ходе хронотопного перевода для языковых пар показывает, что случаи утраты смысла слов и утрата смысла текста в целом в отобранных текстах происходили чаще в результате культурных различий (19 примеров в 18 текстах и 15 примеров в 15 текстах), на особенности понимания игры слов чаще влияли возрастные различия (13 примеров в 12 текстах).

Стилистические потери

Рассеивание смысла при переводе постфольклорных текстов происходит в результате **изменения выбора лексики**. Проблема выбора эквивалента при переводе в случае сосуществования в языке большого количества смыслов слова, является показателем мастерства переводчика.

Городская легенда о призрачном попутчике – это одна из самых известных и пугающих историй, варианты которой известны в разных странах, но общий сюжет остается неизменным. В приведенном тексте краткие и выразительные фразы передают мистический смысл

повествования, не перегружая текст деталями. При переводе важно сохранить таинственную и мрачную атмосферу.

The Vanishing Hitchhiker

One night, a driver saw a pale young woman in a white dress by the roadside, ***signaling for a ride****. Feeling sorry for her, he stopped, and she quietly got into the back seat,* ***giving him an address****. She barely spoke during the drive. When they arrived, the driver turned to tell he, but the back seat was empty.* ***Shocked, he knocked on the house door.*** *An older woman answered, explaining, "That was my daughter. She died in a car accident here ten years ago. Every year, she tries to come home." Returning to his car, the driver noticed a damp patch on the seat,* ***as if she had brought the cold night with her.***

Перевод: Призрачный попутчик

Однажды ночью водитель увидел у обочины бледную девушку в белом платье, которая пыталась поймать машину. Пожалев ее, он остановился, и она села на заднее сиденье, назвав адрес. Во время поездки она почти не разговаривала. Когда они приехали, водитель обернулся, чтобы сообщить ей, что они на месте, но заднее сиденье оказалось пустым. В шоке он постучал в дверь дома, адрес которого она назвала. Ему открыла пожилая женщина, которая объяснила: «Это была моя дочь. Она погибла в автокатастрофе на этой дороге десять лет назад. Каждый год она пытается вернуться домой». Вернувшись к машине, водитель заметил на сиденье влажное пятно, как будто она принесла с собой холод ночи.

Переводческий комментарий:

– *signaling for a ride* дословно переводится как *подавая сигнал для поездки,* его следует адаптировать: *просила подвезти* или *голосовала*, выражение *голосовать* в таком контексте достаточно корректно описывает ситуацию и не вызывает смешения с выражением *голосовать за кого-либо на выборах*. Но для перевода мы выбрали выражение *пыталась поймать машину*, в таком виде фраза становится более приемлемой для жанра городской легенды на русском языке.

– *she quietly got into the back seat* дословно – *она тихо села на заднее сиденье*. Слово *quietly* опущено, поскольку в русском языке описание ситуации, когда в машину ночью садится случайный попутчик непринято

характеризовать наречием *тихо*, варианты *спокойно* или *аккуратно*, мы тоже сочли неуместными.

– *shocked, he knocked on the house door – В шоке он постучал в дверь дома, адрес которого она назвала.* В русском переводе мы добавили уточнение *адрес которого она назвала*, поскольку упомянутое ранее *назвав адрес*, возможно, остается незамеченным.

– *returning to his car, the driver noticed a damp patch on the seat, as if she had brought the cold night with her* – последняя фраза заканчивается поэтическим: *как будто она принесла с собой холод ночи*. В устном пересказе подобные истории заканчивают более кратко, например: *он садится в машину и видит на заднем сиденье мокрое пятно.*

Добавим, что, согласно легендам, призрачный попутчик часто причиняет вред водителю. Далее приведена местная оренбургская легенда *Призрачный «Москвич»*, уникальность которой состоит в том, что «Москвич» помогает людям.

Призрачный «Москвич»

Не трассе Оренбург – Орск есть ***перевал Сара****, где зимой часто бывают* ***снежные заносы****, там иногда люди получают обморожения, были случаи, когда люди погибали в засыпанных снегом машинах. По легенде,* ***во время пурги,*** *перед машиной с уставшим водителем* ***из ниоткуда появляется*** *старый «Москвич» с включенными фарами. Машина движется очень быстро, а водитель в темной одежде и с закрытым лицом не реагирует на другие автомобили. Он ведет за собой через опасный перевал другие машины, а затем* ***растворяется в тумане****. Говорят, что это дух человека, погибшего когда-то в* ***ДТП*** *на этом самом перевале.*

Перевод: «Le Moscovitch» fantôme

Sur la route Orenbourg – Orsk, il y a ***le col de Sara****, où, en hiver, il y a souvent* ***des congères****, et parfois les gens souffrent de gelures. Il y a eu des cas où des personnes sont mortes dans leurs voitures ensevelies sous la neige. Selon la légende,* ***pendant une tempête de neige****, une vieille voiture "Moskvitch" avec les phares allumés* ***apparaît de nulle part*** *devant une voiture avec un conducteur épuisé. La voiture roule très vite, et le conducteur, vêtu de noir et avec le visage caché, ne réagit pas aux autres voitures. Il mène d'autres véhicules à travers le col*

dangereux, puis ***disparaît dans le brouillard.*** *On dit qu'il* ***s'agit de l'esprit d'une personne qui a succombé dans un accident de voiture*** *sur ce même col.*

Переводческий комментарий:

– *la route Orenbourg – Orsk* – в данном контексте *la route* обозначает дорогу в широком смысле, не только трассу, но и любой маршрут;

– *des congères – снежные заносы, сугробы* – описание погодных условий и реалий времен года в разных географических широтах является сложной переводческой задачей, в данном случае *des congères* – наиболее точный термин для обозначения скопления снега или заносов, возникающих на дорогах в условиях сильных снегопадов;

– *une tempête de neige* – дословно *снежная буря*, для русских слов *пурга, вьюга, метель* во французском языке используется *une tempête*;

– *une vieille voiture «Moskvitch» – н*азвание автомобиля «Москвич» не переводится и передается транслитерацией, можно использовать уточнение *une vieille voiture de marque Moscovitch;*

– *il mène d'autres véhicules à travers le col dangereux… – он ведет другие автомобили за собой через опасный перевал…*, глагол *mener* здесь использован в смысле *вести за собой* или *проводить*;

– *apparaît de nulle part/disparaît dans le brouillard – появляется из ниоткуда/раствориться в тумане – disparaître* употреблен здесь как наиболее нейтральный глагол, для передачи смысла таинственного исчезновения возможно использовать глагол *se perdre – исчезнуть, потеряться,* или *se dissiper* – рассеяться, употребление глагола *se dissoudre – растворяться в жидкости*, подчеркнет необычность ситуации;

– *personne qui a succombé* – погибший человек, глагол *succomber* – погибать от ран или травм, добавляет оттенок трагизма, подходит для описания смерти в результате несчастного случая в отличие от нейтрального *décéder – умереть;*

– аббревиатура *ДТП* передана выражением *un accident de voiture*, это является прямым переводом фразы, поскольку *accident de voiture* – типичное выражение для обозначения автомобильной аварии.

Смыслы, заложенные в слове, проявляются в результате его употребления в определенном контексте. На сайтах туристических компаний для иностранцев указание на оттенки смысла поясняются примерами. Далее приведены различные смыслы русского существительного *баба:*

– в просторечии *баба* может означать *женщина*, *любовница;* в древнерусском языке слово *баба* обозначало *крестьянку, сильную, статную, здоровую;*

– в речи детей *баба* используется как уменьшительная форма от слова *бабушка;*

– снежная *баба* – снеговик;

– *Баба*-Яга – персонаж славянского фольклора;

– в качестве насмешки *баба* используется как оскорбление для обозначения слабого и трусливого мужчины;

– повивальная *баба (бабка)* в прошлом – женщина-повитуха [Boym, 1994].

Учитывая способы словообразования в русском языке, необходимо дополнить этот список существительными *бабка* (пренебрежительное от *бабушка или старая женщина*), *бабки* (много *бабушек*), *бабки* (сленг – деньги), *бабка* (локальное – пирог из картофеля), *бабка* (надкопытный сустав ноги животного), *бабка* (кость надкопытного сустава, используемая в игре, *бабки* (игра с использованием костей надкопытного сустава).

Также изменение выбора лексики были приведены в параграфе 5.2 (Стилистические потери) на примере пародий на тексты песен на иностранных языках. Стилистические потери происходят в результате изменения **интонации и/или ритма** при создании аудио- или звуковой видеозаписи, при прочтении/произнесении текста вслух. В постфольклорных

текстах часто используются фрагменты других широко известных текстов. Их повторное использование влечет за собой изменение интонации и ритма.

Chad de la Cour	*Чад де ла Кур*
Pourquoi tu joues avec moi ? ***J't'aime autant qu'j'te déteste***	*Почему ты играешь со мной?* *Я* ***люблю*** *тебя так же сильно,* ***как ненавижу***
Ma tetê est remplie d'haine *J'comprends mêtme pas pourquoi j'ai d'la peine* *Question qui tourne dans mon crâne :* *"Pourquoi tu n'réponds pas quand je t'appelle ?"* [Genius…, URL: https://genius.com/Genius-about-genius-annotated].	*Моя голова полна ненависти* *Я даже не понимаю, почему мне грустно* *В голове крутится вопрос: «Почему ты не отвечаешь, когда я тебе звоню?»*

Переводческий комментарий:

– вторая строка *J't'aime autant qu'j'te déteste* (Я люблю тебя так же сильно, как ненавижу) повторяет название и главную мысль (смысл) стихотворения римского поэта Катулла *Odi et amo* (с лат.: *Ненавижу и люблю*) [Martínez, 2008], передающего смысл противоречивых чувств влюбленных. Рассмотрим подобные примеры из русской лингвокультуры:

> *Он сказал: «****Поехали!****»,*
> *Он взмахнул рукой,*
> *Словно вдоль по Питерской, Питерской*
> *Пронесся над Землей! (Н. Добронравов «Знаете, каким он парнем был!»)* [Результаты психолингвистического эксперимента и анкетирования…].

Переводческий комментарий:

– *Он сказал: «Поехали!»* – отсылает нас к словам Ю.А. Гагарина, во время запуска его корабля в космос. Эта фраза стала крылатой и передает смысл начала выполнения любого важного дела.

– *«Вдоль по Питерской»* – название песни Ф.И. Шаляпина и строка из нее. Смыслом фразы в русской лингвокультуре стало *лихо проехать по главной улице*, изначально – на тройке, сейчас – на любом транспорте.

Священные слова «Москва за нами!» Мы помним со времен Бородина (Р. Рождественский «Мы – армия народа») [Результаты психолингвистического эксперимента и анкетирования…].

Переводческий комментарий:

– *«Москва за нами!»* – отсылка к строчке из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Бородино»: *…и молвил он, сверкнув очами: «Ребята! не Москва ль за нами?»*

В параграфе 5.2 (Стилистические потери) мы рассмотрели примеры утраты смысла в случаях употребления в постфольклорных текстах тропов и фигур речи в условных границах одного языка. Далее мы рассмотрим те же примеры, но дополним их вариантами перевода и комментариями для хронотопного перевода в условных границах определенной языковой пары. В таблице 40 представлены стилистические потери (непонимание смысла эпитетов) на примере преданий и текстов сообщений в языковой паре *русский – французский*.

Таблица 40 – Стилистические потери (непонимание смысла эпитетов) на примере преданий и текстов сообщений в языковой паре *русский - французский*

(Истории из жизни; «Ну-ка Дети»; Пикабу; Полевой материал)

Исходный текст на русском языке	**Результат хронотопного перевода на исходном языке**	**Результат промежуточного перевода на французский язык**	**Конечный (целевой) текст - результат хронотопного перевода на язык перевода**	**П/С**
офигевший *голос:*	***растерянный, удивленный, взволнованный*** *голос*	***ébahi*** *(изумленный, растерянный);* ***désorienté*** *(растерянный)4* ***étonné*** *(удивленный)* ***stupéfait*** *(пораженный)*	*une voix* ***hallucinée*** *(офигевший голос)*	Скр Ссуб
черная *перчатка*	***страшная, зловещая*** *перчатка*	*Un gant* ***terrifiant*** *et* ***sinistre*** ***Terrifying, sinister*** *glove*	***main de gloire*** ***The Hand of Glory***	Скр Свозр Ппу
Папа пытается ***вырваться*** *из Роминых* ***шахматных клешней***	*Папа* ***пытается найти решение в шахматной партии*** *с сыном, но у него не получается*	*Le père* ***essaie d'échapper aux griffes*** *de son fils dans une* ***partie d'échecs****, mais il n'y parvient pas.*	*Le père* ***essaie d'échapper aux griffes d'échecs*** *de Roman.*	Скр Ссуб

Переводческий комментарий:

– для перевода формы причастия от русского разговорного глагола *офигеть* на французский язык можно использовать глаголы или прилагательные, передающие аналогичное чувство удивления или шока. *ébahi (изумленный), stupéfait (пораженный), étonné (удивленный), halluciné (ошарашенный)*. Наиболее разговорный вариант и передающий нужный нам смысл имеет причастие *halluciné;*

– в европейском детском фольклоре существуют страшилки, связанные с руками и перчатками. Одной из таких историй является *Рука славы* (фр. *main de gloire* англ. *Hand of Glory*). Считается, что французское выражение *main de gloire* (досл. *рука славы*) связано с названием растения мандрагора (лат. Mandragóra, фр. mandragore). Эти легенды описывают руку повешенного преступника, которая после специальной обработки использовалась в магических целях, такая рука могла парализовать людей и открывать запертые двери, незаметно проникать в дома. Легенды о *Руке славы* были распространены во Франции, Германии и Испании;

– устойчивое выражение *вырваться из клешней* означает освободиться из сложной, трудной или опасной ситуации, избавиться от чьего-либо контроля или влияния. Для перевода мы рассмотрели *s'échapper des mains de – вырваться из рук*, которое используется для описания побега или избавления от кого-то; *échapper aux griffes de* – более образное, буквально: *вырваться из когтей*. Данное выражение точнее передает описание избавления от чьей-то власти или освобождение из опасной ситуации.

Далее мы рассмотрим (таблица 41) стилистические потери на примере непонимания тропов и фигур речи и дополним их комментариями для хронотопного перевода на иностранный язык или с иностранного языка на русский.

Таблица 41 – Стилистические потери (непонимание тропов и фигур речи) на примере текстов разных жанров в языковой паре « русский - французский»

(Демотиваторы; Изнанка Города; PORGI)·

Исходный текст на русском языке	**Результат хронотопного перевода на исходном язык**	**Результат промежуточного перевода на французский язык**	**Конечный (целевой) текст - результат хронотопного перевода на язык перевода**	**П/С**
Приходилось ***жить для того, чтобы*** *каждый день все* ***мыть****, или все каждый день* ***мыть для того, чтобы жить***	*Поскольку у дочери была сильнейшая аллергия****, я жила, для того чтобы каждый день делать влажную уборку****, или я каждый день* ***делала влажную уборку для того, чтобы*** *мы могли* ***жить без постоянного обращения к врачам****.*	*En raison de la forte allergie de ma fille,* ***je vivais pour faire le ménage humide chaque jour****, ou je* ***faisais le ménage humide*** *chaque jour* ***pour que nous puissions vivre sans avoir à consulter constamment les médecins****.*	*Comme ma fille avait une forte allergie,* ***je vivais pour faire le ménage humide chaque jour,*** *ou* ***je faisais le ménage humide chaque jour pour que nous puissions vivre tranquillement****.*	Скр Пву Ссуб
 Рис. 21. Демотиватор «1 сентября»	Демотиватор: 1 сентября – ***Счастливые лица школьников***	La rentrée ***Les visages heureux des écoliers***	 Рис. 24. La rentrée. Les visages heureux des écoliers	Ппу Скр Ссуб
…В л а д: мама Первого сентября в школу привела, а папа с выпускного унес	Праздник «Первое сентября» означает начало обучения в школе, на него обычно детей приводят родители (чаще - мамы), выпускной в 11 классе – это окончание обучения. Папа с выпускного унес – шутка об употреблении спиртного выпускниками на празднике	La fête du «Premier septembre» marque le début de l’école, les enfants y sont généralement amenés par leurs parents (souvent par leurs mères). La remise des diplômes en terminale signifie la fin des études. «Papa m’a emporté après la remise des diplômes» – c’est une plaisanterie sur la consommation d’alcool par les diplômés lors de cette fête.	*В л а д*: Maman m’a amené en première année, et papa m’a emporté après la remise des diplômes	Ппу Пву Скр Ссуб

Но пока люди не научатся ценить сокровища, которые спрятаны на самом видном месте, ничего не изменится.	*Но пока люди не научатся ценить сокровища, которые находятся у всех на виду, ничего не изменится.*	*Mais tant que les gens n'apprendront pas à apprécier les trésors cachés en pleine vue, rien ne changera.*	Промежуточный перевод равен (=) конечному, для пояснения также необходим переводческий комментарий	Ппу Пву Скр Ссуб

Переводческий комментарий:

– в исходном тексте на русском языке используется фигура перестановки – хиазм, элементы *жить* и *мыть* меняются местами, создавая зеркальное отражение структуры предложения. Хиазм как фигура слова и аллергия как заболевания известны во всех языках и культурах, поэтому этапы хронотопного перевода включают пояснения, учитывающие контекст;

– в пояснении демотиватора для перевода реалии российской культуры – *Первое сентября* (праздник) с коннотацией *начало учебного года* (рис. 21) использованы три выражения на французском языке: *la rentrée*, *Premier septembre, en première année,* также мы использовали картинку, изображающую французских школьников во дворе, поскольку аутентичное изображение доносит до получателя информации дополнительные смыслы, вербальное выражение которых заняло бы намного больше времени (рис. 24), в конечном тексте мы остановились на выражении *La rentrée,* которое точнее передает смысл русскоязычного демотиватора;

– во фразе из школьного сценария содержится несколько оппозиций, понятных носителю русского языка *Первое сентября – выпускной, привести – унести, мама – папа*. В сценарии эту реплику произносит юноша, поэтому оппозиция *мама – папа* передает сохранившуюся патриархальную реалию российской действительности (или память об этой реалии): мальчики младшего возраста больше времени проводят с мамой, но, по мере взросления воспитанием сыновей все больше начинают заниматься папы. Перевод глаголов *привести, унести* в изолированных текстах возможен с помощью глагола *emmener,* который во французском языке акцентирует внимание на том, что кто-то берет с собой другого человека (здесь реализуется смысл активной позиции объекта

действия) или вещь (здесь – смысл пассивной позиции) и перемещает их из одного места в другое. Поэтому для сохранения смысла игры слов, построенной на указанных оппозициях и реалиях русской культуры, необходимо использование разных глаголов (amener, emporter), пояснение деталей возможно с помощью описательного перевода или с помощью переводческих комментариев.

– фразеологизмы, аналогичные русскому выражению *быть спрятанным на самом видном месте*, во французском языке – это *caché en pleine vue, caché à la vue de tous* или *à portée de main*. Эти выражения могут быть использованы при переводе, их употребление подскажет получателю конечного текста, что в тексте оригинала также был использован фразеологизм, но каждое выражение имеет отдельные коннотации, например, *à portée de main* означает *под рукой* или *в пределах досягаемости*, *стоит только руку протянуть,* что отличается по смыслу от *быть спрятанным на самом видном месте.*

Рассмотрим еще несколько примеров стилистических потерь (непонимания тропов и фигур речи) в переводе постфольклорных текстов разных жанров (таблица 42).

Таблица 42 – Стилистические потери (непонимание тропов и фигур речи) на примере текстов разных жанров в языковой паре *русский - французский*

(Истории из жизни; PORGI)

Исходный текст на русском языке	**Результат хронотопного перевода на исходном языке**	**Результат промежуточного перевода на французский язык**	**Конечный (целевой) текст - результат хронотопного перевода**	**П/С**
Горел-горел на работе да весь выгорел	*Он долго очень старался (проявлял инициативу), по потом потерял интерес и начал без фанатизма относится к служебным обязанностям*	*Il a longtemps fait preuve d'initiative, mais ensuite il a perdu de l'intérêt et a commencé à aborder ses responsabilités professionnelles sans fanatisme.*	Промежуточный перевод равен (=) конечному, для пояснения также необходим переводческий комментарий	Ппу Пву Скр Ссуб
…дети приносят нам одни огорчения. А мы	*…дети приносят нам некоторые огорчения. А мы им*	*…les enfants nous apportent des ennuis. Et nous leur en apportons*	Промежуточный перевод равен (=) конечному,	Ппу Пву Скр

им — другие!	*— другие!"* *…дети приносят нам только огорчения. А мы им — другие!*	*d'autres !* *…les enfants nous apportent certains ennuis. Et nous leur en apportons d'autres !* *…les enfants ne nous apportent que des ennuis. Et nous leur en apportons d'autres !*	для пояснения необходим переводческий комментарий	Ссуб

Переводческий комментарий:

– овеществление *гореть на работе* можно объяснить по-французски, используя выражения, описывающее человека, который работает с большим энтузиазмом, страстью: *être passionné par son travail* – быть увлеченным своей работой; *travailler avec ardeur et enthousiasme* – работать с рвением и энтузиазмом;

– в выражении *одни огорчения* используется игра слов: *одни* со смыслом *какие-то, определенные,* и *одни* со смыслом *только,* поэтому промежуточный перевод равен конечному, а для пояснения иронии необходим переводческий комментарий.

Далее представлено распределение выявленных позиций/степеней стилистических потерь в ходе хронотопного перевода (для двух языков) (таблица 43).

Распределение выявленных позиций/степеней стилистических потерь в ходе хронотопного перевода для языковых пар показывает, что случаи изменения выбора лексики в отобранных текстах происходили чаще в результате возрастных различий (16 примеров в 16 текстах); изменения интонации и ритма происходили чаще в результате возрастных различий (15 примеров в 14 текстах) и в результате временной удаленности (17 примеров в 13 текстах); случаи непонимания фигур стиля, основанных на многозначности слов, и непонимания тропов – в результате субъязыковых различий (14 примеров в 14 текстах и 13 примеров в 12 текстах).

Таблица 43 – Распределение выявленных позиций/степеней стилистических потерь в ходе хронотопного перевода (два языка)

Стилистические потери:	Изменение выбора лексики		Изменение интонации, ритма		Непонимание фигур стиля		Непонимание тропов	
	тексты	примеры	тексты	примеры	тексты	примеры	тексты	примеры
Позиции временной удаленности (Пву)	14	14	**13**	**17**	7	9	11	12
Позиции пространственной удаленности (Ппу)	9	12	8	10	9	12	8	10
Степень культурных различий (Ск)	5	5	8	8	9	9	7	8
Степень субъязыковых различий (Ссуб)	9	11	11	13	**14**	**14**	**12**	**13**
Степень возрастных различий (Свозр)	**16**	**16**	**14**	**15**	10	11	7	8
Всего	**53**	**58**	**54**	**63**	**49**	**55**	**45**	**51**

Далее представлены особенности передачи культурных различий при переводе постфольклорных текстов.

Культурные потери

Элементы культуры, включая их внешние и внутренние проявления, представляют собой множество аспектов человеческой жизни. Внешние проявления культуры включают материальные объекты, такие как архитектура, техника, искусство и традиции, а также язык и речь как средство общения. Эти внешние элементы отображают внешнюю сторону культуры и часто используются для выражения идентичности общества. Внутренние проявления культуры отражают более глубокие аспекты, такие как мировоззрение, ценности, убеждения и философия, которые влияют на поведение, нормы и взаимоотношения в обществе. Эти внутренние элементы формируют основу культуры и определяют, как люди воспринимают мир и взаимодействуют друг с другом.

Перевод элементов культуры требует особого подхода, так как многие культурные аспекты могут не иметь прямых аналогов в другом языке.

Примером утраты **различий в культурных коннотациях** служат переводы песни «Once upon a December» из мюзикла «Anastasia», снятого по мотивам истории Анны Андерсон[18]. Песни «Once upon a December» авторская, имеются точные сведения об авторах музыки, либретто и текстов песен мюзикла, но история Анастасии, чудом спасшейся дочери Николая II, продолжает существовать как легенда, даже после генетической экспертизы, поэтому мы рассматриваем этот текст как постфольклорный (таблица 44).

Таблица 44 – Культурные потери (утрата различий в культурных коннотациях) на примере песен и изобразительных динамичных текстов (Rutube)

Исходный текст	**Конечный (целевой) текст (результат хронотопного перевода)**	**Позиция/ степень**
Far away, long ago, Glowing dim as an ***ember,*** Things my heart used to know Things it yearns to remember. *Дословный перевод:* Далеко, давно, Светятся тускло, как угли, Вещи, которые я хорошо знала когда-то И которые я пытаюсь вспомнить	*Зеркала в **янтаре*** Мой восторг отражают, Кто-то пел на заре Дом родной покидая….	Ппу Пву Скр Ссуб

Переводческий комментарий:

Песня при дубляже была переведена на многие языки, в оригинальном тексте на английском языке есть строки:

*Far away, long ago, Glowing dim as **an ember**…*

Текст на русском языке представляет собой не перевод, а оригинальный текст. Позволим сделать замечание, что возможно в первом варианте текст на английском языке включал слово янтарь:

*Far away, long ago, Glowing dim as **an amber**…*

[18] Анна Андерсон (урожденная Чайковская, в замужестве Манахан), наиболее известная из женщин, выдававших себя за великую княжну Анастасию, дочь Николая II, чудом спасшуюся во время революции.

Но при перепечатывании текста или при записи теста на слух в какой-то момент произошла замена: *amber – янтарь* был заменен на *ember – уголек*. В настоящее время этот текст, видео и изображения из одноименных фильма, мюзикла и мультфильма можно найти на многих сайтах. Упоминание янтаря является отсылкой к Янтарной комнате Зимнего дворца, значимому элементу российской культуры, связанному с историей царской семьи, и вполне логично, что в русском переводе присутствует фраза *Зеркала в янтаре мой восторг отражают…* . Подобная замена (*amber/ember,* если таковая имела место) и отсутствие слова *amber (янтарь)* в современных текстах песен на английском и других европейских языках, является примером утраты различий в культурных коннотациях. Приведенный выше пример можно рассмотреть, как игру слов-омофонов (amber [‘æmbə] янтарь, ember [‘embə] – уголек).

Примерами утраты различий в культурных коннотациях являются необъяснимые переводы названий иностранных фильмов и иногда книг.

Американский фильм «The Entity» (англ. суть, существо, сущность) был переведен на русский как «Астрал. Реинкарнация». В оригинальном названии «The Entity» подразумевается нечто зловещее, некую сущность, нечто сверхъестественное. В русском варианте происходит смещение акцента на другие концепции – астральный мир и существование порталов между мирами, которые не отражены в оригинальном названии фильма.

Название другого фильма «About Fate» можно перевести как «О судьбе». Это нейтральное и достаточно общее название, которое может намекать на различие в понимании судьбы, случайности и их влияния на жизнь персонажей. Русский перевод «Ирония судьбы в Голливуде» отсылает к знаменитому советскому фильму «Ирония судьбы, или С легким паром!», настраивая зрителей на киноповествование, связанное с неожиданными поворотами сюжета. В данном случае, перевод добавляет культурный контекст, понятный русскоязычной аудитории, но при этом полностью изменяет смысл оригинального названия.

Название испанского фильма «Contratiempo» было переведено на русский язык как «Невидимый гость». На испанском языке *contratiempo* буквально означает *вопреки времени,* и в современном испанском языке употребляется в смысле *неудача, затруднение* или *препятствие*. Русское название «Невидимый гость» акцентирует внимание на загадочном элементе сюжета, связанном с персонажем, который остается незаметным или скрытым.

Примеры перевода названия романа Д.Д. Сэлинджера «The Catcher in the Rye» (досл.: *Ловец во ржи*): *Над пропастью во ржи/Ловец на хлебном поле/Обрыв на краю ржаного поля детства.* Русский вариант – это фрагмент из стихотворения Р. Бернса – *И какая нам забота, если у межи целовал кого-то кто-то над пропастью во ржи* (перевод С. Маршака).

Название книги П.Г. Вудхаус «Stiff Upper Lip, Jeeves» (досл.: «Оставайтесь невозмутимым, Дживс») было переведено как «Не унывай, Дживс». Оборот *Stiff Upper Lip* (досл.: *твердая верхняя губа*) в английском языке описывает человека, способного сохранять невозмутимое выражение лица в любых ситуациях, британцы считают, что у растерянного или испуганного человека начинает дрожать верхняя губа. Русский перевод названия не корректен, поскольку противоположность *Stiff Upper Lip* – не уныние, а паника и излишняя эмоциональность.

Эти примеры показывают, как при переводе теряются важные культурные коннотации и смысловые оттенки, что приводит к недопониманию или искажению оригинальных названий.

Рассмотрим далее примеры **утраты ценностного восприятия событий и явлений**. Французские справочные пособия преподносят факт внесения поправок в текст государственного гимна Советского Союза, а затем Российской Федерации как примеры пастиша. Пасти́ш (фр. pastiche – смесь, паштет) – вторичное художественное произведение (литературное, музыкальное, театральное и проч.), представляющее собой имитацию стиля работ одного или нескольких авторов, отличие от пародии, пастиш не

высмеивает, а, скорее чествует оригинал [Lénine et la Révolution…, URL: https://www.radiofrance.fr/franceculture/podcasts/repliques/lenine-et-la-revolution-2824400].

В российской культуре неоднократную трансформацию текста государственного гимна обсуждать не принято, возможно, трансформация текста менее заметна ввиду того, что музыка гимна, созданная А.В. Александровым, имевшим духовное (регентское) образование, остается неизменной и отличается особой патетикой.

Смыслы, заложенные в слове, проявляются в результате употребления в определенном контексте. Выше, в параграфе 5.4, были приведены различные смыслы и примеры контекстного употребления существительного *баба*. Добавим, что в том же материале [Boym, 1994] приводится сравнение *бабы – русской крестьянки (…Идет эта баба к обедне…)* из стихотворения Н.А. Некрасова «Мороз Красный нос» с Пеппи Длинныйчулок, главной героиней одноименной повести шведской писательницы Астрид Линдгрен, на основе одной детали: в одной из глав книги Пеппи, не колеблясь, входит в горящий дом, чтобы спасти его жителей. Сравнение некрасовской Дарьи с девятилетней девочкой, которая живет одна, не ходит в школу и попадает в различные истории, для носителя русской культуры неприемлемо.

Рассмотрим далее культурные потери (**утрата ценностного восприятия событий и явлений**) на примере текстов сообщений в языковой паре *русский – французский* (таблица 45).

Таблица 45 – Культурные потери (утрата ценностного восприятия событий и явлений) на примере текстов сообщений в языковой паре *русский – французский*

(Топ крылатых фраз; Пикабу)

Исходный текст на русском языке	**Результат хронотопного перевода на исходном язык**	**Результат промежуточного перевода на французский язык**	**Конечный (целевой) текст - результат хронотопного перевода на язык перевода**	**П/С**
Им дым Отечества не сладок	*Они не тоскуют по Родине*	*Dulcis fumus patriae La fumée de la patrie ne leur est pas douce*	*Ils ne ressentent pas la nostalgie de leur patrie.*	Скр Ссуб Ппу

Чиновники ***профукали*** *сброс воды.* *Хотя снега много в полях было* ***и дождь потом.*** *Бобры сказали, что не виноваты, дамбу не грызли.* ***Их же обвиняли,*** *что Орск затопило.*	*Чиновники* ***не приняли необходимых мер для планомерного*** *сброса воды.* *Хотя в этом году снега много в полях было и* ***к тому же шли дожди.*** *Бобры сказали, что не виноваты, дамбу они не грызли.* ***Их же обвиняли,*** *что Орск затопило.*	***Les autorités n'ont pas pris les mesures nécessaires*** *pour un déversement systématique de l'eau.* *Même si cette année il y avait beaucoup de neige dans les champs* ***et qu'il a aussi plu.*** *Les castors ont dit qu'ils n'étaient pas responsables ; ils n'avaient pas rongé le barrage.* ***Et pourtant, ce sont eux qu'on a accusés*** *d'avoir inondé Orsk*	*Les autorités* ***ont bâclé*** *le déversement d'eau.* *Même s'il y avait beaucoup de neige dans les champs et* ***puis il a plu.*** *Les castors ont dit qu'ils n'étaient pas à blâmer, qu'ils n'avaient pas rongé le barrage.* ***Et pourtant, ce sont eux qu'on a accusés*** *d'avoir inondé Orsk*	Скр Ссуб Ппу Скр Ссуб Ппу Скр Ссуб Ппу

Переводческий комментарий:

– выражения, связанные с *дымом Отечества*, известны еще с античных времен, и во всех языках есть яркие авторские поэтические примеры, обыгрывающие этот образ. Для перевода на европейские языки возможно указать выражение на латинском *Dulcis fumus patriae* (с лат. *Сладкий дым отечества*);

– во время наводнения в Оренбурге и Орске в соцсетях и интернет-чатах обсуждались халатность чиновников и появлялись нелепые предположения, что в разрушении дамбы водохранилища виноваты бобры. Для перевода выражения *профукали* допустимо использование глагола *bâcler*.

Сделаем замечание по поводу дискурсивных слов и выражений, незнаменательных слов или словосочетаний, регулирующих «дискурсивный процесс между говорящим и адресатом» [Подлесская, Кибрик, 2009: 393]. Характер использования дискурсивов обусловлен их функциями в организации дискурса, в речи дискурсивы мало подвержены сознательному выбору;

Частица *же* в исходном тексте *Их же обвинили…* усиливает акцент и эмоциональную окраску, придавая тексту субъективность и интонационное выделение. Частица *же* в русском языке регулирует отношение говорящего к

ситуации и усиливает акцент на предшествующем контексте. Для передачи оттенков частицы *же* во французском языке возможно:

– использование вводных слов: *Après tout, on les a accusés (В конце концов, их обвинили)* – подчеркивается логическое возвращение к известному факту;

– использование акцентирующих слов и конструкций: *On les a bel et bien accusés … (Их действительно обвинили)* — использование конструкции *bel et bien* усиливает утверждение и подчеркивает его известность или очевидность;

– добавление эмоциональной окраски: *Mais ce sont eux qu'on a accusés... (Но ведь их обвинили...)* – *mais,* произнесенное с усилением, помогает сохранить логическую связь.

Мы остановились на варианте *Et pourtant, ce sont eux qu'on a accusés d'avoir inondé Orsk (И все же, их обвинили...),* который сохраняет эмоциональное и акцентирующее значение *же*, выражение *et pourtant* добавляет оттенок недоумения или противоречия.

Рассмотрим далее особенности перевода текстов городских легенд, в которых ярко проявляется ***утрата остроты восприятия образов и явлений.*** Сегодня в средствах массовой информации распространены статьи с описанием самых удивительных легенд разных стран. Ввиду того, что городские легенды часто связаны с необъяснимыми тайнами, историями любви, аномальными явлениями, они представляют интерес для туристов и обывателей.

Например, в подборке *Las 10 mejores leyendas rusas con explicación y significado muerte* [Las 10 mejores leyendas rusas con explicación y significado, URL: https://psicologiaymente.com/cultura/leyendas-rusas] была обнаружена легенда на испанском языке *Los siete gigantes de los Urales* (досл. *Семь великанов Уральских гор*), при пересказе которой средствами испанского языка был допущен ряд неточностей.

Los siete gigantes de los Urales

Una de maravillas naturales *de Rusia es Man-Pupu-Nyor,* ***la cual*** *también tiene su propia leyenda.*

Cuenta la leyenda que el pueblo mansi vivía en esas montañas. El líder del pueblo tenía ***dos hijos, una de los cuales era una muchacha*** *de la cual se enamoró uno de los gigantes de la zona, de nombre Torev. Este le pidió al padre de ella joven su mano, pero el padre se negó.*

Furioso, el gigante llamó a cinco hermanos y junto con ellos intentó raptar a la joven y empezó a atacar el poblado. Los habitantes huyeron, pidiendo ayuda a los espíritus. ***Al día siguiente el otro de los hijos del líder*** *comandó un grupo de guerreros para hacerles frente, llevando el joven una espada mágico otorgada por los espíritus y un escudo.*

El joven levantó la espada, y de ella surgió una luz que convirtió a los seis gigantes en piedra, pero por contra su uso implicaba que su portador también lo haría. Esto explica por qué son siete ***los montículos*** *observables en los Urales.*

Перевод: Семь великанов Уральских гор

Одним из природных чудес *России является* ***плато Ман-Пупу-Нер, которое*** *также имеет свою собственную легенду.*

Говорит легенда, что народ манси жил в этих горах. У вождя племени было ***двое детей: сын и дочь.*** *В дочь вождя влюбился один из великанов этих мест по имени Торев. Он попросил у ее отца ее руку, но отец ему отказал.*

Разозлившись, гигант позвал пятерых братьев и вместе с ними попытался похитить девушку и начал атаковать поселение. Жители бежали, прося помощи у духов. ***На следующий день сын вождя*** *возглавил отряд воинов, чтобы противостоять великанам, взяв с собой волшебный меч, дарованный духами, и щит.*

Юноша поднял меч, и из него вырвался свет, который превратил шестерых великанов в камень. Но использование меча означало, что тот, кто сражался этим мечом, тоже превратится в камень. Это объясняет, почему на плато ***Мань-Пупыг-Нер*** *можно увидеть семь* ***столбов.***

Было установлено, что в народной культуре манси и других коренных народов Урала встречаются предания о превращении в камень великанов, побежденных в бою. Есть миф о великане, который в поисках любви сталкивается с противостоянием местных жителей и духов, которые помогают людям победить великанов. Но легенды о шести великанах, которых протогонист превращенных в камень с помощью волшебного меча, обнаружить не удалось.

Прокомментируем некоторые детали и особенности перевода:

– топоним имеет два написания *Маньпупунер* и *Мань-Пупыг-Нер* (в переводе с языка манси – *малая гора идолов)*.В устной традиции это место называют *великаны Маньпупунер* или *менсийские болваны*. Идолов всего семь. Шесть столбов расположены на ровном плато в ряд, а один стоит чуть в стороне. Высота их составляет от 30 до 42 метров. Все они имеют причудливые очертания;

– в тексте легенды на испанском языке упоминается имя *Торев,* которое в других текстах о культуре манси на русском языке не встречается;

– *Una de maravillas naturales de Rusia es Man-Pupu-Nyor, la cual también tiene su propia leyenda* – в данном предложении с подлежащим, выраженным существительным женского рода *una de maravillas naturales* (одно из природных чудес), согласуется союзное слово *la cual* в женском роде, при переводе согласование выполнено в зависимости от рода слов на русском языке, кроме того, добавлено слово плато (*…es Man-Pupu-Nyor – …является* ***плато*** *Ман-Пупу-Нер*);

– *El líder del pueblo tenía* ***dos hijos***, ***una de los cuales era una muchacha…*** *– У вождя племени было* ***двое детей***: ***сын и дочь.*** Испанское ***dos hijos*** можно перевести как *два сына* и как *двое детей.* Дословный перевод *…двое детей, одна из которых была девушкой* – некорректен, поэтому при переводе выполнена лексическая и синтаксическая трансформация;

– *Al día siguiente el otro de los hijos del líder…* – дословно: *На следующий день, другой из детей вождя…*Если первой была названа *una (жен.р.) de los cuales и мы перевели это – дочь …,* то *el otro (муж.р.) de los hijos – второй из детей,* мы переводим как *сын.*

– *siete* ***los montículos*** *(*дословно : *семь горок)* переведено как *семь столбов.*

Рассмотрим еще один пример **утраты ценностного восприятия событий и явлений** – краткое сообщение о Бабе-Яге, представленное на испанском сайте как одно из русских преданий (leyendas). В разборе этого

примера подробно представлены этапы хронотопного перевода в условных границах языковой пары *испанский – русский:*

Исходный текст на испанском языке: Baba yaga

Otra de las ***leyendas*** *más conocidas en Rusia, esta vez sobre un relato de terror y misterios de esta tierra. Cuenta la historia de una criatura femenina, con el aspecto de un anciana demacrada considerada una bruja que habitaba en el bosque, con* ***una nariz desfigurada*** *y dientes de acero que utilizaba para devorar la carne y los huesos. Se decía que su platillo favorito eran* ***los insectos y los niños.***

Sin embargo, se dice que no es una mala criatura si no la atacas, al contrario, si le llevas ***rosas azules*** *te lo agradecerá ya que el té de rosas la hará rejuvenecer. También se cuenta que en sus piernas se encuentra la representación de los dos mundos por donde transita: el de los vivos y el de los muertos, por lo que puedes observar* ***una pierna normal y una huesuda.*** *Por lo que se cree que esta bruja en realidad tiene en su poder el equilibrio entre la vida y la muerte* [Las 10 mejores leyendas rusas con explicación y significado, URL: https://psicologiaymente.com/cultura/leyendas-rusas]

Результат хронотопного перевода на исходном языке: Baba yaga

Una de las ***historias rusas más conocidas****, que relata los horrores y misterios de este país, es el cuento sobre Baba Yaga. Baba Yaga es una anciana de apariencia grotesca, considerada una bruja. Vive en el bosque. Tiene* ***una enorme nariz*** *que crece hasta el techo, símbolo de su conexión con las fuerzas celestiales. Tiene dientes de acero con los que devora carne y huesos. Se dice que sus manjares favoritos son* ***los insectos y los niños.***

Sin embargo, se cree que no es una criatura maligna si no se la molesta. Al contrario, si se le llevan ***rosas azules****, estará agradecida, ya que el té de rosas azules devuelve la juventud. También se dice que sus piernas simbolizan dos mundos: el de los vivos y el de los muertos. Por eso,* ***una de sus piernas es normal y la otra es de hueso, una pierna muerta, como la de un cadáver con la piel seca.*** *Se considera que esta bruja es la guardiana entre el mundo de los vivos y el mundo de los muertos y tiene la capacidad de mantener el equilibrio entre la vida y la muerte.*

Результат перевода на русский язык: Баба-Яга

Одно из самых известных преданий России, повествующих об ужасах и тайнах этой страны, это легенда о Бабе-Яге. Баба-Яга - старуха с безобразной внешностью, которую считают ведьмой, обитает в лесу. У нее ***обезображенный нос*** *и зубы из стали, которыми она пожирает плоть и*

кости. Говорят, что ее любимыми лакомствами являются ***насекомые и дети.***

Однако считается, что она не является злым существом, если ее не трогать. Наоборот, если ей принести ***синие розы****, она будет благодарна, так как чай из роз помогает ей молодеть. Также говорят, что ее ноги изображают два мира, между которыми она перемещается: мир живых и мир мертвых. Поэтому у нее одна нога обычная, а другая* ***костяная - мертвая нога, как нога мертвеца с высохшей и кожей****. Считается, что эта ведьма обладает способностью поддерживать равновесие между жизнью и смертью.*

Конечный (целевой) текст на русском языке: Баба-Яга

Одна из самых известных русских сказок, повествующих об ужасах и тайнах этой страны, это сказка о Бабе-Яге. Баба-Яга – старуха с безобразной внешностью, которую считают ведьмой. Живет она в лесу. У нее ***огромный нос****, который в потолок врос, это символ, обозначающий, что Баба-Яга связана с небесными силами. У нее зубы из стали, которыми она пожирает плоть и кости. Говорят, что ее любимыми лакомствами являются* ***насекомые и дети.***

Однако считается, что она не злая, если ее не трогать. Наоборот, если ей принести ***синие розы****, она будет благодарна, так как чай из синих роз возвращает молодость. Также говорят, что ее ноги символизируют два мира - мир живых и мир мертвых. Поэтому у нее* ***одна нога обычная, а другая костяная.*** *Считается, что эта ведьма является стражем между миром живых и миром мертвых и обладает способностью поддерживать равновесие между жизнью и смертью.*

При выполнении хронотопного перевода данного текста необходим лингвокультурологический комментарий для пояснения смыслов слов *предание, обезображенный нос, поедание насекомых, синие розы, костяная нога, мир живых и мир мертвых.*

Переводческий комментарий:

– *предание (leyenda)* – в русской культуре повествования о Бабе-яге как о нереальных событиях чаще относят к жанру сказок, тогда как жанр предания подразумевает описание правдоподобные событий, хотя они могут не соответствовать действительности;

– *обезображенный нос (una nariz desfigurada):* первое словарное значение глагола *desfigurar – изменить что-то до неузнаваемости; исказить; перекроить*. В исследованиях В.Я. Проппа характерной особенностью Бабы-Яги является *нос,* который *в потолок врос* [Пропп, 1986: 74-75]. Этот элемент является показателем связи Бабы-Яги с небесной сферой, миром духовного, Яга как бы *дышит* мудростью неба. Испанский текст ограничен причастием *desfigurada*, которое не передает связь Бабы-Яги с высшими силами (небесами). Кратное пояснение вызовет больше вопросов, чем предоставит необходимые ответы, а подробное описание приведет не нежелательному увеличению текста;

– *поедание насекомых* – в традиционном русском фольклоре Баба-Яга, как правило, не ассоциируется с поеданием насекомых. Возможно, эта ошибка возникла при компиляции материалов о разных культурах, взятых из непроверенных источников;

– *синие розы* часто используются в литературе, искусстве и культуре как предмет иносказания, символизируя различные абстрактные и метафорические идеи. Поскольку синие розы в природе не существуют, они могут обозначать что-то уникальное и необычное, редкие качества или события, которые выделяются на фоне промежуточного, что-то желаемое и недосягаемое. Далее в тексте говориться, что чай из роз омолодил бы ее, в русской лингвокультуре средством омоложения являются молодильные яблоки или купание в молоке. Возможно, здесь также произошла ошибка;

– *костяной (костяная нога)* в испанском тексте передается прилагательным *huesudo* (*с выпирающими костями; костистый; костлявый).* Выражение *костяная нога*, устоявшееся в русской культуре, изначально понималось буквально – *кости ноги без мышечных тканей и кожных покровов, мертвая нога.* Современные носители русского языка не задумываются о смысле эпитета, который показывает связь Бабы яги с миром мертвых и ее роль в фольклоре – быть стражем границы между миром живых и миром мертвых. Это принципиальная характеристика персонажа, как и *una*

nariz desfigurada. Мы остановились на варианте *…у нее* ***одна нога обычная, а другая костяная****…*, поскольку кратное пояснение вызовет больше вопросов, а подробное описание приведет не нежелательному увеличению текста и эстетическому неприятию.

Таким образом, при переводе произведений постфольклора в попытке сделать тексты более доступным и привлекательным для широкой аудитории или как следствие непрофессионального и некачественного перевода, теряются глубинные ценности культурных нарративов. В таблице 46 представлено распределение выявленных позиций/степеней культурных потерь в ходе хронотопного перевода (для двух языков).

Таблица 46 – Распределение выявленных позиций/степеней культурных потерь в ходе хронотопного перевода (два языка)

Культурные потери:	Утрата различий в культурных коннотациях		Утрата остроты восприятия образов и явлений		Утрата либо отсутствие ценностного отношения к событиям и явлениям	
	тексты	примеры	тексты	примеры	тексты	примеры
Позиции временной удаленности (Пву)	8	9	10	12	**13**	**16**
Позиции пространственной удаленности (Ппу)	**10**	**14**	**12**	**13**	12	13
Степень культурных различий (Ск)	9	11	7	8	10	10
Степень субъязыковых различий (Ссуб)	7	9	8	9	8	10
Степень возрастных различий (Свозр)	9	9	6	8	7	8
Всего	**43**	**52**	**43**	**50**	**50**	**57**

Распределение выявленных позиций/степеней культурных потерь в ходе хронотопного перевода постфольклорных текстов для языковых пар показывает, что случаи утраты различий в культурных коннотациях и утраты остроты восприятия образов и явлений в отобранных текстах происходили чаще в результате пространственной удаленности (14 примеров в 10 текстах и 13 примеров в 12 текстах), утрата либо отсутствие ценностного отношения

к событиям и явлениям – в результате временной и пространственной удаленности (16 примеров в 13 текстах и 13 примеров в 12 текстах).

Таким образом, хронотопный перевод постфольклорнвх текстов в любой языковой паре требует учета глубинных культурных связей, которые существуют между временами и пространствами. В постфольклллоре тесно переплетены как исторические события, так и личные, семейные и коллективные воспоминания, отражающие конкретную эпоху и социокультурную среду. Способность переносить эти особенности в новую языковую и культурную среду, делает перевод уникальным, поскольку каждое прочтение – это извлечение текста из времени, среды, контекста, в которых он был создан, и его возрождение (переосмысление) в новых условиях и встраивание в новый контекст. Возможность разворачивания перевода в границах любых языковых пар открывает гибкость и разнообразие подходов, показывает влияние на перевод аспектов культуры и времени, что делает перевод более глубоким и многогранным. Перевод текстов с одного языка на другой связан с выбором одной из многих стратегий перевода. Каждое переводческое решение – это отдельный сценарий перевода, где важно найти оптимальное соотношение между точностью передачи исходного смысла и сохранением культурных характеристик исходного языка. Многосценарность переводного процесса также включает в себя использование различных подходов в зависимости от жанра, аудитории и целей перевода.

Проиллюстрировав обоснование и апробацию динамической модели хронотопного перевода постфольклорного текста посредством преодоления семантических, стилистических, культурных потерь, сформулируем общие выводы пятой главы.

Выводы по пятой главе

В данной главе представлены результаты апробации динамической модели хронотопного перевода постфольклорного текста посредством преодоления семантических, стилистических и культурных потерь.

Введено новое понятие хронотопного перевода, наглядным воплощением которого стала динамическая модель. Хронотопный перевод в нашем исследовании есть любое обращение к постфольклорному тексту, каждое его новое прочтение и осмысление на языке нового времени и/или пространства. Разработана научная концепция хронотопного перевода, который разворачивается в условных границах одного языка или любых языковых пар, как перехода от исходного языка к целевому с неизбежной потерей коммуникативно-актуального смысла исходного текста.

Особенности хронотопного перевода рассмотрены на основе анализа позиций временной и пространственной удаленности и степени культурных, субъязыковых и возрастных различий с обоснованием переводческого решения в переводческом комментарии. Доказано, что рассеивание смысла является результатом большей или меньшей семантической, стилистической или культурной потери в конечном (целевом) тексте по сравнению с исходным текстом. Установлено, что хронотопный перевод создает переход от исходного языка к целевому с неизбежной потерей смысла, когда часть сообщения уже не может быть объяснена из-за отсутствия структурных, стилистических или металингвистических средств.

Применен прием компенсации как способ передачи другими средствами элементов смысла, прагматических значений и стилистических нюансов утерянных компонентов смыслового содержания. На примерах доказано, что приемами преодоления рассеивания смысла в хронотопном переводе становятся нарушение общепринятых норм, избегание «ожидаемых» решений, реконструирование или предвосхищение параметров иных временных и пространственных координат.

Результаты анализа позиций временной и пространственной удаленности, степеней культурных, субъязыковых и возрастных различий представлены в таблицах, переводческие решения обоснованы в переводческих комментариях, следующих за таблицами.

Описаны семантические, стилистические и культурные потери для сценариев хронотопного перевода в условных границах одного языка (русского) и любых языковых пар. На примерах постфольклорных текстов разных жанров показано, что семантические потери при межъязыковом переводе возникают из-за различий в лексике, грамматике, культуре и контекстах. Эти потери неизбежны, потому что каждый язык имеет свои особенности, и иногда точный перевод невозможен без искажения смысла. Установлено, что стилистические потери часто связаны с необходимостью адаптировать текст для целевой аудитории, что может менять его изначальный стиль. Стилистические потери возникают, когда теряются особенности стиля оригинала, такие как тональность, эмоциональная окраска, использование риторических приемов. Культурные потери приводят к утрате или искажению смысла, упоминание конкретных культурных символов, праздников, исторических событий требует введения дополнительной информации, что влияет на восприятие текста.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современная лингвистика стремится к объединению феноменологических аспектов языковых систем, а также их культурно-исторических контекстов. В условиях глобализации и технического прогресса, развития интернета и социальных сетей, с появлением искусственного интеллекта язык приобретает новые формы выражения, происходят изменения в языковых нормах, отмечается воздействие новых коммуникационных средств на характер общения и восприятия языка. Лингвистические исследования все чаще обращают внимание на проблемы повседневности.

Одной из них стала проблема исследования диахронической семантики постфольклорного текста, направленного на изучение рассеивания смысла и его интерпретации в многообразии текстов.

В проведенном исследовании выявлены теоретические и методологические предпосылки исследования диахронической семантики постфольклорного текста, для чего были изучены современные подходы к исследованию диахронии языка и диахронии речи, смысла слова как единицы диахронической семантики, особенности постфольклора как явления эпохи постмодернизма.

На основе обобщения научных подходов к изучению обозначенной проблемы, междисциплинарной тенденции гиперболизации частных направлений ее исследования и их узкоспециального описания были объединены достижения различных научных направлений (в том числе философии языка, семантики, прагматики, когнитивной лингвистики, психолингвистики, социолингвистики, лингвокультурологии, переводоведения) и разработана концепция системного интерпретативно-сопоставительного представления процесса рассеивания смысла постфольклорного текста.

Дано определение постфольклорного текста как семантической системы речевых, ментальных образов, изобразительных и тактильных

конструкций, поведенческих практик, связанных с явлениями, событиями, сообществами и территориями, созданной на основе определенной системы знаков, воплощающей смыслы индивидуального восприятия мира и поддающуюся множественным интерпретациям. Важным наблюдением, сделанным на основе анализа собранных текстов, было выявление в них явных и скрытых характеристик повседневности и детального отражения образа эпохи.

Также установлено, что постфольклорные тексты являются реакцией на актуальные проблемы современного общества и другие значимые события; благодаря широкому распространению постфольклорные тексты обладают способностью быстрого реагирования на события и адаптации к изменяющимся внешним условиям.

Представлена общая характеристика постфольклорного текста как материала исследования, обосновано ценностное лингвокультурное содержание постфольклорных текстов, включающее динамику изменения ценностных ориентиров, выражение через язык и речь изменений в ценностных системах общества, интеграцию новых ценностей и вытеснение устаревших.

Составлена классификация постфольклорных текстов на основе жанровых характеристик фольклора с учетом объема текста, принципов (стихотворного или прозаического) текстопорождения и ряда параметров, значимых для характеристики исследуемых текстов.

Обоснованы свойства постфольклорных текстов: текстуальность, коммуникативности, кодируемость, интерпретируемость и концептуальность, информативность, транслируемость, поликодовость, анонимность, саморефлексивность, ненормативность, демонстрируемые ими в зависимости от контекста использования, жанровых особенностей и целей коммуникации.

Установлено существование семантических кодов постфольклорных текстов, что позволяет отнести их к произведениям культуры, обладающим ценностью.

С помощью лингвокультурного анкетирования изучен лингвоаксиологический аспект постфольклорных текстов и выявлены множественные интерпретации, отражающие смысл индивидуального восприятия мира респондентами. Получено подтверждение, что смысл индивидуального восприятия мира – это субъективное отражение мира с помощью средств языка, которым человек владеет в большей степени.

Постфольклорный текст является тиражируемым произведением культуры. Преимуществом тиражируемости как одной из культурных практик современности является общедоступность текста. Недостатком – утрата интереса к оригиналу ввиду наличия многочисленных копий. Растиражированные произведения теряют референта, что превращает их в размытые знаки, за которыми не стоит целостного смыслового наполнения означаемого.

На основе изучения ценностного лингвокультурного содержания постфольклорных текстов уточнены понятие языковой нормы и особенности развития языка в патологии. Установлено, что одним из проявлений патологии языка в лингвокультурном контексте является наличие инвективной лексики. Языковая норма определяется научным сообществом и распространяется через систему образования.

Изучение диахронической семантики постфольклорного текста через призму концепции рассеивания смысла позволило выявить изменение смыслового содержания постфольклорных произведений во времени под воздействием различных факторов.

Смысл слова определен как соотношение объема, содержания понятия, этимологического значения, так как выражает устоявшееся в языке и в сознании носителей языка воззрение на предмет или явление. Смысл слова есть возникающая в конкретном речевом акте сущность, причем интенции

говорящего формируют смысл слова и направляют интерпретацию смысла слушающим. Изучив проблему рассеивания смысла в философии, философии языка и языкознании, мы предположили, что рассеивание смысла может быть представлено с помощью метода пропозиций, метода рассеивания смысла и метода энтропии.

В языке пропозиция – это абстрактное содержание, которое может быть выражено через предложение и является основой для семантического и логического анализов. В философии языка понимание пропозиции отражает связи языка с реальностью, ментальными состояниями и актами общения.

Значимой характеристикой текста и постмодернистского наблюдения за изменением ценностного отношения к предметам и явлениям становится оппозиция как способ изучения рассеивания смысла. В контексте философской науки концепция деконструкции (термин Ж. Деррида) предполагает, что для полного и точного понимания любого высказывания необходимо вернуть его в исходный контекст, рассмотреть в соответствии с окружающей средой, где оно было сформировано, и анализировать вместе с другими высказываниями, уточняя его дискуссионный смысл и цель.

Энтропия рассмотрена как мера сложности, неопределенности или динамичности культурных текстов и процессов. Энтропия языка обусловлена его внутренним устройством – открытостью языковой системы, природой культурно-исторического существования, наличием основной функции – способностью выражать мысли его носителей, служить средством их формулирования.

В ходе эмпирической проверки теоретических положений пропозициональной обусловленности рассеивания смысла, оппозиции как способа изучения рассеивания смысла и энтропии постфольклорного текста было установлено, что метод пропозиции, метод деконструкции и измерение энтропии не отвечают поставленной цели исследования. Поэтому нам потребовались разработка собственной интегративной концепции

интерпретативно-сопоставительного представления процессов рассеивания смысла постфольклорного текста и выбор диагностического инструментария.

Была обоснована методика проведения диахронического анализа слов и выражений, отобранных из сформированного массива постфольклорных текстов и собственно постфольклорных текстов, включающая изучение статуса лексико-семантических вариантов слова на основе этимологического, корпусного и контекстного анализов, и проведение психолингвистического эксперимента и лингвокультурного анкетирования.

Этимологический анализ, соответствующий диахроническим исследованиям языка, позволил установить происхождение слов и их историческое развитие, проследить эволюцию смысла слов, способствовал глубокому исследованию постфольклорных текстов, сочетающих элементы народной, массовой и медиакультуры. Этимологический анализ проводился с помощью метода этносемиометрии первичных форм знака в языке и интерпретации первичных контекстов его употребления.

Корпусный анализ связан с диахронией, поскольку временная удаленность анализируемых текстов по отношению к настоящему моменту составляла от 50 до 300 лет. На основе текстов, представленных в Национальном корпусе русского языка, вместе с корпусным был применен контекстный анализ. Корпусный и контекстный анализы позволили углубить теоретическое понимание постфольклора, его роли и функций в современном обществе, а также выявить смыслы, которые могут варьироваться в зависимости от контекста использования и приобретать уникальные оттенки и смыслы, не всегда очевидные при изолированном рассмотрении.

В целом диахронический анализ позволил отследить изменения смысла слов и их адаптацию в языке, зафиксировать утрату смыслов и появление новых смыслов слов. Доказано, что возможны следующие типы трансформаций: расширение значения или генерализация, синонимическое развитие значений, смещение (метафорический и метанимический переносы), сдвиг, улучшение и ухудшение смысла. Выявлены случаи полной

утраты смысла (слово забыто и вышло из употребления), полного сохранения смысла; иногда смысл сохраняется/изменяется частично; происходит полная утрата первоначального смысла (случай энантиосемии);

Установлено, что в процессе коммуникации семантическое значение может терять первоначальный смысл или трансформироваться, а контекстуальное – выдвигаться на передний план. Хотя слово может использоваться в новых контекстах, все его смыслы сохраняются; ни одно из значений не считается доминирующим или центральным. Указанная связь между общим основанием смысла слова и смысла как аксиологической категории отражает вопросы лингвоонтологической проблематики в описании окружающего мира посредством языка.

На основании выявленных случаев, когда для понимания текста, даже на родном языке, необходимо пояснение как смыслов отдельных слов, так и текста в целом, была разработана динамическая модель хронотопного перевода. *Хронотопный перевод* в нашем исследовании есть каждое новое прочтение и осмысление постфольклорного текста на языке нового времени и/или пространства, которые разворачиваются в условных границах *одного языка* или *любых языковых пар*. Обосновано функционирование динамической модели хронотопного перевода постфольклорного текста посредством преодоления семантических, стилистических и культурных потерь, подробно на примерах и в переводческих комментариях изложены и проанализированы сценарии хронотопного перевода.

Было установлено, что при осуществлении хронотопного перевода в условных границах языковых пар сначала выполняется перевод исходного текста на языке оригинала, затем – на переводящем языке и только после этого формулируется окончательный перевод – конечный (целевой) текст на языке перевода.

Апробация модели хронотопного перевода в условных границах определенных языковых пар выявила:

– *семантические потери*: случаи утраты смысла слов и текста в целом зафиксированы в результате культурных различий, на особенности понимания игры слов чаще влияли возрастные различия;

– *стилистические потери*: случаи изменения выбора лексики происходили в результате возрастных различий; изменения интонации и ритма – в результате возрастных различий временной удаленности; случаи непонимания тропов и фигур речи – в результате субъязыковых различий;

– *культурные потери:* случаи утраты различий в культурных коннотациях и утраты остроты восприятия образов и явлений происходили в результате пространственной удаленности, утрата либо отсутствие ценностного отношения к событиям и явлениям – в результате временной и пространственной удаленности.

Обосновано, что для преодоления семантических, стилистических, культурных потерь, обнаруживаемых при каждом новом прочтении постфольклорного текста (при каждом новом обращении к постфольклорному тексту), необходим хронотопный перевод даже в рамках одного языка. Доказана способность постфольклорных текстов отражать нормативную (оценочную) сторону явлений общественного сознания. При осуществлении перевода постфольклорного текста, содержащего инвективную лексику, в условных границах любых языковых пар выполнение или невыполнение хронотопного перевода зависит от цели перевода и системы ценностей переводчика. Доказано, что инвективная лексика, выявленная в постфольклорных текстах, характеризуется однозначностью, стабильностью, системностью, поэтому менее подвержена процессам рассеивания смысла.

Для проведения психолингвистического эксперимента отобран ряд слов-, выражений- и текстов-стимулов (включая статичные и динамичные изобразительные тексты), которые употребляются в речи наших современников и в интернет-коммуникации. В данный перечень были включены примеры, содержащие инвективную лексику, для проверки

положений **гипотезы** о том, что инвективная лексика менее подвержена процессам рассеивания смысла, и при каждом новом обращении к постфольклорным текстам, содержащим инвективную лексику в рамках одного языка, выполнения хронотопного перевода не требуется. Отобранные стимулы были объединены в четыре раздела. Анализ ответов показал, что 66,23 % испытуемых употребляют инвективную лексику и осознанно контролируют свое речевое поведение. Это подтверждает концепцию коммуникативной компетентности, включающей внутреннее понимание говорящим ситуационной уместности использования различных стилей речи и языковых единиц.

На основе анализа инвективной лексики, выявленной в постфольклорных текстах и результатов психолингвистического эксперимента и лингвокультурного анкетирования, подтвердивших, что наши современники сознательно контролируют употребление инвективной лексики в повседневной жизни, был сделан вывод о патологии языка и речи как отклонении от общепринятых языковых норм. Отклонения от языковых норм проявляются на разных уровнях языковой системы – фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом и семантическом. Патология языка и речи отражает состояние общества в целом, отклонения от языковой нормы являются индикаторами социальных, культурных и политических проблем современного общества.

Таким образом, с точки зрения глобализации, информационных технологий и культурного обмена, XXI век стал временем, когда хронотопный перевод играет ключевую роль в сближении разрозненных языковых сообществ, преодолении деструктивного влияния патологий языка и речи и конструктивном использовании результатов изучения постфольклора.

Актуализация изучения постфольклора во всем его многообразии, исследований диахронической семантики постфольклорного текста, направленных на изучение сохранения смысла и его интерпретации в текстах

разных жанров и форм, позволили сформулировать **перспективы исследования.** Использование предложенной концепции интерпретативно-сопоставительного представления диахронической семантики постфольклорного текста дает возможность расширить категориальную парадигму и найти новые подходы к рассмотрению таких сложных явлений переводческой деятельности, как вариативность и качество перевода, неисчерпаемость оригинала, система ценностей переводчика. Углубление исследования энтропии языка, а именно трансляционной энтропии, представляет интерес при изучении трансляционного изоморфизма, который также имеет смешанное происхождение. В плане изучения современного фольклора возможна доработка классификации постфольклорных текстов до состояния логически стройной и непротиворечивой системы. Изучение перевода не только как вида профессиональной деятельности и способности, но и как функции открывает возможности более детального исследования особенностей этого процесса как обмена между различными знаковыми системами, ментальными субстанциями, перевода как нахождения соответствия в пространстве культуры, науки и образования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Научные публикации, сборники, монографии

1. Аверкина, Л. А. Смена кода при переводе прецедентных текстов в аспекте межкультурной коммуникации / Л. А. Аверкина // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2012. – № 642. – С. 45-55.

2. Адоньева, С. Б. Прагматика фольклора / С. Б. Адоньева. – Санкт-Петербург : Пальмира, 2018. – 335 с.

3. Александрова, Е. М. Перевод анекдота: проблемы адекватности и эквивалентности : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.20 / Александрова Елена Михайловна. – Москва, 2005. – 246 с.

4. Алексеева, И. С. Введение в переводоведение / И. С. Алексеева. – Санкт-Петербург : СПбГУ; Москва : Академия, 2004. – 352 с.

5. Алексеева, И. С. Профессиональный тренинг переводчика / И. С. Алексеева. – СПб. : СОЮЗ, 2001. – 287 с.

6. Алефиренко, Н. Ф. Современные проблемы науки о языке : учебное пособие / Н. Ф. Алефиренко. – Москва : Флинта, 2018. – 414 с.

7. Алпатов, В. М. История лингвистических учений : учебное пособие / В. М. Алпатов. – Москва : Языки славянской культуры, 2005. – 368 с.

8. Алферов, А. В. Субъективность номинации и прагма-семантическая конверсия в политическом дискурсе (на материале французского языка) / А. В. Алферов, А. И. Бондаренко // Вестник ПГЛУ. – 2014. – № 4. – С. 144-147.

9. Аматов, А. М. К вопросу машинного перевода: энтропия языковой системы и способы ее преодоления / А. М. Аматов // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2008. – № 2 (13). – С. 71-90.

10. Андреев, Н. П. Указатель сказочных сюжетов: по системе Аарне / Н. П. Андреев. – Ленинград : Издание государственного русского географического

общества, 1929. – 123 с. – URL: https://vk.com/wall-57460169_5965?ysclid=m7lw129pd6751818982 (дата обращения: 23.05.2024).

11. Андриенко, Т. П. Энтропия текста как предпосылка реализации стратегии перевода / Т. П. Андриенко // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2017. – № 1 (100). – С. 76-80.

12. Апресян, Ю. Д. Исследования по семантике и лексикографии : в 2 томах. Т. 1. Парадигматика / Ю. Д. Апресян. – М. : Языки славянских культур, 2009. – 568 с.

13. Аржанова, И. А. Функциональный подход в вопросах обучения адекватному отражению метафоры в теории и практике перевода / И. А. Аржанова // Интеграция образования. – 2013. – № 2. – С. 136-141.

14. Арнольд, И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность : сборник научных трудов / И. В. Арнольд ; научный редактор П. Е. Бухаркин. – Москва : ФЛИНТА, 2019. – 448 с.

15. Арнхейм, Р. Искусство и визуальное восприятие / Р. Арнхейм. – Москва : Прогресс, 1974. – 392 с.

16. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл / Н. Д. Арутюнова. – Москва : Наука, 1976. – 383 с.

17. Арутюнова, Н. Д. Речь / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / главный редактор В. Н Ярцева. – Москва : Сов. энцикл., 1990. – С. 414-416.

18. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт / Н. Д. Арутюнова ; ответственный редактор Г. В. Степанов. – Москва : Наука, 1988. – 338 с.

19. Архипова, А. С. Анекдот и его прототип: генезис текста и формирование жанра : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.01.09 / Архипова Александра Сергеевна. – Москва, 2004. – 125 с.

20. Ахманова, О. С. Очерки по общей и русской лексикологии / О. С. Ахманова. – Москва : Прогресс, 1957. – 294 с.

21. Бабенко, Л. Г. Филологический анализ текста: основы теории, принципы и аспекты анализа : учебник для вузов / Л. Г. Бабенко. – Москва : Академический Проект, 2004. – 462 с.

22. Баганова, П. А. Перевод англоязычных анекдотов на русский язык / П. А. Баганова. – Saarbrucken : LAP Lambert Academic Publishing, 2012. – 108 с.

23. Балакин, С. В. Деривационный потенциал лексических систем языка : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук : 10.02.19 / Балакин Сергей Владимирович. – Челябинск, 2018. – 602 с.

24. Балакин, С. В. Деривационный потенциал лексических систем языка : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук : 10.02.19 / Балакин Сергей Владимирович. – Челябинск, 2018. – 602 с.

25. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли ; перевод Е. В. Вентцель, Т. В. Вентцель. – Москва : Иностранная литература, 1955. – 416 с.

26. Баранникова, Л. И. Вариантность как свойство языковых систем и ее типология / Л. И. Баранникова // Анализ системы научного знания : сборник статей / под редакцией Я. Ф. Аскина, Т. К. Никольской, Б. И. Мокина. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1976. – С.146-151.

27. Барт, Р. Избранные работы: семиотика, поэтика : перевод с французского / Р. Барт. – Москва : Прогресс, 1989. – 616 с.

28. Барт, Р. Смерть автора / Р. Барт; перевод с французского Н. М. Пак; редактор А. М. Гельфанд. – Москва : Гнозис, 1996. – 48 с.

29. Бархударов, Л. С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода / Л. С. Бархударов. – Москва : Международные отношения, 1975. – 240 с.

30. Бауман, З. Текучая современность / З. Бауман. – Санкт-Петербург : Питер, 2008. – 240 с.

31. Бахтин, М. М. Из архивных записей к работе «Проблемы речевых жанров» / М. М. Бахтин // Бахтин М. М. Собрание сочинений : в 7 томах. Т. 5. Работы 1940-1960 гг. – Москва, 1996. – С. 207-286.

32. Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / М. М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. – Москва : Худож. лит., 1975. – С. 234-407.

33. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин ; составитель С. Г. Бочаров. – Москва : Искусство, 1986. – С. 297-325.

34. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество : опыт социального прогнозирования / Д. Белл ; перевод с английского под редакцией В. Л. Иноземцева. – Москва : Academia, 1999. – 956 с.

35. Белова, О. В. Этнические стереотипы по данным языкам и народной культуры славян: этнолингвистическое исследование : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук : 10.02.03 / Белова Ольга Владиславовна. – Москва, 2006. – 38 с.

36. Беляевская, Е. Г. О характере когнитивных оснований языковых категорий / Е. Г. Беляевская // Когнитивные аспекты языковой категоризации : сборник научных трудов / ответственный редактор Л. Н. Манерко. – Рязань, 2000. – С. 9-14.

37. Беляевская, Е. Г. Семантика слова / Е. Г. Беляевская. – Москва : Просвещение, 1975. – 310 с.

38. Беляков, М. В. Лингвоаксиология и лингвосемиотика дипломатического дискурса : на материале открытой профессиональной дипломатии : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук : 5.9.8 / Беляков Михаил Васильевич. – Москва, 2022. – 437 с.

39. Бенвенист, Э. Общая лингвистика : перевод с французского / Э. Бенвенист ; под редакцией Ю. С. Степанова. – Москва : Прогресс, 1974. – 448с.

40. Берже, П. Порядок в хаосе / П. Берже, И. Помо, К. Видаль. – Москва : Мир, 1991. – 231 с.

41. Бессонова, Л. Е. Энантиосемия как особый тип в системе лексических противопоставлений / Л. Е. Бессонова // Проблемы лексической и категориальной семантики. – Симферополь : СГУ, 1982. – Вып. 2. – С. 27-31.

42. Библейские чтения // Российское библейское общество : [официальный сайт]. – URL : https://biblia.ru/reading/ (дата обращения: 26.09.2023).

43. Блумфилд, Л. Язык : монография / Л. Блумфилд. – Москва : Прогресс, 1968. – 607 с.

44. Боас, Ф. Задачи антропологического исследования / Ф. Боас ; перевод с французского В. Г. Богораза // Советская этнография. – 1933. – № 3-4. – С. 176-189.

45. Бодуэн де Куртенэ, И. А. Избранные труды по общему языкознанию : в 2 томах. Т. 1 / И. А. Бодуэн де Куртенэ. – Москва : АН СССР, 1963. – 384 с.

46. Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика : курс лекций по английской филологии / Н. Н. Болдырев. – Тамбов : ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002. – 123с.

47. Болдырев, Н. Н. Функционально-семиологический принцип исследования языковых единиц / Н. Н. Болдырев // Язык и культура: факты и ценности : к 70-летию Юрия Сергеевича Степанова. – Москва : Языки славянской культуры, 2001. – С. 383-393.

48. Бондарко, А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики : на материале русского языка / А. В. Бондарко. – Москва : Языки славянской культуры, 2002. – 736 с.

49. Бродель, Ф. Динамика капитализма : перевод с французского / Ф. Бродель. – Смоленск : Полиграмма, 1993. – 123 с.

50. Бурдье, П. Практический смысл : перевод с французского / П. Бурдье. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2001. – 562 с.

51. Валгина, Н. С. Теория текста / Н. С. Валгина. – Москва : Логос, 2003. – 173 с.

52. Варина, В. Г. Лексическая семантика и внутренняя форма языковых единиц / В. Г. Варина // Принципы и методы семантических исследований. – Москва : Наука, 1976. – С. 233-244.

53. Васильев, С. А. Синтез смысла при создании и понимании текста / С. А. Васильев. – Киев : Наукова думка, 1988. – 248 с.

54. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и базисные концепты / А. Вежбицкая. – Москва : Языки славянских культур, 2011. – 568 с.

55. Вельш, В. Наш постмодерний модерн / В. Вельш ; перевод с немецкого А. Л. Богачова, М. Д. Култаєвої, Л. А. Ситніченко. – Київ : Альтерпрес, 2004. – 328 с.

56. Вендлер, З. Факты в языке / З. Вендлер ; перевод В. А. Плунгяна // Философия, логика, язык / общая редакция Д. П. Горского, В.В. Петрова. – Москва : Прогресс, 1987. – С. 293-318.

57. Верещагин, Н. К. Информация, кодирование и предсказание / Н. К. Верещагин, Е. В. Щепин. – Москва : ФМОП : МЦНМО, 2012. – 238 с.

58. Верховых, Л. Н. Лингвокраеведческая субпарадигма как интегративная модель исследования системы русского языка (на материале воронежского ономастикона): диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук : 10.02.01 / Верховых людмила николаевна . – Елец, 2022 . – 428 с.

59. Виноградов, В. А. Проблемы теории реконструкции / В. А. Виноградов, Н. З. Гаджиева, В. К. Журавлев // Теория лингвистической реконструкции : материалы Всесоюзной конференции, Москва, 11-13 января 1988 г. – Москва, 1987. – С. 3-21.

60. Виноградов, В. В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования / В. В. Виноградов // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 6-34.

61. Виноградов, С. Н. К лингвистическому пониманию ценности / С. Н. Виноградов // Русская словесность в контексте культуры. – Нижний Новгород : ННГУ, 2007. – С. 93-97.

62. Виноградова, Е. М. Пропозициональные структуры высказывания как способ концептуализации информации / Е. М. Виноградова // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2008. – № 3 (95). – С. 74-79.

63. Витгенштейн, Л. Философские работы : в 2 частях. Ч. I / Л. Витгенштейн ; перевод с немецкого М. С. Козловой, Ю. А. Асеева. – Москва : Гнозис, 1994. – 612 с.

64. Власова, Г. И. Интернет-поздравления как жанр постфольклора / Г. И. Власова // Интернет и фольклор : сборник статей / составитель А. В. Захаров. – Москва : Государственный республиканский центр русского фольклора, 2009. – С. 302-309.

65. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – Москва : Едиториал УССР, 2002. – 280 с.

66. Выготский, Л. С. Мышление и речь / Л. С. Выготский. – Москва : АСТ, 2021. – 567 с.

67. Гагаев, А. А. Рецензия на монографию Никитиной Е.С. «Смысловой анализ текста: психосемантический подход». – М.: Ленанд, 2016. – 200 с. / А. А. Гагаев // Мир лингвистики и коммуникации : электронный научный журнал. – 2016. – № 44. – С. 80-93. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_26502325_42679879.pdf (дата обращения: 22.08.2024).

68. Гак, В. Г. К проблеме общих семантических законов / В. Г. Гак // Общее и романское языкознание. – Москва : МГУ, 1972. – С. 144-157.

69. Гак, В. Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак. – Москва : Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.

70. Гальперин, И. Р. Очерки по стилистике английского языка / И. Р. Гальперин. – Москва : Издательство литературы на иностранных языках, 1958. – 462 с.

71. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – Москва : КомКнига, 2007. – 144 с.

72. Гарбовский, Н. К. Теория перевода : учебник / Н. К. Гарбовский. – Москва : МГУ, 2007. – 544 с.

73. Герман, И. А. Лингвосинергетика / И. А. Герман. – Барнаул : Алтайская академия экономики и права, 2000. – 168 с.

74. Гончарова, Т. В. От распри к конфликту (слова, обозначающие разногласия, вражду, ссору в русском языке) / Т. В. Гончарова // Актуальные вопросы современной лингвистики : материалы международной научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора А. Н. Тихонова, Елец, 02-04 ноября 2021 г. – Елец : ЕГУ им. И.А. Бунина, 2021. – С. 224-229.

75. Горнунг, Б. В. Единство синхронии и диахронии как следствие специфики языковой структуры / Б. В. Горнунг // Соотношение синхронного анализа и исторического изучения языков : сборник докладов. – Москва : Наука, 1960. – С. 10-16.

76. Граматчикова, Н. Б. Постфольклор и интернетлор / Н. Б. Граматчикова, Т. И. Хоруженко. – Екатеринбург : Урал. ун-т, 2017. – 62 с.

77. Греймас, А. Ж. Структурная семантика : поиск метода / А. Ж. Греймас ; перевод с французского Л. Зиминой. – Москва : Академический Проект, 2004. – 368 с.

78. Григорьев, Б. В. Герменевтика и теория интерпретации / Б. В. Григорьев. – Владивосток : Изд-во ДВГУ, 2002. – 256 с.

79. Губайл, В. А. Бит, информационная энтропия Шеннона, код Хэмминга: как измерить любую информацию и передать ее без потерь / В. А. Губайл // Хайтек : сайт. – 6 февраля 2019. – URL: https://hightech.fm/2019/02/06/information (дата обращения: 20.08.2024).

80. Гудков, Д. Б. Единицы кодов культуры: проблемы семантики / Д. Б. Гудков // Язык, сознание, коммуникация : сборник статей / ответственные редакторы В. В. Красных, А. И. Изотов. – Москва : МАКС Пресс, 2004. – Вып. 26. – С. 39-50.

81. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию : перевод с немецкого / В. фон Гумбольдт. – Москва : Прогресс, 1984. – 400 с.

82. Гумбольдт, В. фон. Язык и философия культуры : перевод с немецкого / В. фон Гумбольдт. – Москва : Прогресс, 1985. – 450 с.

83. Гуревич, А. Я. Ментальность как пласт социальной целостности / А. Я. Гуревич // Споры о главном : дискуссии о настоящем и будущем исторической науки. – Москва : Наука, 1993. – С. 142-163.

84. Гусаренко, С. В. Когнитивно-семантические структуры дискурса: системное взаимодействие и семантическая энтропия : монография / С. В. Гусаренко. – Москва : Флинта, 2021. – 313 с.

85. Гусев, С. С. Проблема понимания в философии / С. С. Гусев, Г. Л. Тульчинский. – Москва : Наука, 1985. – 123 с.

86. Дандес, А. Фольклор: семиотика и/или психоанализ : сборник статей : перевод с английского / А. Дандес. – Москва : Восточная литература, 2003. – 279 с.

87. Данилина, Н. И. Морфонологические системы в синхронии и диахронии: на материале неблизкородственных языков : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук : 10.02.19 / Данилина Наталия Ивановна. – Саратов, 2012. - 415 с.

88. Дейк, Т. А. ван. Стратегия понимания связанного текста / Т. А. ван Дейк, В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва : Прогресс, 1988. – Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. – С. 153-211.

89. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация : перевод с английского / Т. А. ван Дейк. – Москва : URSS, 2015. – 320 с.

90. Демьянков, В. З. Интерпретация как инструмент и как объект лингвистики / В. З. Демьянков // Вопросы филологии. – 1999. – № 2. – С. 5-13.

91. Демьянков, В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В. З. Демьянков // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 17-33.

92. Деррида, Ж. Обсуждение доклада «Различание» : перевод с французского / Ж. Деррида. – URL: https://syg.ma/@noodletranslate/zhak-dierrida-obsuzhdieniie-doklada-razlichaniie (дата обращения: 20.08.2024).

93. Деррида, Ж. Позиции : перевод с французского / Ж. Деррида. – Москва : Академический проект, 2007. – 160 с.

94. Деррида, Ж. Поля философии / Ж. Деррида ; перевод с французского Д. Кралечкина. – Москва : Академический проект, 2012. – 376 с.

95. Джелалова, Л. А. Русские пословицы: структурно-семантический и коммуникативно-прагматический аспекты : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук : 10.02.01 / Джелалова Лариса Анатольевна. – Волгоград, 2022 . – 633 с.

96. Добродомов, И. Г. Еще раз об исторической памяти в языке / И. Г. Добродомов // Вопросы языкознания. – 2002. – № 2. – С. 103.

97. Дронова, Л. П. Методика диахронического исследования и когнитивный подход к языку / Л. П. Дронова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2013. – № 2 (22). – С. 22-39.

98. Дронова, Л. П. Синхрония и диахрония: отложенная встреча? / Л. П. Дронова // Филология. – 2009. – № 3 (7). – С. 116-123.

99. Дубин, Р. Ш. Глобальный и глокальный урбан-коды как разновидности культурных кодов современных крупных городов / Р. Ш. Дубин // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2022. – № 5 (109). – С. 15-22.

100. Дугин, А. Г. Обществоведение для граждан новой России / А. Г. Дугин. – Москва : Евразийское движение, 2007. – 256 с.

101. Дудик (Кочелаева), Н. А. Проблема универсальных стратегий в переводе / Н. А. Дудик (Кочелаева) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2011. – № 615. – С. 45-56.

102. Есаулов, И. А. Интерпритация текста / И. А. Есаулов // Литературная энциклопедия терминов и понятий / главный редактор А. Н. Николюкин ;

Институт научной информации по общественным наукам РАН. – Москва : Интелвак, 2001. – С. 305-306.

103. Ефремов, В. А. О новых формах наивной лингвистики в эпоху интернета / В. А. Ефремов // Антропологический форум. – 2014. – № 21. – С. 74-81.

104. Жебит, В. А. Энтропия как аспект концептуализации «порядок – хаос» в философской интерпретации воли / В. А. Жебит // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2018. – № 1 (17). – С. 76-83.

105. Жельвис, В. И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира / В. И. Жельвис. – Москва : Ладомир, 2001. – 256 с.

106. Жеребило, Т. В. Методы лингвистического исследования и описания языка, обусловленные функционально-стилистическим инвариантом языковой системы / Т. В. Жеребило // За и против. – 2007. – № 3. – С. 15-23.

107. Жукова, С. Ю. Дискурсивные формулы русского языка в диахроническом аспекте (на материале XVIII-XXI веков) : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.01 / Жукова Светлана Юрьевна. – Москва, 2021. – 228 с.

108. Залевская, А. А. Ментальный лексикон: конструкт, метафора или миф? / А. А. Залевская // GISAP: Philological Sciences. – 2015. – № 8. – С. 42-44.

109. Зализняк, А. А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии : проект «Каталога семантических переходов» / А. А. Зализняк // Вопросы языкознания. – 2001. – № 2. – С. 13-25.

110. Заметалина, М. Н. Бытийность в функционально-семантическом пространстве русского языка: диахрония и синхрония : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук : 10.02.01 / Заметалина Мария Николаевна. – Волгоград, 2002. – 286 с.

111. Звегинцев, В. А. Мысли о лингвистике / В. А. Звегинцев. – Москва : Языки славянской культуры, 1996. – 294 с.

112. Зеленин, Д. К. Религиозно-магическая функция фольклорных сказок / Д. К. Зеленин // Сергей Федорович Ольденбург: к пятидесятилетию научно-

общественной деятельности, 1882-1932 : сборник статей. – Ленинград, 1934. – С. 25-38.

113. Зенин, С. Н. Нравственно-ценностный потенциал устного народного творчества: аспекты востребованности / С. Н. Зенин, М. С. Жиров // Nomothetika: Философия. Социология. Право. – 2009. – № 3. – С. 56-63.

114. Золян, С. Т. Модальная семиотика: основания и обоснования / С. Т. Золян // Метод: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – 2014а. – Вып. 4. – С. 97-121.

115. Золян, С. Т. Семантика и структура поэтического текста / С. Т. Золян. – Москва : URSS, Либроком, 2014б. – 311 с.

116. Золян, С. Т. Юрий Лотман: о смысле, тексте, истории. Темы и вариации / С. Т. Золян. – Москва : ЯСК, 2020. – 318 с.

117. Зуева, Т. В. Русский фольклор / Т. В. Зуева, Б. П. Кирдан. – Москва : Флинта : Наука, 2002. – 400 с.

118. Иванов, В В. Знаковые системы культуры, искусства и науки / В. В. Иванов. – Москва : Языки славянской культуры, 2007. – 794 с.

119. Изюмская, С. С. Об определении понятия «смысл слова» (на материале исследований А. А. Потебни) / С. С. Изюмская // Образование. Наука. Инновации: Южное измерение. – 2014. – № 3 (35). – С. 125-130.

120. Ильин, В. В. Аксиология / В. В. Ильин. – Москва : МГУ, 2005. – 216 с.

121. Ильин, И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм / И. П. Ильин. – Москва : Интрада, 1996. – 210 с.

122. Ильина, Л. Е. Silva rerum Оренбуржья (традиция ведения домовых хозяйственных книг) / Л. Е. Ильина // Четвертые Моисеевские чтения: национальные и региональные особенности языка : материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, Оренбург, 22-24 ноября 2018 г. – Оренбург : Оренбургская книга. – 2018. – Ч. 1. – С. 150-153.

123. Ильина, Л. Е. Аксиологический аспект колыбельной песни как жанра фольклора / Л. Е. Ильина // Балтийский гуманитарный журнал. – 2019. – № 4. – С. 243-247.

124. Ильина, Л. Е. Деструктивные элементы постфольклора: лингвокультурный контекст / Л. Е. Ильина // Вестник Костромского государственного университета. – 2023а. – Т. 29, № 4 . – С. 141-149.

125. Ильина, Л. Е. Концептуальная метафора как воплощение смысла постфольклорного текста / Л. Е. Ильина // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2024а. – № 4. – С. 82-97.

126. Ильина, Л. Е. Литературно-художественная репрезентация зримости на примере книги Милен Фармер «Лиза-Лу и Сказочник» / Л. Е. Ильина // Диалоги о культуре и искусстве : материалы XI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Пермь, 14-16 окт. 2021 г. : в 2 частях / ответственный редактор А. А. Лисенкова. – Пермь : РИО УНИД, 2021а. – Ч. 1. – С. 86-90.

127. Ильина, Л. Е. Объем и содержание понятий «святотатство», «богохульство», «кощунство» в русском языке / Л. Е. Ильина // Таинство слова и образа : материалы научно-богословской конференции кафедры филологии МДА, Сергиев Посад, 24-25 ноября 2022 г. – Сергиев Посад : Московская духовная академия, 2023б. – С. 37-52.

128. Ильина, Л. Е. Особенности городских легенд, характеризующие их содержание, бытование и динамику изменений / Л. Е. Ильина, Е. А. Шигаева // Стратегии общей и частной теории текста : монография : в 5 частях / под редакцией Л. Е. Ильиной. – Оренбург: ОГУ, 2022а. – Ч. 5. – С. 66-108.

129. Ильина, Л. Е. Особенности перевода имен собственных в книге Милен Фармер «Лиза-Лу и Сказочник» / Л. Е. Ильина // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2022б. – Т. 1, № 1 (37). – С. 12-19.

130. Ильина, Л. Е. Паремии о культуре общения в русском и французском языках / Л. Е. Ильина // Стратегии общей и частной теории текста :

монография : 4 частях / под редакцией Л. В. Путилиной. – Москва : Интернаука, 2020. – Ч. 4. – С. 59-74.

131. Ильина, Л. Е. Постфольклорный сюжет «делать уроки»: прагматический аспект / Л. Е. Ильина // Вестник Костромского государственного университета. – 2023в. – Т. 29, № 2. – С. 141-149.

132. Ильина, Л. Е. Семантические коды постфольклорных текстов / Л. Е. Ильина // Мир науки, культуры, образования. – 2023г. – № 2 (99). – С. 447-449.

133. Ильина, Л. Е. Семейные предания как отражение образа эпохи / Л. Е. Ильина // Филология и культура. – 2016. – № 4 (46). – С. 199-206.

134. Ильина, Л. Е. Функции колыбельных песен с позиций аксиологии / Л. Е. Ильина // Мир науки, культуры, образования. – 2021б. – № 5. – С. 315-317.

135. Ильина, Л. Е. Ценностное лингвокультурное содержание и особенности бытования постфольклорных текстов (на примере текстов семейных преданий) : монография / Л. Е. Ильина. – Москва : ИНФРА-М, 2024. – 205 с.

136. Ильина, Л. Е. Энтропия текста как рассеивание смысла / Л. Е. Ильина, О. Е. Павловская // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. – 2023д. – Т. 23, № 6. – С. 77-86.

137. Интернет и фольклор : сборник статей / составитель А. В. Захаров. – Москва : Государственный республиканский центр русского фольклора, 2009. – 320 с.

138. Ионин, Л. Г. Социология культуры : учебное пособие / Л. Г. Ионин. – Москва : Логос, 1998. – 280 с.

139. Каган, Е. Б. Предложения заблуждения: сложности перевода / Е. Б. Каган, Ю. Ю. Шадрина, Н. В. Вологжанин // Образование и наука. – 2017. – Т. 19, № 10. – С. 171-190.

140. Казазаева, М. А. Синхронно-анахронический подход в современной лингвистике: проблематика и перспективы / М. А. Казазаева // Вестник

Сургутского государственного педагогического университета. – 2013. – № 5. – С. 10-15.

141. Калимуллина, Л. А. Теоретические и прикладные проблемы диахронической семантики / Л. А. Калимуллина // Вестник Башкирского университета. – 2009. – Т. 14, № 3. – С. 1167-1170.

142. Камчатов, А. М. История и герменевтика славянской Библии / А. М. Камчатов. – Москва : Наука, 1998. – 223 с.

143. Капица, Ф. С. Русский детский фольклор / Ф. С. Капица, Т. М. Колядич. – Москва : Флинта : Наука, 2002. – 320 с.

144. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград, 2002. – 476 с.

145. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – Москва : ЛКИ, 2010. – 264 с.

146. Караченцева, Н. М. К истории русской филологической терминологии: тропы и фигуры : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.01 / Караченцева Наталья Марковна. – Ростов-на-Дону, 1999. – 293 с.

147. Кезина, С. В. Семантическое поле цветообозначений в русском языке: диахронический аспект : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук : 10.02.21 / Кезина Светлана Владимировна. – Брянск, 2010. – 342 с.

148. Кибрик, А. Е. Константы и переменные языка / А. Е. Кибрик. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2003. – 720 с.

149. Кибрик, А. Е. Постулаты / А. Е. Кибрик // Ученые записки Тартуского госуниверситета. – Тарту, 1983. – Вып. 621. – С. 24-39.

150. Киносемиотика : [сайт]. – URL: https://kinosemiotika.narod.ru (дата обращения: 23.08.2023).

151. Кирьякова, А. В. Ориентация личности в мире ценностей / А. В. Кирьякова // Шаг в науку. – 2018. – № 1. – С. 5-15.

152. Китаев-Смык, Л. А. Психофизиологические и социально-психологические аспекты сексуальных инвектив и «матерной речи» / Л. А. Китаев-Смык // Психологическая газета : [сайт]. – 18.05.2021. – URL: https://psy.su/feed/9035 (дата обращения: 23.08.2023).

153. Кнабе, Г. С. Диалектика повседневности / Г. С. Кнабе // Вопросы философии. – 1989. – № 5. – С. 26-46.

154. Кожина, М. Н. Речеведение. Теория функциональной стилистики : избранные труды / М. Н. Кожина. – Москва : Флинта, 2015. – 624 с.

155. Колмогоров, А. Н. Автоматы и жизнь / А. Н. Колмогоров // Возможное и невозможное в кибернетике / составитель В. Д. Пекелис. – Москва : Наука, 1964. – С. 10-29.

156. Колодина, Н. И. Проблемы понимания и интерпретации художественного текста / Н. И. Колодина. – Тамбов : ТГТУ, 2001. – 184 с.

157. Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение / В. Н. Комиссаров. – Москва : ЭТС, 2002. – 424 с.

158. Корольков, В. И. К теории фигур / В. И. Корольков // Сборник научных трудов МГПИИЯ. – Москва, 1973. – Вып. 78. – С. 60-93.

159. Коротаев, С. М. Интерпретация распределений вероятностей напряженности электромагнитного поля в океане / С. М. Коротаев // Геомагнетизм и аэрономия. – 1995. – Т. 35, № 4. – С. 119-127.

160. Краснощеков, Е. В. Категория притяжательности в синхронно-диахронном аспекте (на материале языков различных систем) : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук : 10.02.19 / Краснощеков Евгений Владиславович. – Майкоп, 2020. – 413 с.

161. Красных, В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация) / В. В. Красных. – Москва : Диалог-МГУ, 1998. – 352 с.

162. Красных, В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология / В. В. Красных. – Москва : Гнозис, 2002. – 282 с.

163. Круглый стол по сочинениям Жака Деррида // Эпистемы : альманах. – Екатеринбург : УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2004. – С. 171-179.

164. Крушевский, Н. В. Избранные работы по языкознанию / Н. В. Крушевский ; составитель Ф. М. Березин ; ответственный редактор В. Н. Ярцева. – Москва : Наследие, 1998. – 294 с.

165. Кубрякова, Е. С. О понятиях синхронии и диахронии / Е. С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – 1968. – № 3. – С. 112-123.

166. Кузнецова, А. В. Проблемы информации и энтропии в медиатексте : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.01.10 / Кузнецова Александра Владимировна. – Ростов-на-Дону, 2012. – 178 с.

167. Кухтенкова, Е. Максим Кронгауз рассказал про «пирожки» и «порошки» / Е. Кухтенкова // Год литературы : [сайт]. – URL: https://godliteratury.ru/articles/2021/12/16/maksim-krongauz-rasskazal-pro-pirozhki-i-poroshki (дата обращения: 20.08.2024).

168. Лаврова, Н. А. Значение и смысл слова в речевой деятельности / Н. А. Лаврова // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. – 2009. – № 3. – С. 94-97.

169. Лапшина, М. Н. Семантическая эволюция английского слова. Изучение лексики в когнитивном аспекте / М. Н. Лапшина. – Санкт-Петербург : РГПУ им. А.И. Герцена, 1998. – 159 с.

170. Ларин, Б. А. К лингвистической характеристике города: несколько предпосылок / Б. А. Ларин // Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание : избранные работы. – Москва : Просвещение, 1977. – С. 189-200.

171. Латышев, Л. К. Курс перевода: эквивалентность перевода и способы ее достижения / Л. К. Латышев. – Москва : Высшая школа, 1981. – 240 с.

172. Ле Гофф, Ж. Другое Средневековье: время, труд и культура Запада / Ж. Ле Гофф ; перевод с французского С. В. Чистяковой, Н. В. Шевченко под редакцией В. А. Бабинцева. – Екатеринбург : У-Фактория, 2000. – 328 с.

173. Левин, Ю. И. Об обсценных выражениях русского языка / Ю. И. Левин // Russian Linguistics. – 1986. – № 10. – С. 61-72.

174. Левинтон, Г. А. Замечания о жанровом пространстве русского фольклора / Г. А. Левинтон // Судьбы традиционной культуры : сборник статей и материалов памяти Ларисы Ивлевой. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1998. – С. 56-71.

175. Леви-Стросс, К. Структурная антропология / К. Леви-Стросс ; перевод с французского Вяч. Вс. Иванова. – Москва : ЭКСМО-Пресс, 2001. – 512 с.

176. Левый, И. Теория информации и литературный процесс / И. Левый // Структурализм: «за» и «против». – Москва : Прогресс, 1975. – С. 277-309.

177. Лелеко, В. Д. Пространство повседневности в европейской культуре : монография / В. Д. Лелеко. – Санкт-Петербург : С-Петерб. гос. ун-т культуры и искусств, 2002. – 320 с.

178. Леонтьев, А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания / А. А. Леонтьев. – Москва : URSS, 2003. – 307 с.

179. Лефевр, А. Производство пространства / А. Лефевр ; перевод с французского И. Стаф. – Москва : Strelka Press, 2015. – 432 с.

180. Лингвистика и аксиология. Этносемиометрия ценностных смыслов : коллективная монография / ответственный редактор Л. Г. Викулова. – Москва : Тезаурус, 2011. – 352 с.

181. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар ; перевод с французского Н. А. Шматко. – Москва : Институт экспериментальной социологии ; Санкт-Петербург : Алетейя, 1998. – 160 с.

182. Лойтер, С. М. Русский детский фольклор и детская мифология : исследование и тексты / С. М. Лойтер. – Петрозаводск : КПГУ, 2001. – 294 с.

183. Ломтев, Т. П. Структура предложения в современном русском языке / Т. П. Ломтев. – Москва : МГУ, 1979. – 197 с.

184. Лосев, А. Ф. Языковая структура / А. Ф. Лосев. – Москва : МГПИ, 1983. – 141 с.

185. Лотман, Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства / Ю. М. Лотман ; предисловие С. М. Даниэля; составитель Р. Г. Григорьева. – Санкт-Петербург : Академический проект, 2002. – 543 с.

186. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. Об искусстве. – Санкт-Петербург : Искусство-СПБ, 1998. – С. 14-287.

187. Луман, Н. «Что происходит?» и «Что за этим кроется?»: две социологии и теория общества / Н. Луман ; перевод с немецкого А. Филиппова // Социологическое обозрение. – 2007 – Т. 6, № 3. – С. 100-117.

188. Лурия, А. Р. Основные проблемы нейролингвистики / А. Р. Лурия. – Мосва : МГУ, 1975. – 253 с.

189. Лурье, М. Л. Слово и рисунок на городских стенах / М. Л. Лурье // Рисунки писателей : сборник научных статей / составитель С. В. Денисенко ; под общей редакцией С. Н. Фомичева. – Санкт-Петербург : Академический проект, 2000. – С. 416-436.

190. Любезнова, Н. В. Синхроническое и диахроническое изучение языка / Н. В. Любезнова, И. С. Выходцева // Культура и цивилизация. – 2021. – Т. 11, № 2А. – С. 117-125.

191. Лябин, И. Коротко о деконструкции Деррида / И. Лябин // Психоанализ : [сайт]. – 28.10.2018. – URL: https://psychoanalysis.by/2018/10/28/darrida-4/ (дата обращения: 20.08.2024).

192. Майсак, Т. А. Типология грамматикализации конструкции с глаголами движения и глаголами позиции / Т. А. Майсак // Вопросы языкознания. – 2007. – № 2. – С. 145-151.

193. Макаев, Э. А. Синхрония и диахрония и вопросы реконструкции / Э. А. Макаев // О соотношении синхронного анализа и исторического изучения языков : сборник докладов. – Москва : Наука, 1960. – С. 144-152.

194. Макаров, М. Л. Пропозициональный подход к деривационным процессам / М. Л. Макаров // Принцип деривации в истории языкознания и современной лингвистики. – Пермь : Пермский университет, 1991. – С. 30-32.

195. Манаенко, Г. Н. Соотношение единиц информации и единиц языка / Г. Н. Мананенко // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2017. – №1 (25). – С. 30-35.

196. Мартынова, Е. В. Пропозициональный анализ вторичных текстов / Е. В. Мартынова // Скориновские чтения – 2023. Культура книги: традиции и новаторство : материалы VI Международного форума, Минск, 28-30 сентября 2023 г. – Минск, 2023. – С. 437-439.

197. Масленникова, А. А. Скрытые смыслы и их лингвистическая интерпретация : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук : 10.02.19, 10.02.04 / Масленникова Анна Александровна. – Санкт-Петербург, 1999. – 300 с.

198. Масленникова, Е. М. К вопросу об информационной насыщенности текста / Е. М. Масленникова // Языковой дискурс в социальной практике : материалы межвузовской научно-практической конференции, Тверь, 4-5 апреля 2008 г. – Тверь : Тверской гос. ун-т, 2008. – С. 175-180.

199. Маслова, В. А. Homo lingualis в культуре / В. А. Маслова. – Москва : Гнозис, 2007. – 318 с.

200. Маслова, В. А. Современные направления в лингвистике / В. А. Маслова. – Москва : Академия, 2008. – 272 с.

201. Махов, Н. М. Искусство после обряда: духовная энтропия и трагическая природа художественного дискурса / Н. М. Махов. – Москва : URSS, 2021. – 230 с.

202. Мейе, А. Как слова меняют значение / А. Мейе ; перевод с французского Б. Маслова, Т. Никитиной // Понятия, идеи, конструкции : очерки сравнительной исторической семантики. – Москва : Новое Литературное Обозрение, 2019. – С. 39-85.

203. Мелетинский, Е. М. Статус слова и понятие жанра в фольклоре / Е. М. Мелетинский, С. Ю. Неклюдов, Е. С. Новик // Историческая поэтика: литературные эпохи и типы художественного сознания : сборник статей. – Москва : Наследие, 1994. – С. 39-104.

204. Мечковская, Н. Б. Семиотика. Язык. Природа. Культура : курс лекций / Н. Б. Мечковская. – Москва : Академия, 2007. – 432 с.

205. Мирошник, М. А. Стрим как современный формат прямого репортажа: аудиторный фактор и особенности развития / М. А. Мирошник // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Филология. Журналистика. – 2020. – № 1. – С. 117-119.

206. Михайлова, О. А. О путях развития теории лексического значения / О. А. Михайлова // Русское слово в языке, тексте и культурной среде : сборник статей памяти Э. В. Кузнецовой / ответственный редактор И. Т. Вепрева. – Екатеринбург : Арго, 1997. – С. 7-21.

207. Морен, Э. Метод. Природа Природы / Э. Морен ; перевод с французского Е. Н. Князевой. – Москва : Канон+, 2013. – 488 с.

208. Морковкин, В. В. Сочетаемостные свойства слова и проблема их системной лексикографической интерпретации / В. В. Морковкин // Проблемы сочетаемости слов : сборник научных трудов. – Москва : МГИИЯ им. М. Тореза, 1979. – Вып. 145. – С. 129-138.

209. Моррис, Ч. У. Основания теории знаков / Ч. У. Моррис // Семиотика : сборник переводов / под редакцией Ю. С. Степанова. – Москва : Радуга, 1982. – С. 45-97.

210. Мосиенко, Л. В. Аксиологические доминанты в художественных произведениях Гийома Мюссо / Л. В. Мосиенко // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2014. – № 1 (172). – С. 47-52.

211. Мосиенко, Л. В. Исследования молодежной субкультуры : аксиологический аспект / Л. В. Мосиенко // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2011. – № 2 (121). – С. 236-242.

212. Москальская, О. И. Грамматика текста / О. И. Москальская. – Москва : Высшая школа, 1981. – 184 с.

213. Найман, Е. А. Теория речевых актов в критическом зеркале лингвистической антропологии и социолингвистики / Е. А. Найман // Язык и культура. – 2015. – Вып. 4 (32). – С. 53-62.

214. Налимов, В. В. В поисках иных смыслов / В. В. Налимов. – Москва : Прогресс, 1993. – 280 с.

215. Некипелова, И. М. Полицентризм языковой системы / И. М. Некипелова // В мире научных открытий. – Красноярск, 2012. – № 9-3 (33). – С. 210-219.

216. Некипелова, И. М. Энтропия языковой системы как основной показатель ее развития / И. М. Некипелова // Современные исследования социальных проблем : электронный научный журнал. – 2013. – № 12 (32). – С. 4-5.

217. Некипелова, И. М. Язык как информационная система: избыточность и оптимизация / И. М. Некипелова, Э. Г. Зарифуллина // Современные исследования социальных проблем. – 2015. – № 9 (53). – С. 312-322.

218. Неклюдов, С. Ю. Несколько слов о «постфольклоре» / С. Ю. Неклюдов // Фольклор и постфольклор : структура, типология, семиотика : [сайт Центра типологии и семиотики фольклора Российского государственного гуманитарного университета]. – URL: https://www.ruthenia.ru/folklore/postfolk.htm (дата обращения: 22.06.2024).

219. Неклюдов, С. Ю. Семантика текста и «знания традиции» / С. Ю. Неклюдов // Славянская традиционная культура и современный мир : сборник материалов научно-практической конференции, Москва, 22-24 мая 2004 г. – Москва : Государственный республиканский центр русского фольклора, 2005. – Т. 8. – С. 22-41.

220. Неклюдов, С. Ю. Указатели фольклорных сюжетов и мотивов: к вопросу о современном состоянии проблемы / С. Ю. Неклюдов // Проблемы

структурно-семантических указателей / составитель А. В. Рафаева. – Москва : РГГУ, 2006. – С. 31-37.

221. Никитина, Е. С. Смысловой анализ текста: психосемантический подход / Е. С. Никитина. – Москва : ЛЕНАНД, 2016. – 200 с.

222. Николаева, О. В. Теория взаимодействия концептуальных картин мира: языковая актуализация : на материале новозеландского варианта английского языка и языка маори : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук : 10.02.20 / Николаева Ольга Васильевна. – Москва, 2011. – 451 с.

223. Ницше, Ф. Так говорил Заратустра / Ф. Ницше. – Москва : АСТ, 2007. – 395 с.

224. Новиков, А. И. Смысл: семь дихотомических признаков / А. И. Новиков // Теория и практика речевых исследований. – Москва : МГУ, 1999. – С. 132-144.

225. Новиков, А. И. Текст и его смысловые доминанты / А. И. Новиков ; под редакцией Н. В. Васильевой, Н. М. Нестеровой, Н. П. Пешковой. – Москва : Институт языкознания РАН, 2007. – 224 с.

226. Носов, А. В. Семантика слова list: диахронический аспект / А. В. Носов // Вестник Удмуртского университета. – 2016. – Т. 26, вып. 5. – С. 98-105.

227. О Проекте «Компьютер в каждый дом» : приказ Министерства информационных технологий и связи Российской Федерации № 9 от 22 января 2007 г. // Консорциум Кодекс. – URL: https://docs.cntd.ru/document/902031508 (дата обращения: 22.06.2024).

228. Оже, М. Не-места. Введение в антропологию гипермодерна : перевод с французского / М. Оже. – Москва : Новое литературное обозрение, 1992. – 136 с.

229. Олешков, М. Ю. Системное моделирование институционального дискурса: на материале устных дидактических текстов : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук : 10.02.19 / Олешков Михаил Юрьевич. – Нижний Тагил, 2007. – 423 с.

230. Олешков, М. Ю. Энтропия текста (опыт дискурсивного анализа) / М. Ю. Олешков // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2005. – № 3-4. – С. 73-80.

231. Опарина, Е. О. Концептуальная метафора / Е. О. Опарина // Метафора в языке и тексте / ответственный редактор В. Н. Телия. – Москва : Наука, 1988. – С. 65-78.

232. Основы функциональной лингвистики: дискурсивный аспект : учебное пособие / автор-составитель М. Ю. Олешков. – Нижний Тагил : Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 2006. – 178 с.

233. Остин, Дж. Чужое сознание / Дж. Остин ; перевод М. А. Дмитровской // Философия, логика, язык / общая редакция Д. И. Горского, В. В. Петрова. – Москва : Прогресс, 1987. – С. 48-95.

234. Павловская, О. Е. Конструирование гендера в современном военном кинодискурсе (на примере фильма А. Малюкова «Мы из будущего», 2008) / О. Е. Павловская, Н. С. Шушанян // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. – 2013. – Вып. 4(128). – С. 57-60.

235. Павловская, О. Е. Основа гендерной мистификации художественного дискурса / О. Е. Павловская, О. С. Сахно // Итоги научно-исследовательской работы за 2021 г. : материалы юбилейной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Кубанского ГАУ, Краснодар, 14-18 марта 2022 г. – Краснодар : КубГАУ им. И.Т. Трубилина, 2022. – С. 569-571.

236. Павловская, О. Е. Постфольклорный текст: лингвоаксиологический аспект / О. Е. Павловская, Л. Е. Ильина // Мир науки, культуры, образования. – 2024. – № 3. – С. 418-422.

237. Павловская, О. Е. Проблемы перевода фразеологизмов с русского языка на английский, французский и немецкий / О. Е. Павловская, А. Г. Карипиди // Преподаватель XXI век. – 2021. – № 4, ч. 2. – С. 432-440.

238. Павловская, О. М. Особенности SMS-общения студента среднего профессионального образования как репрезентация прагматического уровня языковой личности / О. Е. Павловская // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. – 2012. – Вып. 2. – С. 219-223.

239. Падучева, Е. В. Эгоцентрические единицы языка / Е. В. Падучева. – Москва : ЯСК, 2018. – 439 с.

240. Панченко, В. А. Вильгельм фон Гумбольдт. Внутренняя форма языка как отражение самобытности этнической культуры / В. А. Панченко // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. Сер.: Языкознание и литературоведение. – 2010. – № 124. –С. 396-401.

241. Пауль, Г. Принципы истории языка : перевод с немецкого / Г. Пауль. – Москва : Иностр. лит., 1960. – 499 с.

242. Пекарская, И. В. Контаминация в контексте проблемы системности стилистических ресурсов русского языка : в 2 частях. Ч. 1 / И. В. Пекарская. – Абакан : Хакасский госуниверситета им. Н.Ф. Катанова, 2000. – 248 с.

243. Петренко, С. Н. Жанровые модели постфольклора в русской постмодернистской литературе последней четверти XX - начала XXI века : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.01.01 / Петренко Сергей Николаевич. – Волгоград, 2017. – 178 с.

244. Пирс, Ч. С. Что такое знак? / Ч. С. Пирс ; перевод с английского А. А. Аргамаковой // Вестник Томского государственного университета. Сер.: Философия. Социология. Политология. – 2009. – № 3 (7). – С. 86-95 .

245. Пищальникова, В. А. История и теория психолингвистики : в 3 частях. Ч. 3. Психопоэтика / В. А. Пищальникова. – Москва : АСОХ, 2010. – 144 с.

246. Плунгян, В. А. Лингвистика в XXI веке: проблемы, перспективы, точки роста / В. А. Плунгян // Слово.ру: Балтийский акцент. – 2018. – Т. 9. – С. 7-12.

247. Плунгян, В. А. Проблемы грамматического значения в современных морфологических теориях / В. А. Плунгян // Семиотика и информатика. – 1998. – Вып. 36. – С. 355.

248. Погосян, А. А. Лингвокультурная ценность табу в контексте когнитивной лингвистики / А. А. Погосян // Вестник Российско-Армянского (Славянского) университета: гуманитарные и общественные науки. – 2019. – № 3 (33). – С. 186-201.

249. Подлесская, В. И. Дискурсивные маркеры в структуре устного рассказа: опыт корпусного исследования / В. И. Подлесская, А. А. Кибрик // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : материалы ежегодной международной конференции «Диалог», Бекасово, 27-31 мая 2009г. – Москва : РГГУ, 2009. – С. 390-395.

250. Попова, И. М. Деформация смысла концепта благо как показатель уровня духовности (по роману Захара Прилепина «Обитель») / И. М. Попова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 12-3 (78). – С. 44-49.

251. Попова, Т. Г. «Ценность» как сущностная характеристика языка / Т. Г. Попова, Ю. С. Бокова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Лингвистика. – 2012. – № 2 – С. 72-73.

252. Поппер, К. Р. Объективное знание. Эволюционный подход / К. Р. Поппер ; перевод с английского Д. Г. Лахути. – Москва : Editorial URSS, 2002. – 381 с.

253. Потебня, А. А. Из записок по теории словесности / А. А. Потебня. – Харьков : Паровая типография и литография М. Зильберберг и сыновья, 1905. – 649 с.

254. Потебня, А. А. Мысль и язык / А. А. Потебня. – Киев : СИНТО, 1993. – 192 с.

255. Потебня, А. А. Теоретическая поэтика / А. А. Потебня ; составитель, автор вступительной статьи и комментариев А. Б. Муратов. – Москва : Высш. шк., 1990. – 344 с.

256. Почепцов, Г. Г. Теория коммуникации / Г. Г. Почепцов. – Москва : Рефл-бук, 2001. – 656 с.

257. Пригожин, И. Порядок из хаоса: новый диалог с природой : перевод с английского / И. Пригожин, И. Стенгерс. – Москва : Прогресс, 1986. – 432 с.

258. Приходько, В. К. Эмотивный фонд русских говоров Приамурья : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук :10.02.01/ Приходько Виктория Константиновна. – Москва, 2022. – 402 с.

259. Пропп, В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. — Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1986. – 392 с.

260. Пропп, В. Я. Фольклор и действительность / В. Я. Пропп. – Москва : Наука, 1976. – 327 с.

261. Путилов, Б. Н. Фольклор и народная культура / Б. Н. Путилов. – Санкт-Петербург : Наука, 1994. – 235 с.

262. Растье, Ф. Интерпретирующая семантика : перевод с французского / Ф. Растье. – Нижний Новгород : Деком, 2001. – 368 с.

263. Ревуцкая, Е. А. Роль габитусного анализа в переводе / Е. А. Ревуцкая // Иностранные языки в диалоге культур : материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Саранск, 08-10 декабря 2022 г. – Саранск : МГПУ им. М. Е. Евсевьева, 2023. – С. 361-366.

264. Реформатский, А. А. Введение в языкознание / А. А. Реформатский ; под редакцией В. А. Виноградова. – Москва : Аспект Пресс, 1996. – 536 с.

265. Рецкер, Я. И. Пособие по переводу с английского языка на русский язык / Я. И. Рецкер. – Москва : Просвещение, 1982. – 159 с.

266. Рецкер, Я. И. Теория перевода и переводческая практика / Я. И. Рецкер. – Москва : Р. Валент, 2010. – 38 с.

267. Рикер, П. Торжество языка над насилием: герменевтический подход к философии права / П. Рикер // Вопросы философии. – 1996. – № 4. – С. 27-36.

268. Рогожникова, Т. М. Вербальные модели и ритмическая активность мозга / Т. М. Рогожникова // Вопросы психолингвистики. – 2010. – № 12. – С. 48-56.

269. Розанова, М. С. Современная философия и литература. Творчество Бертрана Рассела / М. С. Розанова ; под редакцией Б. Г. Соколова. – Санкт-Петербург : СПбГУ, 2004. – 160 с.

270. Россман, В. И. Деконстукция деконструкции: метафизика присутствия в лучах звезды Давида / В. И. Россман // Вопросы философии. – 2001. – № 10. – С. 57-72.

271. Рыбакова, Е. М. Способы образования французского молодежного сленга / Е. М. Рыбакова, Т. И. Полищук // Проблемы гуманитарных наук и образования в современном мире : материалы IV Всероссийской научно-практической конференции, Сибай, 25-26 января 2018 г. – Сибай, 2018. – С. 135-139.

272. Савенкова, Л. Б. Пословицы и поговорки на газетной полосе: факторы сохранения/утраты востребованности / Л. Б. Савенкова // Филология и культура. – 2016. – № 2 (44). – С. 116-121.

273. Саничева, Е. В. Деррида: концепция деконструкции и интердисциплинарная природа постструктуралистской мысли / Е. В. Саничева // Художественная культура. – 2017. – № 1(19). – URL: https://artculturestudies.sias.ru/2017-1-19/teoriya-hudozhestvennoy-kultury/5211.html (дата обращения: 20.08.2024).

274. Сартр, Ж.-П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии : перевод с французского / Ж.-П. Сартр. – Москва : Республика, 2000. – 639 с.

275. Селиванова, Е. А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации : монографическое учебное пособие / Е. А. Селиванова. – Киев : Фитосоциоцентр, 2002. – 335 с.

276. Сепир, Э. Коммуникация : избранные труды по языкознанию и культурологии : перевод с английского / Э. Сепир. – Москва : Прогресс, 1993. – 211 с.

277. Сергиенко, Н. А. Лингвоментальная антропосфера как фактор категоризации лингвокультур : диссертация на соискание ученой степени

доктора филологических наук : 5.9.8 / Сергиенко Наталья Анатольевна. – Москва, 2023. – 411 с.

278. Серль, Дж. Природа интенциональных состояний / Дж. Серль ; перевод А. Л. Никифорова // Философия, логика, язык / общая редакция Д. Н. Горского, В. В. Петрова. – Москва : Прогресс, 1987. – С. 96-127.

279. Серова, Н. С. Категория хаоса в воззрениях Ф. Ницше и Р. Вагнера / Н. С. Серова // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2-1. – URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=20921 (дата обращения: 21.03.2024).

280. Серр, М. Договор с природой / М. Серр ; перевод с французского С. Б. Рындина ; научный редактор О. В. Хархордин. – Санкт-Петербург : Издательство Европейского университета, 2022. – 222 с.

281. Сидельцев, А. В. Структура простого предложения в хеттском языке: формальный, функциональный и диахронический анализ на типологическом фоне : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук : 10.02.20 / Сидельцев Андрей Владимирович. – Санкт-Петербург, 2018. – 427 с.

282. Симбирцева, Н. А. Визуальный текст как явление современной культуры / Н. А. Симбирцева // Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2013. – № 7, ч. 1. – С. 183-185.

283. Синченко, Г. Ч. Плагиат – контрплагиат – антиплагиат / Г. Ч. Синченко, Н. М. Николаенко // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2013. – № 3 (50). – С. 49-54.

284. Синячкин В. П. Общечеловеческие ценности в русской культуре: лингвокультурологический анализ : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук : 10.02.19 / Синячкин Владимир Павлович. – Москва, 2011. – 646 с.

285. Скаф, М. К. Визуальная литература. Тропы и фигуры речи / М. К. Скаф // Детские чтения. – 2014. – № 2(6). – С. 209-219.

286. Скоропанова, И. С. Русская постмодернистская литература : учебное пособие / И. С. Скоропанова. – Москва : Флинта, 2001. – 608 с.

287. Современный городской фольклор : сборник статей. – Москва : РГГУ, 2003. – 736 с.

288. Солганик, Г. Я. Стилистика текста / Г. Я. Солганик. – Москва : Флинта, 2001. – 256 с.

289. Сон, Л. П. Язык разговорной среды интернет-коммуникации в аспектах системного формирования : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук : 5.9.8 / Сон Людмила Петровна. – Москва, 2023. – 352 с.

290. Соссюр, Ф. Курс общей лингвистики : перевод с французского / Ф. Соссюр. – Москва : URSS, 2004. – 365 с.

291. Степанов, Ю. С. Константы : словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – Москва : Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.

292. Стернин, И. А. Контрастивная лингвистика: проблемы теории и методики исследования / И. А. Стернин. – Москва : Восток-Запад, 2006. – 206с.

293. Стернин, И. А. Проблема сквернословия / И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2011. – 21 с.

294. Сусов, И. П. Введение в теоретическое языкознание / И. П. Сусов. – Москва : Восток-Запад, 2006. – 382 с.

295. Сусов, И. П. Семантические функции основных лингвосемиотических объектов / И. П. Сусов // Предложение и текст в семантическом аспекте : межвузовский тематический сборник. – Калинин : КГУ, 1978. – С. 122-138.

296. Тарасов, Е. Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания / Е. Ф. Тарасов // Этнокультурная специфика языкового сознания / под редакцией Н. В. Уфимцевой. – Москва : Институт языкознания РАН, 1996. – С. 7-22.

297. Таскаева А. В. Реализация героической парадигмы в национальной языковой картине мира : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук : 10.02.19 / Таскаева Анна Вячеславовна. – Челябинск, 2022 . – 428 с.

298. Таюпова, О. И. Лингвистические аспекты теории коммуникации / О. И. Таюпова, Л. Г. Юсупова // Вестник Башкирского университета. – 2014. – Т. 19, № 2. – С. 561-565.

299. Телия, В. Н. Культурная коннотация как способ воплощения культуры в языковой знак / В. Н. Телия, Е. О. Опарина // Вестник культурологии. – 2011. – № 1. – С. 145-148.

300. Телия, В. Н. Послесловие / В. Н. Телия // Метафора в языке и тексте / ответственный редактор В. Н. Телия. – Москва : Наука, 1988. – С. 170-172.

301. Тодоров, Ц. Понятие литературы / Ц. Тодоров ; перевод Г. К. Косикова // Семиотика : сборник статей, переводы / составитель Ю. С. Степанов. – Москва : Радуга, 1983. – С. 355-368.

302. Токарев, Д. Дескриптивный и нарративный аспекты экфрасиса / Д. Токарев // «Невыразимо выразимое»: экфрасис и проблемы репрезентации визуального в художественном тексте : сборник статей / составитель, научный редактор Д. В. Токарев. – Москва : Новое литературное обозрение, 2013. – С. 61-112.

303. Толстой, Н. И. Язык и народная культура : очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н. И. Толстой. – Москва : Индрик, 1995. – 512 с.

304. Томберг О. В. Аксиологические характеристики художественных образов в англосаксонской поэтической лингвокультуре : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук : 10.02.04 / Томберг Ольга Витальевна. – Волгоград, 2019. – 486 с.

305. Трегубов, А. Н. Структурно элементарная лексика (семантический и звукоизобразительный аспекты) : диссертация на соискание ученой степени

доктора филологических наук : 10.02.19 /Трегубов Андрей Николаевич . – Уфа, 2012 451 с.

306. Трубецкой, Н. С. Некоторые соображения относительно морфонологии / Н. С. Трубецкой // Пражский лингвистический кружок : сборник статей. – Москва : Прогресс, 1967. – С. 115-119.

307. Тураева, З. Я. Лингвистика текста (Текст: структура и семантика) : учебное пособие / З. Я. Тураева. – Москва : Просвещение, 1986. – 127 с.

308. Ульман, С. Семантические универсалии / С. Ульман // Новое в лингвистике. Вып. 5. Языковые универсалии. – 1970. – С. 250-299.

309. Усовская, Э. А. Постмодернизм в культуре XX века : учебное пособие для вузов / Э. А. Усовская. – Минск : БГУ, 2003. – 63 с.

310. Успенский, Б. А. Исследования по русской литературе, фольклору и мифологии / Б. А. Успенский. – Москва : Common place, 2018. – 288 с.

311. Успенский, Б. А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии / Б. А. Успенский // Антимир русской культуры. – Москва : Ладомир, 1996. – С. 9-107.

312. Успенский, В. А. Труды по НЕматематике с приложений семиотических посланий А. Н. Колмогорова к автору и его друзьям : в 2 томах. Т. 2 / В. А. Успенский. – Москва : ОГИ, 2002. – 824 с.

313. Ухтомский, А. А. О хронотопе / А. А. Ухтомский // Ухтомский, А. А. Доминанта. Статьи разных лет: 1887-1939. – Санкт-Петербург : Питер, 2002. – С. 67-71.

314. Федоров, А. В. Основы общей теории перевода / А. В. Федоров. – Москва : Высшая школа, 1983. – 303 с.

315. Флеонова, О. Л. Семантические изменения в слове «отечество» и его синонимах в советском и постсоветском официальном дискурсе и массовой культуре / О. Л. Флеонова // Язык. Право. Общество : сборник статей V международной научно-практической конференции / под общей редакцией О. В. Барабаш. – Пенза : ПГУ, 2018. – С. 435-438.

316. Фольклор и постфольклор : структура, типология, семиотика : [сайт Центра типологии и семиотики фольклора Российского государственного гуманитарного университета]. – URL: http://www.ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/index.htm (дата обращения: 20.08.2024).

317. Фортунатов, Ф. Ф. Сравнительное языковедение : общий курс / Ф. Ф. Фортунотов. – Москва : Красанд, 2019. – 182 с.

318. Фреге, Г. Избранные работы : перевод с немецкого / Г. Фреге. – Москва : Дом интеллектуальной книги, 1997. – 200 с.

319. Фуко, М. Археология знания : перевод с французского / М. Фуко. – Санкт-Петербург : Университетская книга, 2004. – 416 с.

320. Хабермас, Ю. Новая структурная трансформация публичной сферы и делиберативная политика / Ю. Хабермас ; перевод с немецкого Т. Атнашева. – Москва : Новое литературное обозрение, 2023. – 104 с.

321. Хадыкин, А. М. Энтропия культуры и морали / А. М. Хадыкин // Национальные приоритеты России, 2010. – № 1(3). – С. 77-91.

322. Хайтун, С. Д. Человечество на фоне универсальной эволюции : сценарии энергетического будущего / С. Д. Хайтун // Вопросы философии. 2005. – № 11. – С. 90-105.

323. Христофорова, О. Б. Логика толкований. Фольклор и моделирование поведения в архаических культурах / О. Б. Христофорова. – Москва : РГГУ, 1998. – 80 с.

324. Церлюкевич, В. К. О языке, речи и речевой деятельности / В. К. Церлюкевич // Веснік БДУ. Сер. 4. – 2009. – № 3. – С. 50-53.

325. Чепкасов, В. Л. Новые смыслы понятия энтропии, или к вопросу о неклассическом варианте понятия энтропии / В. Л. Чепкасов, Т. Л. Михайлова // Международный журнал экспериментального образования. – 2014. – № 6-1. – С. 164-167.

326. Чистова, Е. В. Экокогнитивная модель профессиональной мультимодальной коммуникации : на примере кейса синхронных

переводчиков : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук : 5.9.8 / Чистова Елена Викторовна. – Красноярск, 2022. – 448 с.

327. Читалина, Н. А. Учитесь переводить (Лексические проблемы перевода) / Н. А. Читалина. – Москва : Международные отношения, 1975. – 80 с.

328. Шалина, И. В. Уральское городское просторечие как лингвокультурный феномен : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук : 10.02.01/ Шалина, Ирина Владимировна. – Екатеринбург, 2010 . – 436 с.

329. Шапинская, Е. Н. Художественная культура и ее произведения в эпоху тотальной дигитализации: культурные смыслы и эстетические ценности / Е. Н. Шапинская // Культура и образование. – 2015. – № 2. – С. 60-67.

330. Швейцер, А. Д. Современная социолингвистика. Теория. Проблемы. Методы / А. Д. Швейцер. – Москва : Либроком, 2012. – 176 с.

331. Швейцер, А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты / А. Д. Швейцер. – Москва : Наука, 1988. – 214 с.

332. Шелестюк, Е. В. Стохастичность и энтропия в лингвистике / Е. В. Шелестюк, Е. А. Щетинкина // Вестник Челябинского государственного университета. – 2023. – № 2(472). – С. 150-165.

333. Шерцль, В. О словахъ съ противоположными значеніями (или о такъ называемой энантіосеміи) / В. Шерцль // Филологические записки. – Воронеж : Типо-литография Губернского правления, 1883. – Вып. 5/6. – С. 1-39.

334. Шмелев, Д. Н. Современный русский язык. Лексика / Д. Н. Шмелев. – Москва : Просвещение, 1977. – 335 с.

335. Шнайер, Б. Теория информации / Б. Шнайер // Б. Шнайер. Прикладная криптография: протоколы, алгоритмы, исходные тексты на языке Си. – Москва : Триумф, 2002. – С. 349-355.

336. Штайнер, Р. Низвержение духов Тьмы: духовные подосновы внешнего мира / Р. Штайнер. – Москва : Энигма, 2022. – 336 с.

337. Шумада, Н. С. Современный песенный фольклор славян: сущность, структура, функции : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук : 10.01.09 / Шумада Наталия Сергеевна. – Киев, 1984. – 395 с.

338. Шюц, А. Структура повседневного мышления / А. Шюц // Социологические исследования. – 1988. – № 2. – С. 23-34.

339. Щуров, В. М. Жанры русского музыкального фольклора : учебное пособие : в 2 частях. Ч. 1. История, бытование, музыкально-поэтические особенности / В. М. Щуров. – Москва : Музыка, 2007. – 400 с.

340. Эйнштейн, А. Замечания о теории познания Бертрана Рассела / А. Эйнштейн // Эйнштейн А. Собрание научных трудов : в 4 томах. – Москва : Наука, 1967. – Т. IV. – С. 248-252.

341. Эко, У. Отсутствующая структура: введение в семиологию / У. Эко. – Москва : Corpus, 2019. – 704 с.

342. Эко, У. Сказать почти то же самое: опыты о переводе / У. Эко. – Санкт-Петербург : Симпозиум, 2006. – 574 с.

343. Элиас, Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования : в 2 томах. Т. 2 / Н. Элиас ; перевод с английского А. М. Руткевич. – Москва ; Санкт-Петербург : Университетская книга, 2001. – 382 с.

344. Эмер, Ю. А. Миромоделирование в современном песенном фольклоре: когнитивно-дискурсивный : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук : 10.02.01 / Эмер Юлия Антоновна. – Томск, 2011. – 457 с.

345. Энтропийная модель динамического хаоса геоэкологической системы / О. В. Базарский, Ж. Ю. Кочетова, В. В. Кульнев, Д. . Пантелеев // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Естественные науки. – 2023. – Т. 165. – С. 281-294.

346. Ээльмаа, Ю. В. Методико-литературный интернет-сайт как пространство диалога науки и школьной практики : диссертация на

соискание ученой степени кандидата педагогических наук : 13.00.02 / Ээльмаа Юрий Владимирович. – Санкт-Петербург, 2004. – 370 с.

347. Юрков, Е. Е. Метафора в аспекте лингвокультурологии : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук : 10.02.01 / Юрков Евгений Ефимович. – Санкт-Петербург, 2012. – 348 с.

348. Ядрышникова, Л. Г. Современная традиционная культура: к проблеме определения / Л. Г. Ядрышникова // Реальность. Человек. Культура: социальное и природное : материалы всероссийской научной конференции, Омск, 23-25 ноября 2006 г. – Омск : ОмГПУ, 2006. – С. 34-36.

349. Якобсон, Р. О. Избранные работы / Р. О. Якобсон. – Москва : Прогресс, 1985. – 456 с.

350. Яковлева, М. А. К вопросу о классификации различных видов компенсации / М. А. Яковлева // Вопросы филологических наук. – 2008. – № 4(33). – С. 46-51.

351. Ярошенко, П. В. Словосочетания с сенсорными семантическими компонентами (на материале параллельного мультиязычного корпуса) : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 5.9.8. / Ярошенко Полина Владимировна. – Москва, 2023 – 181 с.

Список словарей, справочников и энциклопедий

352. Гуманитарный портал : [сайт] / ответственный редактор А. В. Агеев. – URL: https://gtmarket.ru (дата обращения: 21.07.2024).

353. Даль, В. И. Иллюстрированный толковый словарь живого великорусского языка: А-Я / В. И. Даль. – Москва : Эксмо, 2007. – 896 с.

354. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 томах / В. И. Даль. – Москва : Русский язык, 1998.

355. Дворецкий, И. Х. Древнегреческо-русский словарь : около 70 000 слов / Х. Дворецкий ; под редакцией С. И. Соболевского. – Москва : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958. – 1053 с.

356. Демографический энциклопедический словарь / главный редактор Д. И. Валентей. – Москва : Советская энциклопедия, 1985. – 608 с.

357. Кондаков, Н. И. Логический словарь-справочник / Н. И. Кондаков. – Москва : Наука, 1975. – 720 с.

358. Культурология: XX век : энциклопедия : в 2 томах / составитель С. Я. Левит. – Санкт-Петербург : Университетская книга, 1998.

359. Латинско-русский словарь / редактор И. Х. Дворецкий. – Москва : Русский язык, 1976. – 1096 с.

360. Левочкина, А. Словарь молодежного сленга: как разобраться, что говорят ваши дети / А. Левочкина // Сравни.ру : [сайт]. – URL: https://www.sravni.ru/text/molodezhnyj (дата обращения: 25.01.2023).

361. Лингвистический энциклопедический словарь / главный редактор В. Н. Ярцева. – Москва : Советская энциклопедия, 1990. – 709 с.

362. Литературная энциклопедия терминов и понятий / главный редактор А. Н. Николюкин ; Институт научной информации по общественным наукам РАН. – Москва : Интелвак, 2001. – 1596 с.

363. Ляшевская, О. Н. Частотный словарь современного русского языка: на материалах Национального корпуса русского языка / О. Н. Ляшевская, С. А. Шаров. – Москва : Азбуковник, 2009. – 1087 с.

364. Матвеева, Т. В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика / Т. В. Матвеева. – Москва : Флинта : Наука, 2003. – 432 с.

365. Математический энциклопедический словарь / главный редактор Ю. В. Прохоров. – Москва : Советская энциклопедия, 1988. – 847 с.

366. Морковкин, В. В. Большой универсальный словарь русского языка : в 2 томах / В. В. Морковкин, Г. Ф. Богачева, Н. М. Луцкая. – Москва : Грамота : АСТ-ПРЕСС, 2022.

367. Новый большой англо-русский словарь = New English-Russian dictionary : в 3 томах : около 250000 слов / Ю. Д. Апресян, Э.М. Медникова, А. В. Петрова [и др.]. – Москва : Русский язык, 1993.

368. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Москва : Технологии, 2005. – 944 с.

369. Параллельные словари языков русского, французского, немецкого и английского, для употребления русского юношества, по словарям Академии российской, Академии французской, Аделунга, Гейнзиуса, Джонсона, Вебстера, и по другим лексиконам, составленные Филиппом Рейфом. – Санкт-Петербург ; Карлсруэ : Придворная Типография В. Каспера, 1853. – 921 с.

370. Политехнический словарь / главный редактор А. Ю. Ишлинский. – Москва : Советская энциклопедия, 1989. – 656 с.

371. Постмодернизм : энциклопедия / составители А. А. Грицанов, М. А. Можейко. – Минск : Интерпессервис : Книжный Дом, 2001. – 1040 с.

372. Разумовский, О. С. Диахрония / О. С. Разумовский // Институт исследований природы времени : [сайт]. – URL: http://www.chronos.msu.ru/old/TERMS/razumovsky_diakhronia.htm (дата обращения 14.02.2024).

373. Розенталь, Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов : пособие для учителя / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – Москва : Просвещение, 1985. – 399 с.

374. Свечникова, А. Словарь 21 века: что такое флексить на молодежном сленге? / А. Свечникова // Лэтуаль : [сайт]. – URL: https://www.letu.ru/blog/slovar-21-veka-chto-takoe-fleksit-na-molodezhnom-slenge (дата обращения: 20.08.2024).

375. Словари и энциклопедии // Академик : [сайт]. – URL: https://academic.ru (дата обращения: 20.08.2024).

376. Словарь новых слов русского языка (середина 50-х – середина 80-х гг.) / под редакцией Н. З. Котеловой. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1995. – 876 с.

377. Словарь перемен 2015-2016 / автор-составитель М. А. Вишневецкая. – Москва : Три квадрата, 2018. – 248 с.

378. Словарь русского языка XVIII века. Вып. 17. Оный – Открутить. – Ленинград : Наука, 2007. – 253 с.

379. Словарь сочетаемости слов русского языка: около 2500 словарных статей / П. Н. Денисов, Н. К. Зеленова, Е. М. Кочнева [и др.]. – Москва : Русский язык, 1983. – 688 с.

380. Справочник по фразеологии / автор-составитель: редакция портала «Грамота.ру» // Грамота.ру : [сайт]. – URL: https://gramota.ru/biblioteka/spravochniki/spravochnik-po-frazeologii (дата обращения: 20.08.2024).

381. Толковый словарь С. А. Кузнецова // Gufo.me: [сайт]. – URL: https://gufo.me/dict/kuznetsov (дата обращения: 25.04.2024).

382. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 томах : перевод с немецкого / М. Фасмер ; под редакцией Б. А. Ларина. – Санкт-Петербург : Терра-Азбука, 1996.

383. Философия : энциклопедический словарь / под редакцией А. А. Ивина. – Москва : Гардарики, 2004. – 1072 с.

384. Человек и общество: культурология : словарь-справочник / научный редактор О. М. Штомпель. – Ростов-на-Дону : Феникс, 1996. – 544 с.

385. Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера // Lexicography.Online : [сайт]. – URL: https://lexicography.online/etymology/vasmer/ (дата обращения: 30.07.2023).

386. Яценко, Н. Е. Толковый словарь обществоведческих терминов / Н. Е. Яценко. – Санкт-Петербург : Лань, 1999. – 528 с.

387. Bailly, A. Dictionnare grec ancien – français / A. Bailly // Internet Archive : [website]. – URL: https://archive.org/details/BaillyDictionnaireGrecFrancais (date of access: 20.08.2024).

388. Brunvand, J. H. Encyclopedia of Urban Legends / J. H. Brunvand. – New York : W. W. Norton & Company, 2002. – 525 p.

389. Centre National de Ressources Textuelles et Lexicale : [website]. – URL: https://www.cnrtl.fr/definition/conteur (date of access: 28.04.2024).

390. Folklore Notes // Folklore. – 1969. – T. 80, № 3. – P. 232-234.

391. Larousse.fr : encyclopédie et dictionnaires gratuits en ligne : [website]. – URL: https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/conter/ (date of access: 28.10.2021).

392. Moeschler, J. Dictionnaire encyclopédique de pragmatique / J. Moeschler, A. Reboul. – Paris : Seuil, 1994. – 975 p.

393. A Leonard Bloomfield anthology / ed. by C. Hockett. – Bloomington ; London, 1970. – 553 p.

394. Adamzik, K. Textlinguistik / K. Adamzik. – Tübingen : Niemeyer, 2004. – 235 S.

395. An Introduction to Language and Communication / A. Akmajian, R. A. Demers, A. K. Farmer, R. M. Harnish. – London : MIT Press, 2001. – 410 p.

396. Anscombre, J.-Cl. L'argumentation dans la langue / J.-Cl. Anscombre, O. Ducrot. – Liège ; Bruxelles : P. Margada, 1988. – 184 p.

397. Barthes, R. Éléments de sémiologie / R. Barthes // Recherches sémiologiques. Communications № 4. – Paris : Seuil, 1964. – P. 91-135.

398. Bréal, M. Essai de sémantique: science des significations / M. Bréal. – Paris : Hachette, 1897. – 349 p.

399. Campion-Vincent, V. Légendes urbaines: rumeurs d'aujourd'hui / V. Campion-Vincent, J.-B. Renard. – Paris : Payot et Rivages, 2002. – 443 p.

400. Chollier, C. Textual Semantics and Literature: Corpus, Texts, Translation / C. Chollier // Littérature et sémiotique. – 2014. – № 5. – P. 77-99.

401. Derrida, J. L'Écriture et la différence / J. Derrida. – Paris : Seuil, 1967. – 437 p.

402. Droysen, J. G. Historik : Vorlesungen über Enzyklopädie und Methodologie der Geschichte / J. G. Droysen. – München ; Berlin : Oldenbourg, 1943. – 444 S.

403. Fauconnier, G. Mental Spaces: Conceptual Integration Networks / G. Fauconnier, M. Turner // Cognitive Linguistics : Basic Readings / ed. by D. Geeraerts. – Berlin :Walter de Gruyter GmbH & Co, 2006. – P. 303-371.

404. Fludernik, M. Introduction to Narratology / M. Fludernik. – London ; New York : Routledge, 2009. – 200 p.

405. Froissart, P. Rumeurs. Histoire et fantasmes / P. Froissart. – Paris : Débats, 2002. – 280 p.

406. Geeraerts, D. Theories of Lexical Semantics / D. Geeraerts. – Oxford : Oxford University Press, 2010. – 341 p.

407. Gennep, A. van. La formation des légendes / A. van Gennep. – Paris : Flammarion, 1912. – 327 p.

408. Glulich, E. Narrative Analysis / E. Glulich, U. Quasthoff // Handbook of Discourse Analysis. Vol. 2 Dimensions of Discourse. – Orlando, FL : Academic, 1985. – P. 169-197.

409. Grice, H. P. Logic and Conversation / H. P. Grice // Syntax and Semantics / ed. by P. Cole, J. L. Morgan. – New York : Academic Press, 1975. – Vol. 3. – P. 41-58.

410. Guillaume, A. Diachronie et Synchronie : Passerelles (étymo)logiques. La dynamique des savoirs millénaires / A. Guillaume // Etymologiques: Histoires de mots. – 2010. – № 33. – P. 13-23.

411. Heinemann, W. Textlinguistik : eine Einführung / W. Heinemann, D. Viehweger. – Tübingen : Niemeyer, 1991. – 310 S.

412. Hermann, P. Prinzipien der Sprachgeschichte / P. Hermann. – Tübingen : Niemeyer, 1960. – 428 S.

413. Hoppal, M. Genre and Context in Narrative Event. Approaches to Verbal Semiotics / M. Hoppal // Genre, Structure and Reproduction in Oral Literature / ed. by L. Honko, V. Voigt. – Budapest, 1980. – P. 107-128.

414. Hühn, P. Event and Eventfulness / P. Hühn // Handbook of Narratology / ed. by F. Jannidis [et al.]. – New York ; Berlin : Walter de Gruyter, 2009. – P. 80-97.

415. Hymes, D. H. On Communicative Competence / D. H. Hymes // Sociolinguistics. – London : Penguin, 1972. – P. 269-293.

416. Ilyina, L. E. Semantic Codes of Folklore and Modern Folklore Texts / L. E. Ilyina, E. V. Golovina, T. Yu. Sumtsova // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. – 2020. – Vol. 83. – P. 456-462.

417. Kapferer, J.-N. Rumeurs. Le plus vieux média du monde / J.-N. Kapferer. – Paris : Seuil, 1987. – 277 p.

418. Keller, R. Sprachwandel: Von der unsichtbaren Hand in der Sprache / R. Keller. – Tübingen : Francke, 1990. – 218 S.

419. Lakoff, G. Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago : University of Chicago Press, 2003. – 276 p.

420. Lyotard, J.-F. Answering Question: What Is Postmodernism / J.-F. Lyotard // Innovation/Renovation: New Perspectives on the Humanities. – 1983. – No. 3. – P. 329-341.

421. Maranda, P. Computer in the Bush: Analysis for Myths / P. Maranda // Essays on the Verbal and Visual Arts / ed. by J. Helm. – Washington : University of Washington Press, 1967. – P. 77-83.

422. Martínez, I. M. L'intertextualité sonore et discursive dans le rap français / I. M. Martínez // TRANS-Revista Transcultural de Música. – URL: sibetrans.com/trans/article/8/l-rsquo-intertextualit (date of access: 20.08.2024).

423. Martínez, I. M. Le rap français. Esthétique et poétique des textes / I. M. Martínez. – Berlin ; Berne ; New York : Peter Lang, 2008. – 328 p.

424. Martinez, M. Einführung in die Erzähltheorie / M. Martinez, M. Scheffel. – München : Beck, 2019. – 234 S.

425. Narashimha, R. N. Linguistic Entropy in Othello of Shakespeare / R. N. Narashimha. – New Delhi : M. D. Publications Ltd, 1994. – 101 p.

426. Ogden, C. K. The Meaning of Meaning: A Study of the Influence of Language upon Thought and of the Science of Symbolism / C. K. Ogden, I. A. Richards. – London ; New York : Routledge, 2001. – 386 p.

427. Perry, R. B. Realms of Value. The Critique of the Human civilization / R. B. Perry. – Harward : University Press, 1954. – 520 p.

428. Preston, M. J. Xerox-lore / M. J. Preston // Keystone Folklore. – 1974. – Vol. 19. – P. 11-23.

429. Renard, J.-B. Rumeurs et légendes urbaines / J.-B. Renard. – Paris : Presses Universitaires de France, 2013. – 128 p.

430. Roberts, K. G. Texturing the narrative paradigm: Folklore and communication / K. G. Roberts // Communication Quarterly. – 2009. – Vol. 52. – P. 129-142.

431. Rosch, E. Cognitive representations of semantic categories / E. Rosch // Journal of Experimental Psychology: General. – 1975. – № 104(3). – P. 192-233.

432. Serres, M. Hominescence / M. Serres. – Paris : Le Pommier, 2001. – 339 p.

433. Sevilla Muñoz, Julia. Les proverbes et phrases proverbiales français, et leurs équivalences en espagnol / J. Sevilla Muñoz // Langages. – 2000. – № 34/139. – P. 98-109.

434. Shannon, C. E. A Mathematical Theory of Communication / C. E. Shannon // Bell System Technical Journal. – 1948. – Vol. 27, № 3. – P. 379-423.

435. Smirnov, I. P. Оппозиция стихи / проза в литературоведческой концепции Б. М. Эйхенбаума / I. P. Smirnov // Revue des Études Slaves. – 1985. – № 57-1. – P. 105-112.

436. Stern, J. Metaphor in Context / J. Stern. – Cambridge (Mass.) ; London : MIT Press, 2000. – 406 c.

437. Winkel, A. van de. Les légendes urbaines de Belgique / A. van de Winkel. – Waterloo : Avant-Propos, 2017. – 312 p.

438. Wundt, W. Reden und Aufsätze / W. Wundt. – Leipzig : Alfred Kröner, 1913. – 397 S.

Материал языкового исследования

439. Анекдоты из России : [сайт]. – URL: https://www.anekdot.ru/search/ (дата обращения : 20.08.2024).

440. Городские легенды // Телеканал ТВ 3 : [официальный сайт]. – URL: https://tv3.ru/video/gorodskie-legendy (дата обращения: 20.08.2024).

441. Григорьев, А. Труба в трубе / А. Григорьев // Абарис. – 2008. – № 9. – С. 41-42.

442. Девочка решает задачу про огурцы : видео // VK Видео : [сайт]. – URL: https://vk.com/video-166171504_456244577 (дата обращения: 19.01.2025).

443. Демотиваторы на любой вкус : [сайт]. – URL: https://demotions.ru/ (дата обращения: 20.10.2024).

444. «Жадина-говядина»: закончите поговорку, и мы узнаем, откуда вы родом // Тонкости : [сайт]. – URL: https://tonkosti.ru/Журнал/«Жадина-говядина»:_закончите_поговорку,_и_мы_узнаем,_откуда_вы_родом?ysclid=m7hlr6of3s67342184 (дата обращения: 20.08.2024).

445. Жемчужины мысли : [сайт]. – URL: https://www.inpearls.ru (дата обращения: 20.10.2024).

446. Изнанка Города : просветительский проект : [сайт]. – URL: https://vk.com/iznankagoroda56 (дата обращения: 20.08.2024).

447. Интеллектуальный юмор // Сообщество ВКонтакте : [сайт]. – URL: https://vk.com/in.humour (дата обращения: 20.08.2024).

448. Истории из жизни : [сайт]. – URL: https://vk.com/dobrue_istorii (дата обращения: 20.08.2024).

449. КВН. Выпуски // Первый канал : [официальный сайт]. – URL: https://www.1tv.ru/shows/kvn/vypuski (дата обращения: 23.08.2023).

450. Колыбельные для всей семьи : международный социальный проект : [сайт]. – URL: https://dreamsong.ru/kolybelnye-pesni-dlya-detej-teksty (дата обращения: 20.08.2024).

451. Конотоп, И. М. Киноракурс хореографии Иржи Килиана / И. М Конотоп // Вестник Академии русского балета им. А. Я. Вагановой. – 2019. – № 5 (64). – С. 94-109.

452. Кто такой краш // Fishki.net : [сайт]. – URL: https://fishki.net/4204335-kto-takoj-krash (дата обращения: 20.08.2024).

453. Кудрявцев, А. Ю. Англо-русский словарь табуированной лексики и эвфемизмов / А. Ю. Кудрявцев, Г. Д. Куропаткин. – Минск : Кузьма, 2001. – 384 с.

454. Кузнецова, Т. Подростковый словарь – 2017. Слова, которые вы слышали в этом году от подростков, но стеснялись узнать их значение / Т. Кузнецова // Сноб, 2017 : [сайт]. – URL: https://snob.ru/entry/156179/ (дата обращения: 26.12.2024).

455. Лапша Медиа: проверяем и разоблачаем фейки : [сайт]. – URL: https://lapsha.media/ (дата обращения: 20.08.2024).

456. Мир анекдотов : [сайт]. – URL: https://www.anekdotovmir.ru (дата обращения: 20.08.2024).

457. Национальный корпус русского языка : [сайт]. – URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 20.07.2023).

458. Никулина, Е. Н. Богослужебный устав и гимнография : учебное пособие с хрестоматией / Е. Н. Никулина. – Москва : ПСТГУ, 2012. – 206 с.

459. «Но я и здесь молчать не стану» : Хазанову – 70 // Москва 24 : [сайт]. – URL: https://www.m24.ru/articles/kultura/01122015/91259 (дата обращения: 20.08.2024).

460. «Ну-ка, дети» – портал для детей и их родителей : [сайт]. – URL: https://nukadeti.ru/ (дата обращения: 20.08.2024).

461. Отзовик (отзывы на товары и услуги) : [сайт]. – URL: https://otzovik.com (дата обращения: 20.08.2024).

462. Песни-переделки на корпоратив, юбилей компании // Porgi. Ru. Удачный сценарий вашего праздника! : [сайт]. – URL: https://porgi.ru/pesni-peredelki/pesni-peredelki-na-yubilejj-kompanii/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F (дата обращения: 20.08.2024).

463. Песни-переделки под сюжет фильма «Властелин колец» // Хеннет Аннун : [сайт]. – URL: https://www.henneth-annun.ru/forum/showthread.php?t=470 (дата обращения: 20.08.2024).

464. Петров, Н. В. Зоино стояние: фольклорный сюжет и социальная реальность / Н. В. Петров // Традиционная культура. – 2018. – Т. 19, № 3. – С. 112-125.

465. Пикабу – информационно-развлекательное сообщество : [сайт]. – URL: https://pikabu.ru (дата обращения: 20.08.2024).

466. Подслушано у сердца // Вконтакте : [сайт]. – URL: https://vk.com/grustnopub (дата обращения: 20.08.2024).

467. Поздравления и тосты : [сайт]. – URL: https://www.stost.ru/ (дата обращения: 20.08.2024).

468. Православный юморист // ВК канал : [сайт]. – URL: https://vk.com/i_i_iytim (дата обращения: 20.08.2024).

469. Профессиональный жаргон // Геодезист : [сайт]. – URL: https://geodesist.ru/threads/professionalnyj-zhargon.18711/ (дата обращения: 20.08.2024).

470. Реально зарегистрированный разговор между испанцами и американцами на частоте «Экстремальные ситуации в море» навигационного канала 106 в проливе Финистерра (Галиция). 16 октября 1997 г. – URL: http://www.argolis-yacht.ru/Articles/Mayak_USA.htm (дата обращения: 20.08.2024).

471. Русские заговоры и заклинания : материалы фольклорных экспедиций 1953-1993 гг. / под редакцией В. П. Аникина. – Москва : МГУ, 1998. – 480 с.

472. Rutube : российский онлайн-сервис для хостинга и просмотра видео. – URL: https://rutube.ru (дата обращения: 20.08.2024).

473. Современный городской фольклор : методические указания и иллюстративный материал по проведению фольклорной практики студентов I курса филол. фак. / под редакцией О. В. Приемко. – Минск : БГУ, 2014. – 128 с.

474. Стояние Зои : чудо святителя Николая в Самаре / составитель А. Е. Жоголев. – Рязань : Зерна, 2010. – 144 с.

475. Тексты вокруг нас : анкета. – URL: https://docs.google.com/forms/d/e/1FAIpQLSceCd9SoJFkN-7HXHHhFwXB9m2S7AR9Xy4ER9mYol_USix1lg/alreadyresponded (дата обращения: 20.08.2024).

476. Топ крылатых фраз из фильмов. Популярные цитаты // SeViMi : [сайт]. – URL: https://sevimi.by/new/top-krylatyh-fraz-iz-filmov/ (дата обращения: 20.08.2024).

477. Ханькова, Е. Из деревни в интернет: современный русский фольклор / Е. Ханькова // Субкультура : [сайт]. – 26 сентября 2023. – URL: https://sub-cult.ru/chtivo/statji/14076-iz-derevni-v-internet-sovremennyj-russkij-folklor (дата обращения: 20.08.2024).

478. Хередать или кхеркать: особенные слова Пермского края // Перемена-Пермь : [сайт]. – URL: https://peremena-perm.ru/blogi/stati/heredat-ili-kherkat-osobennye-slova-permskogo-kraya (дата обращения: 23.02.2024).

479. Частушка / подготовка текста и примечания В. С. Бахтина. – Москва ; Ленинград : Советский писатель, 1966. – 607 с.

480. Чехов, А. П. Письма за 1875–1904 годы /А. П. Чехов // Anton-Chehov.info : [сайт]. – URL: https://www.anton-chehov.info/pisma-za-1887-god.html (дата обращения: 09.04.2025).

481. Bébé Coucouche en vidéo, sonnerie, images… – URL : https://coucouche.wordpress.com/2011/08/08/bebe-coucouche-s%E2%80%99amuse-avec-son-xylophone-colore/ (date of access: 20.08.2024).

482. Language Entropy Relates to Behavioral and Pupil Indices of Executive Control in Young Adult Bilinguals / F. van den Berg, J. Brouwer, Th. B. Tienkamp [et al.] // Frontiers in Psychology. – 2022. – 04 May. – Vol. 13. – URL: https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.864763 (date of access: 20.08.2024).

483. Boym, S. Common Places: Mythologies of Everyday Life in Russia / S. Boym. – Cambridge, Massachusetts : Harvard University Press, 1994. – 356 c.

484. Genius (music knowledge) : [website]. – URL: https://genius.com/Genius-about-genius-annotated (date of access: 20.08.2024).

485. Las 10 mejores leyendas rusas con explicación y significado // Psicología y Mente : [website]. – URL: https://psicologiaymente.com/cultura/leyendas-rusas (date of access: 20.08.2024).

486. Le top 10 des mots français tombés aux oubliettes // Babbel : [website]. – URL : https://fr.babbel.com/fr/magazine/10-mots-oublies-de-la-langue-francaise (date of access: 20.08.2024).

487. Lénine et la Révolution. Samedi 14 octobre 2017 // Radio France: société anonyme : [website]. – URL: https://www.radiofrance.fr/franceculture/podcasts/repliques/lenine-et-la-revolution-2824400 (date of access: 20.08.2024).

488. Plasketes, G. Play It Again: Cover Songs in Popular Music / G. Plasketes. – New York : Routledge, 2016. – 280 p.

489. Summa theologica. Angelici doctoris Sancti Thomae Aquinatis // The Latin Library : [website]. – URL: http://www.thelatinlibrary.comshtml (date of access: 20.08.2024).

490. Top 10 des métiers du futur: devenez clapotiseur, numéropathe ou murateur. // Terra Femina : [website]. – URL: https://terrafemina.com/emploi-a-carrieres/vie-travail/articles/25797-top-10-des-metiers-du-futur-devenez-clapotiseur-numeropathe-ou-murateur-.html (date of access: 20.08.2024).

Материал из частных архивов

491. Полевой материал – массив собранных постфольклорных текстов / составитель Л. Е. Ильина. – 2014-2024 гг.

492. Результаты психолингвистического эксперимента и лингвокультурного анкетирования / составитель Л. Е. Ильина. – 2014-2024 гг.

493. Частный архив Е. М. Савиной / составитель В. И. Склянкина.

494. Частный архив Л. Е. Ильиной / составитель Л. Е. Ильина.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Сводная таблица результатов диахронического анализа

(фрагмент, сокращено)

Слово	Толкование (психолингв. эксперимент)	Этимологический анализ и толкование (словари)	Корпусный и контекстуальный анализы		Вывод
			Текстов/ примеров	Самая ранняя/ поздняя фиксация, смысл	
ломиться	стучать (громко, нагло) в дверь, вломиться (ввалиться) в комнату	от *лом* (Фасмер): ломать так, чтобы не распадалось на части	1333/ 1790	1709: древо финиковое, которое под тяжестию не ломится 2004: ломится от яств/ломиться в дверь	Параллельно продолжают существовать оба смысла
раздача / попасть под раздачу	подвергнуться наказанию, выговору попасть под горячую руку получить по полной	действие по глаголу *раздавать*/ фразеологизм (Буланин, 2014): подвергнуться избиению, наказанию, выговору	1533/ 2326	1748: великая раздача книг в подарки 2003: раздача воздуха… Зачем же государству и гражданам такое количество виртуальных, неэффективных льгот?	Энантиосемия
шерстить	обыскивать; искать что-то запрещенное. Менты шерстят всех на дорогах.	от *шерсть, щетина, жесткий, шершавый, шевелиться* (Даль): копаться, производя шорох, подскребывать, шелестеть	67/ 74	1905: подскребывать/ 2014: искать повсюду	Ухудшение смысла, перенос
душегрейка	меховая женская безрукавка; меховая поддевка без рукавов	*душа+греть* (Ушаков): женская теплая кофта без рукавов	29 /50	1841 меховая женская безрукавка 2013=	Смысл сохраняется на протяжении 200 лет
ушлепок	придурок, никчемный человек, дрянной человек, ни на что не способный	*возможно:* по аналогии с *утырок, ублюдок* (Даль): отсутствует (Сл. синонимов): дурак, лох, лузер	12/13	2002: никчемный человек 2019 =	Неологизм (инвектив): смысл сохраняется